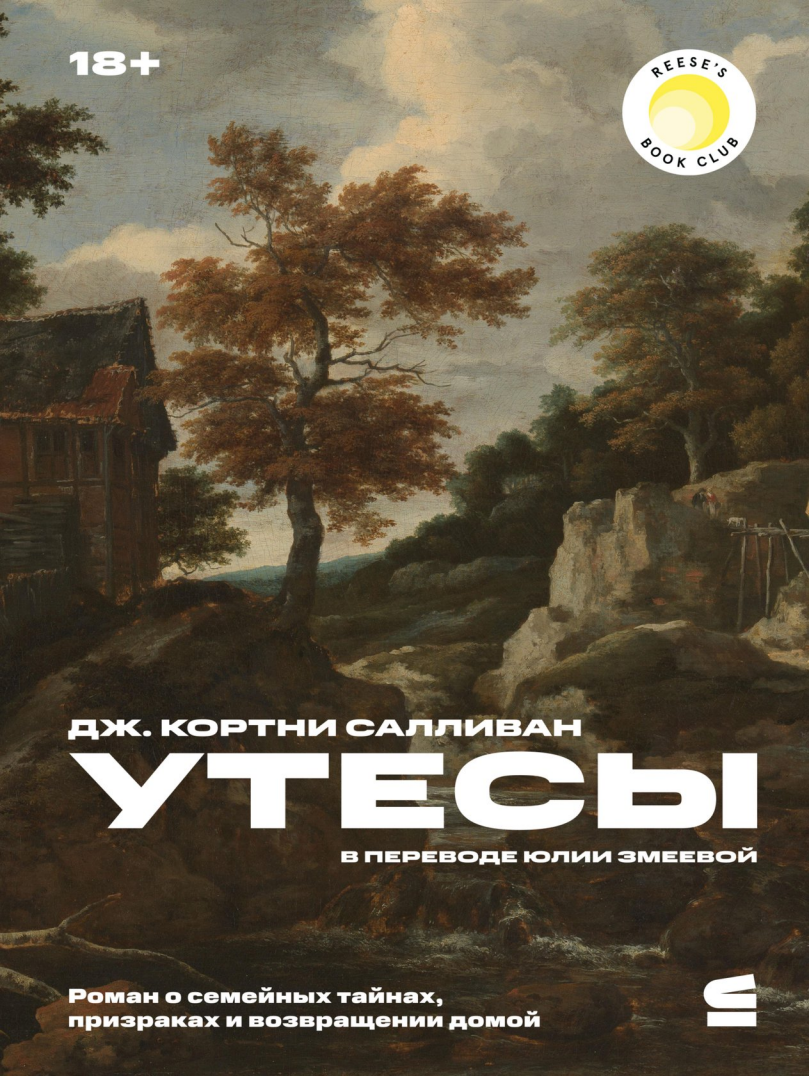
18+
REESE'S BOOK CLUB
ДЖ. КОРТНИ САЛЛИВАН
УТЕСЫ
В ПЕРЕВОДЕ ЮЛИИ ЗМЕЕВОЙ
Роман о семейных тайнах,
призраках и возвращении домой

Утесы

Дж Кортни . Салливан

Аннотация
Дж. Кортни Салливан. Утесы
Пролог
1. Женевьева
2. Джейн
3
4
5
6
7. Мэрилин
8. Джейн
9
10. Элиза
11. Джейн
12
13
14
15. Наоми
16. Джейн
Благодарности
Об авторе

Аннотация

На утесе с видом на океан викторианский особняк вот уже несколько столетий хранит тайны женщин, что когда-то в нем жили. Ныне заброшенный, для юной Джейн он становится убежищем, местом, где она скрывается от проблем с матерью.

Годы спустя Джейн возвращается в родной штат Мэн, чтобы подготовить дом матери к продаже. По официальной версии. Правда же в том, что она только что разрушила и свою карьеру архивариуса, и свой брак, и теперь пытается залечь на дно.

Джейн с ужасом обнаруживает, что «ее» особняк теперь едва узнаваем: новые владельцы стерли с фасада всю многовековую историю, и теперь он похож на чудовище со страниц глянцевых журналов. Но несмотря на внешний лоск, дом наводит на жильцов ужас: кажется, в нем обитают призраки. Новые владельцы обращаются к Джейн с просьбой исследовать историю бывших обитателей дома. Правда, которая ей открывается, – об украденных артефактах,

неупокоенных душах, любви, что сгинула в море и длинной тени колониализма – даже старше, чем сам штат Мэн.

Три факта о книге:

1. Выбор REESE'S BOOK CLUB – одного из самых авторитетных книжных клубов.

2. Дом на краю скал, где прошлое звучит громче настоящего.

3. Пронизанная юмором и жизнью проза, вселяющая надежду, что все можно починить.

Дж. Кортни Салливан
Утесы

Донне Лоринг с благодарностью и восхищением
В память о Деанне Торберт Даннинг

© 2024 by J. Courtney Sullivan. All rights reserved. This edition is published by arrangement The Book Group.
© Дж. Кортни Салливан, 2025
© Юлия Змеева, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2025

Пролог

Заброшенный дом хранил много тайн. Странный это был дом. Когда-то его любили, но почему-то бросили, и теперь он стоял и разрушался.

Впервые Джейн заметила его с моря. Ей тогда было семнадцать; она работала гидом на катере Эйба Адамса. Раньше Эйб ходил на нем ловить лобстеров, а теперь возил туристов на закатные прогулки с коктейлями.

За три месяца до этого, в конце апреля, в пятницу, ее впервые в жизни вызвали к директору. С гулко бьющимся сердцем Джейн шагала по пустым коридорам, старалась ступать мягко, но стук ее шагов отдавался от линолеума и пугал. Тогда ей нравилось быть незаметной. Она шла, краснела и места себе не находила: что такого она натворила? Почему ее вызвали?

За столом под флуоресцентной лампой сидела полная секретарша с жесткими, как мочалка, волосами. Она улыбнулась и радостно указала на открытую дверь директорского кабинета, а Джейн подумала, не испытывает ли секретарша садистское удовольствие, подслушивая, как за

тонкой стенкой ее начальник распекает старшеклассников.

Напротив директора устроились учителя Джейн по английскому и обществознанию. Все трое улыбались. Ее вызвали «сообщить прекрасную новость»: Джейн попала в почетный список из двадцати пяти школьников штата Мэн, выбранных для участия в летней программе Бейтского колледжа. Это очень престижно. Потрясающая возможность. Если Джейн согласится, в следующем году у нее будет гораздо больше шансов поступить куда угодно. Пройденный семинар учтут как дополнительные баллы, она сможет погрузиться в выбранную тему и изучить ее намного глубже, чем в школе, даже на подготовительных курсах для поступления. На днях ее мама получит письмо, где все написано, но им не терпелось сообщить ей лично.

Джейн сразу подумала: жаль, нельзя бабушке рассказать. Потом пошла домой и стала ждать, пока мать поднимет тему.

Прошло пять дней, а мать молчала. Каждый день, приходя домой из школы, Джейн просматривала распечатанную почту на кухонном столе, но никакого письма из колледжа не находила. Она представила, как мать его прячет, сжигает

или выбрасывает.

Наконец Джейн не выдержала и прямо спросила мать, получила ли та письмо.

— Да, — как ни в чем не бывало ответила та. — Не знаю, Джейн. Это дорого. Похоже на развод.

Джейн объяснила, что программа бесплатная: оплачиваются даже учебники и проезд.

— Бесплатный сыр только в мышеловке, — ответила мать. — Они тебя используют.

— Зачем? — возмущенно спросила Джейн.

— Тебе все равно придется работать летом, — сказала мать. — Не отвертишься.

— Я хоть раз пыталась отвертеться? — фыркнула Джейн и вполголоса добавила: — Скорее бы свалить из этого дома.

— Куда собралась сваливать? — процедила мать. — Дай ручку. Карту нарисую.

Джейн пошла в комнату, где они жили со старшей сестрой, и хлопнула дверью. Холли лежала в постели и читала журнал. На Джейн она даже не посмотрела.

Эллисон, лучшая подруга Джейн, испекла поздравительные брауни и купила набор ее любимых шариковых ручек. Их с Эллисон дружба доказывала, как много в жизни зависит от случая: подруга никогда бы не заговорила с Джейн, если

бы на первом году обучения в старших классах им не выделили один шкафчик; а перейти в новую школу Джейн пришлось, потому что незадолго до этого в том же году ее бабушка умерла и они с матерью и сестрой переехали в бабушкин дом в Авадапквите.

Раньше они жили с бывшим приятелем матери на съемной квартире в Уорчестере, Массачусетс. Это было странное соседство. Мать с бывшим расстались несколько месяцев назад, но никто не хотел съезжать с квартиры. Он целыми днями лежал на диване в гостиной, а Джейн и Холли ходили вокруг него на цыпочках. Когда проблема решилась, мать обрадовалась, хотя бабушкин дом ей не нравился. Она не могла отказаться от этого наследства, однако оно сделало ее заложницей родного городка, откуда мать когда-то мечтала сбежать навсегда.

Джейн не знала, какой дьявол вселился в Эллисон, что та решила разговорить ее, засыпать вопросами и пригласить в гости. В школе все знали друг друга с рождения, или так Джейн казалось, и все хотели с Эллисон дружить. Но она почему-то выбрала Джейн, заучку, новенькую, ту, которая читала книжки на автобусной остановке перед школой, потому что любила читать книж-

ки, а еще потому, что пыталась таким образом скрыть свое одиночество.

У родителей Эллисон была гостиница. Они состояли во всех местных советах и комитетах, по вторникам устраивали бинго в пожарной части, а зимой собирали всех в школьном спортзале и безвозмездно угощали оладушками. Папа Эллисон тренировал команды по бейсболу и хоккею. Несмотря на свою занятость, они всегда были рады видеть Джейн. Расспрашивали о ее жизни, особенно мама Эллисон, Бетти, которая гордилась Джейн, как не гордилась ее собственная мать.

За три года знакомства с Эллисон Джейн чаще ужинала у нее, чем у себя дома. К Джейн домой они никогда не ходили: подруга будто чувствовала, что этого делать не стоит, и Джейн была ей за это признательна.

Мать всегда жаловалась, что у нее нет сил, хотя Джейн не понимала, отчего она так устает. Она не справлялась с простыми жизненными проблемами, с которыми у других взрослых получалось справляться само собой. Когда Джейн спрашивали, кем работает ее мать, она врала. Заявляла, что она бухгалтер, и мать действительно когда-то им была, только очень давно, еще до того, как у Джейн появились первые воспоминания. Мать

до сих пор иногда заговаривала об этой работе, да в таком ключе, будто планировала однажды вернуться.

Но на самом деле она ходила на гаражные распродажи и с небольшой наценкой перепродавала купленный там хлам. Можно сказать, это и была ее работа. Она закупалась в субботу и воскресенье, а по понедельникам относила находки в местные комиссионки и просто разным людям, пытаясь пристроить их с прибылью. Остаток времени сидела дома и трепалась по беспроводному телефону с очередным ухажером, пила пиво и обводила в газете адреса и даты следующих гаражных распродаж. Или перебирала хлам на кухонном столе.

Никому не нужные вещи, которые спихнуть не удалось, оставались на кухне и в гостиной, захламляя все свободное место. На столах и комодах стояли вазы со старыми значками, призывающими голосовать за давно забытых кандидатов, клипсами, бейсбольными карточками, севшими батарейками и шнурами от потерянных приборов. А на лужайке под брезентом гнили трехногие кофейные столики, велосипеды без цепей и бог знает что еще.

В первый день занятий в Бейтском колледже

Джейн очень нервничала. Эллисон вызвалась ее проводить и села с ней в автобус. После Джейн каждый день садилась в автобус и проезжала полтора часа уже одна. Так продолжалось весь июль, за исключением суббот и воскресений. Джейн высаживалась возле импозантного кампуса, где под сенью ветвистых зеленых деревьев стояли корпуса из красного кирпича. Всю дорогу туда и обратно она читала; ее распирало от гордости, и казалось, что другие пассажиры могли прочесть это в ее глазах.

Семинар, который выбрала Джейн, назывался «Первые женщины в литературе». Его вела профессорша, дама лет шестидесяти пяти с короткой стрижкой. На первом занятии она написала на доске: «Большинство имен со временем никто не вспомнит». Преподаватель назвала имена писательниц шестнадцатого века, которые уже тогда записывали истории своей жизни, хотя для женщины того времени занятие литературой считалось неприемлемым. Но именно благодаря записям их имена остались в веках. Джейн очень понравилась эта мысль. Она глотала стихи Люси Кавендиш и дневники Анны Клиффорд, в которых та детально описывала все подробности своего существования.

На четвертой неделе занятий в среду вечером разразилась гроза. Джейн любила гром и молнию. Она забралась под одеяло в кровати, читала до полуночи и слушала дождь. Она была счастлива. Дважды отключали электричество, но через минуту включали.

Наутро по пути к автобусной остановке Джейн увидела несколько упавших деревьев — жертв стихии, что разбушевалась ночью. Но над головой сияло голубое небо, грозы словно и не бывало.

Она приехала в колледж раньше времени и возле аудитории случайно подслушала, как ее профессорша с кем-то разговаривала.

— Одна ученица, Джейн, умнее и любознательнее многих моих второкурсников и третьекурсников, — сказала преподаватель. — Видела бы ты, какие эти дети умные. Я так рада, что согласилась вести этот курс. Цель программы — показать мотивированным детям из неблагополучных семей, что такое колледж, чтобы они стали первыми в своем роду с высшим образованием. Мы помогаем разорвать порочный круг.

Джейн ничего об этом не знала. Ей захотелось возразить, сказать профессорше, что та ошибается, потребовать объяснить, в чем, по их мнению, заключается неблагополучие ее семьи. Но она

понимала. Ее воспитывала пьющая безработная мать-одиночка. Старшая сестра Джейн оказалась в заголовках новостей, когда напилась с какими-то ребятами и угнала лодку, а проснувшись на следующий день в камере, утверждала, что ничего не помнит.

Джейн думала, что, попав в летнюю программу, доказала матери и сестре, что она другая. Теперь же она уяснила, что все наоборот: ее происхождение сыграло решающую роль, и так будет всегда.

В тот день в автобусе Джейн не читала, а просто смотрела в окно. Хуже всего было понимать, что мать знала, почему ее выбрали. Поэтому и не сказала про письмо. Джейн устыдилась, ведь выходит, из-за нее мать ткнули носом в собственные изъяны. С другой стороны, она злилась на мать за ее никчемность.

Придя домой, Джейн плакала в ду́ше, пока не истратила горячую воду. Потом переоделась в рабочую форму — светло-коричневые брюки и белую рубашку на пуговицах — и явилась на причал без опозданий, за пять минут до закатной прогулки в семь ноль-ноль. Как ни в чем не бывало улыбнулась Эйбу, хозяину катера.

Два предыдущих лета Джейн работала на дневных прогулках; ее клиентами были в основном

родители, нагруженные колясками, солнцезащитным кремом и бумажными стаканчиками с кофе. Джейн помогала им вместе с восторженными малышами подняться на борт и четыре раза в день жизнерадостно повторяла один и тот же набор фактов в шипящий проводной микрофон, каждый раз вызывая одну и ту же реакцию.

Джейн говорила: «Пешеходный мостик Авадапквита — единственный в своем роде во всех Соединенных Штатах». Пассажиры переглядывались, кивали и отвечали: «Хм, любопытно».

Она говорила: «Раньше в Мэне водилось столько лобстеров, что заключенным в тюрьмах давали их на завтрак, обед и ужин. Но реформаторы сочли это неоправданной жестокостью и выступили против этого обычая. Поэтому сейчас законом штата Мэн запрещено подавать заключенным лобстера чаще двух раз в неделю». Тут пассажиры смеялись, ведь не далее как вчера сами отвалили почти двадцать баксов за стограммовую порцию твердопанцирного лобстера.

Когда катер отплывал далеко от берега, Эйб поднимал из воды одну из ловушек, и Джейн выбирала самого внушительного лобстера и давала всем рассмотреть. Она размахивала скользкой тварью у детишек перед носом, а те по очереди

хватали лобстера за извивающиеся клешни и усики или с визгом прятались у матери под мышкой. Всегда одно из двух.

Тем летом Эйб предложил ей сопровождать вечерние прогулки, так как днем она занималась. Джейн об этом мечтала: вечерние туристы давали больше чаевых, детей с собой не приводили, и им не надо было показывать лобстера. Парочки потягивали водку с клюквенным соком из прозрачных пластиковых стаканчиков, а Эйб подводил катер ближе к скалистому берегу, чтобы туристы могли поглазеть на роскошную прибрежную недвижимость: дома, стоявшие в глубине и скрытые от посторонних глаз высокими деревьями. С трассой их соединяли извилистые подъездные дорожки, и разглядеть их можно было только с моря.

Тем вечером через пятнадцать минут после начала прогулки небо окрасилось в необыкновенный оранжевый цвет. Джейн не переставала думать о том, что сказала о ней профессорша.

Внешне она никак не выдавала своего расстройства и вела экскурсию как обычно.

Она показала туристам маленький островок, расположенный примерно в четверти мили от утесов, где на скалах гнездились морские котики. Официально он именовался островом Святого

Георгия, но Джейн никогда не слышала, чтобы его так называли. Он был таким маленьким, что не заслуживал отдельного названия. В сильный шторм он целиком погружался под воду.

— Слева от вас — остров Святого Георгия, названный так британским исследователем Арчибальдом Пемброком в тысяча шестьсот пятом году, когда он открыл эту часть света, — проговорила она.

На самом деле она не знала, правда ли это. Она видела карту экспедиции Пемброка, и конечной точкой на ней значилось место примерно в трехстах милях к югу. Она сказала об этом Эйбу, и тот ответил, что Пемброк, скорее всего, высаживался в разных местах. Джейн решила, что Эйб просто не хочет углубляться в эту историю, ведь тогда понадобится переписывать сценарий экскурсии.

Хотя вопрос о том, бывал ли Пемброк в этих краях, оставался открытым, в 1930 году люди из местного общества любителей старины установили на острове небольшой памятник в честь триста двадцать пятого юбилея экспедиции. Памятник сохранился; издалека его было почти не видать, и он слился бы со скалами, если бы чайки не выбрали его своей жертвой. Чаячий помет покрывал его, как белая краска; надпись было

уже не разобрать.

Джейн упомянула о памятнике, но тут одна из туристок, сидевшая в первом ряду, тронула мужа и указала в противоположную сторону, на утесы.

— Жутковатый дом, — сказала она.

Она произнесла это так громко, что Джейн замолчала и повернулась посмотреть. Она знала, что напротив острова на мысе, нависшем над морем, стояли две большие сосны и по обе стороны тянулись неухоженные живые изгороди.

Но теперь она увидела, что одна из сосен упала во время вчерашней грозы. Корни торчали вверх, как рука с длинными скрюченными пальцами. Возник просвет, и через него Джейн разглядела дом: бледно-лиловый, очень старый, с башенками и изящным каменным бордюром, окрашенным кое-где в зеленый цвет, а кое-где в синий. Ставня в окне верхнего этажа болталась на петлях и, казалось, в любой момент могла упасть. Окно было разбито. В нем развевалась белая занавеска.

Туристка была права. Дом действительно выглядел жутковато. Но Джейн почему-то сильно захотелось пойти туда и осмотреться. Ее привлекали заброшки. Места, где когда-то бурлила жизнь, а теперь остановилась. В Новой Англии было много таких мест: заколоченные фабрики

и государственные психиатрические лечебницы; покинутый парк аттракционов, где они с сестрой однажды залезли на самый верх американских горок по перекладинам.

Джейн считала себя крайне законопослушной. Она никогда бы не стала красть в магазинах, в жизни не проехала бы на красный. Даже пиво никогда не пила. Но проникновение в заброшки почему-то не воспринималось как преступление. Для нее это была своего рода дань уважения прошлому.

Наутро, готовясь к занятиям, Джейн думала о лиловом доме и решила, что никто не заметит, если она всего раз пропустит семинар.

Мать спала в гостиной на диване, телевизор работал с прошлой ночи, на столе валялись четыре пустые пивные банки. Вчера поздно ночью Джейн слышала, как мать вернулась.

Джейн остановилась и посмотрела на нее. Мать была красивой, но выглядела не так, как должны выглядеть женщины ее возраста. Она одевалась как двадцатидвухлетние барменши из лобстерной Чарли — топы с глубоким вырезом, лифчики с поролоном. Густо подводила глаза, красила губы розовой помадой и курила, отчего ее кожа ссохлась, как пергамент.

Джейн иногда представляла, что случится нечто вроде «Чумовой пятницы»[1] и ее мать поменяется местами с Бетти Кроули, мамой Эллисон: проснется однажды и обнаружит, что стоит у плиты в опрятном сарафане и ортопедических сандалиях и переворачивает яичницу.

Мать шевельнулась.

Джейн схватила рюкзак, села на велик и уехала.

Она ехала по Шор-роуд и сворачивала на все подъездные дорожки к частным домам, а заметив признаки жизни — фургончик или женщину в саду, — разворачивалась и гнала обратно. В лиловом доме точно никто не жил, в этом она не сомневалась.

Через сорок минут она его нашла. Сначала пропустила поворот: лишь ржавый почтовый ящик на углу Шор-роуд указывал, что в глубине стоит дом. Джейн прокатилась по проселочной дороге под навесом из крон, затенявших солнце, и выехала на большой участок на самом мысе с видом на океан. Там стоял лиловый особняк и такого же цвета амбар. Лужайка заросла. Рододендроны у дома бесконтрольно расползлись и увили стены

---

[1] Примечания: 1

«Чумовая пятница» — фильм 1995 года, по сюжету которого мать и дочь меняются телами. *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

до окон второго этажа.

Джейн будто перенеслась в детство и ощутила будоражащее волнение; казалось, в любой момент из-за дерева может кто-то выскочить. От страха волосы наэлектризовались, хотя она знала, что реальной опасности нет.

Джейн подошла к крыльцу, проверяя, не прогнили ли доски. Возле двери была табличка исторического общества с именем первого хозяина дома и датой — 1846 год. Джейн заглянула в гостиную через окно. Стены были сплошь увешаны абстрактными полотнами: все свободное место было занято. Над камином висел портрет двух молодых женщин с кислыми лицами. Два зеленых бархатных дивана стояли на роскошном ковре. В уголке она заметила детский кукольный домик.

По другую сторону от двери тоже было окно; заглянув туда, Джейн увидела обеденный стол, стулья и хрустальную люстру на потолке. Там же располагался выход в коридор; балконные перила второго этажа обрушились и перегораживали проход, как железнодорожные рельсы. Настенная роспись от пола до потолка изображала закат над океаном.

Джейн немного прошлась по территории. В

сосновой роще возле дома на самом краю участка наткнулась на небольшое кладбище — несколько старых раскрошившихся надгробий.

Погуляв, Джейн села и прислонилась спиной к поваленной сосне. Заросший густой травой мыс торчал над водой, как толстый большой палец. Напротив темнел остров Святого Георгия; он был так близко, что при желании она могла бы добраться до него вплавь. Джейн провела ладонью по спутанным корням. Вид поваленного дерева всегда вызывал у нее благоговение и грусть: подумать только, сколько всего повидала эта сосна на своем веку.

Джейн достала из рюкзака книжку и начала читать заданное на завтра. Она пробыла там до вечера. В последующие недели она прочитала все книги по программе, сидя на траве у лилового дома, пока не приходило время идти на работу. В Бейтский колледж она больше не вернулась.

Когда Джейн привела Эллисон посмотреть на дом, то уже выяснила, что задняя дверь не заперта. Но лишь в компании подруги отважилась впервые зайти внутрь.

— Жуть как хочется подняться наверх, — сказала Джейн. — Но я боялась провалиться сквозь пол и переломать ноги.

— А как мое присутствие застрахует тебя от этого? — спросила Эллисон.

— Никак, — ответила Джейн. — Но ты сможешь позвать на помощь.

— Таких глупостей от тебя я еще не слышала.

Но Эллисон все равно зашла в дом вслед за Джейн. Они заглянули в шкафы на кухне и обнаружили там аккуратные стопки тарелок и продукты со сроком годности, который вышел двадцать пять лет назад, в 1968 году. Мыши прогрызли коробки с хлопьями и рисом, жестянки с кофе и печеньем. Все шкафы были в помете, пожеванной бумаге и крошках.

На полках кладовой поблескивал хрусталь и стекло всевозможных размеров и форм: салатники, кубки, блюда, солонки.

— Жуть какая, — бросила Эллисон. — Пошли на улицу.

— Давай сначала поднимемся наверх, пожалуйста, — сказала Джейн почему-то шепотом.

— А вдруг мы обе провалимся и сломаем ноги? — Они зашли в коридор, перегороженный сломанными перилами.

Об этом Джейн не подумала. Они все равно поднялись. От перил осталась лишь потрескавшаяся нижняя часть перекладин, из которых торчали

щепки. По полу были разбросаны стеклянные шарики и осколки стекла.

— Какого хрена, — ругнулась Эллисон.

Они вошли в спальню. Кровать была разобрана. В шкафах висела одежда. На прикроватном столике лежала открытая книга в твердой обложке; на полу высилась стопка журналов «Лайф».

Должно быть, хозяин дома умер внезапно. Но почему с тех пор в дом никто не заглядывал? Джейн вспомнила слова профессорши: «Большинство имен со временем никто не вспомнит».

— Ты просто ненормальная, что одна сюда приходила, — сказала Эллисон. — Тут какой-то чертовщиной веет, не чувствуешь, что ли?

Джейн не чувствовала. Напротив, впервые со смерти бабушки ей было спокойно. Как будто кто-то за ней присматривал.

Когда они с Эллисон в чем-то расходились, Джейн всегда списывала это на свою ущербность. Списала и в этот раз. Возможно, особняк не казался ей жутким в сравнении с ее жилищем, где все орали друг на друга, теснились и вели себя непредсказуемо. Лиловый дом был полной противоположностью.

Размеры ее собственного дома вынуждали Джейн жить в чрезмерной близости с матерью и

сестрой, и ей отчаянно не хватало личного пространства. С любого места слышался телевизор, шум холодильника, телефонные разговоры, происходящее в ванной. Когда мать жарила бекон, запах копченого дыма не выветривался с одежды Джейн несколько дней.

Однажды она допустила ошибку и привела в лиловый дом сестру. Они сидели на утесе, а Холли повторяла, как здорово, что отсюда виден весь город, но тебя не видит никто. Джейн, вздрогнув, поняла, что именно так всегда себя чувствовала в Авадапквите.

Вечером Холли рассказала обо всем за столом, и мать набросилась на них:

— Чтобы больше туда не ходили, ясно?

При этом у нее было такое лицо, будто Джейн специально отправилась туда, чтобы ей досадить.

— Но почему? — спросила Холли.

— По кочану.

Джейн не стала докапываться до причин. Скорее всего, их не было; просто ко всему, что делала Джейн, мать привыкла цепляться. Или представляла, как дочери закатят там дикую пьянку, какую устроила бы сама, попадись ей пустой дом.

Джейн проигнорировала запрет. Она вернулась в дом и ходила туда всю осень и весну, а потом и летом после выпускного. Иногда приводила с собой Эллисон, и они болтали вдали от чужих ушей. Но вскоре у Эллисон появился Крис, и Джейн все чаще оказывалась в доме в одиночестве. Она читала в тишине, сбегала от скандалов, смотрела на океан. Понимала, что дом ей не принадлежит, но почему-то чувствовала себя там на своем месте.

В сентябре она уехала из Мэна в колледж и на много лет забыла о лиловом доме. Не заглядывала туда, даже когда возвращалась домой на каникулы. Она вспомнила о нем, когда познакомилась с Дэвидом; ей стало любопытно, купил ли кто-то этот дом и стоит ли он на прежнем месте.

Джейн поступила в Уэслианский колледж в Коннектикуте и попала в зазеркалье, населенное людьми, которые с детства купались в деньгах. Она читала Джордж Элиот, Вирджинию Вульф и Шекспира, полюбила бурбон и красное вино и стала выпивать каждый вечер. Не как мать, конечно, — в отличие от матери, Джейн умела остановиться и не пускаться во все тяжкие. Чаще всего.

После колледжа она поступила в Йель, получила степень магистра и доктора философии.

Сначала работала ассистенткой в Доме-музее Эмили Дикинсон в Амхерсте, потом младшим архивистом в отделе специальных коллекций Колледжа Уэллсли. В двадцать восемь получила работу мечты в Кембридже, в библиотеке Шлезингеров[2] Института перспективных исследований Рэдклиффа при Гарвардском университете.

У Джейн были друзья, круг общения, но, как и прежде, она оставалась очень независимой. Предпочитала жить в крошечной студии, а не снимать квартиру с соседями. Ужинала все время одна, садилась за барную стойку и брала с собой книгу даже вечером в субботу. («Я бы никогда так не смогла», — отозвалась Эллисон, когда Джейн ей об этом рассказала.) Когда наконец накопила денег на путешествие по Франции и Испании, поехала тоже одна и радовалась, что не приходится ни с кем согласовывать планы, а можно смотреть и делать только то, что хочется ей самой.

В период с двадцати до тридцати она изредка бывала на свиданиях, но большинство проходили ужасно, и лишь количество выпитого делало их сносными. Пару раз Джейн просыпалась в

---

[2] Примечания: 2

Библиотека Артура и Элизабет Шлезингер по истории женщин в Америке — крупнейший архив документов, охватывающих жизнь и деятельность женщин в США.

постели с чужим человеком и не могла вспомнить, как там оказалась. Подобное поведение ее тревожило. Но она рассудила, что молода и свободна; большинство ее ровесников вели себя так же. Джейн ни разу не пропустила ни дня на работе, даже никогда не опаздывала. Похмелье не мешало ей выбираться на пробежку: каждое утро она пробегала пять километров. Это была ее лакмусовая бумажка: так Джейн понимала, что у нее все под контролем.

В двадцать семь у нее случились первые и единственные серьезные отношения с шеф-поваром Андре. Он был забавным и симпатичным, но рядом с ним Джейн ловила себя на мысли, что ведет себя в точности как мать. Это пугало. Больше всего на свете она боялась стать похожей на мать. Некоторые люди жили по принципу «как бы поступил Иисус», а Джейн в любой ситуации задавала себе вопрос: «Как бы *не* поступила моя мать?» Они с Андре сблизились после многочисленных текил и ночных посиделок в барах, но эта близость оказалась ложной. Через полгода после знакомства Джейн к нему переехала, хотя они постоянно ссорились. Еще через три месяца съехала. Во время прощального пьяного скандала Андре рыдал, а Джейн грозилась поджечь его

детского плюшевого мишку.

После расставания она чувствовала себя уничтоженной. Она никогда не испытывала ничего подобного, и все же ситуация была ей хорошо знакома. Романтические отношения всегда вредили ее матери, жизнь той становилась хуже, чем прежде. Джейн решила, что безопаснее и благоразумнее всего не заводить отношений. Никогда даже не пробовать зайти в эту реку. Джейн нравилась себе сдержанной, собранной, неуязвимой. Она хотела быть такой всегда.

Ее планы нарушил Дэвид.

Они познакомились за несколько месяцев до ее тридцатилетия. Их свела Мелисса, начальница Джейн из библиотеки Шлезингеров. Джейн восхищалась Мелиссой и прислушивалась к ее мнению. Дэвид был ее близким другом, профессором экономики и на четыре года старше Джейн.

— Он классный, — сказала ей Мелисса накануне первого свидания. — Если бы меня это интересовало, он был бы одним из трех мужчин на этой планете, с кем я согласилась бы встречаться. Он добрый, у него есть чувство юмора, он бегает марафоны, любит детей… Джейн, он пироги печет! Серьезно, Джейн, он как Перл, только мужчина.

Перл и Мелисса жили вместе. Перл работала в

соцсфере, отличалась трудолюбием и преданностью своему делу, при этом умела наслаждаться жизнью так, как мало кому удавалось. Каждый год они с Мелиссой устраивали грандиозную рождественскую вечеринку. У них был прекрасный дом в районе Джамайка-Плейн. Не показушно-роскошный, а теплый, уютный и практичный. Было видно, что в доме живут счастливые люди.

— Только будь с ним нежнее, — предупредила Мелисса. — Дэвиду пришлось нелегко. Бывшая жена ему изменяла. Обманывала его много лет. Он знал, но притворялся, что ничего не замечает. А потом все обрушилось. Это был кошмар.

— Бедняга, — сказала Джейн, а сама подумала: «Ну вот блин, порченый товар».

Дэвид оказался в точности таким, как описывала Мелисса. И вдобавок очень красивым. Вылитый Роберт Редфорд из «Какими мы были»: мечтательная улыбка, взъерошенная белокурая шевелюра. Он действительно казался находкой, и Джейн льстило, что Мелисса решила, будто они подходят друг другу. Но синдром самозванца не давал ей покоя: ей чудилось, что она обманывает их обоих, что порченый товар — она сама, и рано или поздно Дэвид это поймет.

С первой минуты знакомства они почти не

расставались: занимались сексом, гуляли по Чарльз-стрит и разговаривали по несколько часов подряд. В квартире Дэвида всю стену от пола до потолка занимали книжные полки; на них не было ни одного просвета. Джейн нравилось читать надписи на корешках: ей казалось, так она узнает Дэвида лучше. Иногда Джейн становилось любопытно, какие из этих книг принадлежали его бывшей жене. В ней проснулась иррациональная ревность к женщине, которую она никогда не видела, ведь та когда-то с ним жила. Вместе с тем она была благодарна ей за то, что она отпустила Дэвида.

По субботам Джейн с Дэвидом не вставали с кровати до четырех дня, пока не начинали умирать с голоду. Тогда они шли во французское бистро и брали чизбургеры, шоколадный торт и бутылку вина, будто планировали наесться впрок и уйти на зимовку. Джейн оглядывалась и видела женатые пары, которые не разговаривали друг с другом и пялились в телефоны, скандалящих родителей малышей, парочки на первом свидании, которым явно было неловко вместе. Ей было их жаль. Джейн хотелось думать, что никто из них никогда не испытывал такого взаимопонимания, как они с Дэвидом. Возможно, никто на планете

никогда не встречал такую идеальную пару.

Через три месяца после знакомства Дэвид захотел, чтобы на День благодарения она пригласила его домой и познакомила с семьей. Джейн предложила несколько альтернативных вариантов — отметить День благодарения на Карибах или в Нью-Йорке, — но Дэвид настаивал. Наконец Джейн согласилась, а он испек тыквенный пирог, чтобы она не передумала в последний момент.

Всю дорогу до Мэна в голове крутилась мысль: «Теперь он поймет, кто ты такая».

Пока они стояли в пробках, Джейн рассказала ему о прошлых Днях благодарения.

Однажды, когда они с Холли были совсем маленькими, пьяная мать вырубилась на диване еще в полдень; они украсили ее боа из перьев и стикерами с блестками и стали фотографировать на одноразовый фотоаппарат. Бабушка увидела и велела прекратить.

В другой год мать поругалась со своим парнем-неудачником, пока они смотрели парад по телевизору. Парень встал и сказал, что идет в туалет, а на самом деле ушел навсегда и забрал с собой индейку вместе с противнем. Больше они его не видели. Остаток дня мать пролежала в кровати, а Джейн с Холли подогрели заморо-

женные вафли в тостере, ели их с картофельным пюре и смотрели «Роковое влечение»[3]. («Самое подходящее кино для Дня благодарения», — прокомментировал Дэвид.)

Потом два года, но не подряд — в выпускном классе и на последнем курсе, — мать была в рехабе, а Джейн праздновала День благодарения у Эллисон и там впервые воочию увидела оживший праздник из рекламных роликов: у родителей Эллисон все было по классике.

На следующее Рождество в рехаб уехала Холли. Ее сыну Джейсону тогда было три года. Джейн не понимала, почему такое всегда происходит на праздники, но, поскольку Джейсон тогда еще не очень соображал, они просто выбрали день в начале января, когда Холли вернулась из рехаба, и притворились, что это Рождество. Холли увидела валявшуюся на помойке соседскую елку, схватила ее и затащила в дом.

Тогда Джейн было совсем не смешно. Но она научилась описывать такие ситуации с юмором.

Джейн пыталась предостеречь Дэвида, подготовить его к ужасам и унижениям, которые могли поджидать в доме ее матери. Она только раз

---

[3] Примечания: 3

«Роковое влечение» — американский психологический триллер 1987 года.

приводила парня домой — своего бывшего, Андре; когда они подъехали к дому, мать с сестрой стояли на подъездной дорожке в купальниках и ошкуривали старый комод. «Посмотри-ка на этих плейбоевских зайчиков», — сказал Андре. Он не знал, что это ее дом. Дальше все покатилось по наклонной.

Джейн привыкла считать мать и бабушку полными противоположностями. Бабушка овдовела в тридцать пять и больше никогда не ходила на свидания — по крайней мере, Джейн об этом не слышала. Она не пила. До самой ее смерти Джейн и Холли проводили у нее каждое лето; бабушка заставляла их есть овощи, вовремя ложиться спать, молиться перед сном и ходить в церковь по воскресеньям. Она заботилась о детях как положено и так, как им этого хотелось. Была надежной, спокойной, своих желаний у нее не имелось. Джейн жалела, что она умерла и не могла познакомиться с Дэвидом, чтобы тот увидел, что ее семья не сплошь ущербная.

Но знакомство прошло лучше, чем она ожидала.

Мать и сестра вели себя на удивление адекватно. К тому времени Холли тоже занялась перепродажей хлама; постепенно бизнес переме-

стился в онлайн, мать с сестрой все реже ездили по гаражкам и почти перестали выходить из дома. Холли нарисовала логотип и визитные карточки. Сайт назывался «Мусорные сокровища».

(«Нельзя же просто сказать: мы продаем мусор», — заметила Джейн в разговоре с Эллисон.)

За годы ее отсутствия дом и двор еще больше наводнились хламом. Но к их с Дэвидом приезду мать впервые убрала лежавшие под брезентом горы. Небось свалила все в огромную кучу в гараже, но все же. Джейн даже растрогалась, что они постарались.

Дэвид был приветлив и вежлив, как всегда. Сделал вид, что не заметил мусорное ведро с пустыми бутылками, хламовничество матери и их с Холли периодические перепалки. Похвалил подливу из банки, а позже, когда Джейн его этим поддразнила, поклялся, что ему на самом деле понравилось.

Мать пыталась его обаять, но не флиртовала, как обычно. Все выпили слишком много вина, даже Дэвид, но никаких эксцессов не последовало. Джейсону исполнилось одиннадцать, он обожал баскетбол. Оказалось, что Дэвид в старших классах играл в баскетбольной команде. Оба болели за «Бостон Селтикс». За ужином они

разговорились об игроках и статистике, а наутро вышли на дорожку и побросали мяч в кольцо. Джейсон улыбался, а Джейн, мать и Холли были счастливы, потому что все души не чаяли в единственном ребенке в семье.

— Красиво. — Дэвид провел рукой по деревянной табличке у входа. Давным-давно кто-то написал их фамилию — Флэнаган — на куске дерева, выброшенном на берег. Сколько Джейн себя помнила, табличка всегда висела у дома. Ей было приятно, что Дэвид ее заметил.

Вечером пришли Эллисон с Крисом и новорожденным малышом. Встреча с подругой компенсировала стресс от общения с матерью. Крис работал управляющим дорогим рестораном в городе, а за ужином в День благодарения родители Эллисон сообщили, что через пару лет планируют выйти на пенсию и передать гостиницу дочери и зятю.

У Криса с Дэвидом не было ничего общего, но они поладили и непринужденно смеялись. Малышка закапризничала, и Дэвид предложил пройтись с ней вокруг дома, чтобы ее успокоить: он научился этому, когда нянчился с племянниками.

— Как хорошо у тебя получается, — крикнула

Эллисон ему вслед. — Он любит детей, — шепнула она Джейн.

— Я знаю, — ответила Джейн. — У него с ними полное взаимопонимание.

Эллисон схватила ее за рукав и сказала:

— Если не выйдешь за него, я сама это сделаю.

Джейн улыбнулась. Одобрение Эллисон много для нее значило. Так почему ей стало так неловко?

Эллисон считала, что Джейн травмирована предыдущими отношениями, но ей не стоит переносить предыдущий опыт на отношения с Дэвидом, потому что это совсем другое: раньше Джейн была моложе, Андре — козел, а их роман был обречен с самого начала.

— Дэвид в миллион раз лучше, — сказала Эллисон. — И явно без ума от тебя.

«Эллисон такая наивная», — подумала Джейн. Подруге кажется, раз человек хороший, его любовь способна устранить все внутренние неполадки Джейн и превратить ее в того, кем она не является, — эмоционально здорового человека.

Джейн не знала, как объяснить Эллисон, что в ней всегда боролись две противоположности. Рядом с Дэвидом ей хотелось полностью ему довериться и начать строить совместную жизнь.

Но что-то в Джейн яростно этому противилось. Когда Дэвида не было рядом, в голову лезли всякие мысли. Она не сомневалась, что у них ничего не получится. Что она не создана для отношений и ей в конце концов придется его отпустить. Всю жизнь Джейн пыталась понять, какая ее часть права. Никогда не признавалась в этих мыслях Дэвиду, боясь его обидеть, хотя на самом деле он был ни при чем.

На обратном пути в Кембридж Джейн вдруг захотелось показать ему лиловый дом.

— Хочу показать тебе одно место, куда я сбегала в старших классах, — сказала она.

Дом почти не изменился с тех пор, как Джейн в последний раз его видела, разве что еще немного обветшал. Крыша амбара провалилась. Появились следы присутствия новых людей: сквоттеры оставили после себя упаковки от продуктов, пивные банки, игральные карты, кофту, одинокий ботинок и иголки в банке из-под кофе на крыльце. Ее любимое старое дерево куда-то делось. Наверно, его убрали городские власти. Траву покосили.

— Да это же «Серые сады»[4], — ахнул Дэвид. —

[4] Примечания: 4

«Серые сады» — дом двоюродной сестры Жаклин Кеннеди Эдит Бувье, в молодости светской львицы и известной манекенщицы, впоследствии ставшей затворницей в старинном особняке.

Но мне нравится. И этот вид. Необыкновенно.

Они взялись за руки и подошли к краю утеса, притворившись, что дом принадлежит им. Дэвид заметил, что придется построить забор, иначе дети рано или поздно свалятся с этого обрыва — узкий мыс, нависавший над морем, так и манил с него спрыгнуть.

Джейн рассказала, что в старших классах любила приходить сюда читать и надеялась, что ее дети тоже однажды будут сидеть здесь с книжкой.

— Девочку можно назвать Элинор, — ответил он. — А близнецов? Чэд и Брэд? Хотя нет. Их засмеют с такими именами.

Джейн подняла бровь.

— Чэд и Брэд? — спросила она. — Давай лучше именами займусь я.

Дэвид улыбнулся.

— Давай, — ответил он и поцеловал ее.

В тот миг ей казалось, что будущее предопределено. Они говорили как будто в шутку, но на самом деле нет. Они познакомились совсем недавно, но уже планировали совместное будущее. И всякий, кто видел их вместе, словно понимал, что они друг другу подходят. И все же внутренний голос твердил Джейн, что слишком

рано говорить на такие темы. Что надо быть осторожнее. Страх тянул ее за рукав и нашептывал, что она лишь гость в чьей-то красивой жизни.

Десять лет спустя

2015

1
Женевьева

Женевьева поднялась по лестнице, включила свет в коридоре наверху и заметила трещину на недавно покрашенной стене у входа в спальню Бенджамина. Трещина была глубокая и кривая, длиной сантиметров пятнадцать. Снова подтвердились подозрения, возникшие у нее в первые недели после переезда: что, несмотря на все усилия, такой старый дом невозможно одолеть. Всякий раз, когда мигало электричество и текли краны, Женевьева понимала, как глупо было полагать иначе.

Пол сказал бы, что она слишком драматизирует, но, если задуматься, дом — чужеродный объект, вторгающийся в естественную среду. Природа всегда будет пытаться заявить о своем превосходстве и вернуть ей принадлежащее. Об этом свидетельствует ассортимент любого хозяйственного магазина: целые полки уставлены ядами, мышеловками и инструментами для борьбы с природой, чье место заняли дома.

Даже после того, как Женевьева установила

французский дренаж, который обошелся в копеечку, в подвале продолжала скапливаться вода. Высыхая, она оставляла после себя минеральные отложения, похожие на белый мех. На потолке комнаты Женевьевы появилось коричневое пятно, мягкое, как родничок младенца: она потрогала его и испугалась. По ночам в стенах чердака кто-то скребся — в службе по борьбе с вредителями сказали, что это, скорее всего, белки. Однажды вечером они с Бенджамином разгружали пакеты из машины, и в паре шагов от них упало несколько кирпичей, отвалившихся от недавно отремонтированной печной трубы. А еще ей часто казалось, будто пол на кухне шевелится; она присматривалась и замечала полчища муравьев, накинувшихся на хлебную крошку.

По субботам из Бостона приезжали гости, сидели во дворике и любовались закатом или потягивали коктейли за мраморным кухонным островком. Лишь в эти дни дом казался таким, каким она его изначально представляла. Все поражались его красоте и проделанной работе по благоустройству.

Пол любил показывать гостям фотографии «до» и «после». О том, что было «между», он умалчивал. О месяцах бесконечных ссор из-за

дороговизны кухонного фартука, шкафов, полов из натурального дерева. О дилемме, срывать ли антикварные обои в спальне или ввязываться в сложный процесс их реставрации. Женевьева всегда выступала за более дорогой вариант: ей казалось, что чем дороже, тем качественнее. Она четко знала, чего хочет, но все равно советовалась с мужем по любому вопросу, не всегда доверяя собственным суждениям. Пол же мог точно сказать, что ему *не* нравится, но чаще всего не умел выразить свои предпочтения.

За последний год Женевьева не раз ложилась спать, не пожелав супругу спокойной ночи. Она молча злилась на него за то, что его совсем не интересовало обустройство семейного летнего дома. А ведь этот дом должен был символизировать все, ради чего Пол так много работал, и компенсировать его постоянное отсутствие все эти годы, пока он строил бизнес. Женевьева надеялась: здесь они смогут наверстать упущенное, восстановить утерянный контакт. Но муж даже не мог оторваться от телефона и выбрать между ярко-желтыми или классическими бежевыми подушками для садовых кресел; о каком восстановлении контакта могла идти речь?

Гостям она об этом, естественно, не говорила.

«Только умоляю, никаких сцен при наших друзьях», — предупреждал Пол, когда звонили в дверь.

«Не будет сцен», — обещала Женевьева. Хотя «наши друзья» на самом деле не были ее друзьями. Это были друзья Пола по колледжу, приходившие с женами. Его клиенты и коллеги. Случайные люди, с которыми Пол познакомился на поле для гольфа.

Она провела рукой по трещине в стене. Женевьева несколько недель выбирала цвет и наконец остановилась на светлом оттенке серого. Он назывался «тень». В каждой комнате она переживала момент истины, когда краска высыхала и проявляла свой настоящий цвет. Только тогда Женевьева понимала, правильно ли выбрала тон. Мятный в гостевой ванной оказался ужасным. Настолько ужасным, что через неделю Женевьева перекрасила стены в белый. А вот результат в коридоре наверху ей понравился. Но что делать с трещиной? Теперь маляр сможет приехать и заделать ее лишь через несколько недель, а то и месяцев; сама Женевьева не решится это сделать. Она внесла этот пункт в список всего, что успело сломаться и испортиться после реставрации и теперь нуждалось в повторном ремонте.

Женевьева догадывалась, что этот список станет бесконечным.

Маленькая комната сына находилась за потайной дверью: закрытая створка полностью сливалась со стеной. Не было ни кромки, ни дверной ручки. В доме было еще несколько спален, более просторных, но Бенджамин выбрал эту. «Ему понравился уют, — подумала Женевьева. — И то, что комната такая необычная».

Сейчас она слышала его сладкий голосок. Бальзам для ее ушей.

Женевьева глубоко вздохнула.

— И что она сказала? — кажется, спросил Бенджамин, а через секунду захихикал.

Женевьева оставила его в комнате полчаса назад, осторожно встав с узкой кровати и стараясь его не разбудить. Бенджамин не умел засыпать без нее. Пол говорил, что она его балует и четырехлетний мальчик уже должен укладываться самостоятельно.

«Да какая разница, кто что должен, — думала Женевьева. — Кому это вредит?» Через несколько лет Бенджамин уже не захочет с ней разговаривать, а уж спать рядом и подавно. Часто она тоже засыпала возле него и просыпалась на рассвете с включенным светом.

Но сегодня сын уснул, и Женевьева вдруг ощутила необыкновенный прилив сил. Завтра должны были прийти уборщицы, и ей предстояло прибраться до их прихода, чтобы не столкнуться с их молчаливым осуждением, когда они войдут в игровую и увидят, какой там бардак, или наткнутся на гору немытой посуды в раковине.

Уборщицы переговаривались на португальском и смеялись. Женевьеве казалось, они смеются над ней.

По-английски говорила только их начальница Кэти.

— Какой большой дом для вас с сыном, — сказала она, когда они только познакомились.

— Нас трое, еще мой муж, — ответила Женевьева. — Он приезжает на выходные.

Кэти скривилась; Женевьева не поняла почему. Жалела ее, что ли? Или осуждала?

«Кому какая разница», — говорил Пол. Он был прав. Ее всегда слишком заботило, что подумают окружающие.

Бенджамин ворковал в своей комнате так тихо, что Женевьева не разбирала отдельных слов.

Обычно, когда бы ни случилось сыну проснуться одному, он начинал бегать по дому и звать маму, пока не находил внизу, перед телевизором,

или в ее комнате. Но чтобы он вот так проснулся ночью и спокойно болтал сам с собой — такого еще не бывало.

Женевьева где-то читала, что матери тоскуют по детям, вспоминая, какими те были раньше. Невозможно предугадать, когда в последний раз поменяешь подгузник, будешь укачивать малыша на руках или переносить его в другую комнату. Лишь когда все это остается в прошлом, начинаешь тосковать по той, предыдущей версии ребенка. Бывает, что утром он выходит к завтраку уже другим, не тем, кому ты вчера желала спокойной ночи.

Женевьева тихонько приоткрыла дверь. Не хотела, чтобы Бенджамин ее заметил, но сын резко повернулся.

— Мама. Ты меня испугала.

Он смотрел в окно, где простиралось черное небо и черный океан с золотыми бликами.

— С кем ты разговаривал? — спросила Женевьева. Она пошутила и думала, что в ответ сын засмеется.

Но Бенджамин, кажется, растерялся. Посмотрел на Женевьеву, потом в окно и сказал, будто это очевидно:

— С ней. — И, помолчав, добавил: — Она уже

несколько дней ко мне приходит. Болтает без умолку. И не дает уснуть.

Женевьева не знала, что ответить, и, к своему удивлению, спросила:

— А как она выглядит?

Бенджамин указал на окно:

— Да вот же она.

Он словно хотел сказать: «Сама посмотри». Потом до него дошло, что Женевьева ничего не видит.

Тогда Бенджамин закричал.

Как он кричал! Женевьева никогда этого не забудет.

Она полчаса пыталась его успокоить и добилась успеха, лишь пообещав, что даст ему стакан шоколадного молока и уложит внизу на диване с включенным телевизором.

Женевьева села рядом и погладила сына по голове.

— Там была девочка, — сказал он.

— Я тебе верю, — ответила Женевьева и, когда произнесла эти слова, поняла, что это действительно так.

Сама она тоже кое-что замечала, но предпочитала игнорировать. Однажды Женевьева закрывала окно от дождя и готова была поклясть-

ся, что почувствовала, как его опустили чьи-то руки. В доме постоянно мигало электричество: в гостиной, в комнате Бенджамина, но только в его присутствии. Не странно ли это? А может, она теперь додумывала то, чего не было?

Но ей точно не привиделись стеклянные шарики, которые необъяснимо попадались повсюду в доме. Мутные стеклянные кругляши — синие, красные и зеленые, игрушка из прошлого. Бенджамину и детям его поколения такие уже не дарили. Один она нашла на белом кафеле в ванной, когда вышла из душа. Другой — на ковре под обеденным столом. Четыре или пять лежали в ряд под шкафчиком для телевизора. Пол сказал, что этому может быть единственное объяснение: шарики были там еще до них. Старый дом, неровные полы; когда-то шарики закатились под мебель и иногда просто выкатывались обратно.

После одиннадцати Женевьева оставила Бенджамина спать на диване. Под голубым вязаным пледом он выглядел как ангелочек. Она пошла на кухню, налила большой стакан водки со льдом и позвонила мужу. Телефон сразу переключился на голосовую почту. Женевьева представила, как Пол сидит в городской квартире, смотрит новости или бейсбольные сводки, видит ее имя на экране

и решает не брать трубку.

Она опять позвонила. В этот раз муж подошел.

Женевьева ему все рассказала, и Пол ответил:

— У ребенка разыгралась фантазия.

— Нет, — сказала она.

— А что, по-твоему? Привидение? — с усмешкой произнес он.

Иногда его мужское самодовольство бесило ее до такой степени, что хотелось убивать.

Но она же не рассказала ему о том, что сделала.

Перед глазами всплыла картина, и Женевьева зажмурилась, чтобы ее прогнать. Но все-таки увидела мускулистого юношу. Когда тот уходил, она заметила татуировку у него сзади на шее. Красную звезду. Татуировка напоминала штамп, который ставят на руку детям в контактном зоопарке вместо входного билета.

— Можешь приехать? — спросила Женевьева. — С тобой мне будет спокойнее. Знаю, звучит глупо, но мне стало как-то тревожно.

Пол напомнил, что до дома ехать полтора часа, а утром ему на работу, и посоветовал принять снотворное.

А вдруг Бенджамин начнет ее звать, вдруг закричит, а она его не услышит? Сын был очень

испуган, Женевьева никогда его таким не видела.

— Пол, ему не показалось.

— Женевьева… — В голосе Пола слышалось предостережение. — Я же говорил, что тебе не понравится оставаться одной в таком большом доме. И вот, уже с ума сходишь. Тебе нужна компания. Позови подругу, хозяйку гостиницы, выпейте по бокальчику. Помнишь, ты говорила, что она милая?

Хозяйка гостиницы Эллисон казалась «милой», потому что Женевьева была ее постоянной клиенткой и каждое лето бронировала на неделю самый дорогой номер. Женевьева поняла это, заглянув в гостиницу и сказав Эллисон, что они с Бенджамином планируют пробыть здесь все лето. Она показала ей фотографии отремонтированного дома на телефоне.

— Я знаю этот дом, — отозвалась Эллисон, но распространяться не стала.

Она подметала крыльцо, усыпанное крошками после завтрака; белые плетеные столы были уже расставлены к обеду.

Эллисон резко оборвала разговор:

— Еще увидимся. У тебя же есть мой номер? Позвони, если понадобится помощь.

Женевьева как-то написала и намекнула, что неплохо бы встретиться, может, с детьми.

Прошел месяц, а Эллисон не отвечала.

Женевьева никогда не умела общаться с женщинами. Для этого нужно было уметь обмениваться тайнами, своими и чужими, — это была своего рода секретная женская валюта. Но мать Женевьевы держалась сдержанно и считала, что никому о своих проблемах рассказывать не надо. Женевьева с детства приучилась быть такой же. В Брин-Маре[5] она часто проходила по коридору мимо стайки девчонок в пижамах; те шушукались о мальчиках, в которых влюблены, или о профессоре, у которого роман с той-то и той-то, а Женевьева думала: «Мне совершенно не о чем с ними говорить».

На втором курсе была одна девочка, которую она раз в неделю подвозила на репетиции хора. Женевьева считала ее подругой. Но как-то раз вечером, возвращаясь из столовой, случайно услышала, как эта девочка говорит: «Бедняжка Женевьева, она такая зануда, ей, наверно, самой скучно такой быть».

С Полом она познакомилась незадолго до окон-

---

[5] Примечания: 5

Брин-Маре — престижный частный гуманитарный колледж для девушек.

чания колледжа на вечеринке не в кампусе. Он был старше нее на четыре года. Ей понравилась его яркая индивидуальность и уверенность в себе. Матери Женевьевы понравилась его фамилия. Про отца Пола писали в журнале «Тайм».

— Их предки приплыли на «Мейфлауэре»[6]! — воскликнула она.

Если Женевьева выйдет за такого мужчину, сказала мать, то никогда ни в чем не будет нуждаться.

Когда Пол повесил трубку, Женевьева со стаканом вышла во двор, включила наружное освещение и приблизилась к перилам. Окинула взглядом широкую лужайку, утесы и воду, освещенную фонарями бухту и Авадапквит вдали. Именно вид пленил ее, когда она впервые увидела дом.

Участок просматривался только со стороны океана. От главной дороги его отделяла полоса сосен шириной в полкилометра. Женевьева проезжала этот съезд сотни раз и даже не догадывалась, что там стоит особняк. Что заставило ее свернуть сюда в августе прошлого года? Они с Бенджамином провели все утро на пляже, сын

---

[6] Примечания: 6

Это значит, что он принадлежит к одному из старейших и богатейших американских кланов.

крепко уснул на заднем сиденье. Она решила прокатиться.

Заметив ржавый почтовый ящик на обочине Шор-роуд, Женевьева свернула вправо и поехала по проселочной дороге под навесом из крон. В конце ее ждал просвет между сосен, яркое солнце и удивительное открытие. Поле высокой травы, выжженной до пшенично-золотистого цвета, а за ним — океан. На скалистом островке напротив загорали тюлени.

Посреди участка возвышался ветхий необитаемый викторианский особняк с облезлыми фиалковыми стенами. Женевьева оставила спящего Бенджамина в детском кресле, а сама поднялась по дорожке и заглянула в дом. В голове уже строились планы. Как будто тот уже ей принадлежал.

Дом был полностью обставлен. Казалось, несколько десятилетий назад хозяева просто вышли прогуляться и не вернулись.

Других строений рядом не было. Лишь деревья с трех сторон и океан с четвертой.

В тот день Женевьева ощутила что-то вроде неутолимой жажды. Захотела, чтобы дом принадлежал ей во что бы то ни стало.

Она показала особняк Полу. Муж тут же обра-

тил внимание на разбитые окна и те, что долго простояли распахнутыми, впуская стихию. В некоторых комнатах обвалился потолок. Балконные перила второго этажа обрушились и лежали в фойе. Стена на веранде покоробилась. Крыша мансарды сплошь поросла мхом. Рядом с домом стоял амбар, напоминавший сгнившую тыкву: потолок обвалился, стенки покосились.

— Разоримся на ремонте, — тремя нехитрыми словами Пол разрушил ее фантазии.

— Да вижу я, что это развалюха, — ответила Женевьева. — Но какой вид! Говорю тебе, это скрытый бриллиант.

— Поэтому он стоит тут заброшенный? — спросил муж.

— Ждет нас.

— Дружище Сэм Литтлтон, твой дом только целиком на свалку, — сказал Пол.

Женевьева растерянно взглянула на него.

— Кто?

Пол указал на маленькую белую табличку с черными буквами, висевшую возле входной двери.

Дом капитана Сэмюэля Литтлтона
Построен в 1846 году

Женевьева видела имя капитана Литтлтона и

на других зданиях в городе.

— Историческое здание, — заметила она. — Это большой плюс.

Пол спросил, выставлен ли дом на продажу, и тут Женевьева поняла: дело сдвинулось с мертвой точки.

Адвокаты мужа отыскали владелицу. Ею оказалась какая-то старушка из Филадельфии. Она призналась, что уже несколько десятилетий не видела жилища, но уговорить ее на продажу оказалось не так-то просто. Однако деньги все решили.

Будь их воля, снесли бы дом и построили новый. Женевьева представляла здание в три раза больше этого с кедровой кровлей и множеством окон. Летний дом должен быть светлым и просторным. Но оказалось, особняк Литтлтона числился в охранном реестре: снос был запрещен, как и любые изменения фасада.

Одних лишь поверхностных разрушений, видимых глазу, тут оказалось предостаточно. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что все намного хуже. Инспектор выявил асбест в подвале, старую медную проводку с фарфоровыми изоляторами, которую необходимо было полностью заменить во избежание пожара, хотя

Женевьева была бы не против, чтобы эта развалюха сгорела дотла. Предыдущие владельцы не перекрыли краны; трубы замерзли и лопнули. Водостоки давно отвалились. Деревянные сточные желоба забились листьями, сгнили и насквозь проросли сорняками, будто их посадили там специально. В фундаменте обнаружилась трещина, а от печной трубы, где разлагался мертвый енот, исходил ужасный запах.

Женевьева наняла ландшафтного дизайнера, чтобы расчистил сад. Он привел в порядок огромную лужайку, выкорчевал росшие по краю утеса засохшие живые изгороди и старую сосну, что угрожающе нависала над водой. Теперь ничто не защищало их от посторонних глаз, зато и им самим не загораживало потрясающий вид на океан.

За вывоз мусора Женевьеве пришлось заплатить две тысячи долларов. Мусорщика на пикапе звали Джон Ирвинг.

— Тот самый Джон Ирвинг? — спросила Женевьева, когда они впервые беседовали по телефону.

На том конце провода повисло молчание. Кажется, мусорщик не знал про своего знаменитого тезку. Неужели ему никогда не говорили?

Джон Ирвинг с двумя помощниками приезжали к ней раз десять. В основном вывозили вещи на свалку, но иногда он брал тот или иной предмет — набор старой серебряной посуды, зеркало в резной золоченой раме — и уточнял:

— Точно хотите это выбросить? Кажется, это ценная вещь.

Женевьева задумывалась, но потом решала: у прежней хозяйки из Филадельфии накопилось столько хлама именно потому, что все это имущество казалось ей ценным.

— Можете оставить себе, — отвечала она всякий раз.

Джон Ирвинг дал ей номер местной компании по переработке материалов и сказал, мол, туда можно сдать старые мраморные каминные полки и освинцованные окна, и им найдется повторное применение. Но выяснилось, что из компании приедут лишь через месяц, а Женевьеве хотелось переехать как можно скорее.

Она нашла превосходного подрядчика, который сломал все перегородки на первом этаже, где прежде было несколько мрачных и тесных комнат — салон, гостиная, — и сделал открытое пространство. Он же вывез мраморные каминные полки и освинцованные окна, куда — одному

богу известно. Стены из металлической сетки и штукатурки, укрепленной конским волосом, оказалось очень сложно и дорого демонтировать, но дом преобразился.

Подрядчик пристроил к дому флигель максимально допустимой по закону величины — не очень большой, но все же. Во флигеле расположилась кухня с раздвижными стеклянными дверями и видом на океан. На втором этаже обустроили вторую полноценную ванную, а в коридоре внизу — маленький туалет.

Подрядчик порекомендовал дизайнера интерьеров. Дизайнер и Женевьева решили, что стены на первом этаже должны быть белыми, а тяжеловесные деревянные панели тоже нужно выкрасить в белый чуть более светлого оттенка. Со светлыми стенами дом совершенно изменился. В ванной поклеили необычные обои с узором из фламинго. Кухонный островок покрасили в темно-синий цвет.

Дизайнер писала Женевьеве днем и ночью. Дел было невпроворот, но ей нравилось принимать столько решений, которые никто, кроме нее, принять не мог. Повышенное внимание к своей персоне и предвкушение напоминали о свадьбе, когда организаторы постоянно

сообщали о текущей подготовке, кипучая деятельность прерывалась внезапными задержками и неожиданностями, но в итоге получилось что-то красивое, и в центре всего была она.

После окончания ремонта Женевьева очень собой гордилась. Всю жизнь она занималась невидимой работой: записывала ребенка к врачу, купала перед сном, помнила, что надо послать цветы на день рождения свекрови. Пока она продолжала исправно выполнять свои обязанности, никто не замечал ее труда. Замечали, лишь когда в системе возникал сбой. А теперь в результате этой деятельности появилось нечто осязаемое. Нечто особенное.

Однажды утром позвонила взволнованная дизайнер и сообщила, что дом Женевьевы, возможно, появится в журнале «Побережье штата Мэн». Дизайнер знала редактора, и та рассматривала особняк Женевьевы и еще два других. Темой выпуска хотели сделать старые дома, чьи владельцы бережно хранили местную историю.

— Она сказала, два других дома лучше сохранились, но только твой стоит на берегу, — заметила дизайнер. — И я подкинула ей одну идею, чтобы она точно выбрала тебя. В Авадапквите есть старый хиппи, он торгует индейским антиква-

риатом. Его зовут Томас Кросби. В семидесятые у него была галерея, а сейчас он принимает только по предварительной записи. У него есть индейская плетеная корзина тысяча восемьсот пятидесятых годов из манника и ясеня. Такой старый антиквариат попадается редко. Корзина музейного качества, в идеальном состоянии. Точное происхождение определить невозможно, но он уверен, что это работа местных племен. Ты, наверно, знаешь, что «Авадапквит» на языке абенаков — индейцев, которые когда-то здесь жили, — означает «место, где прекрасные утесы встречаются с океаном». Твой дом как раз стоит на прекрасном утесе! В общем, я сказала редактору, что, если они выберут тебя, у тебя дома будет эта корзина и они смогут о ней написать.

— Хорошо, — ответила Женевьева. — Корзина так корзина.

— Но есть одно но. Она стоит восемь тысяч.

Женевьева опешила.

— Корзина?

— У нее даже ручки сохранились. Это очень редкая вещь.

— А можно просто взять ее напрокат у этого хиппи для фотосессии?

— Боюсь, что нет. А еще она покрашена в

идеальный синий цвет и будет сочетаться с остальным декором.

Женевьева поняла: Полу об этом рассказывать нельзя. Он с ума сойдет.

Когда корзину привезли, та оказалась очень маленькой, около двенадцати сантиметров в диаметре у основания. В середине она расширялась, а к горлышку сужалась. Дизайнер поставила ее на стеклянный кофейный столик в гостиной.

Однажды Женевьева, к ужасу своему, обнаружила, что уборщицы складывают в корзину всякий хлам, которому не нашлось другого места, — мелкие монетки, машинки Бенджамина и ручки без колпачков.

— Это очень дорогая антикварная вещь, — отчитала она их. — Пожалуйста, никогда ее не трогайте.

Уборщицы взглянули на нее как на ненормальную, но с тех пор к корзине не приближались.

Съемки для журнала назначили на март — после установки панорамного бассейна на краю обрыва. Это был последний штрих. В сравнении с остальным ремонтом уже мелочи, казалось Женевьеве. Всего-то срубить пару деревьев и вырыть яму.

У Джона Ирвинга была бензопила. Однажды

пасмурным утром в феврале он с помощниками приехал расчистить заросли шиповника и срубить сосны у дома, чтобы освободить место для бассейна. Женевьева жалела эти сосны: им было по сто лет, некоторые достигали сотни метров в высоту. Она специально приехала из Бостона проследить, чтобы не убрали лишнего.

— А мы тут кое-что нашли, — сказал Джон Ирвинг, когда Женевьева вышла из машины.

Он подвел ее к расчищенному участку, где прежде росли шиповник и сосны; теперь местность казалась шокирующе голой. И тогда Женевьева их увидела. Белые надгробия, поросшие ярко-зеленым мхом.

Три совсем маленьких, с неразборчивыми надписями, и два примерно вдвое больше. Одно рассекала вертикальная трещина. Надпись почти стерлась, но она видела табличку у дома и потому легко угадала имя: *Сэмюэль Литтлтон*.

Рядом с ним была похоронена Ханна Литтлтон. «Любимая жена» — гласила эпитафия, а сверху значились даты рождения и смерти. Ханна пережила Сэмюэля на сорок шесть лет.

Была еще одна могила, непохожая на прочие, помеченная не узким обтесанным монолитом, а обычным камнем — круглым, неровным, разме-

ром примерно с баскетбольный мяч. Дат на камне не было, лишь имя — *сестра Элиза*, — вытесанное грубо и неумело, явно не профессиональным камнерезом.

— Маленькие могилы — детские. Раньше много детей умирало, — пояснил Джон Ирвинг. — Как родители переживали горе, ума не приложу. — Он покачал головой. — Семейное кладбище при старом доме — не редкость. Мне кажется, в этом даже есть своя прелесть. Прошлое сливается с настоящим, понимаете, о чем я?

Похоже, мусорщик оказался поэтом. Великолепно. Черт.

— Но мы хотели тут сделать бассейн, — вырвалось у Женевьевы.

— Что ж. Даже не знаю.

Без бассейна в доме не было никакого смысла. Женевьева еще много лет назад вырвала страницу из интерьерного журнала, и это стало ее заветной мечтой. Если у нее когда-нибудь будет дом у моря, решила Женевьева, она непременно устроит панорамный бассейн, чтобы любоваться океаном днем и звездами ночью. Плитка будет небесно-голубая, как в том отеле в Марракеше, где они однажды останавливались.

— Тут больше негде сделать бассейн, участок

под уклоном, — продолжала она. — Ну почему мне так не везет?

Женевьева поймала на себе взгляд одного из молодых помощников Ирвинга. Несмотря на холод, он был в одной футболке. У него были длинные каштановые волосы, стянутые в хвост.

Женевьева долго смотрела ему в глаза, а потом отвернулась.

Мать Пола как-то сказала, что ни за что не стала бы жить в доме, где до нее жили какие-то другие люди. Пол вырос в огромном доме, построенном по спецпроекту за год до его рождения. Он был не из тех, кто считал, что в кладбище на заднем дворе «есть своя прелесть». Женевьеве тоже так не казалось.

— Не понимаю, — сказала она, — почему инспектор был не в курсе? А разве при продаже нам не должны были об этом сообщить?

Ирвинг покачал головой:

— Я… я не знаю.

Тогда Женевьева вспомнила. При продаже они сами согласились купить участок в текущем виде. Инспекцию приглашали лишь для ознакомления.

Пол захочет продать дом. Весь ее труд пойдет насмарку.

Джон Ирвинг уехал. С ним в грузовике уехал один из помощников.

Другой рабочий, в футболке, приехал на своей машине. Он не спешил покидать участок. Проводил взглядом грузовик, исчезнувший за поворотом проселочной дороги, а потом тихо произнес, не глядя ей в глаза:

— Я могу вам помочь. У меня есть приятель с погрузчиком. За полдня все уберем.

— Рассчитаемся между собой? — спросила Женевьева. Она не знала, как договариваются в таких случаях.

— Ага, — деловито ответил он.

Рабочий попросил заплатить наличными. Назвал цену, и по его лицу Женевьева догадалась: он думал, что наварился на ней, хотя она была готова заплатить намного больше.

Женевьева ни о чем не спрашивала. Сказала, что поедет в Бостон и вернется только в выходные вместе с установщиками бассейнов. Парень пообещал, что к тому времени все будет сделано.

Женевьева зашла в дом и достала деньги из сейфа в нижнем ящике стола Пола. Позже она вернет деньги на место, и муж ничего не заметит.

Она вышла на улицу и отдала парню стопку хрустящих банкнот. Он их пересчитал, кивнул

и зашагал к машине. Волосы, стянутые в хвост, открывали шею. На белой как бумага коже алела звезда.

Взошло солнце; чернота в окнах гостиной сменилась туманным голубым утром, но Женевьева так и не сомкнула глаз. Она сидела в кресле напротив спящего сына, не желая выпускать его из виду.

Нервы были на пределе; она вскакивала от каждого звука. На коленях лежал компьютер. Женевьева пыталась нагуглить решение своей проблемы.

Поиск подсказал, что избавиться от нежелательного духа в доме довольно просто: иногда достаточно твердо попросить его уйти. Если не сработает, можно окурить комнаты шалфеем и полынью, вымыть полы кипятком с заваренным лавровым листом и посыпать порог розовой гималайской солью. Женевьева уже заказала все это через интернет.

Она продумала, что́ скажет, когда Бенджамин проснется. Решила спокойно спросить его, не называла ли девочка в окне своего имени.

«Ее не Элиза звали?» — спросит она обычным, почти безразличным тоном.

Вряд ли призрак — Ханна. Та умерла, когда ей

было уже больше восьмидесяти. Другие дети умерли в младенчестве. А Бенджамин говорил, что за окном стояла девочка.

Тут Женевьева впервые задумалась, куда рабочие дели останки. Что нашел парень с хвостом под землей, когда начал копать? Как захоронили членов семьи Литтлтон — в деревянных гробах? Осталось ли от них хоть что-то?

Одна мысль тянула за собой другую. Как будто Бенджамин с его бесконечными вопросами поселился у нее в голове: «А как вода попадает в душ?» — «Через трубы». — «А как она попадает в трубы?» — «Из колонки». — «А в колонку как попадает?»

И разве Женевьева была виновата? Помощник Ирвинга вел себя так, словно для него это было обычным делом, словно он уже сто раз проворачивал нечто подобное. Если бы он не предложил убрать кладбище, она сама никогда бы этого не сделала. А как бы она поступила? Переехала? Посадила бы туи и сделала вид, что ничего не знает о могилах?

Надо отыскать этого парня, иначе… Женевьева не знала, что иначе случится. Она даже не знала его имя. Можно спросить Ирвинга, но не вызовет ли это подозрений?

А вдруг они нарушили закон?

Она погуглила «есть ли наказание за разорение могил», а потом вспомнила об убийцах из сериала «Закон и порядок», которые по глупости оставляли за собой след из запросов в поисковике, и добавила в строку «телесериал».

Женевьева поклялась, что никогда не скажет об этом Полу или кому-либо еще. А если скажет сейчас, у нее появятся проблемы. Но Пол был прав. Она не хотела находиться в доме одна. Может, отвезти Бенджамина в гостиницу в Авадапквите и остаться там до возвращения Пола? Муж даже ничего не узнает; он никогда не проверяет выписки по кредиткам. Он и про корзину не узнал.

Да, она поедет в гостиницу. А там уж решит, что делать. Соберется с мыслями.

Казалось, будто камень упал с души; Женевьева закрыла глаза и устало опустилась в кресло. На несколько минут воцарилась полная тишина, не считая гула центральной вентиляции. Она уже засыпала, когда услышала шаги в коридоре. Сердце сжалось. Неужели она сходит с ума? Но нет; шаги приближались. Женевьева взглянула на Бенджамина, подумала, стоит ли хватать его и спасаться. Потом попыталась мысленно попросить у призрака прощения. Пообещала загладить

вину.

Кто-то шепотом позвал ее:

— Женевьева. Женевьева…

Она не шевельнулась.

В комнату зашла уборщица. Принесла пылесос.

— Доброе утро, Женевьева, — сказала она.

2
Джейн

В зале пахло попкорном и хот-догами. По обе стороны прохода расставили пятнадцать рядов складных стульев. Когда объявляли выигрышный номер, победитель с торжествующим криком и улюлюканьем бежал по проходу к сцене, подняв вверх большие пальцы, будто выиграл новенький автомобиль в телевикторине. Стулья сдвигались оттого, что с них постоянно вскакивали и пробирались мимо торчащих коленей и сумочек. Призы были дурацкие, но какая разница? Всем нравилось что-то выигрывать.

Когда-то группа людей собралась и решила, что аукцион — это весело. С тех пор все считали, что это весело.

Так рассуждала Джейн, не любившая ни праздники, ни толпы. Она сидела в последнем ряду.

При иных обстоятельствах Джейн, возможно, даже получила бы удовольствие от этого вечера. Например, если бы заранее выпила или не застряла бы в Авадапквите на неопределенный срок. Если бы не жила в доме матери в одиночестве

впервые после ее смерти. Или будь это обычное воскресное мероприятие. Тогда они с Дэвидом могли бы посмеяться, что самыми шикарными призами за все время существования этой лотереи были волейбольный мяч с логотипом местного риелтора, пятидолларовый подарочный сертификат в кафе «Блинный король» и мыло в форме ракушки, да и то некоторые участники решили, что организаторы что-то намутили и призы достались победителям нечестным путем.

Всю жизнь Джейн была с одиночеством на короткой ноге и совсем его не боялась. Но после десяти лет с Дэвидом утратила этот навык. Дэвид стал ее броней. С ним она чувствовала себя защищенной, и, даже когда мужа не было рядом, Джейн ощущала его незримое присутствие.

На протяжении всего их брака она не теряла независимость: с другим мужчиной этого могло не получиться, но Дэвид был особенным. Он понимал, почему Джейн не хотела объединять финансы, почему придавала такое значение работе, почему ей нравилось далеко не всякое общение и почему даже от приятного она быстро уставала и испытывала потребность побыть в одиночестве. Дэвид понимал, почему она боялась иметь детей, хотя очень хотела. Джейн сомнева-

лась, что другой мужчина когда-либо поймет ее и примет так, как Дэвид.

В голове Джейн до сих пор звенели слова, произнесенные в последний вечер: «Похоже, нам надо некоторое время побыть порознь. Кажется, у нас ничего не получается».

Какое банальное, шаблонное окончание их необыкновенной любви.

Будто почувствовав уныние подруги, Эллисон улыбнулась ей со сцены и покрутила стеклянный барабан с лотерейными билетами. Джейн улыбнулась в ответ. Если бы не Эллисон, она ни за что бы не пришла на ежегодный аукцион местного клуба, где все добро распродавалось по два цента.

Эллисон это знала. На прошлый день рождения она прислала Джейн чашку с надписью: «Извини, что опоздала, скажи спасибо, что вообще пришла».

А накануне сегодняшнего вечера заявила: «Будет весело! Ладно, весело не будет, но тебе надо хотя бы изредка выбираться из этого дома».

Сейчас в Авадапквите проживало около тысячи человек, и летом большинство из них не приближались к пляжу и туристическому центру. Тут обитали учителя, фермеры, подрядчики, медсест-

ры, полицейские. Пенсионеры, осуществившие мечту о домике у океана.

Центр города предназначался для туристов. Вдоль главной улицы выстроились галереи, кафе-мороженое и многочисленные лавки с пляжными туниками, сандалиями и большими сумками из парусины, продававшимися за бешеные деньги. Джейн часто недоумевала, как эти лавки до сих пор не разорились.

Чуть дальше по обе стороны Тихоокеанского шоссе для домов на колесах тянулись мотели и кемпинги с неоновыми вывесками, которые всегда показывали отсутствие свободных мест. Там же располагались батутный парк, два поля для игры в мини-гольф и сувенирный магазинчик, стилизованный под бревенчатую хижину с тотемным столбом на парковке и вывеской: «10 000 сувениров», куда Джейн никогда не заходила.

Двухцентовый аукцион был одним из редких летних мероприятий, не предназначенных для туристов. Его проводили в последнюю субботу июня в городской ратуше — одноэтажном кирпичном здании между почтой и муниципальной парковкой. Иногда туристы все же заглядывали, желая увидеть местных в естественной среде

обитания или купить что-нибудь стоящее по дешевке. Но быстро понимали, что дружелюбные горожане на самом деле не горят желанием с ними общаться, а призы никому не нужны; тогда приезжие тихонько пятились к двери и шли в бар Скипа с живой фортепианной музыкой или в арендованный на неделю коттедж отдыхать на продавленном старом диване.

Эллисон уже трижды крутила барабан и каждый раз вытаскивала по тридцать выигрышных билетов. А собравшиеся ничуть не устали.

Один из билетов Джейн выиграл приз — банку домашнего мармелада из красного перца. Она не слушала, и Эллисон пришлось дважды выкрикнуть ее номерок; когда подруга в очередной раз не отозвалась, Эллисон воскликнула: «Наверно, это Джейн! Джейн, твой приз у меня».

Люди обернулись посмотреть, что за Джейн. Кое-кто из бывших одноклассников ее узнал и кивнул в знак приветствия. Кое-кто узнал, но не кивнул, а просто отвернулся.

В Кембридже Джейн вращалась в кругу, где каждый откуда-то приехал и считал, что место рождения как-то его характеризует. Джейн рассказывала, что провела юные годы в приморском туристическом городке, и описывала его как ми-

лое и домашнее место, где жили простые люди. Большой город безжалостен, люди там себе на уме. Джейн полагала, что вернуться домой после стольких лет отсутствия будет легко. Но оказалось, в ее родном городе были свои критерии оценивания человеческой значимости.

Здесь успех измерялся домом и детьми. Достижения Джейн были никому не понятны. Всем было плевать, что полгода назад она выиграла премию Ассоциации университетских и научных библиотек в категории «Женская литература». В ее мире это считалось огромным достижением.

Всю жизнь Джейн утомляли расспросы незнакомых людей на вечеринках, интересовавшихся ее родом занятий, а теперь об этом никто даже не спрашивал. Пытаясь определить ее место в социальной иерархии, жители Авадапквита любопытствовали, есть ли у нее дети, а услышав «нет», тут же прекращали разговор, словно отсутствие детей было заразной болезнью.

Эллисон назвала очередной номерок, выигравший купон на десять долларов на починку тормозов в автомастерской. Победителем оказался старичок лет семидесяти, невысокий, коренастый, с тонкими серебристыми волосами. Джейн его помнила. Он занимался вывозом мусора и был

тезкой знаменитого писателя — Джона Апдайка? Или Стейнбека? Мусорщик вечно околачивался возле их дома на своем пикапе и помогал матери возить тяжелую мебель. Та платила ему улыбкой, отвешивала комплименты его физической силе и приглашала выпить пива на веранде.

Эллисон объявила пятнадцатиминутный перерыв, и Джейн заметила в углу троих мужчин примерно ее возраста. Самый высокий налил кока-колу в три пластиковых стаканчика. Другой огляделся, достал фляжку из кармана кофты с капюшоном и плеснул немного в каждый стаканчик.

Может, тут все уже пьяные? И поэтому им так весело? Джейн их не осуждала. Она завидовала. Из фляжки лилась янтарная жидкость — виски, догадалась Джейн. Она помнила его вкус и сразу представила, как жидкость обожжет язык и мягко согреет горло. Вечер мигом станет приятнее.

Джейн не пила уже три месяца. Вернувшись в дом матери месяц назад, первым делом вылила весь алкоголь в раковину. Несколько бутылок дешевого каберне, джин, водка, бурбон, скотч. Даже пробовать не тянуло. Тогда Джейн решила, что желание выпить уже никогда не возникнет, но, видимо, ошиблась. Сейчас ей хотелось подойти к

компании в углу и опрокинуть содержимое всех трех стаканчиков прежде, чем ребята успеют опомниться.

Тем не менее Джейн направилась к столу в поисках сладкого. Теперь вместо выпивки она ела сладкое.

Городская пекарня находилась по соседству с винным магазином. У Джейн появился новый ритуал, который, вероятно, был не лучшим решением ее проблемы, но все же. Она ходила мимо полок с совиньон-блан и каберне, раздумывая, какое вино бы купила, если бы пила, до тех пор, пока ее не начинало тошнить от этого процесса. Тогда Джейн шла в соседнюю дверь и брала полдюжины эклеров; три съедала в машине сразу, еще до приезда домой. Любой психотерапевт счел бы подобное поведение неразумным, поэтому Джейн не ходила к психотерапевтам.

Она купила банку колы и брауни и съела последний в два укуса, затем подошла к столику возле сцены, где делали анонимные ставки. Эллисон сказала, что за более ценные лоты выручали по несколько сотен долларов. Лоты предлагались следующие: ночь в гостинице «Святой Аспин-

кид»[7] от Эллисон и Криса; сорокапятиминутный массаж от некоего Целителя Ганса и двухгодичный запас мульчи.

Джейн взяла лежавшую на столе ручку и стала рисовать в воздухе круги, пытаясь найти что-то стоящее, на что поставить. Ей не были нужны эти призы, но подруга вложила в организацию столько труда. Джейн хотелось ее поддержать.

За несколько часов до начала аукциона Джейн помогла перевезти подарочные корзины, пожертвованные разными людьми и стоявшие на кухне у Эллисон.

— Ни одного нормального приза, — в панике сказала Эллисон. — Дебби Махоуни сняла с полки четыре книжки в бумажной обложке, завернула в целлофан и теперь ходит и называет себя «спонсором клуба книголюбов». А этот чудик Хэнк набил корзину просроченными конфетами, оставшимися с Хеллоуина. Вот что у них в голове? Ведь деньги пойдут на благое дело!

Эллисон направляла вырученные деньги в городской стипендиальный фонд. В свое время фонд выплатил стипендию Джейн. Мать Элли-

---

[7] Примечания: 7

Святой Аспинкид — вероятно, мифическая фигура вождя племени абенаки, который принял католичество и обращал в христианскую веру индейцев из своего племени.

сон, Бетти, тогда возглавляла торговую палату и проследила, чтобы деньги достались именно Джейн. Их было немного — хватило на покупку учебников на один семестр, — но Джейн нравилось думать, что город ее поддерживает. А если не город, то хотя бы Бетти.

Отсутствие Бетти сегодня очень чувствовалось. Все спрашивали Эллисон, как дела у матери, и было ясно, что они в курсе ее болезни.

— Держится, — повторяла Эллисон.

Самым популярным лотом оказалась мульча: на нее поставили уже пять человек. Джейн повысила ставку на десять долларов и написала свое имя напротив лота. Если выиграет — подарит сестре, а может, мульча пригодится во дворе: Джейн жила в доме матери уже месяц, но до сада так руки и не дошли. Ей ни разу в жизни не приходилось иметь дело с мульчей.

Когда она закончила, оказалось, что прошло всего пять минут пятнадцатиминутного перерыва.

Джейн достала из сумки телефон. Интересно, что делали интроверты на многолюдных мероприятиях до изобретения смартфонов? Смотрели в стену?

Она взглянула на экран и притворилась, будто

там что-то срочное и ей обязательно надо ответить.

На самом деле на экране не было ничего нового. Ни одного пропущенного звонка и сообщения с тех пор, как Джейн в последний раз проверяла. Может, в ратуше нет сигнала? В Авадапквите часто пропадала связь. Бывало, телефон слишком долго молчал; ей становилось тревожно, и она выезжала на Тихоокеанское шоссе посмотреть, не звонил ли Дэвид или ее начальница Мелисса.

Та молчала с тех пор, как Джейн покинула Кембридж. При мысли о ней Джейн сразу вспоминала о случившемся, и ее пронизывала боль, словно она случайно обожглась о горячую конфорку. Джейн даже вздрагивала всякий раз.

Иногда Дэвид присылал голосовые. Они договорились летом почти не общаться, но иногда возникали практические моменты, без обсуждения которых никак нельзя было обойтись.

Раньше они посылали друг другу не меньше пары десятков сообщений в день: ссылки на статьи, напоминавшие о совместном путешествии, событии или разговоре, даже без подписи — контекст и так был ясен. Рецепты, книжные обзоры, трейлеры. Тысячи сообщений «что бы приготовить на ужин?». Все, без чего немыслима

совместная жизнь.

Теперь остались лишь напоминания о нем и больше ничего. Импульс поделиться, прилив дофамина оттого, что она нашла что-то, что ему понравится, натыкался на кирпичную стену реальности: они больше не разговаривали.

В противоположном углу Джейн заметила Эйба Эдамса: он помахал ей рукой. В последний раз они виделись на похоронах ее матери; с тех пор Эйб еще сильнее раздался в талии.

Эйб говорил с худым лысеющим мужчиной, который стоял к ней спиной. Джейн подошла поздороваться и слишком поздно поняла, что собеседник Эйба — Дэниел Кэнаван. Этот козел целый год водил мать за нос, утверждал, что «боится ответственности», а потом бросил ее в Рождество и смотался во Флориду с другой женщиной, на которой немедля женился.

Джейн с Дэвидом с самого начала ему не доверяли, но мать ничего не желала слышать.

Когда же это было? Пять лет назад? Шесть?

— Дэн. Ты же знаешь Джейн Флэнаган? — спросил Эйб.

— Конечно, — ответил Кэнаван. — Как Ширли? Вот бы с ней повидаться, пока я здесь. Вспомнить старые добрые деньки.

При этом его брови похотливо зашевелились. Джейн его ненавидела. Самодовольный слизняк, от которого разило одеколоном. Мать на таких всегда западала.

— Она умерла, — сказала Джейн.

— Господи. — Кэнаван схватился за грудь. — Серьезно?

— Я бы так шутить не стала, — ответила она.

Кэнаван откланялся, а Эйб посмотрел на нее и усмехнулся.

— Беднягу только что бросила третья жена, — сказал он, глядя ему вслед.

— Прекрасно ее понимаю, — ответила Джейн.

Эйб рассмеялся.

— Ты как, малышка?

Встречая Эйба, она всегда радовалась.

Прошло без малого двадцать лет с тех пор, как они работали вместе на катере. Она до сих пор помнила сценарий экскурсии. Целые фразы с точностью до слова всплывали в памяти, когда Джейн лежала в кровати и не могла уснуть или чистила зубы. Недавно вспомнилось: «Лишь пятьдесят процентов женских особей лобстера могут производить икру». Она слышала свой звонкий жизнерадостный голосок: «Мы помечаем их и выпускаем в море. Они слишком ценны,

их нельзя употреблять в пищу. Те лобстеры, которых вы видите у себя на тарелке, — женские особи, неспособные к размножению. В природе они бесполезны».

Как туристы на это реагировали? Она уже не помнила. Теперешней Джейн — бездетной и тридцатидевятилетней — это казалось бестактным. Грубым. Странно, что никто из туристов ее не послал.

— Приехала на выходные? — спросил Эйб.

— Вообще-то, я здесь уже месяц, — ответила она.

— Месяц! А почему я тебя не видел?

«Потому что я почти не выхожу из дома и нарочно избегаю общения», — подумала Джейн.

— Я была занята, — ответила она.

— Я и сам давно не показывался в городе, — признался Эйб. — Гостил у внуков. Но в понедельник открывается сезон. А зачем приехала так надолго?

— Мы хотели подготовить мамин дом к продаже. Он давно пустует. Я временно не работаю, решила взять перерыв, приехала и разгребаю хлам. Не понимаю, почему мы раньше этого не сделали.

Эйб мрачно кивнул.

— После смерти Хелен я только через четыре года разрешил ее сестре вывезти вещи, — проговорил он. — Та все повторяла, что знает одну женщину, которая сошьет из одежды Хелен лоскутное одеяло. Всегда мечтал получить одеяло вместо жены.

Джейн сочувственно улыбнулась. Эллисон говорила, что Хелен умерла. Джейн даже хотела приехать на похороны, но новость застигла ее на конференции в Финиксе. Она отправила цветы, красивые. А через месяц получила от Эйба записку, написанную его крупным мужским почерком: в ней он благодарил ее за «роскошный букет» и добавлял, что не надо было тратиться. Джейн стало стыдно.

— А как твой муж? — спросил Эйб. — Запамятовал, как его зовут.

— Дэвид.

— Точно. Как Дэвид?

— У него все хорошо, — ответила Джейн, отвернулась и посмотрела в сторону.

Ей казалось, она расплачется и все расскажет Эйбу, стоит только посмотреть ему в глаза: «У него все хорошо, особенно теперь, когда он наконец избавился от своей ужасной жены, которая напилась в стельку на рабочем мероприятии и

обнималась со своим помощником на глазах у начальницы, лучшей подруги Дэвида. Да-да, ты не ослышался, Эйб: я одним выстрелом разрушила брак и карьеру».

Джейн задумалась: а поверит ли ей Эйб, если она все ему расскажет? Как большинство ее знакомых, он наверняка считал, что она неспособна на такую подлость.

— Он приехал с тобой? — спросил Эйб.

— Нет, к сожалению. Ему надо работать.

Джейн глубоко вздохнула и попыталась собраться и не заплакать.

Боль от потери матери была связана с несбывшимися надеждами. Они так толком и не поговорили на важные для нее темы. И теперь уже не поговорят никогда. Но боль от потери Дэвида ощущалась как что-то материальное. Джейн считала их отношения близкими к идеалу.

— Отпуск длиной в целое лето — плюс профессорской работы, — с гордостью заметил Эйб, будто Джейн была его дочерью.

Джейн не была профессором, и ей не полагался отпуск длиной в лето. В отличие от Дэвида. Но она не стала поправлять Эйба.

Она много раз пыталась объяснить матери, в чем заключалась ее работа, и всякий раз без-

успешно. Кажется, мать думала, что Джейн — библиотекарь. Знакомым она говорила, что ее дочь работает в Гарварде, потому что «даже конченый кретин знает, где Гарвард».

Через некоторое время Эйб отошел, и Джейн опять осталась одна. Вернулась Эллисон и обняла ее за плечи. Джейн тут же стало спокойно на душе.

— Ты кое-что выиграла, — сказала Эллисон.

— Надеюсь, корзинку с просроченными конфетами?

— Нет. В анонимном аукционе. Мы только что закрыли прием ставок.

— О, значит, мульчу!

— Нет. Подарочный сертификат на сеанс у медиума.

Эллисон протянула Джейн листок бумаги.

— Я даже не видела этот лот. И точно на него не ставила, — Джейн отчего-то расстроилась, что ей не досталась мульча. Может, она по ошибке все же поставила на медиума?

— Вообще-то, это мой подарок тебе, — призналась Эллисон. — Возьми его, пожалуйста, ради меня. Никто не делал ставки, а я не хочу обижать медиума. Я бы сама его купила, но тогда она бы догадалась… ведь я попросила ее участвовать.

Понимаю, ты не веришь в медиумов, и наверняка это обман. Но я вижу, как тебе больно. Может, тебе и полезно будет попробовать поговорить с мамой.

Джейн огляделась, словно искала кого-то, кто мог бы засвидетельствовать эту абсурдную сцену. Попыталась придумать остроумный ответ, но смогла лишь выпалить:

— Что?

— Прошу, возьми, — повторила Эллисон. — Ради меня.

Джейн кивнула, зная, что никогда не пойдет к медиуму. Сертификат будет лежать в ее бумажнике годами, пока его края не загрязнятся и не истреплются, как старая плюшевая игрушка.

Но Эллисон будто прочла ее мысли и произнесла:

— У нее есть только одно окошко для записи — второй вторник июля, девять утра. Я дам ей твой адрес. Обещай, что откроешь дверь.

3

Медиума звали Клементина.

«Подходящее имя», — подумала Джейн.

В назначенное утро Джейн проснулась в шесть оттого, что пес ее матери, Уолтер, начал скулить.

Эта часть дня теперь давалась ей труднее всего. Просыпаться. Вспоминать, где она и почему здесь оказалась.

Померанский шпиц Уолтер весил четыре фунта и напоминал оранжевую мочалку. Глядя на него, Джейн всякий раз думала о лисьих хвостах, которыми оборачивали шею героини старого кино. Он постоянно линял. Все вокруг было в шерсти. Брюки Джейн, диван, ковер. Стоило пропылесосить, и через пять минут по углам снова собирались шерстяные комочки.

Мать обожала Уолтера и относилась к нему лучше, чем к детям. Джейн не сомневалась, что она любила его больше. После ужина мать расставляла тарелки на полу, Уолтер их облизывал, а потом она отправляла их в посудомойку. Дэвиду однажды пришлось отвернуться, чтобы его не стошнило; кажется, это было на Пасху, когда они

приезжали в гости.

Когда Джейн с Дэвидом навещали мать, та говорила:

— Джейн, сходи выгуляй братика.

Джейн отвечала:

— Собака мне не братик.

Уолтер тявкал на все проезжающие автомобили, курьеров и бегунов, осмелившихся перебежать ему дорогу. Ему было шесть лет. Померанские шпицы жили в среднем пятнадцать. Джейн погуглила.

Ей всегда казалось, что поскольку матери было нечего ей дать, то и наследовать нечего. Но Уолтер был хуже, чем ничего. На самом деле мать не собиралась оставлять его Джейн или еще кому-то. Она не написала завещание, хотя за много месяцев до смерти знала, что конец неизбежен.

Сестра Джейн заявила, что с радостью взяла бы Уолтера, вот только у Макса аллергия на собак.

— Кто такой Макс? — спросила Джейн.

— Приятель Джейсона, — ответила Холли, будто обидевшись, что сестра не в курсе. — Он временно живет с нами.

С тех пор как Джейсон стал подростком, за Холли закрепилась слава мамы-пофигистки, привечающей у себя всех отщепенцев. К ней при-

ходили дети, которые не ладили с родителями и не хотели больше жить дома. Отчасти Джейн восхищалась сестрой. В доме Холли не существовало порядка, ее никак нельзя было назвать ответственным взрослым, но, возможно, именно потому она так хорошо подходила для этой роли.

Джейсону исполнился двадцать один год. Он работал в баре, по-прежнему жил с матерью, а та продолжала пускать его неприкаянных друзей и знакомых на несколько дней, а то и недель. Но Джейн не верила, что Холли не хочет увозить к себе собаку из-за аллергии Макса. Скорее всего, она просто не хотела ее брать, как и Джейн.

А больше взять было некому. И после похорон Джейн с Дэвидом забрали Уолтера в Кембридж, хотя арендодатель не разрешал держать домашних животных. Шпица приходилось выносить на прогулку тайком.

Когда через несколько месяцев Джейн снова привезла Уолтера в Мэн, он был счастлив. Носился по комнатам старого дома, нарезал круги, и Джейн даже порадовалась вместе с ним, пока не поняла, что он ищет ее мать. Точнее, *свою* мать.

Джейн похлопала по матрасу, приглашая Уолтера запрыгнуть в кровать. Она не любила спать с собакой, но иногда таким образом удавалось уго-

ворить Уолтера продлить сон хотя бы на полчаса. Вот только не сегодня. Уолтер перестал скулить и начал непрерывно лаять.

— Ладно, иду, — буркнула Джейн.

Она надела лифчик, оставшись в пижамных штанах и футболке, в которых спала, кроссовки, и они с псом вышли на улицу.

Утро выдалось замечательное. Солнце уже палило вовсю. Большинство домов на их улице сдавались на лето: по субботам с середины июня до Дня труда[8] в каждый дом заселялась новая семья. Эти люди были очень дружелюбны. Увидев Джейн, всегда кивали в знак приветствия, заводили речь о погоде, просили порекомендовать хороший ресторан. Дальше этого разговоры не заходили. Джейн это вполне устраивало.

Сейчас на улице никого не было. Все еще спали. Они ведь приехали в отпуск.

Она подошла к перекрестку, перешла на другую сторону Шор-роуд и зашагала по мощеной дорожке с уклоном под горку.

Название города — Авадапквит — на языке индейцев означало «место, где прекрасные утесы встречаются с океаном». Эта фраза стала девизом

---

[8] Примечания: 8

День труда — национальный праздник в США, который отмечается в первый понедельник сентября.

Авадапквита. Он был повсюду: на щите, встречающем туристов у въезда в город, в каждой брошюре и на туристических картах. Авадапквит славился не только утесами, но и другими природными сокровищами. Здесь были леса, речка, океан, песчаные дюны, три мили пляжей, а над всем этим великолепием нависала гора Мекви.

В детстве и юности Джейн никогда не придавала этому значения. Но теперь, поколесив по миру и побывав в разных местах, осознала, что вид с этого холма мало с чем сравнится.

Она спустилась с возвышенности и зашагала по скалистой тропинке вдоль бухты, где на мелководье покачивались два десятка рыболовецких лодок и парусников. Пешеходный мостик соединял тропинку с противоположным берегом, где тянулся аккуратный ряд сувенирных лавок, а за ним простирался океан.

В этот час в бухте не было никого, кроме ловцов лобстеров в оранжевых резиновых комбинезонах. Зонты во дворике лобстерной Чарли все еще были сложены, стулья убраны на ночь. Через несколько часов подростки в накрахмаленных белых рубашках будут сновать от столика к столику, разнося жареные мидии и ромовый пунш. Бухту заполонят туристы с колясками и фургона-

ми, доверху нагруженными пляжным скарбом.

Сто двадцать лет назад в бухте жили рыбаки. Теперь в низких домиках с деревянной черепицей располагались картинные галереи и сувенирные лавки, где продавалась дорогущая керамика, новогодние игрушки в виде маяков и ловушек на лобстеров и футболки с дурацкими каламбурами на тему пляжного отдыха.

В кондитерской горел свет. Джейн учуяла запах шоколада. В глубине зала находилось окно с лучшим видом на океан в городе; по обе стороны выстроились прилавки с ирисками на морской воде в вощеной бумаге. Ириски были расставлены по цветам; приятные пастельные оттенки радовали глаз.

На пороге рыбного ресторана стоял серый пластиковый ящик с живыми лобстерами. Джейн вспомнила корзины со свежими буханками, которые оставляли пекари на пороге ресторанов в Кембридже в предрассветные часы. Они с Дэвидом отправлялись на утреннюю пробежку, а когда возвращались, корзин уже не было.

Джейн перестала бегать больше года назад, но до сих пор считала себя спортсменкой и по утрам всякий раз собиралась выйти на пробежку. Собиралась, но почему-то не выходила. Возмож-

но, из-за пса. С ее рабочим графиком тратить время и на прогулку, и на пробежку было просто непозволительно. Но теперь Джейн не работала, времени у нее было хоть отбавляй, а она все равно не бегала.

Со смерти матери она ощущала странный разрыв с собственным телом. Оно будто стало существовать отдельно от нее. Поначалу Джейн автоматически выполняла свою работу, потом перестала. Теперь автоматически разгребала хлам в доме матери. Но на большее у нее словно не было сил. Ее мозг парил в пространстве; она выживала за счет кофеина и сахара и заталкивала сложные эмоции подальше в глубину сознания, чтобы подумать о них «как-нибудь потом».

На краю бухты находился вход на Прибрежную тропу — мощеную дорожку длиной в полторы мили, тянущуюся вдоль океана и соединяющую бухту с городом и пляжем. Соленый воздух ударил Джейн в нос; морской ветерок холодил щеки.

Они с Уолтером зашагали по пустынной тропе. Через пару часов здесь будет не протолкнуться и идти придется, лавируя в толпе. Но сейчас тропа принадлежала им одним. Уолтер поднял лапку и пописал на траву. Джейн посмотрела на горизонт, на пенные волны, разбивающиеся о скалы,

приливные бассейны с ракушками-прилипалами и качающимися в воде водорослями. Целые вселенные сформировались за ночь и исчезнут к полудню.

Они ненадолго остановились на пляже, который местные называли «маленьким», — лоскуток песчаного берега, появлявшийся меж утесов только в отлив. Джейн вспомнила лето, когда ей было четырнадцать: они с бабушкой сидели на полотенце в красно-белую полоску и читали романы. Она даже помнила, какие именно. Дочитывали и менялись книгами. Последнее лето с бабушкой запомнилось особенно четко. Не верилось, что той больше нет. Все на этом пляже напоминало о ней. Все на свете.

Ее бабушка влюбилась в Авадапквит; так семья Джейн оказалась здесь. Бабушка переехала в Мэн вскоре после смерти мужа, когда матери Джейн было десять.

Джейн всегда восхищалась бабушкиной силой. В те времена было сложно воспитывать ребенка в одиночку без всякой поддержки. А бабушка справилась и даже поступила в колледж и выучилась на педагога.

Когда Джейн спрашивала, как ей это удалось, та лишь пожимала плечами. «У меня не было

выбора, — отвечала она и добавляла: — Я знала, что Бог меня не оставит».

У бабушки не было родных. У родственников мужа имелись деньги, но после его смерти они обрубили с ней контакты. Бабушка решила взять дочь и переехать в Авадапквит, потому что любила отдыхать там летом, а в несезон в курортном городе сдавали жилье за бесценок. Она зарабатывала уборкой домов; этим можно было заниматься где угодно.

Жилье, которое она сняла, а потом выкупила, было маленьким и простеньким. Его построили в 1920-х годах как летний домик; на улице стоял целый ряд таких же, и они располагались так близко друг к другу, что через открытое окно было слышно бряцание вилок у соседей за завтраком.

Сразу за входной дверью находилась кухня-гостиная. В глубине дома — две спальни и ванная. Окна фасада выходили на высокие сосны; если посмотреть направо, можно было увидеть парковку мотеля «Прилив». Бабушка обожала этот дом. Он был скромным, но ее собственным.

Когда Джейн училась в десятом классе, она однажды искала что-то в ящике на кухне и нашла копию закладной на дом — аккуратно сложенный листок в белом конверте. На закладной

стояла не бабушкина подпись, а имена и подписи каких-то мужчины и женщины. Джейн спросила мать, что это за люди, и та в ответ вздохнула.

— Никто, — ответила она. — Туристы, бабушка убиралась в их доме. Наверно, со временем она выплатила им долг. У нее не было денег на первый взнос, а кредит ей не давали.

— То есть у нее не было возможности взять кредит, — проговорила Джейн.

— Именно, — ответила мать.

В последующие годы Джейн много об этом думала. Представляла эту сцену: бабушка, наступив на гордость, просит о помощи почти незнакомых людей. Людей, чьи туалеты мыла. Джейн хотелось плакать, когда она об этом размышляла. Хотелось найти родственников давно умершего деда и потребовать от них ответ: как те посмели так обойтись с ее милой доброй бабушкой? Хотя наверняка они сами давно умерли.

Бабушкин дом много значил для Джейн, хотя с разными периодами ее жизни были связаны разные ассоциации.

В детстве они с Холли каждое лето приезжали к бабушке на каникулы. Джейн никогда не видела, чтобы ее мать читала что-то, кроме журнала «Пипл», но у бабушки на полках всегда стояли

книги, а на кофейном столике лежали новинки из библиотеки. От нее Джейн передалась любовь к истории. Она возила ее на экскурсии на ферму Э. Б. Уайта[9]. Вместе они посетили все маленькие музеи в округе.

Джейн помнила, как впервые зашла в этот дом после смерти бабушки. Как странно было находиться среди вещей бабули в ее отсутствие.

К моменту отъезда в колледж Джейн прожила в этом доме дольше, чем где-то еще. Ее мать оставалась в нем до самой смерти. Это был их первый и единственный семейный дом.

Теперь она снова тут оказалась. Временно, но все же.

Джейн не знала, почему решила приехать именно сюда, когда в ее жизни все пошло наперекосяк. Она считала Авадапквит домом, но с этим городом ее не связывали теплые, нежные воспоминания. Ей никогда не было здесь уютно. Однако в периоды кризиса Джейн действовала инстинктивно, и инстинкт привел ее сюда.

Теперь дом хранил память не только о матери, но и о бабушке. Их жизни наложились друг на друга, и бабушкина стеклянная посуда соседство-

---

[9] Примечания: 9

Элвин Брукс Уайт (1899–1985) — американский писатель, автор известных детских книг «Паутина Шарлотты» и «Стюарт Литтл».

вала с маминими пластиковыми контейнерами. Бабушкин фарфоровый сервиз стоял на полке рядом с маминими большими кофейными кружками, а в ящике стола, куда бросали всякий мусор, лежали бабушкины красные пластиковые четки и розовые зажигалки матери.

На подоконнике пылилась бабушкина коллекция ракушек, две засушенные морские звезды, целехонькие, совсем не поломанные, и плоский морской еж. Бабушка утверждала, что нашла ежа на пляже утром в отлив, но Джейн за всю жизнь не видела на берегу ежей, только в сувенирной лавке на Мэйн-стрит.

Когда Джейн с Дэвидом приезжали в город, они снимали домик в другом районе. Мать всегда обижалась, хотя сама устроила в бывшей комнате Джейн склад из подержанной мебели.

— Там где-то должна быть отличная кровать, — говорила она. — Надо просто поискать.

Месяц назад Джейн решила повесить одежду в свой старый встроенный шкаф. Открыла его и увидела, что он забит маминими платьями. Там все еще витал ее запах.

Тогда она решила брать одежду прямо из чемодана, складывать туда же и пытаться примириться с хламом, пока не решит, как им

распорядиться.

По работе ей часто приходилось иметь дело с имуществом женщин, находившихся на пороге смерти. Джейн серьезно относилась к своим обязательствам, но часто наблюдала, как люди слишком привязываются к вещам и погрязают в материальном. Сама она обращалась с пожитками безжалостно: отдавала всю одежду, которую не надевала год; раз в неделю вычищала холодильник, а ненужные письма сразу выбрасывала.

Их с Дэвидом дом был опрятен и скупо обставлен, каждый предмет мебели отбирался тщательно. Джейн не допускала подхода «и так сойдет», которого придерживалась ее мать.

Сейчас и всякий раз, когда прогуливалась по Прибрежной тропе, Джейн слышала свой юный голосок, доносящийся с катера Эйба Адамса и усиленный дребезжащим микрофоном: «Эти скалы — одни из старейших в мире, им пятьсот миллионов лет. А на месте знаменитой Прибрежной тропы когда-то плескался океан глубиной несколько тысяч футов».

В это верилось с трудом. Местами темные утесы были испещрены белыми кварцевыми прожилками, кое-где — светло-серыми пятнышками.

Цветные вкрапления рассказывали историю формирования земной коры: лава пробивалась на поверхность, застывала и становилась камнем.

Бабушка Джейн воспринимала океан как постоянную величину, константу, на которую можно положиться, как на самого Иисуса Христа. Но из-за потепления климата и эрозии почвы вдоль всего побережья Джейн теперь испытывала тревогу даже при виде океана, хотя это был ее любимый вид на свете, и мать и бабушка тоже его любили.

Однажды утром много лет назад мать Джейн стояла и любовалась этими утесами и сверкающей океанской гладью, а потом заявила: она хочет, чтобы ее прах развеяли в этом самом месте. Мать произнесла эти слова радостно, будто планировала отпуск, который будет длиться вечно.

Они не развеяли прах. Пока не успели. Тот лежал в прозрачном целлофановом пакетике в металлическом ящичке, а ящичек — в зеленом бумажном пакете, в шкафу в маминой комнате. Всякий раз, когда Джейн видела этот шкаф и пакет, она испытывала слабый укол вины. Она редко заходила в комнату матери, где та умирала.

Джейн вспомнила об этом и рефлекторно

вздохнула.

Перед смертью мать начала задыхаться, и Джейн пообещала себе, что отныне никогда не будет принимать как должное способность дышать. Она привыкла идти по многолюдной улице и смотреть на прохожих, замечая поверхностные черты. Красивое пальто, пышные вьющиеся волосы, слишком толстые щеки, обвисшие брыли. Но после смерти матери Джейн будто начала видеть людей насквозь, и ей казалось чудом, что в набитом битком кинотеатре или пробке вокруг нее стучало столько сердец, столько почек вымывало токсины, столько нейронов вспыхивало в головах, выполняя свою функцию. В один-единственный момент времени столько организмов работали слаженно.

В воде плескались серферы в гидрокостюмах. По берегу бродили старики с металлоискателями.

Через месяц после свадьбы Джейн с Дэвидом приехали в Авадапквит на выходные и остановились в «Святом Аспинкиде». Однажды утром Дэвид рано встал и пошел купаться, а за завтраком заметил: пропало обручальное кольцо. Джейн сказала, что это неважно; купят новое. Но Дэвид очень расстроился. Вернулся на пляж на закате и предложил старикам с металлоискате-

лями награду в тысячу долларов — вдвое больше стоимости кольца. Они искали, но так ничего и не нашли. Наверно, кольцо унесло приливом или какой-нибудь малыш зачерпнул его ведерком вместе с песком. Тогда это казалось огромной потерей.

Двадцать минут спустя Джейн вернулась в бухту и заметила у входа в новую модную кофейню меловую доску с надписью крупными розовыми буквами. В кофейне подавали веганские маффины и капучино с рисунками на пенке; Джейн такое заведение в Авадапквите казалось ненужным, но у входа всегда выстраивалась очередь.

Она подошла ближе и прочла надпись на доске: «Вы стоите на земле, украденной у индейцев абенаки».

В последнее время Джейн неоднократно видела подобные надписи в Канаде, куда ездила на конференции и в музеи. В США движение за права коренного населения еще не набрало такую популярность, как у соседей, и Джейн удивилась, увидев подобное заявление в Авадапквите.

В окрестностях многие места носили индейские названия. В случае с природными памятниками это казалось оправданным: река Мекви или сам город Авадапквит назывались так же, как

во времена, когда здесь проживало коренное население.

Но Джейн всякий раз передергивало, когда она проезжала мимо офисного комплекса «Абенаки» в Уинстоне. На логотипе банка «Шомут» красовался бюст вождя Оббатиневата, но банк основали белые. Родители Эллисон назвали гостиницу в честь святого Аспинкида, вождя племени патуксетов и героя местных преданий, который жил в семнадцатом веке, но они не имели к вождю никакого отношения, да и само существование Аспинкида вызывало сомнения.

Некоторые случаи и вовсе казались Джейн вопиющими. По пути из Кембриджа в Мэн она проезжала Согус, городок в штате Массачусетс; со стороны Тихоокеанского шоссе виднелось здание школы, украшенное фреской с изображением индейца в традиционном головном уборе в несколько этажей высотой и громадной надписью: «Согус: здесь рождаются вожди».

Когда жители Новой Англии пытались отдать дань коренным американцам, они всегда говорили о них в прошедшем времени. Однако надпись на доске перед кофейней не просто констатировала, что некогда на этой земле жили индейцы. Она обвиняла в воровстве. Но зачем возмущаться, что

земля была украдена, если никто не собирался ее возвращать?

В прошлом году в Гарварде группа студентов впервые потребовала признать принадлежность земли, и у Джейн возник спор с Мелиссой и Дэвидом. Те считали, что это важно сделать, что это шаг в правильном направлении. Но Джейн казалось, что одного признания недостаточно, тем более в Гарварде с его сложной историей отношений с коренными американцами, восходящей к самому его основанию.

Несколько лет назад студенты-антропологи начали раскопки «индейского колледжа» прямо в центре кампуса. Индейский колледж был основан триста пятьдесят лет назад и служил единственной цели — привитию сыновьям индейских вождей пуританских ценностей, чтобы те, в свою очередь, распространили эти идеи в своих племенах.

Луи Агассис, профессор Гарварда и основатель гарвардского Музея естественной истории, живший в девятнадцатом веке, был ярым приверженцем краниометрии — теории, согласно которой размеры человеческого черепа отражают интеллект. Для экспериментов чаще всего использовали черепа коренных американцев,

добытые путем разорения могил: в то время ученые и военные совсем не считали это зазорным. Агассис утверждал, что, поскольку черепа представителей разных рас отличаются по размеру, не все люди являются прямыми потомками Адама и Евы; Богом создана лишь белая раса.

Именно Агассис и его соратники сформулировали само понятие расы и заложили фундамент расовой сегрегации. Их теорию использовали для оправдания рабства и геноцида американских индейцев. Ученые основали чудовищную традицию, которую по примеру Гарварда подхватили все крупные американские университеты и музеи, — раскапывать могилы черных и коренных американцев и использовать их тела в «исследовательских целях».

В 1990 году был принят федеральный закон, обязавший образовательные и музейные учреждения составить каталог человеческих останков и сакральных погребальных предметов, содержащихся в их коллекциях, чтобы впоследствии вернуть их законным владельцам, если выяснится их принадлежность к одному из пятисот семидесяти четырех официально признанных племен. На представителей племен также возлагалась обязанность доказать, что предметы

действительно принадлежат им и обладают сакральным значением. Однако многие племена были уничтожены и прекратили свое существование; им, разумеется, ничего не вернули. В коллекции Гарварда все еще оставалось около семи тысяч человеческих останков — две трети первоначального собрания Музея археологии и этнологии Пибоди.

Имя Агассиса до сих пор вырезано над входом в Музей естественной истории. Внутри, в стеклянных витринах, где прежде хранились украденные сакральные предметы, теперь тянутся пустые полки с табличками, объясняющими причину отсутствия экспонатов. Пустые витрины казались Джейн похожими на призраков. Не спрашивая напрямую, они молчаливо задавали вопрос, объяснявший нежелание музеев и университетов расставаться с украденным: «Если мы отдадим эти экспонаты, чем мы их заменим?»

Еще более насущным был вопрос земли, на которой, собственно, Гарвард построили.

Джейн сфотографировала надпись на телефон и автоматически нажала «поделиться», чтобы переслать фотографию Дэвиду и Мелиссе. Но потом передумала, убрала телефон в карман и пошла дальше.

Уже у самого дома Джейн заметила на подъездной дорожке маленькую красную машину. За рулем сидела женщина.

Из опущенного окна высовывалась толстая голая рука.

Женщина, кажется, спала с открытым ртом.

— Доброе утро, — сказала Джейн, приблизившись; она не знала, как обратиться к гостье.

Незнакомка распахнула глаза.

— Джейн?

— Да.

— Я Клементина. Приехала пораньше.

Почти на два часа.

Джейн заглянула в машину. На полу у пассажирского кресла валялись скомканные обертки от фастфуда, бумажные стаканчики и черно-белые распечатанные карты. На сиденье лежали свитер, примятая соломенная шляпа и рулон бумажных полотенец.

— Мы можем начать позже, — предложила Клементина. — Но если ты не против, разреши зайти на минутку — очень надо в туалет. Я уже три часа сижу в машине. Выехала в четыре утра.

— Ого, — ответила Джейн и задумалась, зачем та выехала так рано.

— Люблю смотреть восход, — сказала Клемен-

тина. — И думала, пробки будут, но долетела с ветерком. Повезло. Но мне правда очень надо в уборную. Слышу, как мать говорит: «Надо было сходить в туалет на заправке в Кенненбанке!» Но мама, тогда я еще не хотела в туалет!

Джейн вытаращилась на нее. Клементина *на самом деле слышала* голос матери, напоминающий, что можно было сходить в туалет на заправке, или это было образное выражение?

У Джейн возникло неприятное чувство, что в ее пространство вторгаются. Она не успела принять душ, проверить почту и сварить кофе. На ней по-прежнему были пижамные штаны.

До приезда Клементины Джейн планировала позвонить Эллисон. Узнать, что именно та рассказала о ней этой женщине. Джейн не знала, как себя вести. Давать ли чаевые? Похожа ли работа выездного медиума на работу курьера по доставке еды, кому время от времени перепадают заказы и чье благосостояние зависит от щедрости незнакомцев? Или медиумы считают себя профессионалами вроде хороших водопроводчиков, которые чинят трубы и воспринимают чаевые как оскорбление?

Эллисон отправила Джейн ссылку на сайт Клементины. Джейн нашла странным, что у яс-

новидящей есть сайт в интернете, хотя почему, собственно, нет?

На страничке крупными буквами значилось имя: Клеметина Уэмбли. И род занятий: «сертифицированный медиум и ясновидящая».

«Интересно, кто сертифицирует медиумов», — подумала Джейн. А еще заметила в имени Клементины опечатку.

Она нажала на страничку с отзывами, затем перешла в раздел «Услуги и цены».

Предсказание: $100 (30 минут) / $180 (60 минут)
Праническое целительство: $125
Гипнотерапия: $75
Девичники / дни рождения: $300 + оплата бензина и платных дорог (до 10 чел., 120 минут)

Хотя все это казалось надувательством, Джейн протестовать не стала. Решила принять медиума ради Эллисон и, как со всеми предстоящими событиями, которые ее страшили, притворилась, что это еще нескоро.

Но Клементина приехала и уже выходила из машины. Она была довольно высокого роста, около ста семидесяти пяти сантиметров, и огромная

— гигантский бюст колыхался под бесформенным фиолетовым платьем. Живот и руки напоминали желе. Волосы были рыжие, кожа — белой и гладкой, как молоко.

— О, привет! — воскликнула Клементина, будто обращаясь к старому знакомому.

Она смотрела не на Джейн. О боже, неужели она разговаривает с призраками? Джейн поняла, что не вынесет этот спектакль.

Тут до нее дошло, что Клементина обращалась к Уолтеру. Песик сидел, задрав нос, с поистине царственным видом. Джейн никогда не видела, чтобы он вел себя так спокойно в присутствии посторонних: обычно Уолтер сходил с ума, носился как бешеный и непрерывно тявкал.

Джейн провела Клементину в дом и показала, где туалет.

— Вот эта дверь, — сказала она.

Из кухни было слышно, как Клементина заперлась в уборной. Зажурчала струя. Все это время Клементина тихо напевала.

Раздался звук смыва, включился и выключился кран, открылась дверь туалета. Клементина вышла. Кажется, она уже не собиралась уходить.

— Извините за бардак, — автоматически вырвалось у Джейн.

— Не извиняйся. Я все понимаю.

Джейн хотела заметить, что ее бардак не идет ни в какое сравнение с бардаком на переднем сиденье в машине Клементины и, если бы та поступила как все нормальные люди, которые катаются по городу или гуляют, случись им приехать на встречу раньше положенного, Джейн успела бы прибраться. Вдобавок дом был не ее, и бардак тоже. Но она промолчала.

— Шоссе во вторник просто сказка, никаких пробок, — проворковала Клементина. Она бродила по комнате, притрагивалась к вещам, брала маленькие безделушки и вертела их в руках, как в сувенирной лавке. Хорошо, наверно, быть медиумом: можно вести себя странно, ведь именно этого от тебя ждут.

Джейн стало любопытно, что она ищет. Дух ее матери, который все еще хранится в тех вещах? Большинство безделушек достались матери от кого-то. Вместо семейных реликвий Флэнаганы берегли коллекцию предметов, проданных другими семьями за доллар. Может, в этих предметах живет вовсе не дух ее матери, а энергия предыдущих обладателей?

Вера в сверхъестественное всегда натыкалась у Джейн на такого рода логические нестыковки.

При ближайшем рассмотрении картинка становилась неправдоподобной. Когда Джейсону было четыре, ему сказали, что рай находится на облаках, а он спросил, бывали ли случаи, когда кто-нибудь падал с неба и приземлялся другому человеку на голову.

— Обычно клиенты вызывают меня по субботам, — пояснила Клементина. — Я всегда так радуюсь, когда назначают встречу в будни. А кем ты работаешь, Джейн? Ты, наверно, сама себе хозяйка?

— Нет. Я работаю в библиотеке Шлезингеров в Гарварде. Это архив, посвященный истории американских женщин.

Если Клементина в самом деле медиум, она должна знать, что Джейн там больше не работает. Что ее уволили. Вернее, *отправили в отпуск*, как выразилась Мелисса в тот кошмарный последний день. Но Джейн догадывалась, что «отпуск» — это эвфемизм и обратно ее никто не позовет.

Клементина сочувственно на нее посмотрела. Может, на самом деле знала, но из вежливости решила ничего не говорить?

На всякий случай Джейн добавила:

— На лето я в отпуске.

— Приезжай в Лагерь Мира, — сказала Клемен-

тина. — Я перебираюсь туда на лето. Это лагерь на частном острове недалеко от Бар-Харбора.

— Лагерь Мира, — повторила Джейн.

— Да. Одно из первых мест, где начали собираться спиритуалисты. У него удивительная история. Тебе как архивисту будет очень интересно. Если хочешь, я как-нибудь тебе все расскажу, покажу старые дневники, фотографии, плакаты. У нас очень много материалов.

— С удовольствием, — соврала Джейн.

Узнав, чем она занимается, люди постоянно пытались подсунуть ей историю своей бабушки, которая якобы стала первым адвокатом, пекарем или ландшафтным дизайнером в США и достойна занесения в архив. Джейн сбилась со счету, столько раз ей об этом говорили. Каждый считал свою историю достойной архива.

— Может, вам что-то принести? Кофе? Воду? — спросила Джейн, надеясь сменить тему.

— Нет, спасибо, — ответила Клементина. — Начнем?

Джейн задумалась, а не отправить ли ее сидеть в машине до назначенного часа. Но поняла, что все это время проведет в тревоге о предстоящем сеансе. Лучше покончить с ним скорее и дальше заниматься своими делами.

Они сели за маленький кухонный стол матери напротив друг друга. Это был дешевый стол из коричневой клееной фанеры с рисунком деревянных прожилок. Джейн терпеть его не могла. Мать нашла этот стол на гаражной распродаже и оставила лишь потому, что на него никто не позарился.

Клементина достала из сумочки три розовых кристалла размером с мячики для гольфа и положила у ног бабушкиной статуэтки Богоматери, которая стояла на столе, сколько Джейн себя помнила.

Джейн переводила взгляд со статуэтки на кристаллы и обратно. Она скептически относилась и к вере, в которой ее воспитали, и к незнакомке, сидевшей напротив.

Джейн с бабушкой никогда не ссорились; единственным предметом споров между ними была католическая церковь.

Когда после смерти бабушки случился скандал с совращением малолетних католическими священниками, Джейн задумалась: заставило бы это бабушку отвернуться от церкви? Или та продолжила бы ходить на мессу в церковь Святого Антония каждое воскресенье в восемь утра, как по необъяснимой причине делали некоторые

прихожане?

Джейн казалось, что ответ ей известен, но, возможно, она просто надеялась, что бабушка отреагировала бы именно так. В том-то и проблема с покойниками: рано или поздно они становятся плодом нашего воображения.

— Твоя подруга Эллисон кое-что рассказала мне о вашей ситуации, — произнесла Клементина. — В прошлом году твоя мать перешла в другое состояние, верно? Напомни ее имя.

— Ширли, — ответила Джейн.

Она вдруг почувствовала себя ужасно уязвимой.

— А как все это работает? То есть… что именно вы делаете? — спросила Джейн.

Она где-то прочла, что лучший способ избавиться от нежелательного внимания — начать задавать встречные вопросы.

— Я слышу легкий звон, как звонок колокольчика, — пояснила Клементина. — Если прислушаться, можно услышать больше. Голоса. Послания от духов.

— А мертвые говорят с вами, когда вы не хотите их слышать? — поинтересовалась Джейн. — Или вы можете включать и выключать их, как радио?

Клементина посмотрела на нее так, будто Джейн спросила, мокрый ли дождь.

— Мертвые похожи на бесцеремонных родственников, Джейн. Являются без приглашения, когда им вздумается. Я, конечно, могу попробовать их выключить, как ты выразилась. Обычно я так и делаю, иначе мне не будет покоя. Но они все равно приходят. В любое время дня и ночи.

— У вас всю жизнь была эта способность?

— Мой первый дух-проводник явился ко мне в восемь лет. Я рассказала родителям, но те только посмеялись, — ответила Клементина. — А когда я начала говорить о призраке в школе, учитель позвонил домой и спросил, все ли у нас в порядке, не происходит ли чего странного. И тогда родители рассердились. А дома на самом деле происходило странное, но с тех пор я об этом помалкивала. Понимаешь почему?

Джейн кивнула. Она не купилась на россказни о духах, хотя ей стало любопытно, что именно происходило дома у Клементины.

— Дети более восприимчивы к призракам, — продолжала та. — Они более открыты. Но со временем взрослые приучают их не верить. Внушают, будто призраки — их воображаемые друзья, и постепенно дети сами начинают так

думать. В одном исследовании ученые предположили, что малыши до пяти лет замечают волны электромагнитного спектра, невидимые для взрослых. Есть доказательства, что призраки видны лишь в ультрафиолетовом излучении и только дети до пяти лет могут видеть их невооруженным глазом.

— Интересно, — пробормотала Джейн, задумавшись, что это за доказательства и исследования и какие «ученые» их проводили.

Клементина глубоко вдохнула и закрыла глаза.

— Сначала я прошу своих духов-проводников помочь пригласить призраков сюда. Ого. Вот это скорость. Она уже здесь. Полная женщина. Такая жизнерадостная, ну прямо солнышко. Все время улыбается. Седые волосы.

Джейн покачала головой. Ее мать выглядела совсем иначе.

— Она долго тебя оберегала, — добавила Клементина.

Джейн открыла было рот возразить и напомнить, что мать умерла всего год назад и этот год был сплошной катастрофой.

Но Клементина продолжала:

— Мэри? Мария?

— Мэри, — подтвердила Джейн. — Это бабушка.

Броня сомнений треснула, и в трещинку проник луч света. В то же время в голове задвигались шестеренки; мозг отчаянно пытался опровергнуть услышанное. Все бабушки полные, у всех седые волосы, а Мэри — распространенное имя. Клементина могла погуглить, как звали ее бабушку. Наверно, нашла некролог матери, который написала Джейн. Там так и говорилось: «дочь покойной Мэри Флэнаган». Клементина наверняка знала бабушкино имя и уточнила, звали ли ее «Мэри или Мария», чтобы сбить Джейн с толку.

— Мэри всегда рядом, — проговорила Клементина. — Тебе когда-нибудь чудилось, будто тебя кто-то направляет? Допустим, ты принимала важное жизненное решение и тебе казалось, будто кто-то принял его *за тебя*? Подтолкнул в нужную сторону? Это была она.

Джейн тотчас вспомнила, как в выпускном классе поехала в Уэслианский колледж на день открытых дверей. Двое суток ее сердце бешено билось. Ладони все время были мокрые. Она молилась, чтобы никто не пожал ей руку. Джейн чувствовала: в колледже ей не место, девочки из частных школ и горластые радикальные акти-

вистки с бритыми головами, которые вели себя так, будто знали друг друга всю жизнь, не примут ее в свой круг. И все же ей было волнительно осознавать, что она будет жить среди них. Джейн знала, она добьется своего, хотя это казалось невозможным.

То же чувство возникло у нее, когда она познакомилась с Дэвидом. Вернувшись домой с их первого свидания — ужина в тапас-баре на Кендалл-сквер, — Джейн уже понимала, что он ей подходит. На следующий день Дэвид перезвонил и позвал ее не на ужин (хотя ужинать они тоже пошли), а на однодневный показ «Милого сэра»[10] в кинотеатре «Брэттл» через два месяца. Оба ни на секунду не сомневались, что через два месяца не разонравятся друг другу.

Клементина сказала:

— Твоя мама передает: она тоже здесь. Сидит рядом с бабушкой. Но есть и третий человек. Девушка, подросток. Нет. Моложе. Девочка. Сидит на коленях у бабушки. Имя начинается на Д. Знаешь ее? Она твоя родственница?

Джейн задумалась, но не вспомнила никого, чье имя начиналось бы на букву Д.

---

[10] Примечания: 10

«Милый сэр» — фильм 1958 года с Кэри Грантом и Ингрид Бергман в главных ролях. Классика голливудского кино.

— Дейдра? Нет, не Дейдра. Она здесь с твоей бабушкой.

— Извините, — ответила Джейн. Ей стало стыдно, будто она не сдала экзамен.

— Твоя мама предлагает пойти сесть на улицу. Говорит, ты редко выходишь на веранду.

— Наверно, она права, — проговорила Джейн и замялась, не зная, должна ли выполнить волю матери.

Клементина встала.

— Сюда?

Джейн вышла за ней. Они сели на веранде, устроившись в пластиковых креслах. Мать любила сидеть там по утрам и высматривать колибри. А Джейн раньше никогда не видела колибри, впервые заметила только месяц назад, и с тех пор они попадались ей постоянно, всякий раз напоминая о матери.

Мать торчала на крыльце и по вечерам — курила, слушала шорох зверей в кустах. Рядом всегда стояла бутылка вина.

Джейн пару раз замечала в кустах оленей или диких куропаток, в последнее время особенно часто. В районе шла активная застройка, повсюду вырастали новые дома и кондоминиумы. Диким животным было некуда деться, и они забредали

во дворы. Люди удивлялись, фотографировали. Потом уставали от зверей и начинали воспринимать их как досадную помеху.

— Да, так намного лучше, — сказала Клементина. — Мама говорит, что перед смертью вы здесь жили?

— Она всегда здесь жила. Это ее дом, — ответила Джейн. — И перед смертью я была с ней, это правда.

— Но ты выросла в другом месте, — заметила Клементина; это был не вопрос, а утверждение.

— Не совсем. Мы переехали в Авадапквит, когда я училась в девятом классе. До этого дом принадлежал бабушке; она умерла, и мы перебрались сюда.

Клементина кивнула.

— Ясно. — Она рассмеялась. — Бабушка говорит, ей не понравилось, когда вы перекрасили кухонные шкафы в зеленый. Как вы только додумались, говорит.

«Неужели она все это сочиняет?» — подумала Джейн. Если так, что это за жизнь — ездить по чужим домам и говорить людям, что их бабушкам не понравилось, в какой цвет перекрасили кухню? Высматривать детали, цепляться за них и выдумывать.

Заметив, что Джейн не отвечает, Клементина продолжала:

— В вашей семье сильные женщины.

— Да, — кивнула Джейн. Вряд ли Клементина говорила кому-нибудь из своих клиенток «в вашей семье слабые женщины».

— В этом доме было много любви. Так бывает почти в каждой семье. Но я чувствую и враждебность, жестокие слова, произнесенные в этих стенах, — сказала Клементина. — Потерю контроля.

— Мать была алкоголичкой, — ответила Джейн. — Когда выпивала, иногда вела себя ужасно.

Джейн привыкла видеть сочувственные взгляды, следовавшие за признанием, что она выросла с матерью-алкоголичкой. Ей ничего не стоило заслужить сочувствие, это было даже слишком легко. И она ощущала в этом несправедливость, будто сама эта фраза ставила ее особняком.

В доме залаяла собака. Уолтер лаял на все подряд: на проезжавшие машины, муравьев, свою тень.

— Извините, — сказала Джейн. — Это безумный пес. Лает на все подряд.

Клементина кивнула:

— Животные чувствуют присутствие духов.

Джейн растерянно моргнула. Она совсем не это имела в виду, но возражать не стала.

— Значит, вы жили в этом доме вдвоем, — продолжала Клементина. — Вы с мамой.

— Нет, еще была моя сестра, Холли.

— Ах да. Яблочко от яблоньки недалеко упало. Это бабушка сейчас говорит про твою сестру.

— Так и есть, — удивилась Джейн.

У них даже прически были одинаковые, и обе красились в один оттенок блонда.

— А ты чувствовала себя чужой в этой семье? — спросила Клементина.

— Нет, — ответила Джейн. — Не особо.

Джейн всегда радовалась, что не похожа на мать с сестрой.

— Ты всегда была хорошей послушной девочкой, — сказала Клементина.

— Да, — подтвердила Джейн. А про себя подумала: «И да и нет».

Тут Клементина добавила:

— По крайней мере, изо всех сил старалась, чтобы люди считали тебя хорошей.

Джейн вздрогнула: ясновидящая попала в точку. Может, Клементина на самом деле читает мысли или просто хорошо разбирается в людях?

Или это одно и то же?

Для Джейн всегда было очень важно, чтобы их с Дэвидом брак отличался от типичных отношений матери с мужчинами. В браке ей было спокойно, надежно, он основывался на доверии. Да, они с Дэвидом любили друг друга, но это было не главное; их связывала взаимная симпатия. Их брак служил прочной опорой, на него можно было положиться. До недавних времен.

Клементина затрясла головой, будто пыталась вытряхнуть воду из уха.

— Прости, Джейн, но Д снова пытается пробиться. Та девочка. Хочет, чтобы ты передала сообщение ее матери… Говорит, другого шанса не представится.

— А кто ее мать? — спросила Джейн.

— Не знаю. Но Д говорит, что она не виновата. Велит передать матери, что упокоилась в воде. В Лейк-Гроув ее больше нет.

— В Лейк-Гроув? В загородном клубе?

Клементина пожала плечами:

— Я плохо знаю этот район.

— Но почему эта девочка хочет, чтобы я передала сообщение? — спросила Джейн.

— Мало ли почему. Может, и нет особой причины.

— Ерунда какая-то.

Клементина моргнула:

— Воспринимай меня как телефон. Я просто передаю то, что слышу, но не всегда догадываюсь, что это значит.

— Простите, — ответила Джейн.

— Это бесит, — заметила Клементина. — Поверь, я прекрасно понимаю. Сейчас тебе может казаться, что я говорю чепуху, но ты запомни мои слова. Потом в какой-то момент все встанет на свои места.

Джейн попыталась представить Клементину в домашней обстановке: как она готовит ужин или смотрит телевизор. Есть ли у нее муж? Дети? Была ли когда-нибудь нормальная работа? Да и можно ли назвать работой то, чем она сейчас занимается, или это так, халтурка? Джейн представила Клементину в разных ролях: учительницы, фармацевта, сотрудницы кинотеатра. Ни одна роль ей не подходила.

— Твоя мама твердит: несмотря на все, что было, она старалась как могла, — сказала Клементина.

Джейн ощетинилась. Когда она пыталась заговорить с матерью о своем детстве, та вечно повторяла, что «старалась как могла». Джейн это бесило. Этот ответ сводил на нет всякую критику.

Что сказать в ответ на «я старалась как могла»?

И правда ли это? Если мать старалась, а Джейн этого все равно было недостаточно, значит, виновата она, Джейн?

С годами их телефонные разговоры все чаще стали заканчиваться напряженно. Иногда одна из них вешала трубку, особенно по вечерам, когда мать уже была пьяна. После она никогда не извинялась. Общение возобновлялось лишь благодаря семейному чату. Джейсон присылал смешной анекдот или фото контрольной по математике с большой красной пятеркой в уголке; они с матерью присоединялись к обсуждению, и восстанавливался мир.

Потом мать умерла, и все, о чем умалчивалось, так навсегда и осталось недосказанным. Джейн месяцами ходила и злилась, просыпалась вся в поту после кошмаров, в которых кричала на мать, чтобы та вернулась и они наконец выяснили отношения. Дэвид ее успокаивал.

Иногда Джейн позволяла ему себя обнять и благодарила за теплоту. А иногда его объятия казались удушающими. Она уходила в гостиную и досыпала в кресле. Она не любила, чтобы ее утешали. Всю жизнь Джейн утешала себя сама. Умом понимала: с мужем она в безопасности, но никак

не могла отключить инстинктивную боязнь, что Дэвид навредит ей, если она не будет осторожной. Ее скачки настроения истощали обоих. Джейн прекрасно осознавала, как это утомительно.

— Мама желала тебе лучшего, но она тебе завидовала, — сказала Клементина.

«Верно», — подумала Джейн. Иногда она грустила оттого, какой примитивной была жизнь матери по сравнению с ее собственной. Но стоило ей попытаться вмешаться, это всегда плохо заканчивалось. Однажды Джейн пригласила мать поехать с ней в Рим в командировку полностью за ее счет, но та сказала, что у нее много работы.

Как-то раз Джейн приехала в Авадапквит и пригласила мать на ужин. В городе открылся новый фермерский ресторан, Джейн слышала превосходные отзывы и предложила туда пойти. Когда она училась в школе, с закрытием летнего сезона в городе жизнь замирала, все рестораны переставали работать или переключались в режим забегаловки, где подавали только роллы с лобстером. Теперь же в округе можно было вполне прилично поужинать. Джейн выбрала заведение, где блюда готовили только из экологически чистых продуктов с местных ферм. И фермы эти выращивали не только кукурузу и

помидоры, но и кейл, черемшу и побеги страусника. На закуску подавали утиную грудку, дикого лосося и ньокки ручной лепки.

Джейн была в восторге, все казалось вкусным.

Но мать вела себя странно и подозрительно озиралась.

— Повар из Портленда? — прошептала она, повторив за официантом. — Так я и думала. Сплошной выпендреж.

Она оставила половину ужина на тарелке.

— В Лагере Мира есть одна девушка, Эванджелина, она проводит погружение в прошлые жизни, — сказала Клементина. — Она верит, что дети и родители выбирают друг друга. И не всегда для того, чтобы быть счастливыми. Иногда таким образом человек пытается проработать конфликт или научить чему-то другого. Эванджелина сказала, что мы с моей матерью в прошлой жизни были супругами и жили в несчастливом браке.

— Вы с вашей матерью?

Клементина кивнула с таким спокойным видом, будто всего лишь призналась Джейн, что у них с матерью был одинаковый размер ноги.

Ранние детские воспоминания Джейн были счастливыми. Мать делала сальто в гостиной, когда «Патриоты» выигрывали чемпионат. Раз-

решала им с Холли не спать допоздна и смотреть «Династию»; в итоге они втроем засыпали в ее кровати. Она танцевала и готовила на ужин замороженные вафли со взбитыми сливками, если ее хорошенько попросить. Влюбившись, летала на крыльях и была полна надежд. Перед уходом на свидание целовала дочерей, нарочно оставляя на щеках отпечатки помады, и брызгала своими духами.

Но чаще она была не в настроении, мучилась с похмелья и переживала, что очередной ухажер не оправдал ее ожиданий. Или не позвонил, хотя обещал. В таком случае она запиралась в комнате и дулась, предоставив дочек самим себе. Сейчас, когда дети друзей начинали жаловаться, что их заставляют ложиться спать, выключать телевизор или чистить зубы, Джейн хотелось стиснуть их пухлые щечки и сказать, как им необыкновенно повезло, что кто-то заставляет их все это делать, потому что кому-то на них не плевать.

Полтора года назад матери диагностировали четвертую стадию рака легких. Джейн с Дэвидом тут же засуетились. Друг друга Дэвида был одним из лучших онкологов Центра Дана-Фарбер[11].

[11] Примечания: 11

Центр Дана-Фарбер — передовой центр комплексного лечения и исследований рака в Бостоне.

Пациенты со всего мира записывались к нему на прием. Дэвид позвонил и попросить принять мать вне очереди. Врач согласился и записал ее в программу клинических испытаний нового препарата.

Но мать отказалась. Не захотела ездить в Бостон и проводить последние месяцы жизни, мучаясь из-за химиотерапии. Джейн предложила пожить у них с Дэвидом, на что мать ответила:

— Мне будет неудобно.

— Но надо же лечиться, — возразила Джейн по телефону.

— Будь что будет, — сказала мать.

Через несколько дней Джейн разговаривала с сестрой, и та сказала:

— Мама целыми днями сидит в интернете, смотрит. В три часа ночи присылает мне ссылки.

Джейн удивилась и обрадовалась. Она и сама целыми днями просиживала в интернете и в этот самый момент переписывала в блокнот двадцать суперфудов, помогающих бороться с раком, и думала, как бы подсунуть их в выпечку, чтобы мать не заметила.

— И что она смотрит? — спросила Джейн.

— Чем заняться в Вегасе, — ответила Холли. — Скидки на отели и прочее.

— Что?

— Она тебе не говорила? Хочет, чтобы мы все вместе поехали. Только и думает, что об этой поездке. Хотела отметить там семидесятилетие, но поскольку теперь вряд ли доживет до семидесяти… — Холли не договорила.

— Какой бред, — ответила Джейн. — И это так вредно. В Вегасе все прокурено.

— Какая разница? — возразила Холли. — Поезд уже ушел. К тому же мама сама курит.

— Уже нет, — возразила Джейн. — Она же на кислороде.

В трубке повисло молчание.

— Боже, Холли, ты шутишь.

— На самом деле мне кажется, что эта поездка — хорошая идея. У нее появилась цель.

И они поехали. Холли и Джейсон, Дэвид и Джейн. И Ширли. Три дня и три ночи они играли в автоматы, отъедались за шведским столом и старались не ссориться. О раке никто ни разу не заикнулся. Мать Джейн флиртовала с незнакомцами, пила коктейли, курила как паровоз и танцевала в мини-платьях с блестками.

На обратном пути в самолете Джейн посмотрела фотографии, сделанные за эти три дня. Она знала, что больше никогда не поедет в Вегас.

Тогда она поняла, что есть вещи, которые мать умеет делать гораздо лучше нее, — например, веселиться ради веселья. Просто жить в свое удовольствие.

Джейн оторвалась от телефона и заметила, что мать на нее смотрит. Они улыбнулись друг другу; наверно, в этот миг между ними возникло редкое взаимопонимание.

Мать умерла пять месяцев спустя.

Она хотела умереть дома. В последние ее дни Джейн приехала в Мэн помогать Холли.

Все это время она раз в неделю заказывала матери экологически чистые продукты, чтобы та ела больше овощей. Приехав, она обнаружила свои покупки нетронутыми в холодильнике на разных стадиях разложения. Сморщенные сладкие перцы и мягкие помидоры. Темно-зеленые листья шпината, превратившиеся в жижу на дне тонкого целлофанового пакета.

Вечером она нашла книгу об истории коллекционирования антиквариата с автографом автора — она подарила ее матери на прошлое Рождество. Книга лежала на подоконнике; мать использовала ее, чтобы подпирать открытое окно. Страницы покоробились от дождя.

Свои последние дни мать пролежала на кро-

вати, запрокинув голову и глядя в пространство. Сестры не знали, куда она смотрела и видела ли что-нибудь перед собой. Она мучилась от боли и стонала часами. Джейн с Холли клали ей под язык таблетки с морфином, иногда сильно превышая назначенную доктором дозу.

Они меняли ей подгузники, мыли ее, вставляли свечи и смачивали водой потрескавшиеся губы. Иногда переворачивали, чтобы не появились пролежни, но те все равно появлялись. Джейн казалось, что все это происходит не с ней. Они с Холли пили беспробудно, иначе это было не пережить. Весь комод был уставлен пустыми винными бутылками; те валялись и на полу.

Как-то раз пришла медсестра из хосписа проверить состояние матери и измерить пульс. Эти визиты длились не более пяти минут, но благодаря им Джейн и Холли сохраняли здравый рассудок и вспоминали, что за стенами их дома жизнь по-прежнему идет своим чередом и они не убивают мать, как им порой казалось. В некрологах потом опишут это жуткое многодневное умирание как «она мирно умерла в своей постели в окружении семьи».

Пока медсестра была в доме, вырубилось электричество. Оказалось, мать несколько месяцев не

платила по счетам.

— Как в старые добрые времена, — пробормотала Холли, сидя в темноте.

В детстве они бесконечно беспокоились о деньгах. Джейн никогда не понимала, почему мать просто не может найти нормальную работу. Им постоянно присылали предупреждения по почте, звонили по вечерам. Бывало, в дверь стучался арендодатель, возмущенный очередной задержкой оплаты или липовым чеком. Они часто переезжали.

Джейн клялась: она помнила, как они брали бесплатную еду из корзины с пожертвованиями в подвале церкви, но Холли заявляла, что такого никогда не было. Потом сестры сошлись на том, что их мать была слишком горда и не приняла бы подачки. Когда они шли в «Макдоналдс» и мать заказывала пять бургеров за доллар, а кассир предлагал добавить сыр, она всегда отвечала: «Сыр есть у нас дома». Не из-за детей — они-то знали, что сыра дома нет, — а чтобы не ударить в грязь лицом перед прыщавым подростком в бумажной шапочке за кассой.

Повзрослев, Джейн продолжала бояться, что деньги закончатся; она боялась этого, даже когда вышла замуж. Страх бедности проявлялся в

самые неожиданные моменты; порой она сама удивлялась. Если в доме заканчивались продукты, Джейн начинала паниковать, хотя знала, что в любой момент можно пойти в магазин и купить еще. Когда Дэвид включал радиаторы на слишком высокую мощность или оставлял включенной лампу в комнате, где никого не было, ей хотелось все выключить и экономить электричество. Джейн оторопела, когда на Рождество они поехали домой к его родителям и она увидела гостиную, какие прежде видела только в кино: елка до потолка в окружении подарков, завернутых в красную и серебряную бумагу.

Из-за денег Джейн боялась заводить детей. Иногда по ночам ее охватывала паника, и она представляла, как удача вдруг повернется к ним спиной, они не смогут обеспечить детей и придется сдать их в детдом. Она знала, что этого никогда не случится, но страх был сильнее.

Холли ударилась в другую крайность. Сестра считала, что достойна лучшего, даже если это не соответствовало реальному финансовому положению. Она арендовала «лексус»; никогда не покупала Джейсону ношеные вещи, даже если зарабатывала гроши. Гордость не позволяла.

Джейн взглянула на Клементину, сидевшую в

любимом кресле матери. Значит, та утверждает, что Джейн нарочно выбрала себе такое воплощение? Какой абсурд.

— Время почти вышло, — сказала Клементина. — Но перед уходом хочу спросить еще кое о чем. — Она заговорщически улыбнулась. — Ты случайно не беременна?

Джейн чуть не подавилась.

— Еще чего, — выпалила она.

Пару месяцев назад она постоянно думала об этом; они с Дэвидом это обсуждали, но теперь сама мысль о беременности казалась настолько абсурдной, что Джейн опешила.

— На всякий случай сделай тест. А то бабушка твердит что-то о ребенке. Поет колыбельные, — сказала Клементина. — Говорит, что рада, что у нее будет правнучка. Может, твоя сестра беременна?

— О боже, надеюсь, нет.

— Может, я что-то не так услышала. Иногда бывает, и мы… о, Джейн, прости. Опять эта Д повторяется. Духи вечно твердят одно и то же. Просит передать сообщение своей маме. Прости. Не хочу тебя обременять. Но лучше запиши. Она очень настойчива. Лейк-Гроув. Говорит, ты все поймешь.

Джейн набрала в заметках телефона:

Лейк-Гроув. Говорит, ты все поймешь.

Клементина оперлась о подлокотники и встала. Окинула взглядом двор. Он был маленький, но живописный и уединенный. Тут росли кусты голубики, помидоры, базилик, белые розы, пионы и кизил, посаженный еще бабушкой.

— Теперь ясно, почему твоя мать захотела, чтобы мы вышли на крыльцо, — сказала Клементина. — Знаешь, Джейн, если захочешь сама с ними поговорить, просто сядь здесь. Покой и тишина помогают наладить контакт с миром духом. Вот увидишь.

Джейн почему-то стало жаль, что медиум уходит.

Она поняла, что все это время ждала, когда Клементина упомянет Дэвида. Джейн сняла обручальное кольцо; если бы оставила, Клементина наверняка заметила бы и прокомментировала. Теперь Джейн об этом жалела. Ей хотелось бы знать, что духи сказали бы про них с Дэвидом, даже если это все неправда. Впрочем, если без кольца Клементина не догадалась, что Джейн замужем, значит, все это и впрямь выдумки.

— Приезжай в лагерь до конца лета, посмот-

ришь, как у нас там все устроено, — сказала Клементина по дороге к машине. — Мне кажется, тебе будет интересно.

На прощание она обняла Джейн, но, прижав ее к себе, отдернулась, как от удара током.

— Ох, Джейн, — выпалила она, — тебе так больно.

То же самое сказала Эллисон после аукциона. Как будто они с Клементиной тайком ее обсуждали.

— И дело не в матери. Дело в тебе, Джейн. Ты сделала что-то плохое, — сказала Клементина. — Ты должна посмотреть правде в глаза. Иначе она тебя погубит.

4

— Ну, как все прошло? Рассказывай.

— Любопытно. И странно.

Джейн сидела за столом напротив Эллисон и Криса. Они расположились на крыльце «Святого Аспинкида»; Крис принес кувшин лимонада и три стакана. Раньше они пили белое вино. Джейн брала с собой бутылку. Она просила Эллисон не воздерживаться от выпивки из-за нее, но та ответила, что на самом деле не любит алкоголь и после вина ей всегда хочется спать. Джейн втайне обрадовалась.

Со стороны они, наверно, выглядели как туристы, ведущие приятную послеобеденную беседу. Но каждые пять минут подходил кто-то из гостей и требовал свежие полотенца, просил порекомендовать хороший ресторан или починить кондиционер.

Крис вскакивал и убегал решать проблемы. Эллисон отдыхала; это был ее час. Они свято чтили свободное время, которое появлялось лишь благодаря тому, что другой брал заботы на себя. У них было двое детей; они жили во флигеле, где

когда-то выросла Эллисон, и придерживались того же графика, какой раньше соблюдали ее родители: вставали в пять утра, варили кофе, пекли свежие булочки и жарили омлеты.

— Кое-где она попала пальцем в небо, — сказала Джейн. — Но отдельные моменты угадала довольно точно.

— Да! — воскликнула Эллисон. Джейн уже описала ей встречу с Клементиной в общих чертах по телефону. — Например, она знала, как выглядела твоя бабушка и как ее звали! С ума сойти. И что вы с матерью и сестрой все время ссорились. Большинство медиумов просто сказали бы: твоя мама очень тебя любила!

— А ты ей много обо мне говорила? — спросила Джейн.

— Я сказала, что твоя мама умерла и что ты, скорее всего, не поверишь в то, что она скажет. Заранее извинилась за грубость.

Джейн рассмеялась.

— А что за девочка с именем на Д? — спросила Эллисон. — «В Лейк-Гроув меня больше нет» — что это значит? Я погуглила, решила проверить, может, в загородном клубе кого-то убили? Но ничего не нашла. А еще позвонила Тедди Маккарти, он там сто лет управляющим работает.

— Естественно, ты позвонила Тедди, — пробормотала Джейн.

— Он сказал, что в клубе никогда никого не убивали, насколько ему известно. Но потом перезвонил и вспомнил, что однажды у них умерла девушка. Официантка. Случайно съела креветку, а у нее была смертельная аллергия. Отек Квинке. Рухнула замертво прямо в фойе. Но ее звали Энн Тейлор. Имя не на Д. Впрочем, мы не можем знать наверняка; возможно, Д убили на поле для гольфа и там же зарыли, просто никто об этом не знает.

— Кажется, кто-то слишком много смотрит криминальную хронику, — заметил Крис.

— А с какой стати эта Клементина навязывает мне чужие проблемы? — спросила Джейн. — Я теперь должна каким-то образом передать это сообщение маме Д, хотя понятия не имею, кто она?

— Вряд ли это можно назвать навязыванием, — заметила Эллисон. — Медиум не выбирает, кого слушать, а просто передает услышанное.

— Верно, — согласилась Джейн. — И зачем я обратилась к медиуму? Ах, погоди, я не обращалась.

— Прости! — воскликнула Эллисон. — Откуда я знала, что она полезет к тебе с поручениями?

— Ну да, ты же не ясновидящая, — поддел ее

Крис.

— Допустим, я выясню, кто такая Д. Но кто сказал, что ее мать захочет со мной разговаривать? Я, незнакомый человек, приду к ней и скажу что? Что призрак ее дочери велел передать сообщение через меня? — Джейн пожала плечами. — И почему призраки всегда хотят сообщить близким, что они «упокоились»? Почему никто не говорит «загробный мир — полный отстой, заберите меня отсюда»?

— А я вот что подумал: если она ясновидящая, почему до сих пор не стала миллионершей? — вмешался Крис. — Разве она не может угадать номера выигрышных лотерейных билетов?

Эллисон недовольно на него посмотрела.

— Крис.

— Что?

— Это все равно что спросить высокого человека, играет ли он в баскетбол.

Крис склонил голову набок:

— Правда?

Когда Эллисон с Крисом поженились, у Джейн имелись сомнения. Почему умная, веселая, жизнелюбивая Эллисон захотела связать свою жизнь с парнем, которого знала с детского сада? Джейн казалось, их ждет очень скучная и примитивная

жизнь. Но спустя много лет они по-прежнему были влюблены и смеялись вместе.

— Однажды в детстве на Рождество я увидела призрак двоюродного дедушки, — вспомнила Эллисон. — Он появился за ужином в бабушкином доме. Двоюродная бабка привела нового кавалера, и дед рассердился.

Джейн с Крисом переглянулись.

— Я не вру! — воскликнула Эллисон.

— Почему ты мне никогда об этом не рассказывала? — спросила Джейн.

— Понятия не имею. Подумаешь, призрак. Разве такое не случается постоянно? Особенно в детстве. Дети видят призраков чаще, чем взрослые. Известный факт.

— Да, Джейн, известный факт, — прыснул Крис.

Джейн улыбнулась:

— Клементина об этом упоминала. А еще говорила про прошлые жизни и объяснила, как родители и дети друг друга выбирают. Мол, они хотят проработать проблемы в отношениях из прошлой жизни.

— Я в это верю, — ответила Эллисон.

— Правда? — спросил Крис.

— После рождения детей я стала более открыта

к теориям о прошлых и будущих жизнях.

— Почему?

— Потому что, когда у тебя появляются дети, трудно воспринимать их как результат случайного биологического процесса, — ответила Эллисон. — У меня такое ощущение, что сама судьба привела моих детей ко мне. А тебе так не кажется?

— Возможно, — ответил он.

— И мне теперь легко представить то, что было до рождения, и то, что будет после смерти, как две точки на одной окружности.

— Не понимаю, — сказал Крис.

— Когда я была беременна Амелией и Оливером, я часто гуляла по старому кладбищу на Мэйн-стрит и разглядывала могилы в поисках подходящих имен для детей. А раньше я никогда не обращала на них внимания.

Крис кивнул.

— Жуть какая, — сказал он.

Эллисон легонько его толкнула.

— Джейн, а ты замечала, что женщины чаще верят в потустороннее? Мужчины верят в Бога, в рай и ад, но не верят в призраков и жизнь после смерти. Думаю, это потому, что они не представляют, что такое жизнь до рождения, и

не понимают, каково это — воображать, каким будет твой ребенок, и приводить его в этот мир.

Сердце Джейн болезненно сжалось. Рассказывая Эллисон о встрече с Клементиной, она умолчала о вопросе медиума про возможную беременность. Джейн знала, что не беременна, и все же, к ее смущению, ей хотелось, чтобы медиум оказалась права.

— Значит, ты веришь в призраков? — спросила Джейн.

— Скажем так: не отрицаю их существование, — ответила Эллисон.

К ним подошел высокий худощавый парень. Его фигура напомнила Джейн Авраама Линкольна, хотя на нем была клетчатая рубашка с коротким рукавом, светлые шорты и шлепанцы, а в руках он держал ноутбук.

— Здравствуйте, — извиняющимся тоном произнес он, — простите, что помешал, но…

— Ничего страшного, — ответил Крис, — мы здесь, чтобы ответить на ваши вопросы. Чем могу помочь?

— Кажется, вайфай не работает. Я уже десять минут не могу отправить письмо.

Крис встал.

— Дамы, извините, — произнес он. — Пойдемте

со мной, — сказал он Аврааму Линкольну. Направляясь в отель, Крис спросил: — Кстати, вы в баскетбол, случайно, не играете?

Эллисон улыбнулась и покачала головой.

— Между прочим, гости иногда приезжают в такую старую гостиницу и расстраиваются, что тут нет привидений, — заметила она. — Когда мы с братом были маленькими и дела шли не очень хорошо, мама выдумала легенду и рассказывала постояльцам, когда те спрашивали, почему полы скрипят и кто жил здесь раньше. А что плохого, говорила она. Со временем история обросла подробностями. Призрака звали Генерал. Якобы он останавливался в этой гостинице вместе с Джорджем Вашингтоном. Потом появился репортер из «Бостон глоуб», он писал заметку о домах с привидениями в Новой Англии. Поселился в отеле под прикрытием, начал расспрашивать мать, ну та и наплела ему всякого. И он опубликовал эту историю в «Глоуб», приняв ее за чистую монету. Мама потом долго боялась, что какой-нибудь историк напишет редактору и скажет, что никакого Генерала никогда не было. Она даже на исповедь сходила, сделала пожертвование сестрам святого Иосифа и пообещала делать его каждый год, если обман не раскроется.

— Ха, — усмехнулась Джейн, — узнаю твою маму.

Повисла тишина, как всегда, когда речь заходила о Бетти.

— Как она? — спросила Джейн. Глупый вопрос, но не спросить было нельзя.

— Да так же, — ответила Эллисон.

— А папа?

— Сама знаешь. Он ненавидит клинику. Но постоянно там, с ней. Говорит, дома стало одиноко. Скучает по маме. Хотя это уже и не она.

Родители Эллисон всегда были счастливой парой. Таким завидуют другие супруги. Всю жизнь они вместе управляли гостиницей. Воспитали двоих детей. Через сорок лет брака Ричард и Бетти, кажется, все еще не утратили искренней симпатии друг к другу. В их доме всегда звенел смех. В старших классах Джейн часто приходила к ним домой и украдкой наблюдала, как они вместе готовили ужин и разговаривали, сидели на диване, укрывшись одним пледом, и читали каждый свою книжку. Они присутствовали на всех школьных мероприятиях и всегда держались за руки. Джейн и не думала, что любовь может быть такой спокойной и надежной.

— Кстати, папа велел передать тебе спасибо,

что оформила ему подписку на доставку крафтового пива, — вспомнила Эллисон. — Он теперь каждый месяц ждет эту доставку. И пиво очень вкусное.

— Я рада, — ответила Джейн.

С тех пор как Бетти заболела, она пыталась както поддержать Эллисон и Ричарда. В дни, когда Эллисон ездила к матери в клинику и сильно уставала, Джейн заказывала ужин из ее любимого ресторана с доставкой в гостиницу: знала, что у подруги не будет сил готовить. Бетти перевезли в клинику восемь месяцев назад. С тех пор Джейн каждую неделю посылала туда любимые цветы Бетти — желтые розы и подсолнухи. Эллисон ценила ее усилия, но Джейн было стыдно, что она ни разу не приехала навестить Бетти лично.

Она сомневалась, что ей хватит моральных сил.

Бетти всегда заботилась о Джейн, сколько та ее помнила. Зимой посылала ей жестянки с печеньем, а круглый год — рецепты быстрых ужинов, обзоры новых романов и ссылки на статьи о том, как важно хорошо высыпаться и пить витамины для здоровья костей.

Джейн иногда советовалась с Бетти. Спрашивала о том, чего ее собственная мать не знала или

не хотела знать или о чем ей самой не хотелось говорить с матерью. Например, как лучше запечь курицу или как уберечь гортензии от пересыхания. Когда пора начинать использовать кремы от морщин.

У Бетти всегда находились ответы на все вопросы. Но однажды, три года назад, она забыла, где припарковалась у супермаркета, и охране пришлось звонить Эллисон, чтобы та забрала мать. Это было странно, но тогда все просто решили, что день не задался. А два месяца спустя Бетти взяла Амелию и Олли на площадку и вернулась только с Олли в коляске. Тогда Бетти отвели к врачу, и для Эллисон начался ад. Впрочем, для Бетти тоже.

С тех пор прошло три года, и Бетти перестала узнавать мужа, детей и внуков. Изменился и ее характер. Добродушная Бетти озлобилась и стала агрессивной. Срывалась на персонал клиники и на родных, когда те приходили с визитами. Ричард и Эллисон навещали ее несколько раз в неделю, но Эллисон не знала, имеют ли эти посещения какое-либо значение для матери. Отец признавался, что каждая поездка в клинику приводит его в такое уныние, что он потом плачет в машине на парковке.

Сейчас и Эллисон выглядела так, будто вот-вот заплачет, но потом у нее вспыхнул экран телефона, и она улыбнулась, глядя на фотографию, которую кто-то ей послал. Подруга показала ее Джейн.

— От няни, — сказала она. — Амелия и Олли собирают мидии на речке.

— Собирают мидии, — повторила Джейн. — Какое чудесное детство. Я в их возрасте все лето смотрела с бабушкой «Главную больницу».

Эллисон погрустнела.

— Не знаю, — ответила она. — Иногда меня мучает чувство вины. Я уделяю детям так мало внимания, особенно летом. Не представляю, как мама работала и одновременно заботилась о нас. Жаль, что нельзя с ней посоветоваться.

— Тогда дети были другие, более самостоятельные, — заметила Джейн.

— У нас не было нянь, — согласилась Эллисон. — Нас отправляли в летний лагерь при церкви Святого Антония — мы с братом терпеть его не могли, — но это было всего на три часа в день дважды в неделю.

Семья Эллисон ходила в ту же церковь, куда бабушка таскала Джейн по воскресеньям, когда та приезжала на лето. Джейн и Эллисон отчасти

и сдружились на почве разочарования в католической церкви и недоверия к организованной религии в целом. Можно сказать, их объединяло отсутствие веры.

Иногда Джейн предполагала, что они с Эллисон вполне могли увидеть друг друга в церкви задолго до того, как познакомились в старших классах. Джейн тайком проносила на службу детские книжки, спрятав их внутри молитвенника. Они с Холли придумали игру: считали разные предметы на людях, стоявших в очереди за причастием. Красные туфли, черные сумки, бородавки. Любая игра помогала скоротать этот час.

Джейн уже много лет не заходила в храм.

— В детстве я благоговела перед церковью, — призналась Эллисон. — Вся жизнь моей семьи регулировалась религиозными правилами. Теперь мы с детьми проезжаем мимо церкви Святого Антония, и они кричат: «Мама, смотри! Замок!» Они понятия не имеют, что там внутри. И в этот момент у меня всегда возникает уверенность, что я все делаю правильно. Но, естественно, я чувствую себя виноватой. Что сказала бы мама?

Они отринули католического Бога, но так и не смогли отринуть католическое чувство вины. Эллисон венчалась в церкви, чтобы не расстраи-

вать Бетти. Джейн никогда бы так не поступила, но ее вина проявлялась в другом.

— Странно, — сказала она, — по дороге сюда я думала о Клементине, а в голове крутились слова из Никейского символа веры: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым»[12]. «Видимым и невидимым» — что бы это значило?

— Хм.

— Ирландское католичество тесно переплетено с язычеством, — продолжала Джейн. — Католики не любят это признавать, но это так. И эта взаимосвязь намного теснее, чем нам кажется. А мысль, что кто-то может общаться с духами, такая же невероятная, как непорочное зачатие и вознесение на небеса.

— По мне, так более вероятная, — рассудила Эллисон.

На пороге гостиницы возникли две фигуры, большая и маленькая. Женщина примерно их возраста в платье в цветочек и белых сандалиях со стройными руками и ногами, какие бывают только у богатых домохозяек и инструкторов по

---

[12] Примечания: 12

Молитва «Символ веры» — краткое и точное изложение основ христианского вероучения, составленное и утвержденное на 1-м и 2-м Вселенских соборах.

йоге, и мальчик, ровесник Олли.

— Эллисон! — позвала женщина, но не подошла, а осталась стоять на месте.

Эллисон не ответила.

Крис вышел на крыльцо, протиснувшись мимо женщины с ребенком.

— Эллисон! — снова позвала та.

Эллисон взглянула на Криса. Тот повернулся к женщине и произнес:

— Женевьева? Чем могу помочь?

— Я хотела поговорить с Эллисон, — ответила та и подошла к столу. За ней семенил ребенок.

Крис пожал плечами и вернулся в гостиницу.

— Здравствуй, Женевьева, — поздоровалась Эллисон.

Джейн уловила нотку досады в голосе подруги и удивилась. Эллисон редко проявляла недружелюбие.

— Я хотела спросить… где тут можно купить ребенку хорошие кроссовки? Ему надо измерить ногу. Она как будто за ночь на два размера выросла.

— В Портсмуте есть хороший детский магазин, «Лоллипоп». Там и обувь есть.

— Отлично. Спасибо.

Обычно в таких случаях Эллисон продолжила

бы разговор и пошутила над тем, как быстро растут мальчики, или рассказала забавную историю о владельце детского магазина. Но она повернулась к Джейн, показывая, что беседа окончена.

Прошло несколько секунд, но Женевьева не ушла. Тогда Эллисон произнесла:

— Это Джейн, моя лучшая подруга еще со школы. Джейн, Женевьева — наша постоянная клиентка. Она приезжает каждое лето.

— Правда, в этом году мы к вам не собирались, — сказала Женевьева.

Джейн растерянно посмотрела на нее.

— Мы купили здесь дом.

Воцарилось молчание, тянувшееся невыносимо долго. Женевьева, кажется, ждала, пока Эллисон что-то скажет. А Эллисон почему-то не хотела ничего говорить.

Это было так неловко, что Джейн чуть не рассмеялась.

Наконец Женевьева произнесла:

— У нас проблема с белками. В службе контроля за вредителями посоветовали переехать на время обработки. — Она вздохнула как-то слишком картинно, как показалось Джейн, и добавила: — Клянусь, с домом в Бостоне за десять лет не было столько проблем, сколько за несколько недель с

этим летним домом.

— Вы из Бостона? — спросила Джейн.

Женевьева кивнула:

— Да, из Бикон-Хилла.

— Обожаю Бикон-Хилл, — сказала Джейн.

Это был ее любимый район. Наклонные улочки, мощенные булыжником, газовые фонари вместо электрических, живописные кирпичные особняки с сохранившимися старинными элементами — коваными решетками для чистки ботинок и лавандовыми оконными рамами. В этой части города все дышало красотой и историей.

В Бикон-Хилле проживало много известных женщин, чьи документы хранились в архиве библиотеки Шлезингеров. Особенно богата на известных женщин оказалась вторая половина девятнадцатого века. Луиза Мэй Олкотт, Гарриет Бичер-Стоу, Сара Орн Джютт[13], Ребекка Ли Крамплер, первая чернокожая женщина-врач в Америке, открывшая кабинет, чтобы помогать освобожденным рабам после Гражданской войны.

Всякий раз прогуливаясь по этому району, Джейн ощущала присутствие этих женщин,

---

[13] Примечания: 13

Сара Орн Джютт (1849–1909) — американская писательница и поэтесса, наиболее известная рассказами и очерками из жизни Новой Англии.

казавшихся ей более реальными, чем туристы с кофе в бумажных стаканчиках и с селфи-палками. Сейчас женщины Бикон-Хилла работали инвестиционными банкирами и партнерами юридических фирм или были замужем за мужчинами, занимавшими те же должности. Женевьева, скорее, относилась ко второй категории. Она упомянула, что в Бостоне у них дом. Не квартира в Бикон-Хилле, а дом! Значит, у нее денег куры не клюют.

— Джейн живет недалеко от вас, в Кембридже, — сказала Эллисон. — Она работает в Гарварде.

Подруга произнесла это таким горделивым тоном, будто Джейн только что выиграла чемпионат Америки по бейсболу.

— Джейн — управляющая библиотекой Шлезингеров в Институте Рэдклиффа, — продолжала Эллисон. — Ты наверняка слышала об этой библиотеке. Это архив с документами известных женщин. Амелия Эрхарт, Роза Паркс, Джулия Чайлд… Джейн — уважаемый в своей сфере специалист и несколько месяцев назад получила престижную награду. Закончила Йель. Кандидат исторических наук.

Джейн многозначительно посмотрела на по-

другу.

— А вы, значит, купили здесь дом? — поинтересовалась она.

— На выезде из города, — ответила Женевьева и рассеянно провела рукой по густым темным волосам сына.

Джейн снова ощутила болезненный укол в груди и подумала о предостережении Клементины. Возможно ли, что она беременна? Нет.

— Женевьева купила твой лиловый дом, — сказала Эллисон.

— Погодите, что? Это ваш дом? — встревоженно спросила Женевьева.

— Да нет, он на самом деле не ее, — ответила Эллисон. — Это мы так шутим.

К первому болезненному уколу добавился удар под дых. Джейн будто сбили с ног. Как будто она собиралась купить тот дом, а Женевьева увела его у нее из-под носа. Он столько лет стоял никому не нужный, и Джейн перестала бояться, что кто-то его купит.

Они с Дэвидом заезжали на участок всякий раз, когда бывали в городе. Однажды приехали и увидели, что кто-то вырвал из стены плиту и кухонную технику и забрал. Куда? Зачем?

Два года назад они устроили пикник на траве у

дома. Занимались любовью в открытую, ничего не опасаясь. С тех пор Джейн туда не заглядывала. Значит, то был последний раз, когда дом принадлежал только им.

Она словно потеряла близкого человека.

— А что вы о нем знаете? — спросила Женевьева.

— Да, собственно, ничего, — ответила Джейн. — Я просто… он мне всегда нравился.

— А вы знакомы с предыдущими владельцами?

— Нет.

— Когда мы его купили, это был не дом, а катастрофа, — сказала Женевьева. — Заезжайте как-нибудь, посмотрите, как мы там все отремонтировали. На самом деле я хотела спросить… а вам не интересно помочь мне навести исторические справки? Очень хочется больше узнать о первых владельцах дома. Насколько я могу судить, это была супружеская пара. На доме висит табличка с именем главы семейства, капитана Сэмюэля Литтлтона. С ними жила еще женщина, Элиза. Не знаю, как она связана с семьей. Я была бы рада узнать любые сведения. В идеале, конечно, найти фотографию семьи и выставить ее в доме, чтобы почтить память.

«Как трогательно», — подумала Джейн.

Но Эллисон вмешалась:

— Сомневаюсь, что у Джейн найдется время этим заниматься. Она очень занятой специалист.

— Ну конечно, извините, — стушевалась Женевьева. Ей, кажется, стало стыдно, но потом она добавила: — Я заплачу любую сумму, сколько скажете.

Мальчик потянул ее за платье.

— Нам пора, — сказала она, порылась в сумочке и написала что-то на листке бумаги, а потом отдала Джейн. — Вдруг передумаете и этот проект вас все-таки заинтересует.

Женевьева с сыном подошли к лестнице, спустились, зашагали в сторону улицы и скрылись за высокой живой изгородью.

— Ненавижу ее, — прошептала Эллисон.

— Это заметно.

— Ты заметила?

— Э-э-э… да. Но почему? — удивленно спросила Джейн.

Жители Мэна — особенно местные, по роду деятельности имевшие дело с туристами, — часто относились к последним с большим неприятием и даже отвращением. Но Эллисон, как и ее мать,

была совсем другой. Постояльцы возвращались в «Святой Аспинкид» год за годом, потому что благодаря радушию хозяев чувствовали себя как дома.

— Не волнуйся, никто, кроме меня и Криса, никогда бы не заметил, — добавила Джейн. — Твое неприветливое «я» приветливее большинства людей.

— Хуже клиентки у меня не было никогда, — выпалила Эллисон. — Ей невозможно угодить. Она приезжала каждое лето и постоянно жаловалась. Пять или шесть лет. И теперь вернулась! Зачем? Чтобы меня помучить? Две недели назад она позвонила ни свет ни заря, заявила, что к ней на чердак пробралась белка, залезла в ее комнату и ей надо бежать из дома. Белка, слышишь? В доме с семью спальнями.

Джейн подумала, что тоже бы сбежала, если бы с потолка на нее свалилась белка. Даже из дома с семью спальнями. Но Эллисон она ничего не сказала.

— Мне так хотелось ответить, что у нас нет свободных мест! Но соврать я не могла. И вот она здесь. Говорит, что не знает, долго ли пробудет. А времени и денег у нее хоть отбавляй.

— Ничего. Ребенку же надо будет в школу. Когда

там дети идут в школу? В начале сентября?

— Даже не вздумай так шутить, — ответила Эллисон. — Когда Женевьева впервые к нам приехала, она позвонила на ресепшен и пыталась заказать ужин в номер. Крис объяснил, что мы подаем только завтраки и у нас нет обслуживания в номерах. Я была на кухне и слышала, как он очень вежливо ей это повторял. Я сразу поняла, с кем он разговаривает, потому что когда она заселялась, то дважды просила переселить ее в другой номер: ей нужен был номер с лучшим видом, хотя вид тут везде одинаковый. В общем, Крис повесил трубку, и через минуту она заходит на кухню и начинает делать себе сэндвич!

— Что?

— Ага, именно. Привыкла всегда получать то, чего хочет. Богачка, что с нее взять. А когда она сказала, что купила твой лиловый дом, я просто взбесилась. Крис решил, у меня крыша поехала. Я орала, что вечно эти богатые иногородние скупают все самые красивые дома, а потом приезжают всего на неделю в году. А главное, ей даже не нравится этот дом! Месяц назад она предложила встретиться, чтобы дети поиграли, — сказала Эллисон. — Ну уж нет. Я даже не ответила. Потом две недели назад опять написала, пригласила

выпить. Я придумала какую-то отговорку, но она все-таки нашла способ ко мне подобраться! Теперь все время пытается со мной поговорить. Как будто я ее собственность, потому что она, видите ли, сняла номер у нас в гостинице! Так и хочется сказать ей: пусть не хвастается слишком сильно домом на берегу, ведь через десять лет он наверняка уйдет под воду!

— Впервые слышу, чтобы ты так плохо о ком-то отзывалась, — заметила Джейн. — Ты напоминаешь мне… меня.

Эллисон потянулась и вырвала у Джейн бумажку с номером Женевьевы.

— И это очень на нее похоже. Я ей рассказываю, что ты известный историк, а она просит тебя заняться своим дурацким проектом!

— Какой из меня известный историк, — вздохнула Джейн. — Прямо сейчас я скорее безработный историк.

— Это временно, — горячо проговорила Эллисон и более мягким тоном добавила: — Мелисса не говорила, когда тебе можно будет вернуться?

— Вряд ли меня вообще там ждут, — ответила Джейн. — Нет, Мелисса молчит.

Мелисса была ее наставницей. А после того как свела их с Дэвидом, стала еще и подругой. Иногда

они встречались парами: Джейн, Дэвид, Мелисса и Перл. Ужинали вместе или ходили в театр. Каждое лето Перл с Мелиссой снимали домик в Мартас-Винъярде. Последние три года Джейн и Дэвид ездили к ним на длинные выходные в мае. Джейн и Перл участвовали в ежегодном марафоне в День поминовения[14].

В тот вечер, когда Джейн все потеряла, Перл тоже присутствовала. Накануне она пригласила Джейн и Дэвида на пасхальный ужин. Планировала подать баранину с мятным желе, зеленой фасолью и гратеном из картофеля. Дэвид пообещал заняться десертом; сказал, что попробует испечь клубничный слоеный торт из бананового бисквита по рецепту из интернета. Мелисса и Джейн отшутились, сказали, что ничего не приготовят, но будут служить украшением стола. Догадывалась ли Джейн, что ее жизнь вот-вот перевернется?

Теперь Мелисса молчала. Возможно, больше уже и не напишет.

С каждым днем молчания Джейн убеждалась, что не вернется на работу. Она скучала по

---

[14] Примечания: 14

День поминовения — праздник в память об американских военнослужащих, погибших во всех войнах; отмечается в последний понедельник мая.

библиотеке, по офисной болтовне и суете утра понедельника, сменявшей меланхолию воскресного вечера. Ей не хватало атмосферы кампуса и присутствия умных и увлеченных молодых людей со всего света.

Но больше всего она скучала по самой работе. В библиотеке Шлезингеров Джейн никогда не сидела без дела. Готовила экспонаты и руководила командой из шести младших архивариусов, а также студентами и стажерами. Треть рабочего времени проводила вне офиса: обедала с потенциальными дарителями библиотеки в кафе возле кампуса или у них дома, где они вместе разбирали бесценные архивы.

Сейчас Джейн готова была отдать что угодно, лишь бы заняться работой, на которую они с коллегами беспрестанно жаловались. Пусть чешутся глаза и щекочет нос от пыли, сигаретного пепла и мышиного помета в старых семейных альбомах и коробках с документами. Она была бы рада даже слушать нудные уговоры незнакомца, чья совершенно непримечательная семейная история, по его мнению, была увлекательной и достойной архива.

Мелисса взяла Джейн на работу одиннадцать лет назад, вскоре после того, как ее назначили

исполнительным директором библиотеки. С первой встречи Джейн прониклась к ней уважением. Мелисса была первой чернокожей женщиной, занявшей эту должность. Первой, чья личная жизнь не вписывалась в привычные нормы — и кто не скрывал этого. Как и Джейн, Мелисса не принадлежала к рафинированным академическим кругам, но держалась с таким апломбом и отличалась таким блестящим профессионализмом, что никто бы никогда не догадался о ее истинном происхождении. Мелисса дважды повышала Джейн и недавно назначила ведущим архивистом коллекции.

В первые десятилетия своего существования библиотека Шлезингеров собрала обширную коллекцию документов, принадлежавших в основном белым женщинам из обеспеченного класса. Но с семидесятых годов библиотека взяла курс на инклюзивность и стала включать все больше жизнеописаний женщин, чьи голоса прежде не фигурировали ни в одном архиве. Появились изустные хроники: специалисты записывали рассказы меньшинств и недавно прибывших на американскую землю мигрантов, которые пока не располагали документами и историческими артефактами, но тем не менее яв-

лялись важной частью американской истории.

Мелисса поставила себе цель собрать как можно более разнообразную подборку. Она постоянно вопрошала: чья это история? И кто ее рассказывает? Она хотела, чтобы архив был живым организмом, даром, способным существовать не только в помещении библиотеки со строгим температурным режимом, но и за его пределами. Мелисса хотела подарить его девочкам в общинах и семьях, подобных той, где выросла сама. Хотела обучать и вдохновлять.

В стандартной речи, предназначенной для потенциальных дарителей, содержались такие слова: «В Новой Англии все зациклены на основателях; всем важно знать, кто основал то или иное место, кто был там первым. В честь основателей названы города, улицы, школы, и это всегда белые мужчины. Но как быть с теми, чьих имен никто никогда не услышит? Как мы узнаем их истории и передадим следующим поколениям? Я хочу, чтобы у девочек любой расы, вероучения и социального класса были кумиры, о которых они могли бы сказать: „Я на нее похожа, и она добилась невозможного“».

Мелисса заражала окружающих своим пылом. А Джейн считала за честь работать над их общим

делом.

— Насчет Клементины… — Эллисон прервала размышления Джейн. — Она ничего про Дэвида не сказала?

— Не совсем. Сказала, что видит, как мне больно, что я поступила ужасно и должна посмотреть правде в глаза. Что-то в этом роде.

Глаза Эллисон округлились.

— Она это увидела? Черт, Джейн. Вот вечно ты недоговариваешь.

— Это еще ничего, — заметила Джейн. — Еще она сказала, что я беременна.

— Стоп. Издеваешься?

— Нет. И я не беременна. Но она так сказала. Точнее, это наша бабушка передала, что кто-то из нас ждет ребенка — я или Холли.

— А ты точно не беременна?

— Мы с Дэвидом не виделись четыре недели, — ответила Джейн. — А неделю назад у меня были месячные. Так что нет, я не беременна, хотя, возможно, все сложилось как в страшных сказках из журналов для девочек из девяностых, ну, помнишь — сперма осталась на резинке трусов и попала внутрь позднее…

— То есть ты точно не знаешь, — сказала Эллисон.

Джейн хотелось ее расцеловать. Подруга так сильно желала ей счастья, что готова была поверить в волшебство.

— Кажется, у меня где-то завалялись старые тесты на беременность, — заявила Эллисон. — Надеюсь, не просроченные. Иди за мной.

Джейн покачала головой, но все же пошла следом. Остановилась в фойе и стала ждать.

В прошлый раз они говорили о детях несколько месяцев назад. Поразительно, как быстро меняется жизнь.

Тогда Джейн собиралась перестать принимать противозачаточные, поэтому у нее случился небольшой приступ паники.

— Я рада, полна надежд и очень боюсь, — сказала она Эллисон по телефону.

— Боишься, что будет трудно забеременеть?

— Да. А еще я не знаю, как управляться с детьми.

— С моими ты прекрасно управляешься, — возразила Эллисон.

— Да, пару часов поиграть в лего я могу, и посмотреть диснеевский мультик тоже. Могу заказать пиццу. Но я не знаю, что делать с детьми, которых в конце дня не надо отдавать родителям. Которые всегда с тобой. Если понимаешь,

о чем я.

— До рождения детей никто этого не знает, — успокоила ее Эллисон. — У тебя все получится.

— Допустим, в будни, пока они будут в школе или в саду, еще понятно. Но что мне с ними делать в выходные? — Джейн была в панике. — Когда мы останемся наедине? Мать запирала нас с Холли в машине, и мы часами сидели, слушали Джимми Баффетта[15] и ели печенье. А она ходила по гаражкам.

— Ты не твоя мама, — ответила Эллисон. — К тому же сейчас оставлять детей без присмотра незаконно. Но ты и не станешь этого делать. И не будешь одна с детьми, как Ширли. У тебя есть Дэвид. Он станет отличным папой.

Джейн уже пыталась бросить пить, правда, без особого энтузиазма. Они с Дэвидом были женаты год, и все думали, что она заказывала минералку из-за беременности. Оттого ей становилось еще более стыдно за истинную причину своего поведения. В их возрасте отсутствие детей у женатой пары уже вызывало вопросы. Джейн и так затянула сроки и больше всего страдала, поскольку знала, как сильно Дэвид хочет ребенка и каким

[15] Примечания: 15

Джимми Баффетт (1946–2023) — американский исполнитель в стиле кантри.

чудесным отцом он мог бы стать.

Она тоже хотела детей. Но ей всегда становилось страшно, когда она представляла, что ее желания сбудутся. Джейн это в себе ненавидела. За время их брака она несколько раз бросала принимать противозачаточные и вскоре начинала снова: страх брал свое. Смерть матери совершенно выбила ее из колеи. Дэвид был терпелив; они договорились отложить вопрос с ребенком на неопределенный срок, будто не догадывались, как устроен организм, и не знали, что, если оттягивать слишком долго, биология сделает выбор за них.

Наконец, несколько месяцев назад, когда Джейн исполнилось тридцать девять, она проснулась как-то утром и почувствовала, что готова. По-настоящему готова. После долгих лет нерешительности вдруг пришла ясность. Дэвид очень обрадовался. Впервые в жизни Джейн начала рассчитывать овуляцию. Несколько раз делала тесты на беременность; те были отрицательными, но это ее не расстраивало. Не так уж долго они пробовали; расстраиваться было рано. А потом все рухнуло.

Вернулась Эллисон и помахала палочкой в ярко-розовой упаковке.

— Один остался! — воскликнула она. — Может, это судьба?

Джейн закатила глаза, взяла тест и пошла в маленький туалет за ресепшен. Вопреки себе она волновалась; сердце трепетало.

Джейн закрыла дверь и на минуту вообразила, что на самом деле беременна. А вдруг судьба подкинула ей подарок? А вдруг призрак бабушки вмешался и сотворил невозможное?

В туалете с бело-синей плиткой в морском стиле Джейн помочилась на пластиковую палочку, положила ее на бачок и стала ждать. Две минуты она представляла, как поступит, если тест окажется положительным. Решила, что тут же позвонит Дэвиду. Вернется домой, и они попробуют начать с нуля.

Джейн привыкла добиваться своего, она сама строила свою жизнь. Если Джейн что-то решила, об успехе можно было не беспокоиться. Поэтому, хотя все рациональные доводы указывали на обратное, к окончанию положенных двух минут ожидания она действительно поверила, что, возможно, беременна.

Но тест показал одну черточку. Да и разве могло быть иначе? Чудес не бывает.

Она вышла из туалета и покачала головой.

Эллисон, кажется, расстроилась не меньше нее самой.

— Значит, Холли беременна? — пошутила Эллисон.

— Ты можешь себе это представить? — ответила Джейн. — Двое детей с разницей в двадцать один год? Хотя это очень похоже на Холли.

Они рассмеялись.

Элисон ее обняла.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Ничего, я знала, что не беременна, — ответила Джейн.

Она глубоко вздохнула и проглотила разочарование.

— Кстати, о Холли. Мне пора. Она обещала приехать помочь убраться в маминой комнате. Боже, знала бы ты, сколько у нее хлама. Просто ужас.

Первым делом сестры собирались выбросить громоздкую мебель, которую мать купила на продажу, но так и не продала.

— Мама не понимала, что мебель тоже устаревает, — сказала Холли вскоре после того, как Джейн вернулась в Мэн. Они вместе осматривали дом и его содержимое. — Я все время ей твердила, что надо сосредоточиться на дизайнерской одежде и переделанном антиквариате. Бабушкины

комоды больше никому не нужны. Теперь все хотят модную одноразовую мебель, чтобы не жалко было сменить ее через пять лет. Но я и для бабушкиной мебели придумала выход: краска и декупаж. Новый облик старого комода!

— Отличный рекламный слоган, — согласилась с сестрой Джейн.

— По правде говоря, — сказала она Эллисон, — я рассчитывала, что, если ничего не буду делать, Холли сама разберет вещи. Значит ли это, что я плохой человек?

— Наверно, но я никому не скажу, — ответила Эллисон.

Джейн улыбнулась:

— Она близко живет. И ничем не занята, кроме перепродажи вещей и просмотра сериалов. Но я приехала, и она, кажется, хочет, чтобы я взяла девяносто процентов забот на себя.

Джейн уже почти разобрала их старую комнату. Теперь в ней можно было спать. Затем настал черед кухни и ванной. Но в комнате матери слишком сильно ощущалось ее присутствие. Джейн казалось, что эту комнату надо разбирать вместе. Хотя она убрала из шкафа коробку с прахом матери, зная: сестре будет больно ее видеть.

— Хотя мне тоже пока нечем заняться, — вздох-

нула Джейн. — Мужа нет, работы тоже, и я даже не пью. Осталось разбирать хлам.

— Сложно не пить? — спросила Эллисон.

— И да и нет, — ответила Джейн. — Иногда по вечерам бывает тяжко. Иногда даже не вспоминаю о выпивке. Все время жду срыва, но пока нормально.

— Я так рада, что ты бросила, — сказала Эллисон. — В пресвитерианской церкви собираются «Анонимные алкоголики». Они многим моим знакомым помогли. Если хочешь, я схожу с тобой.

— Мама ходила на эти собрания, — заметила Джейн.

— О.

— И сестра тоже.

Годами Джейн наблюдала, как мать с сестрой используют программу «Двенадцать шагов»[16] для успокоения совести, как карточку фитнес-клуба, которая лежит в бумажнике и никогда не употребляется по назначению. Они то ходили на собрания, то нет. Иногда мать прямо с собрания анонимных алкоголиков шла в бар.

Холли могла не пить несколько месяцев, рассказывать всем о своей трезвости с видом

---

[16] Примечания: 16

«Двенадцать шагов» — программа общества «Анонимные алкоголики», направленная на избавление от алкогольной зависимости.

праведницы, а потом в один миг развязать.

Джейн не хотела становиться похожей на мать: та перепробовала все методы борьбы с алкоголизмом, но безуспешно. Она хотела походить на бабушку, которая вообще не употребляла алкоголь. Хотя этот поезд давно ушел.

Когда их графики совпадали, Джейн с Дэвидом вместе возвращались с работы пешком. По пути им попадалась церковь на Гарвард-сквер; объявление на воротах гласило, что по вторникам в церкви проводятся собрания для анонимных алкоголиков и их родственников.

Джейн разузнала о собраниях для родственников алкоголиков и наркоманов: они тоже проходили по программе «Двенадцать шагов».

Как-то раз они шли мимо, и она сказала наполовину в шутку:

— Может, мне начать ходить на собрания?

— Анонимных алкоголиков? — спросил Дэвид.

В его голосе ей послышалась надежда. Джейн стало стыдно, а еще она почему-то разозлилась.

— Не думаю, что мне нужны собрания анонимных алкоголиков, — сказала она Эллисон. — Я бы пошла, будь я уверена, что они помогут. Но я легко бросила.

— Хорошо, — ответила подруга. — Просто я

волновалась. Я горжусь тобой, Джейн.

Ей почему-то снова стало стыдно. Вспомнились вечера из прошлого, когда Эллисон была рядом с ней или Джейн звонила подруге в слезах, а бывало, и пьяная из бара, смеясь или горланя на голосовую почту песню, которая нравилась им в школе.

После репетиции свадьбы Эллисон и Криса Джейн пошла в ирландский паб с шаферами. Наутро она должна была явиться к Эллисон в семь утра и помогать ей готовиться. С похмелья голову будто зажали в тиски, но она все равно приехала без пяти семь, привезла кофе и сэндвичи с яйцом. Впрочем, Эллисон все равно выглядела недовольной.

— Брат сказал, что нес тебя домой, как мешок с картошкой, — сказала она.

Джейн прыснула:

— Правда?

— Ты флиртовала с женатым. Он хотел покатать тебя на катере. И ты кричала на брата, чтобы оставил тебя в покое и не мешал общаться с новым другом. Устроила сцену.

Джейн рассмеялась:

— О боже.

— Не смешно, — ответила Эллисон. — Все могло

плохо кончиться.

Джейн всегда приходила в ужас, глядя, как мать в подпитии начинает усиленно флиртовать с мужчинами. Но оказалось, она вела себя точно так же. Интимная близость и алкоголь были ее ахиллесовой пятой, и, когда эти две сферы сталкивались, начинались проблемы.

Когда Джейн была маленькой, мать тоже утверждала, мол, не помнит, что делала, когда напивалась. Но Джейн никогда ей не верила. А потом поняла, почему мать врала.

Она делилась с Эллисон всеми нелепыми подробностями своей личной жизни. Рассказы о ее похождениях казались ей самой смешными, но иногда она замечала, что Эллисон обеспокоена. С появлением Дэвида подруга, похоже, обрадовалась, что Джейн больше не пустится во все тяжкие. Джейн чувствовала то же самое.

Когда три месяца назад случилось ужасное, она сразу во всем призналась Эллисон; та и не думала ее осуждать. Но от Джейн не укрылось потрясение и грусть подруги. Ее неспособность найти что-то хорошее в этой ситуации подтвердила собственные подозрения Джейн: она вырыла себе яму, из которой уже не выбраться.

— Я разрушила лучшее, что у меня было в жиз-

ни, — сказала Джейн.

— Но ты признаёшь свою вину, — возразила Эллисон. — Это уже кое-что.

— Серьезно? Признание себя безнадежной неудачницей, по-твоему, «кое-что»?

— Ты не безнадежная. Ты просто… немного запуталась.

— Я порченый товар, признай.

— Я бы сказала, с небольшим браком.

— То есть все-таки небезупречного качества.

— Небезупречного. Но товар вполне годен к использованию. Даже с браком.

— Ну разумеется.

Эллисон потупилась и принялась разглядывать стол.

— Ладно. Серьезный вопрос. Как думаешь, ты нарочно его оттолкнула? — спросила она.

— Нет, — выпалила Джейн. — Хотя… не знаю.

— Вы оба очень хорошие люди и любите друг друга. У вас еще получится все наладить, — произнесла Эллисон.

Но Джейн казалось, что подруга все же сомневается.

5

Они убирались в комнате матери уже час, но Джейн все еще не попалось ни одного предмета, который захотелось бы оставить. А вот Холли набивала вещами уже четвертую коробку. Яблоко от яблоньки.

Джейн была минималисткой. Мать об этом знала, но всякий раз, когда они с Дэвидом приезжали в гости, вручала им очередную «находку» с гаражной распродажи. Всегда что-то ненужное: военную форму, вульгарные блузки на два размера больше с запахом чужого пота, коллекцию фигурок с героями «Звездных войн» для Дэвида, который никогда не интересовался «Звездными войнами», и плюшевые игрушки, включая ярко-фиолетового медведя, которого почему-то звали принцессой Дианой.

— Плюшевые медведи снова в моде, — говорила мать. — Вот увидишь, однажды за них будут давать целое состояние. Ни в коем случае не снимайте бирки.

По дороге домой из Авадапквита Джейн с Дэвидом заезжали в Портсмут и оставляли эти

подарки в секонд-хенде. Джейн чувствовала себя немного виноватой, но не тащить же хлам домой, где тот будет пылиться в углу и на дне ящиков.

После смерти матери Джейн замучила совесть. Возникла странная безудержная тяга поехать в тот секонд-хенд и рыскать по полкам, пока не найдутся все жуткие подарки матери. Выкупить их все и оставить себе навсегда.

Потом ее отпустило. Теперь ей хотелось лишь одного — очистить дом от хлама и привести в порядок.

К вечеру они начали разбирать мамин комод. Холли запустила руку в ящик и достала несколько свитеров, рассмотрела каждый и убрала все в коробку.

Свитера были старые, в катышках. Половина — в дырах от моли.

— Тебе правда они нужны? — спросила Джейн.

— Да, — ответила Холли.

— Зачем?

Холли пожала плечами:

— Не знаю. — Она тихо добавила: — Они пахнут как мама.

Джейн чуть не расплакалась. Из-за преданности сестры и собственной неспособности испытывать привязанность к вещам. Она откры-

вала ящик за ящиком. Те были набиты носками и старой почтой — нераспечатанными квитанциями, рождественскими открытками десятилетней давности, весенним каталогом давно закрывшегося универмага.

— Кто хранит почту в комоде? — спросила она. — Господи.

— Так грустно все это выбрасывать, — сказала Холли. — Это история ее жизни. — Слезы потекли по щекам сестры; она шмыгнула носом и утерла глаза. — Ну ладно. Это можно выбросить.

Сверху комод был сплошь уставлен безделушками. Холли забрала себе четырех фарфоровых птичек и кружку, которую мать использовала как подставку для ручек. Стоявшие в ней дешевые шариковые ручки тоже взяла. Как и карманное зеркальце, и снежные шары из европейских городов, где мать даже никогда не бывала.

Джейн сомневалась, что Холли когда-нибудь откроет эти коробки: скорее всего, ей было просто жалко выбрасывать последнее, что осталось от матери. А что будет дальше? Когда-нибудь Джейсону придется разбирать этот хлам.

— Снежные шары? Ты уверена, что они тебе нужны? — спросила Джейн. — Смотри, из некоторых жидкость вытекла.

— Да, но я помню, как она их купила. Мы ездили на ярмарку антиквариата в Бримфилд. Там было так весело. — Вспомнив об этом, сестра рассмеялась. — Там был один старый ирландец, он все подкатывал к маме. Берти Пэйрдун, но из-за акцента он произносил это как «Берти Пердун». Мы так смеялись, я даже описалась. Не хочу забыть тот день, понимаешь?

— Ты и не забудешь, — ответила Джейн. — Но я не против, оставь себе шары, если хочешь.

— Я поняла, — сказала Холли, — ты просто боишься, что вся эта куча хлама когда-нибудь обрушится на меня и тебе придется вытаскивать из-под завалов мое тело.

— Угадала, — призналась Джейн.

В нижнем ящике комода оказалась подшивка старых журналов мод и просроченных лотерейных билетов. Тут даже Холли признала, что это хлам. Но один журнал все-таки оставила, положив его поверх четырех коробок.

— Зачем он тебе? — удивленно спросила Джейн.

— Там есть полезная статья, как правильно выщипывать брови.

Джейн кивнула:

— И ты помнишь об этом двадцать лет спустя?

— Да, — ответила Холли и в доказательство открыла журнал на нужной странице. — А вообще, знаешь, эти журналы можно продать.

И убрала в коробку всю подшивку.

Джейн промолчала.

Под журналами оказался старый желтый кассетный плеер с кассетой внутри. Холли нажала на воспроизведение. Плеер заработал. Они прижали к ушам круглые наушники.

Это была кассета с их собственными детскими голосами; они притворялись, что ведут радиопередачу.

«В эфире диджей Джейн и Зайка Холли», — донесся из наушников детский голосок Холли. На записи ей было лет десять, но казалось меньше: в детстве у нее был очень тонкий голос.

Заговорила Джейн, которой тогда было восемь: «Спонсор этого выпуска — автосалон Дэйва Дингера. У кого самые выгодные цены? У Дэйва Дингера. Придите и посмотрите сами».

Заиграла песня с середины. Джейн вспомнила: чтобы все было как на настоящем радио, они включали песни на радиобудильнике, а когда начиналась «передача», уменьшали громкость.

Раздался шепот, и Джейн объявила: «А сейчас — *Can't Fight This Feeling* группы *Chicago*».

Они с Холли снова зашептались.

«А сейчас — *Can't Fight This Feeling* группы *REO Speedwagon*», — поправила Джейн.

Джейн и Холли переглянулись и улыбнулись друг другу. Запись резко оборвалась, и наступила тишина.

— О нет, — сказала Джейн.

Холли обернула плеер проводом от наушников и убрала в сумочку.

— Ты шутишь? — спросила Джейн.

— А что такого?

— Он же сломан. Ему сто лет!

— Вдруг Джейсон сможет починить.

Они переместились к платяному шкафу.

Холли достала голубое коктейльное платье в обтяжку.

— Оставь себе, тебе очень пойдет, — сказала она. — Это не для моей фигуры.

Джейн вскинула бровь.

— Ты же знаешь, я почти сорок лет ношу кофты, которые в случае чего сойдут за двухместную палатку, — ответила она.

— А помнишь футболку с концерта Ани Дифранко, из которой ты не вылезала в двенадцатом классе? Надо ее найти. Она тебе очень шла.

Джейн улыбнулась:

— Заткнись.

Она бросила голубое платье в коробку с надписью «Отдать», зная, что сестра, скорее всего, потом его достанет.

Холли вытащила из шкафа несколько обувных коробок. Старые кроссовки с дырками на мысках, поношенные лодочки разных размеров. «Хлам с гаражных распродаж», — подумала Джейн. Она начала снимать вещи с плечиков и бросать на кровать.

И тут Холли выпалила:

— Вот черт!

На дне одной из обувных коробок лежал маленький дневник в кожаном переплете с замочком. Сестры долго стояли и смотрели на него.

— Думаешь, стоит прочитать? — наконец спросила Холли.

— Да, — ответила Джейн. — Погоди. Нет. Или да?

— Тут замок, — заметила Холли.

— Его легко сломать, — возразила Джейн. — Давай сюда.

Она легко открыла дневник, резко дернув края обложки.

— Ловко, — сказала Холли.

— Спасибо.

— Думаешь, она хотела, чтобы мы его нашли?

В библиотеку Шлезингеров часто сдавали личные дневники. И дарители всегда сомневались: является ли это данью уважения наследию умершего или вторжением в его внутренний мир?

С другой стороны, зачем оставлять дневник, если не хочешь, чтобы его прочитали? Джейн всегда говорила это тем, кто сомневался. Но в глубине души знала, что большинство авторов дневников просто не рассчитывали умереть так рано. Им казалось, они еще успеют решить, как распорядиться дневниками, и откладывали это решение на потом, а потом становилось уже поздно.

— Даже не знаю, — проговорила она. — Никогда бы не подумала, что мама вела дневник.

— Мне надо выпить, — сказала Холли. — Будешь?

— Нет, — ответила Джейн. — И у меня нечего. Я все вылила. Я в завязке.

— О. И давно?

— Пару месяцев.

— Ну ладно. У меня есть в машине, — заявила Холли.

Вино в машине. Джейн совсем не удивилась.

Холли скрылась и через пару минут вернулась

с огромным бокалом, доверху наполненным вином.

Джейн с завистью смотрела, как сестра отхлебывает из бокала. Джейн тоже была бы не прочь расслабиться с бокальчиком и снять стресс от неожиданной находки. На самом деле пить ей уже не хотелось, но каждый вечер в одно и то же время мысли о выпивке возникали автоматически. Приходилось делать осознанный выбор в пользу трезвости, но прежде она почему-то представляла запах алкоголя и вкус первого глотка, а потом проигрывала в голове весь сценарий до наихудшего варианта его окончания.

— Будь что будет, — сказала Холли.

Она открыла дневник и откашлялась, будто готовясь читать вслух перед слушателями.

Джейн заслонила лицо руками.

— Кажется, будто мама сейчас войдет и застанет нас за этим делом, — прошептала она.

— Мне тоже, — ответила Холли. — Сердце сейчас выскочит.

Она подвинула дневник Джейн, чтобы им обеим было видно. На титульном листе было написано: «Этот дневник принадлежит…» Внизу мама написала свое имя: Ширли Флэнаган. *У* Джейн защемило в груди.

— Переверни страницу, — попросила она.

Они молча принялись читать.

На первой странице было написано: «Половинка грейпфрута. Тост с мягким сыром. Кофе, черный, две чашки».

— Она записывала, что ела на завтрак, — прошептала Холли, будто разгадывая тайный шифр.

Больше в дневнике записей не было.

— Вот это да, — выдохнула Джейн, и разочарование сменилось досадой.

Она и сама, бывало, начинала вести дневник и бросала после пары записей. Но эти пустые страницы казались личным оскорблением. Как будто мать снова намекала, что Джейн никогда ее не узнает. В этот раз из могилы.

Каждый день к Джейн приходили женщины (бывало, и мужчины, но чаще все-таки женщины) и рассказывали о достижениях своих предков. Иногда речь шла о матерях и бабушках, которые их вырастили. Но часто они делились историями о более далеких предках — прабабушках и их сестрах, которых никогда не знали, но слышали о них с детства. И какие это были истории! Иногда они, конечно, привирали, но все же.

В семье Джейн таких историй не было. Когда она спрашивала мать о предках, та без всякого ин-

тереса отвечала: «У нас нет родственников». — «У всех есть родственники», — возражала Джейн.

В конце концов она сама составила их родословную. Прадед и прабабка со стороны матери родились в Западной Ирландии, эмигрировали и поселились в окрестностях Бостона. Дед участвовал в битве при Окинаве, пережил войну, но вскоре умер от сердечного приступа в возрасте сорока одного года. Но это были лишь голые факты. Джейн было нечем их дополнить, нечем раскрасить черно-белую картинку. Она не могла оживить эти имена, даты и географические названия.

Она считала это большим упущением матери. Джейн знала, что бабушка все бы ей рассказала и поняла бы, почему Джейн интересуется семейной историей. А мать почти ничего не помнила даже о своем отце.

«Он любил шутить и язвить, как наша Джейн», — однажды сказала она дочерям. Мать была в хорошем настроении: у нее недавно появился новый парень. Она не догадывалась, как много значила для Джейн эта маленькая деталь. Она цеплялась за нее, как за драгоценный сувенир, и мечтала узнать больше.

Отсутствие родственников усиливало одино-

чество Джейн. Всю жизнь она видела вокруг примеры, как большая семья насыщает жизнь красками, дарит чувство принадлежности к чему-то большему и обогащает восприятие. Когда Эллисон с кем-то знакомилась, почти всегда оказывалось, что ее троюродная сестра была учительницей чьего-то ребенка в третьем классе или дядя ходил на школьный выпускной с чьей-то тетей.

Холли прервала ее мысли и сказала:

— У меня есть знакомая, подруга подруги, Лорен Мерфи. Она отличный риелтор. Говорит, такой коттедж, как у нас, надо выставлять на продажу, пока туристы в городе. Никому не придет в голову жить здесь круглый год. Кроме нас.

До расставания с Дэвидом Джейн несколько месяцев уговаривала сестру продать дом. Но теперь боялась, что ей некуда будет деться, если они его продадут. Ей казалось, если она снимет жилье и подпишет договор аренды, то придется признать, что проблемы в ее браке реальны и никуда не уйдут. Джейн вполне устраивало подвешенное состояние, в котором она сейчас находилась.

— Думаю, риелторов можно будет приглашать не раньше чем через пару месяцев, — ответила Джейн. — Мы не успеем подготовиться.

Ни Джейн, ни Холли не рассчитывали выручить много за продажу дома. Мать владела им лишь номинально и много раз закладывала и перезакладывала. Еще не так давно Джейн переживала о его продаже потому, что именно ей приходилось платить по закладной, вносить страховые взносы и уплачивать налог на недвижимость.

Опустошив бокал наполовину, Холли ушла на кухню и вновь наполнила его до краев, а потом сразу выпила почти до дна. Вернувшись в комнату, она захватила с собой бутылку.

Джейн пожалела, что Дэвида рядом нет. Его присутствие всегда разряжало обстановку, особенно с ее родственниками. До встречи с ним она могла не приезжать домой год, придумывала отговорки на все праздники. Но с Дэвидом было проще. Может, потому, что мать с Холли чувствовали: они перестали быть ее единственными близкими. Понимали, что теперь Дэвид — ее семья. По крайней мере, так было до недавних пор.

Джейн вспомнила тест на беременность и безумную идею Клементины, которую та вбила ей в голову. И как уверенно она об этом говорила!

— А ты, случайно, не можешь быть беремен-

на? — вопреки себе выпалила она.

— Что? — опешила Холли. — Господи Иисусе. Нет. А что? Я так потолстела?

— Нет! Вовсе нет. Долго рассказывать.

— Ну теперь рассказать придется.

— Я упоминала, что встречалась с медиумом?

— С медиумом?

— Да. Она говорит с призраками.

— Э-э-э… нет.

— Эллисон меня уговорила, попросила сделать ей одолжение. В общем, это долгая история. Но медиум приходила сегодня утром и заявила, что мама с бабушкой здесь, а бабушка ей сказала, что я беременна. Или ты. Она, конечно, все придумала, но мало ли.

— Погоди. Ты пригласила сюда медиума? В мамин дом? И ничего мне не сказала?

Джейн замолчала, вдруг поняв, что поступила неблагоразумно.

— Прости, я не подумала с тобой посоветоваться, — ответила она.

— Бабушка никогда не стала бы говорить с тобой через медиума, — рассудила Холли. — Даже если допустить, что это правда, она не стала бы говорить из принципа. Она терпеть не могла эту чушь. Это же не разрешено в католичестве.

А еще мама однажды позвонила ясновидящей с телевидения и наболтала с ней на кучу денег. Мы тогда совсем маленькие были.

— Не помню такого.

— Мы гостили здесь, у бабушки, — продолжала Холли. — Мама психанула из-за одного парня. И все время, пока нас не было, курила одну за другой и звонила ясновидящей по платной линии. Бабушка тогда с катушек сорвалась. Злилась на мать и на телекомпанию, что они наживаются на бедных женщинах.

— А что это был за парень? — спросила Джейн.

— Да не помню уже. Он был женат. Та еще история.

— Это бабушка тебе рассказала?

— Нет, мама. Она сказала, мол, бабушка тогда не стала на нее сердиться, потому что у нее самой был роман с женатым. Ну, ты в курсе.

— Что?!

— Мама говорила, бабушка тебе рассказывала. И что ты потом хвасталась перед ней, что тебе все известно.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Бабуля в него по уши влюбилась, — объяснила Холли. — А мама тогда была совсем маленькая. Она рассказывала, что бабушка приглашала это-

го женатика домой, а иногда брала маму к нему домой и заставляла сидеть в другой комнате, пока они были в спальне. Пару раз она даже не приходила ночевать, и мама оставалась одна. Ей было очень страшно, ведь совсем недавно она потеряла отца и переехала в город, где никого не знала.

— Такого просто быть не могло, — возмутилась Джейн.

Она не удивилась бы, если бы речь шла о матери. Та постоянно оставляла Джейн и Холли одних и иногда не возвращалась до утра, а они тряслись от страха, волновались, что она умерла и они останутся сиротами, как Панки Брюстер[17]. Мать велела не звонить бабушке, но иногда сестры не выдерживали: когда в дверь начинал трезвонить коммивояжер и никак не желал уходить или в грозу, если электричество во всем доме отрубалось и они начинали рассказывать истории про призраков, приставив фонарик к подбородку, и в итоге пугали друг друга до смерти.

Холли пожала плечами:

— За что купила, за то и продаю. Однажды ба-

---

[17] Примечания: 17

Панки Брюстер — героиня американского комедийного сериала 1980-х годов, сирота, брошенная родителями, которую воспитывает приемный отец.

бушка пришла домой в истерике, все повторяла, какой он ужасный человек. Мама не сомневалась: между ними случилось что-то плохое, но бабушка ей так ничего не рассказала. Маме было лет десять или одиннадцать. Для нее это было настоящее потрясение, сама представляешь. А бабушка с тех пор ни разу не упомянула о том женатике. Даже когда мама сама о нем заговаривала, та делала вид, будто не понимает, о чем речь.

— Потому что мать все выдумала, — сказала Джейн.

В детстве мать часто говорила, что бабушка была не сахар. «Ты ее святой считаешь, — добавляла она. — Но ты просто ничего не знаешь».

Она ревновала Джейн, потому что та очень любила бабушку. Хотела разрушить ее светлый образ, но у нее не получалось. Бабушка была для Джейн единственной постоянной величиной и оставалась опорой даже после своей смерти. Даже сейчас.

В год кончины бабушки, когда они переехали в дом, Джейн начала по очереди читать все книги, что стояли у нее на полках. Дочитывала каждую, даже если они ей не нравились или она не до конца понимала содержание. «1984», «Доводы рассудка», «Долина кукол», рассказы Фланнери

О’Коннор, «Гроздья гнева», все романы Мейв Бинчи[18]. Только к восемнадцати годам Джейн осилила всю бабушкину библиотеку. Дочитав последнюю книгу («Любовь во время чумы»), она ощутила сильное чувство утраты. Но вид книг на полках ее успокаивал. Иногда она доставала тот или иной томик, потому что помнила: на его форзаце бабушка записала список покупок или чей-то номер телефона.

Когда в первый год обучения в Уэслианском колледже Джейн приехала домой на День благодарения, она увидела, что книги исчезли. У матери случился редкий приступ расхламления, и она их продала. А у Джейн возникло чувство, будто бабушка умерла еще раз. Она рыдала.

Мать не могла понять, в чем проблема.

«Но ты же их прочитала, — сказала она. — Они просто занимали место».

Место, которое она заполнила дешевыми керамическими статуэтками с отколотыми носами. Сувенирной тарелкой с инаугурации президента Кеннеди на дурацкой металлической подставке. Болванчиком с болтающейся головой в защитном пластиковом кубе.

---

[18] Примечания: 18

Мейв Бинчи (1940–2012) — ирландская писательница, чьи романы посвящены жизни в маленьком ирландском городке.

Джейн так и не поняла, продала ли мать книги, потому что подсознательно хотела ей насолить, или на самом деле не догадывалась, как много те для нее значили. Как бы то ни было, этот случай в очередной раз подтвердил: мать совсем не понимала Джейн.

Ширли стало стыдно. Она пыталась выкупить книги. Тома в твердых переплетах все еще стояли на полке в комиссионке; никто не успел их купить. Но популярное чтиво в мягких обложках с жирными пятнами от солнцезащитного крема быстро разобрали. Ширли продала их в букинистическую лавку в Уинстоне по пять центов за штуку; там романы приобрели туристы, выбиравшие книги, которые не жалко забыть на фуникулере или промочить в море, если волна доберется до пляжного коврика. Но именно этими книгами Джейн дорожила больше всего. Бабушка писала в них заметки и вкладывала старые чеки. Они хранили память о ней. Джейн до сих пор ощущала отчаянную пустоту внутри при виде книг Мейв Бинчи.

Ей не хотелось больше об этом думать, и она рассказала Холли про Д — девочку-призрака, которая сидела у бабушки на коленях и все время вмешивалась в сеанс. Сказала, что Клементина

велела ей разыскать мать девочки и передать ей сообщение.

— А почему она сидела на коленях у бабушки? — спросила Холли.

— Не знаю.

— Не надо, — пробормотала Холли. — Не делай этого. Не надо искать ее мать.

— Так я и не собиралась. Я даже не знаю, кто она. Может, Клементина все это придумала и никакой матери не существует. Скорее всего, так и есть.

— Ты не выдержишь и пойдешь ее искать, — заявила Холли. — Я же тебя знаю. Если ты что-то вбила себе в голову, это надолго. Но прошу, Джейн, не надо. Это ловушка. Ты не смотрела «Разрушители легенд»?

— Нет, — ответила Джейн.

— Эми Джексон, ведущая этого шоу, основала целую компанию по развенчиванию мифов.

— Компанию по развенчиванию мифов?

— Да. Они посвятили медиумам целый сезон. У Эми есть штатные сотрудники и команда волонтеров. Они несколько месяцев создавали фейковые профили на фейсбуке[19] для несуще-

---

[19] Примечания: 19

Здесь и далее упоминается социальная сеть «Фейсбук», признанная экстремистской и запрещенная на территории РФ. *Прим. ред.*

ствующих людей. Придумывали им легенды с реалистичными деталями: например, кто-то писал, что сегодня годовщина смерти его отца, а потом постил ссылку на рецепт макарон с сыром, вдохновляющие цитаты и фото котиков. Потом под вымышленным именем волонтеры регистрировались на встречи с известными медиумами. Медиумы берут подробности жизни людей из профилей в соцсетях. Однажды Эми сама пошла на такую встречу, притворившись человеком с фейкового профиля. У этой выдуманной женщины была выдуманная дочь Пенни, которая якобы умерла от рака. Медиум вышла на сцену и произнесла: «Кто-то из вас потерял дочь». Эми подняла руку. Медиум сказала: «Пенни здесь, со мной». Понимаешь, каким мошенничеством они занимаются? — Холли перевела дух и продолжила: — А в другом выпуске разбирали выступления Сильвии Браун на шоу Монтеля Уильямса, где она разговаривала с родственниками людей, пропавших без вести.

— Что за Сильвия Браун?

Холли взглянула на Джейн как на дурочку.

— Одна из самых знаменитых ясновидящих всех времен.

— Ясно. Продолжай.

— Она ни разу не дала правильной наводки. Помнишь девочку, которая несколько лет просидела на цепи в подвале у маньяка в Кливленде? Сильвия Браун сказала ее матери, что ее уже нет в живых. Мать умерла и так и не узнала правду, а через несколько лет девочка сбежала. В другой семье пропала бабушка. Вся семья пришла на шоу. Сильвия продиктовала инициалы похитителя и сказала, что бабушка жива. Пожимала руку зятю на камеру. И угадай, что потом выяснилось?

— Зять убил тещу, — догадалась Джейн.

— Зять убил тещу! — повторила Холли, будто не слышала, как Джейн только что сказала то же самое. — Из-за Сильвии следователи и не собирались копать в этом направлении, а она даже не извинилась! — Холли задумалась. — Не знаю, Джейн. Меня пугают эти предсказатели. Если должно произойти что-то плохое, пусть будет так. Не хочу ничего знать заранее.

— Ты только что пять минут объясняла, почему в это не веришь, — заметила Джейн.

— В любом деле есть мошенники, — рассудила Холли, — но это не значит, что надо всех списывать со счетов. А эта Клементина, с которой ты разговаривала, — она сказала что-то похожее на правду?

— Ну, она знала, что ты была маминой любимицей, а меня мать терпеть не могла.

— Это неправда, Джейн. Она просто… Ей казалось, что ты смотришь на нее свысока.

— Ничего подобного.

Джейн лгала. Она на самом деле считала себя лучше матери.

— Но она тобой гордилась, — продолжала Холли, — и любила тебя. Ты это знаешь.

Джейн скептически относилась к признаниям в любви. Слишком легко сказать, что любишь кого-то, и тем самым заслужить отпущение грехов.

— Я жила в Кембридже, — заметила она, — всего в двух часах езды. А она ни разу не приехала в кампус посмотреть, где я работаю, или к нам в гости.

— Ты нас на свадьбу не пригласила, — ответила Холли.

— Мы поженились спонтанно!

Холли выставила перед собой ладони.

— Я просто говорю, что вы обе хороши. Вы никогда друг друга не понимали.

Через несколько часов после смерти матери Холли запостила фотографию: они с Ширли в ресторане улыбаются своими одинаковыми улыбками, прижавшись друг к другу щеками.

«Мы с тобой против всего света, мам. Покойся с миром» — гласила надпись.

А Джейн? Как она вписывалась в эту картинку?

«Она тебя любила», — сказала Холли. «Любила» — что это вообще значит?

Когда их мать напивалась, она всегда срывалась на Джейн, особенно когда та была подростком. Мать оскорбляла ее; однажды упала, а когда Джейн протянула руку и хотела помочь ей подняться, обвинила, что дочь ее толкнула. Наутро мать иногда держалась так, будто чувствовала себя виноватой, но чаще просто делала вид, будто ничего не случилось, и они продолжали жить дальше: у них просто не было выбора.

Вспоминая об этом сейчас, Джейн ощутила сожаление. Ей всегда хотелось знать, почему мать вымещает гнев именно на ней. Смерть матери не была внезапной. Почему же они даже не попытались поговорить?

Холли подлила себе вина, глотнула и поставила бокал на тумбочку у кровати. Плюхнулась на матрас и легла на живот, согнув колени и подняв стопы вверх. Сестра любила так лежать, когда ей было двенадцать. Она начала просматривать сообщения на телефоне.

Она, наверно, уже совсем пьяная. И даже не пытается следить за количеством выпитого.

— Ты сегодня ела? — спросила Джейн. — Я могу заказать пиццу.

Холли сморщила нос, не отрываясь от телефона.

— Слишком жирно. Я считаю калории.

Мать сказала бы то же самое. Собственно, она всегда так говорила.

Поскольку Холли перестала обращать на нее внимание, Джейн тоже достала телефон. Ноль сообщений.

Она по привычке проверила рабочую почту, хотя Мелисса просила не отвечать на сообщения, приходившие во время ее так называемого «отпуска». Автоответчик перенаправлял письма другому сотруднику. Поначалу приходило несколько десятков сообщений в день. Это казалось настоящей пыткой: Джейн смотрела, как они приходят, но не могла на них ответить. Но постепенно их становилось все меньше и меньше. Это тоже была пытка, но другого рода. По-видимому, на работе прекрасно справлялись без нее.

Друзья и коллеги перестали писать после того, как она без предупреждения отменила приглашения на ужины и прекратила отвечать на звонки

и сообщения. И дело не в том, что Джейн ни с кем не хотела разговаривать: она просто не знала, что сказать. Как объяснить случившееся. Большинство ее друзей были их общими с Дэвидом знакомыми. Она боялась представить, что именно им известно.

Джейн увидела во входящих сообщение от Женевьевы Ричардс с темой «Рада знакомству».

Мелисса велела не открывать письма, но это было личное. Его Джейн прочитала.

Джейн, здравствуйте!

Мы сегодня встречались в гостинице. Надеюсь, вы не против, но я нашла ваши контакты в интернете. Хотела еще раз спросить: может, вы все-таки заинтересуетесь поиском информации о бывших владельцах моего дома? Или просто заходите в гости. Сообщите, когда найдется свободная минутка.

С уважением,

Женевьева

Джейн отложила телефон.

— Что ты делаешь? — спросила она Холли.

— Смотрю профили в тиндере, — ответила сестра.

Она пролистала экран и продемонстрировала Джейн фото симпатичного парня. Его лицо казалось смутно знакомым.

— Вот этот придурок, — проговорила Холли, — я с ним по-нормальному познакомилась.

— Что значит «по-нормальному»?

— В баре, — ответила Холли. — Мы дважды переспали, а потом он пропал. И тут встречаю его в тиндере, а он свайпает меня влево! Неинтересно ему, видите ли! Каков козел.

Джейн прочла описание в профиле:

> *Если ты привыкла париться – проходи мимо. Любишь драму – проходи мимо. Созависимые – мимо. Люблю спорт и весело проводить время. Работа есть. ЭП.*

— Что такое «ЭП»?

— Этически полигамен, — ответила Холли.

— Господи.

Джейн не могла сказать ничего хорошего про тиндер, поэтому сменила тему.

— С Эр-Джеем видишься?

Эр-Джей был отцом Джейсона. И порядочным парнем, как казалось Джейн. Местный рыбак из рыбацкого клана. Всю жизнь подолгу пропадал в плаваниях, но, когда возвращался, был хорошей

ролевой моделью для сына. Брал его на матчи «Портлендских корсаров», водил в кафе-мороженое. Эр-Джей всегда нравился Джейн, хотя Джейсон воспринимал его скорее как доброго дядю, чем отца. Всякий раз при встрече Джейн чувствовала, что Эр-Джей все еще любит Холли. Та бросила его, еще когда они были молодыми, еще до родов: думала, подвернется более видный жених.

— Нельзя просто взять и снова начать встречаться с парнем, с которым встречалась в школе, — вздохнула Холли.

— Но почему?

Холли застонала:

— Тебе так повезло, что ты замужем. Ты даже не представляешь.

Сестра была права. Джейн повезло, что не приходилось сидеть в тиндере. Повезло, что у нее был Дэвид. А потом она вспомнила, что у нее больше нет Дэвида, и сердце сжалось.

Вернувшись в Авадапквит в мае, она сказала Холли, что взяла отпуск на лето, чтобы подготовить дом к продаже. Больше Джейн ничего не объясняла, а Холли не спрашивала. Сестры никогда не рассказывали друг другу о личной жизни.

Но сейчас Джейн не удержалась и расплака-

лась. Ей было невыносимо думать, что придется начинать новую жизнь без Дэвида. Как людям вообще это удается? Она не представляла, что будет знакомиться с мужчинами в интернете. Если даже общительной и самоуверенной Холли это дается с трудом, Джейн была обречена.

— Джейн. — Холли вскочила и подошла к ней. — Господи, ты как? Я здесь. Я рядом.

Джейн несколько раз судорожно всхлипнула. Ей было трудно дышать.

— Сядь и опусти голову, — велела Холли и потерла сестре спину. — Дыши. Просто дыши.

Джейн сделала все как она сказала, сосредоточилась на вдохах и выдохах. Через минуту ей полегчало.

— Спасибо, — проговорила она и вытерла глаза рукой.

— Что с тобой? — спросила Холли. — Как будто приступ паники.

— Понимаешь… — начала Джейн. — Мы с Дэвидом…

Она снова заплакала.

— Он тебя бросил, — догадалась Холли, как будто это было очевидно. Очевидно не из-за того, что происходило в отношениях Джейн и Дэвида, а потому, что мужчины всегда так поступали.

— Нет, — ответила Джейн. — Я сама ушла.

— Зачем тебе понадобилось уходить от Дэвида?

— Я не уходила от него, я… Это трудно объяснить. Я должна была освободить его… от себя.

— Это он сказал?

— Нет. Я сама решила.

— И ты довольна?

— Нет. Я несчастна.

Холли казалась растерянной; кажется, у нее остались еще вопросы. Но она промолчала, крепко обняла Джейн и долго не отпускала.

Может, Джейн недооценила сестру и надо было раньше рассказать ей правду?

Холли отстранилась и спросила, обдав ее перегаром:

— Можно кое-что сказать?

— Да, — ответила Джейн.

— Знаешь, Дэвид мне нравился, но мне всегда казалось подозрительным, что он блондин. Блондинам нельзя доверять. Они всегда ведут себя как сущие младенцы. Правда же?

— Что? — оторопела Джейн, засмеялась и долго не могла успокоиться.

Сорок минут спустя Холли перешла черту между легким опьянением и полной катастрофой.

Язык стал заплетаться; глаза остекленели. Вино в бутылке плескалось на донышке.

Джейн сказала, что отвезет ее домой. Холли фыркнула и ответила, что это нелепо, она живет всего в пяти минутах и вполне способна сесть за руль.

Сколько раз им приходилось вести этот скучный и утомительный разговор! Более того, сколько раз она сама была на месте Холли. Джейн смотрела на сестру и с ужасом это осознавала.

Сестры еще немного поспорили; потом Холли завинтила крышку на бутылке и поставила ее в одну из коробок с вещами. Встала, подняла коробку, потеряла равновесие и завалилась вперед.

Спрятав телефон под столом, Джейн написала Джейсону, чтобы приехал и забрал мать.

Ей было неловко. Когда она сама была подростком, Джейн тоже постоянно звонили и просили забрать мать. Дети не должны оказываться в такой ситуации.

Джейсон отправил ей смайлик с поднятым вверх большим пальцем.

— Я ухожу, — сказала Холли, взяла сумочку, подхватила коробку и направилась к двери.

Джейн пошла за сестрой.

Холли поставила коробку на крыльцо и стала

искать ключи.

У Джейн заколотилось сердце. Джейсон мог не успеть. Если Холли найдет ключи, то сядет за руль и поедет. Как далеко Джейн готова зайти? Может, попытаться отнять ключи и кинуть их в кусты? Она не раз так делала, пытаясь остановить мать. А Дэвид однажды сделал то же самое, только уже с ней.

Мимо прошла парочка с двумя маленькими детьми. Дети ели мороженое. Джейн им улыбнулась. «Тут не на что смотреть», — будто говорила она.

Холли громко воскликнула: «Нашла!» — и в тот же миг к дому подъехала красная «Тойота-Камри» их матери. На миг Джейн растерялась и даже поверила, что это сама Ширли приехала. Это случалось всякий раз, когда Джейн видела эту машину. После смерти бабушки Джейсон забрал «тойоту» себе. Ему нужна была машина, а «тойота» стояла без дела. Но Джейн бы предпочла, чтобы он обменял ее на другую модель.

Джейсон потянулся и открыл пассажирскую дверь.

Джейн затолкала сестру в машину.

— Прости, малыш, — сказала она. — Спасибо за помощь.

— Можно подумать, он делает одолжение тебе. Он мой сын, — огрызнулась Холли и прищурилась, глядя на Джейн.

— Она ничего не ела, — сказала Джейн.

— Не говори обо мне так, будто меня здесь нет, мисс Задавака, — бросила Холли. — Считаешь себя лучше меня?

Утром Холли обо всем забудет.

Джейн захлопнула дверь. Проводила их взглядом и лишь потом спохватилась, что Холли не забрала коробки.

Джейн залезла в коробку, стоявшую у ее ног, достала бутылку и открутила крышку. Вдохнула запах вина. Поднесла бутылку к губам, задумалась и вылила ее содержимое под бабушкины азалии. Вернулась в дом, подошла к холодильнику и достала мятное мороженое с шоколадной крошкой.

Два дня назад ей захотелось купить именинный торт. Маленький («на 6–8 порций» — значилось на этикетке), украшенный воздушными шариками из разноцветной глазури. Парнишка в сеточке для волос завернул его и спросил, нужно ли нанести дополнительную надпись. Джейн сначала хотела попросить, чтобы он написал: «Джейн, ты идиотка» или «Хватит жрать», но передумала.

Она съела торт целиком прямо из коробки, с ножа, отрезая по кусочку и всякий раз твердя, что это последний, но потом отрезая следующий. К вечеру торт кончился.

Сейчас она сняла крышку с ведерка с мороженым, подождала, пока оно немного растает, и зачерпнула ложкой. Подумала, не взять ли креманку, но решила обойтись без нее.

Джейн съела половину ведра и убрала оставшееся в холодильник, гордясь своим самообладанием.

После отъезда Холли остался мрачный осадок. Джейн слышала много определений слова «алкоголик», но для нее самой это означало изменения в личности. Алкоголь делал человека злым. Ее мать была такой. Сестра была такой. И Джейн тоже.

Она легла спать, не умывшись и не почистив зубы.

Как только голова коснулась подушки, нахлынули события дня. Казалось, прошло несколько недель с тех пор, как к ней приходила Клементина.

При свете дня разговоры о мертвых и призраках с Клементиной, Эллисон, Крисом и Холли казались даже забавными, но теперь Джейн

испугалась. Ей стало стыдно — боится ночи, как ребенок, потому что ночью всегда происходит что-то страшное. Но она на самом деле в это верила, ведь девочек и женщин с малых лет приучали бояться темноты.

В Кембридже Джейн всегда отказывалась спускаться в общую прачечную по вечерам. С собакой вечером гулял только Дэвид. Когда Джейн жила одна, то спала с большим ножом под подушкой. Ей казалось, что жизнь полна угроз. Убийцы. Заблудшие души. Джейн вспомнила о Д — пропавшей девочке, которая хотела передать сообщение матери. Как она пропала? Ее похитили? Может, это дело рук торговцев людьми? В мире было столько зла, о котором люди прекрасно знали, и они не делали ничего для борьбы с ним. Представляя смерть ребенка в подобных обстоятельствах, Джейн утешала себя лишь тем, что его страдания закончились. Но если Клементина говорила правду, после смерти все только начинается.

По долгу службы Джейн часто приходилось утешать убитых горем родственников, передававших документы и вещи близких в архив. Об этой особенности работы архивиста никто не догадывался. Поначалу у нее плохо получа-

лось. Она никогда не знала, что говорить. Но со временем поняла: общение с архивистом дает родственникам возможность еще раз побыть с умершим близким. И как бы они ни горевали, им становилось легче.

Джейн не верила в призраков и рай, но верила в силу историй — записанных, рассказанных и переданных в виде артефактов.

Что, если мать Д тоже ждала утешения? И только Джейн могла ее утешить?

Она знала, что Клементина могла все выдумать. Ведь ее предположение о беременности Джейн не подтвердилось. Возможно, и не было никакой Д. Все это могло оказаться чепухой, но Джейн не могла перестать об этом думать.

Джейн скучала по Дэвиду. Он заботился о ней и понимал ее странные порывы. Не всегда, но понимал. Ей хотелось ему позвонить. Рассказать обо всем, что случилось за сегодня. Может, даже рассказать про тест на беременность и признаться, как она расстроилась, что он отрицательный.

Они уже несколько недель как перестали ежедневно разговаривать. Джейн сама этого хотела. Но сегодня ей было особенно тяжело. Казалось, случившееся не станет реальным, пока она не поделится им с Дэвидом.

Джейн хотелось его увидеть, взять за руку, вдохнуть его запах.

Она представила, как позвонит и предложит встретиться всего раз. На полпути между Бостоном и Авадапквитом в каком-нибудь красивом отеле на берегу, где она уснет в его объятиях, как засыпала всегда. Утром они проснутся, и все снова станет как прежде…

Вместо этого она попыталась сосредоточиться на книге, которую читала уже месяц, но все время отвлекалась. До недавних пор Джейн умела читать, полностью погружаясь в сюжет и теряя связь с реальностью. Утрата этой способности потрясла ее сильнее разлуки с Дэвидом, сильнее переезда и потери работы, которую она любила и которая, скорее всего, уже перешла к кому-то другому.

На прикроватном столике лежал ноутбук. Она его открыла.

С момента своего отъезда Джейн ежедневно подвергала себя ритуальной пытке: заходила в профиль Дэвида на фейсбуке. Он никогда ничего не публиковал. Много лет не менял фотографию. Но Джейн хотела увидеть именно этот снимок: на нем они были изображены в день свадьбы и беспечно друг другу улыбались. Они были так

влюблены.

В последние месяцы память приобрела для нее новое значение. Каждый день она много раз думала о поступке, разрушившем ее жизнь, но ничего не помнила.

Тот вечер был далеко не первым ее провалом в памяти, но тогда Джейн впервые поняла, что способна натворить дел и не вспомнить об этом на следующий день, а ее поступки могут полностью изменить отношение к ней самого близкого человека. Она не помнила событий, разрушивших ее брак. Как это возможно? И где была она, Джейн, в тот самый миг, когда все рушилось?

Где была ее мать сейчас, когда тело Ширли обратилось в прах? Почему ее бабушке было так важно сообщить, что они зря покрасили кухню в зеленый цвет? Думали ли мертвые о живых так же часто, как живые о мертвых?

Оправдываясь перед Дэвидом, Джейн в отчаянии пыталась свалить все на горе. Якобы она горевала после смерти матери, хотя на самом деле ничего не чувствовала. Она ощутила горе только сейчас, и оно было невыносимым. К нему примешивалась тоска по Дэвиду. Трагедии в жизни человека порой накладываются друг на друга, и невозможно отыскать истинную причину тех

или иных эмоций.

Джейн взглянула на свадебный снимок. Дэвид не сменил фото профиля: стоило ли придавать этому значение? Вряд ли. Скорее всего, он несколько месяцев не заходил на фейсбук.

Джейн ушла для его же блага. Чтобы исправиться ради него или дать ему возможность понять, что без нее будет лучше. Но она не знала, правильно ли поступила и что делать дальше.

Чтобы отвлечься на что угодно, она снова открыла входящие. После письма Женевьевы новых сообщений не было. «Рада знакомству».

Джейн доверяла суждению Эллисон. Ей и самой встречался такой тип людей. Спонсорами архива нередко выступали богатые женщины, считавшие себя лучше остальных. Они думали, что мир им принадлежит и все должны исполнять их капризы.

Но Джейн умела вести себя с такими женщинами. Неважно, нравилась ли ей Женевьева или нет; для работы это не имело значения. Вдобавок у Джейн появился официальный повод изучить дом, который с семнадцати лет вызывал у нее интерес и восторг.

Ей не верилось, что в Женевьеве нет совсем ничего хорошего. Она же хотела отдать дань

уважения бывшим обитателям дома. Разве это не добрый знак, что, купив особняк, она тут же заинтересовалась его прежними владельцами?

Джейн написала короткое письмо, сказав, что с радостью возьмется за проект.

К ее удивлению, Женевьева откликнулась сразу и спросила, сможет ли Джейн уложиться в две недели, приехать в дом и показать, что удалось обнаружить.

Джейн ответила, что это возможно, но ей хотелось бы сначала побывать в доме и осмотреться; на самом деле лучше сделать это намного скорее.

«Лучше через две недели, — ответила Женевьева. — Приходите через две недели; я не знаю, что там с белками и с обработкой дома от вредителей. Давайте подождем, хорошо?»

Ладно, согласилась Джейн. Она не думала, что обработка от вредителей может представлять реальную угрозу, и не понимала, зачем ждать две недели, но дело хозяйское. Можно и повременить.

Она закрыла ноутбук.

Вот бы бабушка оказалась рядом; Джейн села бы рядом с ней на диван, положила голову ей на плечо, а бабушка погладила бы ее по волосам и

посоветовала, как поступить.

Клементина велела Джейн выходить на крыльцо, если она захочет пообщаться с родственниками. Почему бы не воспользоваться советом?

Еще час назад она бы испугалась. Но чего бояться? Почему бы не рискнуть и не пойти до конца? Человек решается на контакт с призраками, когда ему уже нечего терять, а сейчас Джейн чувствовала себя именно так.

Она вышла на веранду босиком. Повторяя про себя, что не верит ни единому слову Клементины, встала и прислушалась.

Она долго так стояла, но ничего не услышала. Лишь ветер шумел в кронах.

6

В последующие две недели, не желая решать собственные проблемы, Джейн погрузилась в изучение загадки дома Женевьевы.

Эллисон повторяла, что Джейн зря согласилась ей помогать и не надо было этого делать ни за какие деньги.

Но Джейн впервые за все время их знакомства казалось, что подруга неправа. Женевьева заплатила ей ровно столько, сколько она получала в библиотеке Шлезингеров за месяц. Исследование помогло отвлечься от тягостных мыслей. Отыскивая ключи и постепенно приближаясь к разгадке, Джейн забывала обо всем на свете. Никакое другое занятие не позволяло ей не думать о времени и проблемах, в которых в противном случае она увязла бы с головой.

Джейн заходила на различные генеалогические сайты и в базы данных с рабочего профиля, радуясь, что никто не сменил пароль. Буквально через пару минут нашлись архивные записи о доме. Участок земли принадлежал одному из основателей города и в 1843 году перешел по на-

следству его внуку, капитану корабля Сэмюэлю Литтлтону, чье имя значилось на табличке возле парадного входа. По данным земельного реестра, строительство дома началось в 1846 году и завершилось два года спустя.

Джейн вздрогнула, увидев, что уже в 1860 году при переписи населения Сэмюэль значился мертвым, а дом перешел к его супруге Ханне. В то время с ними проживала служанка Элиза Грин.

Она нашла свидетельство о смерти Сэмюэля. Тот умер в тридцать четыре года, за год до начала Гражданской войны. «Как странно, — подумала Джейн, — он пропустил событие, определившее судьбу его поколения». Причиной смерти значилось утопление.

Жена Сэмюэля Ханна дожила до восьмидесяти лет. Трое из пятерых детей умерли в младенчестве. Их звали Альфред, Полли и Уильям.

Джейн почувствовала горе Ханны через архивные страницы. Рассматривая ее жизнь в деталях и вспоминая о том, о чем сама Ханна вспомнить уже не могла, Джейн испытывала сильные эмоции. Представляла бедную женщину, которая горевала по умершим детям и следом овдовела в столь молодом возрасте. Она не вышла замуж повторно: наверно, решила, что хватит ей бед на

оставшуюся жизнь.

К утру понедельника Джейн прочла всю имевшуюся информацию о корабле Сэмюэля Литтлтона, «Провидение». В 1996 году Морской музей Мэна включил его описание в выставку о знаменитых мэнских штормах. Оно до сих пор висело на сайте музея.

Экипаж «Провидения» погиб в последний день трехлетнего плавания. Шторм застал судно в проливе, отделявшем океан от гавани; «Провидение» затонуло, когда ему оставалось плыть меньше часа. Гибель корабля стала большим ударом для общины. Близкие моряков наблюдали за происходящим с берега, но ничего не могли сделать. Уж лучше бы корабль затонул вне видимости, в открытом море.

Почему Джейн никогда не слышала эту историю? Наутро она позвонила в музей сразу после открытия и спросила, располагают ли они какой-либо еще информацией об этом происшествии. Говоривший с ней мужчина был добр и рад помочь. Он выслал ей фотографии картин из музейного собрания, что изображали крушение, и письмо Сэмюэля Литтлтона жене из того последнего рокового плавания. В его отсутствие она родила ребенка, сына, с которым Сэмюэлю не

терпелось познакомиться. Он писал, что разлука дается ему тяжело, и распорядился взять Ханну и детей в следующее плавание — трехгодичное путешествие в Индонезию, которое так и не состоялось.

Джейн все записала. На закате, гуляя с Уолтером вдоль скалистого побережья, она думала о «Провидении» и представляла силуэт корабля на горизонте. Ее воображение рисовало Ханну Литтлтон, мечтавшую скорее увидеться с мужем и вместе отправиться в путешествие в неведомый край. Как изменилась бы ее жизнь и жизни детей, если бы Сэмюэль не погиб!

Узнав о Литтлтонах, Джейн вообразила их в лиловом доме и в комнатах, которые прежде считала своими. Вот Ханна и Сэмюэль стоят на крыльце и любуются видом. Или Ханна одна смотрит на горизонт и тревожится за мужа, ушедшего в долгое плавание. А вот она в старости: вспоминает свою жизнь и все, что потеряла.

Джейн представила, как дети Ханны сидят на подоконнике в гостиной с книгой или бегают босиком по лужайке, а может, решают рискнуть и спуститься по отвесной скале, пока мама не видит. Представила служанку Элизу: как та встает на стул и поднимается на цыпочки, чтобы

протереть стеклянные фрамуги на двери, или опускается на колени и полирует деревянные полы, мечтая о выходном, который проведет на берегу с возлюбленным.

Она поискала контакты последних владельцев дома, тех, которые продали его Женевьеве. Решила, что им может быть известно больше о его истории. Их звали Мэрилин и Герберт Мартинсон; они развелись почти полвека назад. Герберт умер.

Мэрилин по-прежнему жила в Филадельфии. Джейн погуглила ее и выяснила, что в 1960-е она была известной художницей, хотя потом перестала рисовать. Прочла хвалебный пост в блоге о том, как Мэрилин исчезла из поля зрения и как жаль, что это произошло, ведь она подавала надежды.

Сейчас Мэрилин было восемьдесят восемь лет. Джейн нашла в онлайн-справочнике ее городской номер. Дважды позвонила и оставила сообщение на автоответчике. Она не сомневалась, что правильно набрала номер. Голос на автоответчике произнес: «Нас сейчас нет дома», но Джейн знала, что пожилые женщины часто говорят «мы», записывая сообщение на автоответчик, — ее бабушка много лет назад делала то же самое.

К утру среды Джейн выяснила все, что только могла, и поняла, что не сможет больше продолжать расследование без посторонней помощи. В десять утра она взошла по мостику на лодку Эйба Адамса. Она знала, что в это время он будет в гавани в перерыве между экскурсиями. С тех пор как они встретились на аукционе, Джейн стала часто натыкаться на него по утрам, когда гуляла с собакой, но обычно просто махала в знак приветствия и не останавливалась.

— Как дела, детка? Хочешь снова устроиться ко мне гидом? — поддразнил он, когда она подошла.

На Эйбе была его обычная униформа: ярко-синее поло с вышитым на груди названием лодки — «Великий побег»; оранжевый резиновый комбинезон на черных подтяжках и поношенная бейсболка с эмблемой «Ред Сокс».

Он опустил заслонку кузова голубого пикапа и положил туда стопку брошюр, прижав их камнем.

— Возможно, — ответила Джейн, — а ты нанимаешь?

— Тебя найму без собеседования, — ответил Эйб. — Видела бы ты ребят, которые сейчас у меня работают. Лодыри. Никто им не указ. Постоянно

опаздывают, сценарий не учат, а просто читают по бумаге. Или выдумывают на ходу.

Джейн вспомнила маму Эллисон и вымышленного призрака времен Войны за независимость. Если задуматься, туристам в Авадапквите десятилетиями скармливали байки.

— Я помогаю подруге найти сведения о первых владельцах ее дома, — сказала Джейн. — Речь об одном из старых домов на утесах.

Она махнула вдаль.

— Везет твоей подруге, — ответил Эйб. — А ты молодец, что помогаешь.

Джейн не стала уточнять, что Женевьева ей не подруга. Что она ей платит. А сама Джейн занялась этой работой, чтобы не думать, как разрушила свою жизнь.

Ей нравилось говорить с Эйбом. Он никогда ее не разочаровывал и до сих пор воспринимал как девчонку, какой она была в школе. Считал ее умницей.

— Этот дом построил капитан корабля «Провидение», — сказала Джейн. — Корабль затонул; это известная история в наших краях.

Джейн не удержалась и рассказала Эйбу обо всем, хотя, возможно, не следовало: история о кораблекрушении могла его расстроить.

Эйб слушал ее и кивал. Кажется, он воспринял слова Джейн спокойно.

— Да, — наконец ответил он. — Я помню эту легенду: слышал в детстве. Кажется, с тех пор никто о ней не упоминал.

Джейн никогда не переставала удивляться: какое-нибудь происшествие могло повлиять на целое поколение, но следующее поколение уже о нем не помнило. Винить в этом кого-то было бессмысленно: невозможно помнить обо всем, что случилось. Веками люди спорили, какие события считать важными; в истории оставались войны, великие географические открытия и цари. Но как быть с остальными? Неужели их истории ничего не стоили?

Поиск ответов на эти вопросы принимал различные формы. Религия, попытки наладить контакт с мертвыми, архивная деятельность, которую Джейн выбрала своим занятием. Сколько раз она сидела на чердаке очередной покойницы, чья жизнь по той или иной причине считалась примечательной, и разбирала фотографии из путешествий, коробочки с молочными зубами, неумело нарисованные пейзажи и любовные письма, пытаясь найти во всем этом порядок и смысл.

Эйб рассказал о «Либерти», баркасе эпохи Войны за независимость. Его выбросило на берег в соседнем Уинстоне, и постепенно корабль погрузился в пески. Но примерно раз в десять лет во время шторма песок сносило, и останки корабля показывались на поверхности. Он достал телефон и показал фотографии. Обшитый досками остов на берегу выглядел так, будто свалился с неба; вдали виднелись дощатый настил, галерея с сувенирными лавками, бары, закусочные, заколоченные на зиму и припорошенные снегом.

— Это семь лет назад, — сказал Эйб. — В феврале две тысячи восьмого. Может, помнишь, тогда дул сильный северо-восточный ветер. Детишки играли на пляже. Волны поднялись выше головы, песок со снегом летели в лицо, и вдруг откуда ни возьмись появился корабль. Ребята до смерти перепугались.

Джейн рассмеялась.

— Поговори с Лидией Бизли, она заведует местным историческим обществом, — добавил Эйб.

— Не знала, что в Авадапквите есть историческое общество, — ответила Джейн. — А где это?

— В помещении бывшего фотомагазина Лидии. Теперь у нее магазин игрушек. У самого выхода на пляж.

— А.

Ей казалось, что историческое общество должно находиться где-то вроде библиотеки.

— Но я бы на твоем месте не особо рассчитывал что-то узнать, — добавил Эйб. — Скажи, что я тебя прислал. Думаю, вы найдете общий язык.

Когда через десять минут Джейн добралась до магазина игрушек, Лидия ее уже ждала.

— Эйб позвонил и предупредил, что ты придешь, — сказала она. — Заходи.

У Лидии были седые волосы до плеч с густой прямой челкой, отрезанной как по линейке. На ней были узкая песочная юбка до колен, отглаженная серая двойка с кардиганом и полотняные сандалии.

Джейн проследовала за ней через две комнаты, где на полках стояли всевозможные игрушки. Куклы-младенцы в розовых коробках, аксессуары для кукол — колясочки, стульчики для кормления, пластиковые бутылочки с пластиковым молоком. Целый раздел настольных игр. Книги с картинками, марионетки, водяные пистолеты и игрушки для пляжа. Пазлы, наборы для рукоделия, карнавальные костюмы, чтобы было чем заняться в дождливый день. Плюшевые игрушки занимали целую стену.

— Какой чудесный у вас магазин, — сказала Джейн.

— Спасибо. У тебя есть дети?

— Нет.

— У меня тоже. Раньше тут был фотомагазин и студия фотопечати, — ответила Лидия. — Я увлекаюсь фотографией. На самом деле в детях я ничего не смыслю. Скажи мне кто двадцать лет назад, что у меня будет детский магазин, я бы не поверила. С другой стороны, если бы мне сказали, что мой бизнес прогорит, потому что все будут фотографировать на телефон, я бы тоже не поверила.

Лидия проводила Джейн в тускло освещенный кабинет, где выстроились серебристые картотечные шкафы. Тут царила совсем другая атмосфера, чем в соседних комнатах, заставленных игрушками всех цветов радуги. Повсюду были стопки книг и документов. Одну стену занимали встроенные книжные шкафы со старыми томами в темных кожаных переплетах. На другой стене, обшитой деревянными панелями, висели черно-белые фотографии в рамках с видами Авадапквита столетней давности. На этих снимках еще не было высотных домов. На одном из изображенных участков сейчас выросло шесть или семь кон-

доминиумов. Джейн принялась разглядывать фотографии и мысленно перенеслась в прошлое.

— Прости за беспорядок, — сказала Лидия. — Это должно было быть временное помещение, но… — Она покачала головой. — Впрочем, лучше даже начинать не стану.

Джейн промолчала, но Лидия продолжила, будто та умоляла ее объяснить:

— Много лет назад городской совет проголосовал за выделение особого помещения под историческое общество, но его так и не выделили. Мы даже нашли идеальное место — бывший мини-отель «Лоси» с большим зеленым двором на Элм-роуд. Большая ровная лужайка идеально подходила для проведения мероприятий на свежем воздухе. Но в последний момент совет попечителей проголосовал иначе, и там сделали дом престарелых с боулингом на траве. Идиоты.

— Жаль, — ответила Джейн. — Было бы здорово, окажись в городе такое место.

— Стыдно его не иметь, — ответила Лидия. — Большинство людей даже не в курсе, что весь архив здесь.

Джейн рассказала о доме Женевьевы и желании хозяйки отдать дань уважения его владельцам.

— Я живу в доме тысяча семьсот пятьдесят тре-

тьего года, — сказала Лидия. — Бывшему мужу приходилось пригибаться на втором этаже: там очень низкие потолки. Но я не хочу там ничего менять. Этот дом нас всех переживет. Я себя владельцем не считаю; я лишь временно о нем забочусь.

— Я вас понимаю, — ответила Джейн.

— Жаль, что таких, как ты, мало, — продолжала Лидия. — Иногда меня очень злит, что никому не интересны мои попытки сохранить прошлое. Я занималась мемориальными скамейками на Прибрежной тропе: мы поместили на каждую скамейку табличку с именем известного человека, который жил в этих краях или бывал здесь проездом. Думаешь, кто-нибудь пытается погуглить эти имена и вообще читает таблички?

— Я читаю, — ответила Джейн.

Лидия улыбнулась.

Джейн прекрасно понимала, о чем говорит Лидия. Конечно, были люди, заинтересованные в бережном отношении к истории и ее сохранении. Но Джейн казалось, что гораздо больше людей не понимают, зачем это нужно. История имеет значение, лишь если важна для живых.

Ей вспомнилось, как они с Дэвидом ездили в командировку в Нашвилл. Пока муж участвовал в

конференции, Джейн побывала в Доме-музее Эндрю Джексона, потому что в любом новом городе всегда первым делом искала ближайший музей или дом, когда-то принадлежавший известному человеку, или записывалась на пешеходную экскурсию. Бабушка говорила, что она не умеет отдыхать, раз на отдыхе занимается тем же, чем на работе.

Поскольку Джексон был рабовладельцем, она рассчитывала, что экскурсия пройдет в серьезном и даже мрачном ключе. Группа состояла из старшеклассников на школьной экскурсии и туристов, убивавших время до начала концерта кантри-музыки. Никто даже не засомневался, когда гид заявил, что большинство рабов Джексона остались верны ему и после Гражданской войны, поскольку тот, хоть и отличался суровостью, любил их как родных детей. Когда речь зашла о беглых рабах, которых травили собаками — собаками, вырывавшими куски мяса из икр, — половина подростков скривились, будто смотрели сцену автокатастрофы в кино. Другая половина продолжили пялиться в телефоны. У входа в бывшие бараки, где жили рабы, две женщины громко обсуждали, куда пойти на барбекю.

Самую бурную реакцию вызвало упоминание о том, что во времена Эндрю Джексона многие мыли голову всего раз в год. Собравшиеся от мала до велика ужаснулись, услышав такое.

Подобная реакция не удивила Джейн, а, скорее, расстроила. Вечером в баре отеля она жаловалась Дэвиду, что большинство людей, если задуматься, совершенно аморальны. Их больше волнует вчерашний выпуск «Холостяка», чем тот факт, что они живут в стране, основанной рабовладельцами и построенной рабами.

Возможно, она судила слишком строго. Функция образования — научить человека замечать то, чего не видят другие. Джейн выросла в семье, где политику и социальную справедливость никогда не обсуждали; эти темы считались легкомысленными, гораздо больше значения придавалось повседневным бытовым проблемам. Но в Уэслианском колледже многие из выбранных Джейн курсов были посвящены литературе маргинальных сообществ. Там еще двадцать лет назад говорили о репарациях, гендерной флюидности, о том, что люди с привилегиями должны выступать в защиту тех, кто этих привилегий лишен. С тех пор она смотрела на мир другими глазами.

Дэвид всегда твердил, что Джейн повезло работать с людьми, которые считали своим долгом бороться с прошлым, раскапывать его и выносить на свет даже самые неприглядное и неизвестное.

Он был прав. Она испытывала благодарность, когда кто-то приходил в библиотеку Шлезингеров узнать о женщине, чье имя затерялось во времени. Архив насчитывал более четырех тысяч документов и артефактов. Запросы на информацию об Анджеле Дэвис или Джулии Чайлд поступали каждую неделю. Но Джейн больше нравилось, когда посетители спрашивали о ком-то, о ком она сама не знала. Большинство документов находились в хранилище, и Джейн всякий раз радовалась, когда им приходилось совершать небольшое путешествие и оказываться в библиотеке.

Несколько месяцев назад молодая женщина запросила архив Дороти Дигнэм, хранившийся в собрании, посвященном женщинам в рекламе, о котором редко кто-то вспоминал. Несколько часов незнакомка сидела и осторожно перелистывала страницы. Архив совершенно ее захватил; в какой-то момент она даже ахнула. Оказалось, она открыла дневник, а из него выпали сухие лепестки полевого цветка, пролежавшего там

сто лет.

Джейн хотелось рассказать Лидии о своей работе в библиотеке Шлезингеров. Наверняка той будет интересно. Но не хотелось объяснять, почему она сейчас не на службе. Поэтому Джейн завела разговор о Сэмюэле и Ханне Литтлтон. Лидия в общих чертах знала их историю.

— Твоя подруга живет в большом викторианском особняке? Бледно-лиловом? — спросила она.

— Да! — ответила Джейн. — Он мне всегда нравился. Давным-давно, в старших классах, я часто туда ходила и все там облазила.

— Шикарный дом. Я рада, что твоя подруга решила дать ему новую жизнь. Предыдущие владельцы привели его в такое запустение. Преступная халатность.

— Вы их знали?

Лидия покачала головой:

— Они не местные. Приезжали на лето, привозили с собой толпу знакомых и ни с кем не общались. А однажды просто уехали и больше не вернулись. Видимо, им дела не было, что дом стоит и мозолит всем глаза. Слышала, они развелись со скандалом, а особняк никак не могли поделить. Одно время даже поговаривали, будто

городские власти собираются его конфисковать. Литтлтоны, считай, в одиночку владели Авадапквитом. И до сих пор владеют. Им принадлежит большинство домов в заливе, хотя многие члены семьи переехали. Но кое-кто еще здесь. Могу познакомить, если хочешь.

— Спасибо, — ответила Джейн. — Было бы здорово.

— Этель Трой тоже была из этой семьи, — заметила Лидия. — Литтлтон — девичья фамилия ее матери.

Джейн вопросительно вскинула брови, показывая, что не знает, о ком говорит Лидия, и та пояснила:

— Этель тоже жила в том доме.

Лидия подошла к полке и достала старинную книгу в зеленом кожаном переплете.

— Я об этой Этель, — сказала она. — Посмотри фотографии. Сейчас еще кое-что найду. Я буду искать, а ты пока смотри.

Она протянула Джейн книгу. Тисненая надпись на обложке гласила: «История Авадапквита, Мэн. Этель Трой».

Книга вышла в маленьком издательстве в Кенненбанкпорте в 1949 году.

Во введении содержалась основная информа-

ция о городе:

> *Авадапквит (на языке абенаки – «где прекрасные утесы встречаются с океаном») был основан в 1642 году. Вскоре после этого англичанин Эфраим Литтлтон получил от государства 100 акров земли под строительство лесопилки на реке Авадапквит. Я горжусь тем, что этот великий человек – мой предок, заложивший основы кораблестроения в нашем городе, которое впоследствии стало основным источником дохода для местного населения.*

Джейн записала имя: Эфраим Литтлтон. Очевидно, тот был родственником Сэмюэля, хотя степень родства оставалась неясной.

Далее в книге указывались имена еще десяти человек, ставших хозяевами лесопилок в Авадапквите. Шестеро из десяти носили фамилию Литтлтон.

> *Меня переполняет гордость, когда я думаю о своих храбрых предках, прокладывающих себе путь в новом мире вопреки опасностям, которые всегда подстерега-*

ли их в двух шагах. Коварные краснокожие хорошо знали эти леса, знали, умели прятаться и нападали на честных рабочих и их семьи. В первые годы поселения многие невинные жители Авадапквита, включая самого Эфраима Литтлтона, пали жертвой дикарей. Его дом и лесопилку сожгли в один и тот же день. Говорят, он находился внутри одного из зданий.

Джейн снова записала в блокноте: «Сэмюэль — потомок основателя города, убитого во время нападения индейцев».

Она пролистала главу о первом суде, учрежденном в 1644 году. Одно из первых постановлений гласило, что «всякая жена, которая неуважительно отзовется о муже, на его усмотрение может быть помещена на три часа в колодки и после выпорота кнутом».

В 1658 году для наказания за тот же проступок в городе воздвигли «позорный стул», которым «всякий муж мог пользоваться по желанию в свое удовольствие».

Далее Этель Трой описывала принцип действия этого приспособления, никак не комментируя ситуацию. «Преступницу» пристегивали к стулу

ремнями; стул каким-то образом подвешивали к шесту с противовесом и окунали в ледяную воду столько раз, сколько посчитает нужным пострадавшая сторона.

Короче говоря, мужчина имел право наказывать жену за любое слово, которое ему не понравилось.

— Кошмар, — пробормотала Джейн и стала читать дальше.

Легенда гласит, что британский первооткрыватель Арчибальд Пемброк увидел Авадапквит с моря в 1605 году. В этом плавании путешественник неоднократно высаживался на берег и вернулся в Англию, по приказу своего благодетеля сэра Джона Фернсби прихватив с собой несколько пленных дикарей. Пленным краснокожим велели описать родную землю. Их подробные описания прекрасной плодородной земли, богатой природными ресурсами, произвели впечатление на Фернсби. Он немедленно снарядил новую экспедицию, и через несколько лет в Новую Англию прибыли первые колонисты.

Джейн вздрогнула: она узнала имя. Арчибальд Пемброк. Именно он, по слухам, высадился на острове напротив дома Женевьевы, и там ему воздвигли памятник, хотя за годы, что Джейн жила в Кембридже, шторм разрушил памятник и его смыло волнами. В легенде говорилось, будто Пемброк дал название этому острову и многим другим местам вдоль побережья, где высаживался по пути, точь-в-точь как описывала Этель. Джейн сама неоднократно упоминала имя Пемброка, когда вела экскурсии на катере Эйба. Но о пленных индейцах она не знала. Интересно, что с ними случилось.

Ей также стало любопытно, откуда Этель узнала, что Пемброк высаживался в Авадапквите. Возможно, та все выдумала, но со временем люди вроде Эйба Адамса поверили в ее версию событий и начали распространять как факт. Лидия сказала, что Этель одно время жила в доме Женевьевы. Возможно, поэтому она и выбрала для своей истории остров, который было видно из окон.

Джейн перечитала отрывок, отмечая слова, которые использовала Этель: *краснокожие, дикари*. Ее это совсем не удивило. Сравнив два текста, написанные даже с разницей в десять лет, можно увидеть явственные различия и понять, как

изменилась культура. А тут речь шла о тексте почти вековой давности: естественно, за это время многое изменилось. Язык передавал не только мысли автора, но и предрассудки и стереотипы целой эпохи и отдельного ее представителя.

Перевернув страницу, Джейн увидела фотографию памятника Пемброку и две других, изображающих монументы примерно такого же размера. Надписи на трех памятниках были сделаны одинаковым шрифтом; все три датированы 1930 годом. Джейн пригляделась. Один из памятников находился в Йорке, городе в нескольких километрах к югу от Авадапквита. Надпись на камне гласила:

> *В память о самом чудовищном нападении индейцев в американской истории. В день Сретения Господня 1692 года индейцы абенаки оставили снегоступы на этой скале и на заре январского утра прокрались в Йорк, захватили в плен и убили триста спящих жителей.*

Третий памятник, если верить книге, находился в Уинстоне, соседнем городе к северу.

> *В память об основании Уинстона.*

В 1630 году индейцы продали свою землю у устья этой великой реки и переселились на территории к северу.

Подпись к фотографиям сообщала, что все три монумента были установлены на деньги Мэнского общества охраны старины в рамках программы «Историческая тропа индейцев», объединяющей памятные места по всему штату Мэн.

Один из памятников увековечивал чудовищное преступление, совершенное против невинных колонистов, пока те спали. Другой — мирную передачу земли. Джейн полагала, что обе эти истории — выдумки; ей хотелось узнать, как все было на самом деле.

Она открыла рот, собираясь сказать об этом Лидии, но та воскликнула:

— Вот она!

И протянула Джейн брошюрку, державшуюся на двух скрепках.

Брошюрка, выпущенная в 1952 году, называлась «Дома Авадапквита, Мэн». В ней описывалась краткая история старейших домов региона.

Джейн нашла дом Женевьевы на сорок седьмой странице. Там коротко повторялась история капитана Литтлтона, погибшего во время ко-

раблекрушения, его жены Ханны и двух детей, которых ей пришлось воспитывать в одиночку.

Она перевернула страницу и увидела черно-белый набросок дома. На лужайке перед ним стояло несколько плетеных кресел.

Образец раннего викторианского стиля. Текущий владелец – Этель Трой (с 1916 года); в доме проживают Этель и ее сестра Хани.

Снова Этель Трой. А теперь еще сестра Хани. Джейн записала имена к себе в блокнот и перевернула страницу.

В особняке много лет работает принадлежащая сестрам гостиница «Лейк-Гроув Инн», рассчитанная на 15 постояльцев.

«Лейк-Гроув Инн».

Впервые за несколько дней Джейн вспомнила о Клементине и девочке, чье имя начиналось на букву Д.

В гостинице с девочкой вполне могло произойти что-то плохое. Она могла приехать с кем-то из постояльцев. Возможно, была даже не из этих краев, и отыскать ее мать не представлялось

возможным при всем желании.

Джейн захотелось рассказать обо всем Лидии и признаться, что Д обратилась к ней через медиума и просила передать своей матери, что в Лейк-Гроув ее больше нет. Но что-то подсказывало Джейн, что этого делать не стоит. Некоторые люди верят в мистику, другие нет. Лидия с ее сухой деловитой манерой явно принадлежала к последним.

Вместо этого Джейн произнесла:

— Тут говорится, что сестры Трой управляли гостиницей «Лейк-Гроув Инн». Я пыталась найти место с таким названием для другого своего проекта. Может, это оно?

— Тут несколько мест с таким названием, — заметила Лидия. — Загородный клуб. И… еще что-то точно есть.

— А само озеро Лейк-Гроув[20]? Его же не существует?

— Никогда об этом не задумывалась, — ответила Лидия.

Джейн вернулась к брошюре и выяснила, что сестры провели в доме капитальный ремонт, установили водопровод и электричество. Почти

---

[20] Примечания: 20
Lake по-английски «озеро».

тридцать лет гостиница пользовалась большой популярностью: бизнес процветал даже в период Великой депрессии. Во время Второй мировой войны особняк забрали под нужды армии. Постояльцев больше не пускали. Сестер тоже временно выселили, им пришлось снимать маленькую квартиру в городе. Во дворе построили радарную станцию, где круглосуточно дежурили солдаты, караулившие немецкие подводные лодки.

Джейн обратила на это внимание, и Лидия сказала:

— Это очень интересно.

Тут дважды позвонили в дверь.

Лидия недовольно застонала.

— Пойдем со мной, поговорим в магазине, — сказала она. — Можешь взять книги.

В магазин зашли две семьи. Отец в плавках и шлепанцах с тремя маленькими сыновьями и две женщины с девочкой чуть постарше мальчиков, хотя Джейн всегда затруднялась определять возраст детей. Наверно, ей было около девяти или десяти лет.

Лидия поздоровалась. Она была дружелюбна, однако не сдержалась и недовольно вздохнула, когда мальчики опрокинули крутящуюся стойку с миниатюрными именными номерными

знаками.

Джейн все еще думала о Д и прикидывала, как Лидия могла бы ей помочь. Значит, в доме Женевьевы раньше находилась гостиница «Лейк-Гроув». Не об этом ли месте говорила Д? Может, Джейн не просто так тянуло к особняку все эти годы? И не случайно Женевьева привлекла к расследованию именно ее?

Сам факт, что у нее возникла такая мысль, немало встревожил Джейн. Должно быть, встреча с Клементиной совсем сбила ее с толку.

Они стояли за прилавком. Джейн тихо проговорила:

— Это может показаться странным, но здесь, в Авадапквите, умерла девочка. Ее имя начиналось с буквы Д. Она умерла в Лейк-Гроув.

— В загородном клубе? Или в гостинице?

— Точно не знаю.

— А когда это было? — спросила Лидия. — И как она умерла?

— Я не знаю.

Джейн испугалась, что Лидия посчитает ее сумасшедшей, но та, кажется, так не думала.

— В восьмидесятые в доме возле загородного клуба произошло тройное убийство. Убили молодого ловца лобстеров, его невесту и их приятеля.

Ножевые ранения. Это было как-то связано с наркотиками. Убийцы были наркоманами.

Отец мальчиков и две женщины покосились на нее. Лидия даже не думала говорить шепотом.

Джейн тут же погуглила тройное убийство. Но среди жертв не оказалось никого, чье имя начиналось бы на Д. И Лидия перепутала: убийство произошло не в доме возле загородного клуба «Лейк-Гроув», а рядом с общественным полем для гольфа на другом краю города. Джейн сама поражалась, как сильно ей хотелось, чтобы одной из жертв оказалась Д и загадка разрешилась. Если бы это подтвердилось, значит, Клементина не врала — мать и бабушка Джейн действительно продолжают существовать и по-прежнему находятся рядом.

Вечером Лидия переслала Джейн электронное письмо от Роуз Литтлтон, которой написала от ее имени. Та жила в Авадапквите и приходилась Сэмюэлю Литтлтону дальней родственницей. Роуз приложила к письму родословную Литтлтонов на несколько сотен страниц и сказала, что не располагает информацией о Сэмюэле, однако сведения о нем должны быть в архивах Исторического общества штата Мэн в Портленде.

Джейн тут же написала знакомому по аспиран-

туре, который там работал.

В прошлый раз они с Эваном виделись три или четыре года назад на конференции архивариусов в Майами. Конференция была посвящена адаптации к меняющимся технологиям — распространенной теме для обсуждений и причине беспокойства в среде архивариусов. Современные люди почти перестали писать бумажные письма, и тем более никто их не хранил. Каждый человек снимал по тысяче фотографий в месяц, но их никогда не печатали. Одним нажатием кнопки стиралась переписка за целый год без возможности восстановления.

Но эта проблема была далеко не нова. Тексты, написанные женщинами, — любовные письма, дневники, — в массе своей всегда выбрасывались. Их сжигали сами создательницы, выбрасывали и теряли дети.

В библиотеке Шлезингеров сотрудники старались выяснить, о чем думали женщины прошлого и что они чувствовали. Но порой даже многотомная автобиография не раскрывала такие интимные детали. Дневник отнюдь не всегда являлся изложением самых сокровенных мыслей и чувств: изливать душу на страницах начали относительно недавно. Джейн считала, что совре-

менные люди оставляют после себя куда более честные жизнеописания, чем люди прошлого. Посты в блогах, записи в соцсетях, электронные письма — все это складывалось в картину жизни. Но как ее сохранить? В этом крылась главная трудность.

Эван ответил на ее сообщение через несколько минут, написал, что точно не знает, есть ли у него информация о Литтлтонах, и пригласил приехать лично на следующий день и вместе поискать, поскольку послезавтра открывалась большая новая выставка, к которой он готовился несколько месяцев. А после этого он отправлялся в отпуск на неделю с семьей, которой совсем перестал уделять время, пропадая на работе и готовясь к выставке.

Джейн с удовольствием поехала в Портленд: она была рада сменить обстановку. Ей нравился этот город, его шумные улицы, оживленный порт и очаровательные старые дома из красного кирпича. Музей занимал три корпуса; в одном из этих зданий родился и вырос Генри Уодсворт Лонгфелло.

На парковке Джейн осенило, что кто-нибудь наверняка доложил Эвану, что она больше не работает в библиотеке Шлезингеров. В мире

архивариусов все друг друга знали. И любили сплетни. Она пожалела, что раньше об этом не подумала. Иначе бы не поехала.

Эван поприветствовал ее в лобби. С университета он набрал килограммов десять, а на макушке появилась умильная маленькая лысина.

Он спросил, как дела в библиотеке.

Джейн вслушалась в его голос. Кажется, он не притворялся. Наверно, действительно ни о чем не знал.

— Отлично, — ответила она. — Много дел.

На этой неделе она должна была представлять научную работу на ежегодной конференции по женским исследованиям в Лондоне. Джейн почти дописала ее, когда все рухнуло. Конференция в том числе была посвящена вопросу адаптации женских архивов к современному миру. В библиотеке Шлезингеров об этом часто говорили. Ей так хотелось обсудить это с коллегами из других культур, выслушать их идеи и поделиться ими с командой.

Мелисса должна была поехать с ней. Джейн так ждала возможности побыть с начальницей один на один. Долгих разговоров за ужином. В первые годы работы в библиотеке они сблизились именно благодаря таким поездкам. На службе Мелисса

поддерживала здоровую профессиональную дистанцию. Но смена места способствовала более расслабленному и свободному общению.

Джейн стало любопытно, взяла ли Мелисса кого-то с собой вместо нее. Она поклялась не заходить на сайт конференции и не проверять состав участников, хотя знала, что, скорее всего, не удержится.

Интересно, продолжал ли Дэвид иногда видеться с Мелиссой и Перл? Обсуждали ли они Джейн, говорили ли о том, какой ужасной она оказалась и как их всех одурачила, притворяясь нормальной?

— А этот капитан корабля, которого ты ищешь, — сказал Эван, — это по работе?

— Нет, — ответила Джейн. — Подруга попросила узнать.

Она последовала за ним в большую научную библиотеку.

— Я немного поискал, — сказал Эван, — и вот что нашел.

Он показал ей газетные статьи о кораблекрушении, которые Джейн уже читала.

Она попыталась скрыть разочарование.

— Спасибо, что согласился встретиться накануне выставки, — сказала она.

— Не за что.

— О чем она, кстати?

— О, тема очень интересная, — ответил Эван. Его лицо осветилось, как у Джейн, когда на работе возникал новый проект и ей не терпелось кому-нибудь об этом рассказать. Эван радовался, как влюбленный мальчишка. Джейн скучала по этому ощущению.

— Это выставка об истории индейцев вабанаки[21] — коренном населении штата Мэн, — продолжал Эван. — История, рассказанная ими самими. Мы стремились поместить в центр экспозиции коренных мэнцев, а не показывать их глазами колонистов, и таким образом деколонизировать музейную деятельность. Как тебе прекрасно известно, в большинстве музеев коренных американцев изображают в лучшем случае в виде манекенов в набедренных повязках, пляшущих вокруг вигвама с копьями и убивающих чучело буйвола.

«Он прав, — подумала Джейн. — А в худшем — хранят их головы в ящиках, как в Гарварде».

— Уверен, заслугой нашего поколения станет работа по деколонизации музеев, которые прежде

---

[21] Примечания: 21

Вабанаки — группа восточных алгонкинских народов, в которую входили и упоминавшиеся выше абенаки (это не одно и то же).

занимались накоплением украденных богатств и формированием стереотипов, — сказал Эван.

Джейн вспомнила фотографии из книги Этель Трой и памятники, воздвигнутые Обществом охраны старины.

— Надеюсь, ты прав, — пробормотала она.

— Я потому и уволился из «Исторических домов Новой Англии» — они этого не понимали, — продолжал Эван. — Правда, теперь они тоже подхватили новую моду. Новый директор ратует за инклюзивность и более широкий взгляд на историю. Мне не обидно, нет. Ну ладно, может, чуть-чуть.

Прежде чем перейти в портлендский архив, Эван работал в организации «Исторические дома Новой Англии» — небольшой компании с огромным бюджетом и кучей миллиардеров в совете директоров. Организация занималась покупкой исторических домов в Мэне, Нью-Гемпшире, Массачусетсе и Вермонте и переоборудованием их в дома-музеи.

— Хочешь посмотреть выставку? — спросил Эван. — Она почти готова. Станешь первым посетителем.

— С удовольствием, — ответила Джейн. Они вместе прошли по длинному коридору. — А как у

тебя возникла идея выставки? — спросила она.

— У нас в постоянной коллекции есть кошелек тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, расшитый бусинами, — начал рассказывать Эван. — На бирке написано: «Этот кошелек изготовлен Моллокет, последней из пеквакетов». Слышала о ней?

Джейн покачала головой.

— Чуть дальше к северу ее имя известно каждому. Там ее называют Молли Окет. Ее именем названы школы и предприятия. В Бетеле устраивают праздник в ее честь. Но эта бирка… она не давала мне покоя. Молли Окет прославилась, потому что была последней в своем племени. А ведь это очень опасная идея, и она безнадежно устарела. Мол, индейцы жили на этих землях, а теперь их нет. Австралийский историк Патрик Вулф говорил, что поселенческий колониализм — структура, а не событие. Он продолжает существовать, и его существование поддерживает идея о том, что коренного населения больше нет. А ведь оно есть! Оно никуда не делось. И если мы хотим бороться с колонизацией, надо рассказывать истории народов, которые все считают давно исчезнувшими. Меня очень вдохновила поездка в музей Аббе в Бар-Харборе. Была там?

Джейн покачала головой.

— Это целый музей, посвященный истории и культуре вабанаков. История рассказана без прикрас, но музей не производит гнетущего впечатления, как раз наоборот. Нечто подобное я стремился создать здесь. У меня есть знакомая из племени пенобскотов, Наоми Миллер; она помогала готовить выставки в музее Аббе. Я связался с ней, и мы предложили ей грант и должность культурного советника. Она привела с собой других потрясающих людей. И вот результат.

Джейн вспомнила историю, которую прочитала вчера: о том, как Пемброк заставил пленных индейцев описывать своему благодетелю красоту и богатства их родного края. Она рассказала об этом Эвану. Тот не слыхал о Пемброке, но обещал вернуться в научную библиотеку и проверить, есть ли там что-нибудь о нем.

Они остановились перед распахивающимися дверями. Вывеска гласила: «Голоса вабанаков: прошлое, настоящее, будущее».

— Заходи, — сказал Эван, — я скоро подойду.

В выставочном зале тихо работали несколько человек. Двое рабочих на подъемнике вешали на стену большую картину. Две женщины склонились над документом.

Джейн знала, как заняты организаторы и как много дел обычно накануне открытия выставки. Она постаралась не путаться под ногами.

Первый раздел знакомил посетителей с конфедерацией вабанаков, состоявшей из четырех племен, признанных на федеральном уровне: малеситов, микмаков, пенобскотов и пассамакуоди. Состояли в конфедерации и другие племена, которые были полностью искоренены и не имели официально зарегистрированной племенной земли.

На территории, ныне занимаемой штатом Мэн, когда-то проживало двадцать индейских племен. На интерактивной карте штата можно было нажать на любой город и посмотреть, какой народ жил там раньше. Надпись на экране гласила:

> *Вопросы для размышления. Где сейчас потомки этих людей? Вынужденно переселены? Куда они делись?*

Джейн нажала на Авадапквит, и на экране выскочило окошко с текстом:

> *На протяжении десяти тысяч лет эта земля принадлежала индейцам племен пеннакук и абенаки. После пришествия*

первых поселенцев в конце XVII и начале XVIII века члены племен, выжившие после войны и болезней, бежали в Канаду и встали на сторону французов. Сейчас в Квебеке две резервации абенаков, но в Мэне не осталось ни одной. Племя абенаки не признано правительством США.

Следующий раздел был посвящен истреблению племен. На выставке была представлена страница из дневника преподобного Томаса Смита, унитарианского пастора Первой приходской церкви, проживавшего в восемнадцатом веке на территории нынешнего Портленда. В 1755 году лейтенант-губернатор учредил награду за пленных и мертвых индейцев: пятьдесят фунтов за живого мужчину старше двенадцати лет и сорок фунтов за скальп; двадцать пять фунтов за живую женщину, девочку или мальчика младше двенадцати лет или двадцать за скальп. Смит собрал вооруженный отряд и отправился ловить, убивать и снимать скальпы с индейцев племени вабанаки, включая женщин и детей. Он писал, что выручил сто девяносто восемь фунтов — «моя доля за скальпы».

Далее говорилось, что индейцев, пойманных

живыми в ходе этих налетов, по-видимому, продавали в рабство в Вест-Индию. В Первой приходской церкви возле кафедры до сих пор имелась табличка в память о преподобном Смите, пасторе, прослужившем в церкви самый долгий срок с момента ее основания. В 1880-е годы федеральное правительство попыталось запретить индейские ритуалы, называя их «оскорблением благопристойности и морали». Запрет на религиозные ритуалы существовал до 1978 года.

Цитата из Генри Дэвида Торо[22] описывала мэнских индейцев пенобскот:

> *На перевозе мы прошли мимо Индейского острова. Уходя с берега, я заметил малорослого оборванного индейца, похожего на прачку: у тех тоже бывает обычно удрученный вид девочки, плачущей над пролитым молоком… Эту картинку следовало бы поместить на первой странице истории индейца, вернее, истории его истребления.*

На выставке приводились документы из госу-

---

[22] Примечания: 22

Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, аболиционист.

дарственных клиник Новой Англии, проводивших индианкам принудительные стерилизации и аборты. Детей забирали у родителей и отправляли в федеральные интернаты для обучения «цивилизованным манерам»; на деле дети часто подвергались жестокому обращению, оставались без надзора и погибали. На табличке была надпись:

> *Знали ли вы, что в 1960-е примерно треть всех детей коренных американцев забирали у родителей и помещали в детские дома? Индейские семьи до сих пор ощущают последствия этой практики.*

Следующий раздел был посвящен участию пенобскотов и пассамакуоди в Войне за независимость на стороне американцев. Джордж Вашингтон обещал племенам помощь и защиту неприкосновенности земель: без конфедерации вабанаков американцам никогда бы не удалось удержать территории, позднее названные штатом Мэн. Однако после победы в войне о договоренностях забыли. Вашингтон стал одним из богатейших землевладельцев в Америке, отняв у коренных народов принадлежавшее им по праву.

В течение последующих двухсот лет пенобскоты и пассамакуоди прозябали в нищете под надзором «уполномоченных по делам индейцев», назначенных государством. На Индейском острове, где находилась резервация пенобскотов, до конца 1960-х не было водопровода. И только в 1967 году представителям коренных народов в штате Мэн разрешили голосовать на выборах.

В 1980 году в рамках процесса о выплате неустоек индейцам Мэна федеральное правительство заплатило племенам чуть больше восьмидесяти миллионов долларов за украденные земли. Процесс между штатом и племенами длился много лет. И хотя племена были рады деньгам, многие коренные американцы считали, что описанные в постановлении суда требования штата препятствуют независимости племен и укрепляют их подчиненное положение.

Джейн перешла к разделу, посвященному настоящему. Тут у организаторов возникал проблеск надежды. Одна секция была посвящена возможным поправкам в Акт о компенсации за земли. В другой описывалось популярное общественное движение, участники которого следовали ценностям коренных американцев с целью ликвидировать ущерб, нанесенный

природе человеком, и противостоять климатическим изменениям. Земля рассматривалась как друг и союзник, а не как имущество. Участники движения призывали к возвращению земель, но не для того, чтобы возместить ущерб за обиды прошлого, а чтобы действовать. При желании Соединенные Штаты могли вернуть племенам национальные парки и принять меры для поддержки независимости племен.

Реку Пенобскот загрязняли с момента прибытия колонистов на американскую землю. В какой-то момент лесопилок стало так много, что бревна лежали в реке от берега до берега и речная навигация прекратилась. Англичане морили пенобскотов голодом: они построили плотины, чтобы рыба не шла на нерест и индейцы лишились источника пропитания. В последние годы в реку стали сбрасывать нелегальные отходы местной бумажной фабрики. Рыбу и росшие вдоль берега растения теперь нельзя было употреблять в пищу.

Борясь с несправедливостью, недавно в ходе переписи населения народ пенобскотов пожаловал реке статус гражданина и индивида. Тысячелетиями река Пенобскот была для племени источником пропитания. По берегам росли

лекарственные травы; индейцы считали реку духовным и культурным символом. Река — предок каждого человека в племени, говорили они. Поэтому она обладает «всеми правами, обязанностями и властью, какие даны другим членам племени пенобскотов по рождению». Пенобскоты обязаны почитать и защищать реку, как своих товарищей.

Джейн перешла к последнему разделу, содержащему коллекции фотографий современных лидеров индейской общины и новаторов из Мэна и других штатов Новой Англии. Снимки сделал молодой фотограф из племени микмаков. Джейн увидела портрет женщины по имени Джесси Голубка Берд, принадлежавшей к племени машпи-вампаноагов из Массачусетса. Ее предки приветствовали пассажиров «Мейфлауэра» сразу после прибытия. В 1990-х годах, когда Берд было чуть больше тридцати лет, ей начали сниться сны о предках. Те взывали к ней на языке вампаноагов, которого она не знала. Никто не говорил на нем уже полтора века. Берд была соцработницей и матерью пятерых детей. Она взяла на себя обязательство возродить язык и привлекла к работе лингвиста из Массачусетского технологического института. Теперь она возглавляла

двуязычную школу на Кейп-Коде.

На следующей фотографии был изображен эффектный индеец пассамакуоди по имени Гео Соктомах Нептун. Высокий, с бритой головой, весь в татуировках и с ярким макияжем, он щеголял индейским головным убором из перьев. На табличке была надпись: «Индейское поселение в Мэне, мастер по плетению корзин, участник шоу, „два духа“».

Джейн поискала в сумочке блокнот и записала имена. Шестеренки в голове закрутились.

Все это происходило всего в паре сотен километров от ее родного города, но она совсем ничего об этом не знала. В той части Мэна, где жила ее семья, почти не встречались коренные американцы. Джейн впервые пришло в голову, что Литтлтоны, как основатели города, возможно, были к этому причастны. Ведь до них в Авадапквите как будто никто не жил.

Она приблизилась к черно-белому портрету женщины в блейзере с короткими темными волосами. Внезапно подошел Эван и произнес:

— Она крутая.

Джейн, к своему стыду, не знала, кто это. Она прочла надпись на табличке: «Донна Лоринг, член Палаты представителей».

— Прекрасный политик, — продолжал Эван. — Одно время работала старшим советником по делам племен при губернаторе, затем представителем пенобскотов в законодательном совете штата. Первая женщина-пенобскот, ставшая начальником полиции. Служила во Вьетнаме. Боролась за независимость племен несколько десятков лет. Благодаря ей в штате Мэн приняли закон, обязавший государственные школы включить в программу историю и культуру коренных американцев.

— Ого, — сказала Джейн, — я не знала. У нас в школе ничего такого не было. Кажется, об индейцах вспоминали только в День благодарения.

— Да уж, — ответил Эван. — Но пока этот закон применяется не везде. И все равно, я считаю, это прогресс. А еще Донна Лоринг продвинула новый закон о запрете индейских маскотов в государственных школах Мэна. Чтобы спортивные команды не называли себя «индейцами», «вождями» и тому подобное. Такое только в Мэне и осталось.

Он, кажется, очень гордился Донной Лоринг.

Эван протянул ей книгу.

— Ладно, пусть мне не удалось найти ничего нового про твоего капитана Литтлтона, но это

может быть интересно, — сказал он. — Некоторые первооткрыватели оставили после себя целые тома с описанием путешествий. Но в случае с Пемброком сохранилось всего одно письмо, зато очень длинное. Его написал член экипажа корабля Пемброка в тысяча шестьсот пятом году. Письмо адресовано человеку, который финансировал экспедицию, и в нем несколько раз упоминается о похищении. — Эван открыл книгу на странице, отмеченной желтым листочком с клеевым краем. — Видишь? Он пишет, что они обманом заманили индейцев на борт, и это было «важнейшей целью нашего плавания». Естественно, все было спланировано.

Джейн взяла у него книгу и просмотрела.

Упомянутый моряк описывал, как матросы заманили индейцев на борт, якобы чтобы подружиться с ними, и загнали в трюм. Каждого индейца вязали впятером-вшестером: они оказались очень сильными, их пришлось тащить вниз за длинные волосы. Пленников связали и увезли в Англию.

В письме заложников называли «образцами», а также были их имена. Джейн переписала имена в блокнот, хотя пока не представляла, зачем ей эта информация. Но в работе она часто следовала

этому методу. У нее был нюх на важные истории, и Джейн знала, что даже если пока что-то кажется непонятным, со временем она во всем разберется.

По пути к выходу им встретилась высокая женщина в темно-синем брючном костюме; она выглядела лет на пятьдесят с небольшим, длинные черные волосы были стянуты в хвост.

— А вот гениальная женщина, которая все это организовала, — сказал Эван. — Наоми Миллер, это Джейн Флэнаган. Мы вместе учились в аспирантуре. Джейн посмотрела выставку. Она под впечатлением.

— Мягко говоря, — добавила Джейн.

— Спасибо, — сказала Наоми.

— Вам нужно познакомиться поближе, — сказал Эван. — Наоми принадлежит к племени пенобскотов. Выросла в Центральном Мэне, в резервации пенобскотов на Индейском острове. Это про нее я рассказывал. Она частный консультант. Благодаря ей у нас в коллекции появились экспонаты, которых нам не хватало. Она сотрудничает с разными организациями. А нам помогает заполнить пробелы. Наоми работает с племенами конфедерации вабанаков и помогает им вернуть имущество, которое сейчас находится в музей-

ных коллекциях, — фотографии, аудиозаписи и другие предметы. Индейские артефакты есть у многих коллекционеров и в музейных собраниях, но белые люди не догадываются, что они значат, кто их изготовил и зачем. Задача Наоми — это прояснить.

— Это очень интересно, — сказала Джейн. — Я хочу узнать больше. Если у вас найдется немного времени, я бы с радостью выпила с вами кофе.

— Соглашайся, Наоми. Джейн работает в Гарварде, им твоя помощь точно не помешает. А еще у них глубокие карманы, — пошутил он. — Думаю, вы друг другу понравитесь.

Эван был на взводе. Наверно, мало спал в последнее время, готовясь к выставке.

— С удовольствием, — ответила Наоми.

— Джейн тоже из Мэна, — сказал Эван. — Она выросла в… Авадапквите, верно?

— Да, — удивленно отозвалась Джейн. — У тебя хорошая память.

— «Где прекрасные утесы встречаются с океаном»!

— О боже, теперь ты просто выпендриваешься.

Эван лукаво на нее посмотрел.

— Кстати, — добавил он, — Наоми только что обручилась.

— Поздравляю, — сказала Джейн.

Наоми покачала головой, как бы показывая, что не такой это для нее важный повод.

— Пышной свадьбы не будет, — объяснила она. — Это мой третий брак. Как там говорят? «Повторный брак — триумф надежды над опытом»[23]. Можно сказать, это мой девиз.

Она широко улыбнулась.

Джейн улыбнулась в ответ. Она прекрасно понимала, зачем Наоми это сказала. Джейн и сама частенько проделывала этот трюк — заявляла о своих неудачах прежде, чем кто-то другой ей на них намекал. Или чтобы намекнуть окружающим: ей известно, что они о ней думали, даже если они не думали ничего.

В паре метров от них стояла девочка с папкой. На вид ей было лет двенадцать. Она вмешалась в их беседу тонким детским голоском:

— Триумф надежды над опытом. Похоже на описание взаимоотношений племен и штата Мэн.

— Ха, — усмехнулась Наоми, — а ты права.

Наоми как будто расслабилась, когда девочка вмешалась в беседу. Она нравилась Джейн. Как

---

[23] Примечания: 23

Высказывание принадлежит Сэмюэлу Джонсону (1709–1784), английскому литературному деятелю эпохи Просвещения.

и она сама, эта женщина ощущала себя намного свободнее, говоря о работе, призвании и окружающем мире, чем о личной жизни.

— Джейн, познакомьтесь с моей стажеркой на лето, Лорин, — сказала Наоми. — В прошлом году она была стипендиаткой в Гарварде.

Так значит, это не ребенок одного из сотрудников, которого не с кем оставить дома. Эта девочка — взрослый человек.

— Джейн работает в библиотеке Шлезингеров, — сказал Эван.

— О! — воскликнула Лорин. Ее глаза загорелись. Она, кажется, собиралась спросить: «А вы знаете такого-то и такого-то?»

Джейн почувствовала себя беглой преступницей, которую вот-вот схватят.

— Приходи завтра на открытие, — продолжал Эван. — Донна Лоринг выступит с речью. И у нас будет потрясающая барабанная церемония.

Джейн замерла.

— Я бы рада, но…

Эван отмахнулся, будто говоря «можешь не объяснять».

Джейн поздравила их с началом выставки и сказала, что ей пора.

В коридоре она поблагодарила Эвана. Они

обнялись на прощание, и ей почему-то стало грустно расставаться, хотя они, можно сказать, были почти чужими. Но все-таки Эван принадлежал к ее кругу. Джейн привыкла проводить время с такими как он. С коллегой по офису Марго: в свободное от работы время та устраивала марафоны по написанию статей в «Википедии» о малоизвестных женщинах, оставивших след в истории. С Мелиссой, которая читала две книги в неделю чисто для себя. И с Дэвидом. Их интеллект и любознательность всегда служили точкой соприкосновения.

На выходе из музея Джейн задержалась в сувенирной лавке. Под новую выставку отвели целый столик. Здесь продавали плетеные корзины, миниатюрные каноэ, барабаны и мокасины, изготовленные индейскими ремесленниками из Мэна. Джейн купила несколько книг, в том числе мемуары Донны Лоринг «В тени орла». Книга «Украденные черепа и пропавшие духи» Чипа Колуэлла, куратора отделения антропологии Денверского естественно-научного музея, была посвящена возвращению музейных экспонатов племенам. Она также купила томик стихов современного поэта вабанаки Джейсона Грундстрома-Уитни и внушительную антологию

индейских писателей Новой Англии «Голоса рассветного края».

К тому времени, как Джейн вернулась к машине, голова гудела от идей. Она вспомнила, что сказал Эван: что музеи и учреждения должны пересмотреть свое отношение к этой странице американской истории. Джейн подумала об Историческом обществе Авадапквита и книгах, в которых упоминались «дикари» и «краснокожие». Ее родному городу нужна была такая выставка, хотя на самом деле ему требовалось намного больше — прежде всего нормальное помещение под архивы, а не закуток в глубине магазина игрушек.

Вспомнила Джейн и Гарвардский музей естественной истории со зловеще пустыми стеклянными витринами.

Сотрудники библиотеки Шлезингеров еще много лет назад приняли устав по максимально этичному использованию архивных материалов американских индейцев организациями, не имевшими отношения к племенам. Однако на данный момент в архиве библиотеки отсутствовали материалы американских индейцев.

Это объяснялось вовсе не тем, что библиотека не пыталась эти материалы заполучить.

Просто некоторые племена не желали делиться архивами или предпочитали передавать их в Национальный музей американских индейцев. С точки зрения коренного американца доступ к этим документам могли иметь далеко не все и лишь в особых обстоятельствах. Это противоречило общему убеждению архивистов, что собранная информация могла принести максимальную пользу, лишь будучи доступной всем исследователям.

Джейн считала реальной проблемой, что коренные американки в архиве Шлезингеров упоминались лишь в архивах белых женщин. Хотя речь шла об информации из первых рук, когда историю менее привилегированной женщины рассказывала женщина более привилегированная, ситуация значительно усложнялась. Сотрудники библиотеки это понимали. Они неоднократно обращались к известным коренным американкам, но ни одна не согласилась отдать свои документы в архив.

Джейн импульсивно написала письмо Мелиссе и посоветовала обратить внимание на Наоми Миллер и портлендскую выставку, а также предложила поговорить с коренными американками, представленными на выставке: возможно, кто-то

из них согласится передать документы в архив.

Джейн вернулась домой, а Мелисса все не отвечала. Тогда Джейн поняла, что зря ей написала. Мелисса ясно дала понять, что не хочет с ней разговаривать. Просто Джейн загорелась идеей и потеряла голову, на миг забыв о своем положении.

Странное это было чувство — всем сердцем надеяться, что тебе позволят вернуть прежнюю жизнь.

Вечером Джейн позвонили. Номер с филадельфийским кодом. Сначала она не взяла трубку.

Джейн разбиралась в шкафу с постельным бельем, складывая его содержимое в мусорные мешки. Один предназначался для секонд-хенда, второй — на выброс. Сестра так и не забрала коробки. И не извинилась за свое поведение.

Телефон не умолкал. Наконец Джейн вспомнила: предыдущая владелица лилового дома, продавшая его Женевьеве, жила в Филадельфии.

Она успела ответить за секунду до того, как звонок переключился на голосовую почту.

— Алло? — сказала Джейн.

— Джейн Флэнаган? Это Мэрилин Мартинсон.

Она говорила отрывистым деловитым тоном.

— Здравствуйте! — воскликнула Джейн с пре-

увеличенной жизнерадостностью, компенсируя полное отсутствие энтузиазма у Мэрилин. — Спасибо, что перезвонили.

— Я не могу долго говорить.

— Хорошо, — ответила Джейн. — Тогда сразу к делу. Как я написала в письме, я провожу исследование, связанное с вашим старым домом в Мэне. Меня наняла новая владелица, Женевьева Ричардс. Вы продали ей дом.

Молчание.

— Алло? — спросила Джейн, решив, что их разъединили.

— Я слушаю, — ответила Мэрилин.

— Отлично. Хорошо. В общем…

— Что вы хотите знать? — спросила Мэрилин.

Джейн напомнила себе, что собеседнице почти девяносто лет. Она наверняка привыкла по пятьдесят раз в день разговаривать с мошенниками, которые звонят и говорят, что она выиграла бесплатный круиз, задолжала налоговой или ее несуществующего внука похитили и хотят выкуп. Неудивительно, что она такая недоверчивая.

— Меня интересуют первые владельцы дома, — выпалила Джейн. — Литтлтоны.

— Ясно. — Голос Мэрилин смягчился. — Вы пишете статью?

— Нет, Женевьева хочет узнать для себя. Ей важно отдать дань уважения людям, построившим дом. Говорит, что не считает себя хозяйкой дома: она лишь временно о нем заботится.

Вообще-то так сказала Лидия Бизли, и Джейн тут же засомневалась в уместности этих слов. Ведь при Мэрилин дом пришел в упадок.

— С ними связана интересная история, — сказала Мэрилин. — Глава семьи был капитаном корабля. Корабль затонул у берега Авадапквита в день, когда должен был вернуться в гавань.

Джейн боялась: если она скажет, что ей это уже известно, чары разрушатся и Мэрилин больше не захочет с ней говорить. Повисло молчание, затем Мэрилин продолжила:

— У меня хранятся письма Ханны. Попробую их найти. Письма были не от Сэмюэля, а от ее брата, который воевал на Гражданской войне.

— Буду очень благодарна, если вы мне их покажете, — сказала Джейн.

— Да, и еще у меня есть шелковая шляпка, которая, наверно, принадлежала Ханне. И их с Сэмюэлем фотография.

— Потрясающе! — воскликнула Джейн. — Я именно это искала. А вы не могли бы снять фотографию на телефон и прислать мне? Она все

еще у вас?

— Да, — ответила Мэрилин. — Она у меня. Пришлю. Письма тоже сфотографирую и пришлю. Продиктуйте свой адрес почты.

Джейн продиктовала.

— У меня всегда было такое чувство, будто я их знаю. Литтлтонов, — продолжала Мэрилин. — К бедняжке Ханне я особенно привязалась. На фотографии она казалась такой счастливой и влюбленной. Не догадывалась, какое горе ее ждет. Она пережила ад. Думаю, этот дом проклят. Если женщина там поселилась, ее ждет одиночество.

— Так было со всеми?

— Да. Началось с Ханны. Со мной случилось то же самое. Вскоре после покупки Лейк-Гроув я развелась, хотя невелика потеря, знаете ли. Но все же. А до меня там жили сестры. Уж не знаю, правда это или нет, но мне рассказывали, что дом купил жених одной из этих сестер и вечером накануне новоселья сбежал.

Джейн подумала о Женевьеве и ее муже. Распространится ли проклятие на них?

— Вы назвали дом «Лейк-Гроув», — заметила она.

— Да. Мы всегда так его называли, — ответила Мэрилин. — Когда мы въехали, на доме висела

табличка: «Лейк-Гроув Инн». У сестер, которые жили там до нас, была гостиница с таким названием.

— Да, — подтвердила Джейн, — я видела старое фото.

— Видели? Наверное, эта вывеска до сих пор валяется в подвале. Вдруг новым владельцам она нужна. Мы продали дом со всеми вещами, почти ничего не забрали.

Джейн вспомнила настенную роспись с изображением заката в коридоре. Интересно, закрасила ли ее Женевьева? Джейн надеялась, что нет.

И спросила Мэрилин, не она ли расписала стену.

Та ответила, что это сделал ее бывший муж.

— А вы из-за развода больше не возвращались в дом? — не удержалась и спросила Джейн. Она хотела понять.

— Да, — ответила Мэрилин. — Я не хотела туда возвращаться, но и продавать дом не собиралась. Герберт, бывший муж, умолял его продать. Но я знала: если оставлю дом, это обойдется ему в копеечку. Я хотела, чтобы он заплатил.

Джейн опешила от столь чистосердечного признания и решила попытать счастья.

— А вы не знали никого с именем на букву Д,

кто жил бы в этом доме? Или девочку, чье имя начиналось бы на Д?

Джейн решила, что Мэрилин ее не расслышала. На заднем плане раздался чей-то голос.

— Мне пора, — сказала Мэрилин. — Вернемся к этому позже.

7
Мэрилин

Мэрилин больше не писала. Бросила много лет назад. Ей хотелось взять кисть в руки, но те ужасно дрожали. Артрит изуродовал пальцы, они покрылись узлами, как у сказочной ведьмы. В середине жизни она упустила так много времени, хотя могла бы писать. Но ее охватила черная тоска. Сейчас она об этом жалела, но ни тогда, ни сейчас ничего не могла изменить.

Когда Кейтлин предложила выставить некоторые ее работы в галерее, Мэрилин сначала отказалась.

— У меня нет новых работ, — ответила она.

Кейтлин объяснила, что речь о коллективной ретроспективе американских художниц. Кейтлин занимала важный пост в известной галерее. Мэрилин забыла, чем именно занималась подруга, и решила, что уточнять невежливо, ведь они дружили много лет. Но она знала, что при желании Кейтлин может организовать любую выставку.

Мэрилин согласилась, хоть и чувствовала се-

бя неловко: она не считала себя выдающейся художницей. Она всецело доверяла Кейтлин. Та никогда бы не предложила сомнительную авантюру. Мэрилин прожила непростую жизнь, но в сложные моменты ей приходили на помощь ангелы-хранители. Одним из них была Кейтлин.

Они уже два года жили на одном этаже.

Когда Кейтлин только переехала сюда, они пару раз случайно встречались в коридоре и однажды разговорились об искусстве. Потом Кейтлин и ее муж Джош пригласили Мэрилин на ужин. Ее давно никто не приглашал. Она пошла в итальянскую пекарню и остановилась у стеклянной витрины с красивыми пирожными, которыми часто любовалась, но никогда не покупала, так как не было повода. Мэрилин выбрала пирог с лаймом и сказала парнишке за кассой: «Я иду в гости. Подруга пригласила на ужин». Ему было до лампочки. Но ее это не волновало.

За ужином Кейтлин приходила в восторг, стоило Мэрилин упомянуть о сколько-нибудь известных художниках, с которыми она водила знакомство в 1950-е и 1960-е. Кейтлин знала всех и требовала, чтобы Мэрилин подробно о них рассказала. Джош вел себя дружелюбно, хотя совсем не интересовался искусством. Преподавал мате-

матику пятиклассникам. За ужином его взгляд то и дело скользил к телеэкрану, где без звука шел баскетбольный матч.

Вскоре Кейтлин и Мэрилин взяли в привычку ужинать вдвоем примерно раз в месяц. Недалеко от дома был ресторан, принадлежавший приятельнице Кейтлин. Здесь были жестяные потолки, покрашенные в белый цвет, деревянные столики, расставленные с небольшими промежутками, и обширная винная карта, которую они намеревались продегустировать в течение года.

Как-то раз новая официантка спросила, кем они друг другу приходятся. Бабушкой и внучкой? Кейтлин ответила: «Она моя подруга», как будто сам вопрос официантки показался ей нелепым.

На самом деле не таким уж нелепым он был: Мэрилин была старше Кейтлин на пятьдесят пять лет.

Они вместе ходили на выставки и в кино. Кейтлин пригласила Мэрилин отпраздновать День благодарения. В их семье праздник называли Днем друзей. В квартире собралась одна молодежь, все флиртовали, смеялись, качали на коленях пухлых малышей. Мэрилин была на полвека старше всех гостей, но Кейтлин, кажется, не находила в этом ничего странного, и Мэрилин

решила, что ей все равно. Она прекрасно провела время.

— Ты всем очень понравилась, — с улыбкой сообщила Кейтлин на следующее утро.

Они говорили обо всем: о любви, политике, искусстве, прогрессе, планете. Изобретении ботокса. Во времена Мэрилин женщины собирались дома и покупали друг у друга косметику «Мэри Кэй»; подруги Кейтлин устраивали ботокс-вечеринки. Кейтлин сообщала Мэрилин все последние тренды и спрашивала ее совета в разных жизненных ситуациях. Мэрилин была ей за это очень признательна: ее мнением давно никто не интересовался.

Она рассказала Кейтлин о своих двух браках. Один был счастливым, другой нет. Ее карьера не задалась, как она мечтала, хотя чего-то Мэрилин, безусловно, достигла. Прежде ей казалось, что в ее жизни все складывается случайно, но теперь, попытавшись объединить все события в связный рассказ, Мэрилин увидела в нем последовательность, как будто все вышло именно так, как она планировала.

Кейтлин часто тревожилась; будущее представлялось ей неопределенным. В этом Мэрилин совсем не завидовала молодой подруге. Сама она

уже ничего не боялась. Худшее уже произошло; она пережила все.

Кейтлин любила свою работу, но переживала из-за денег. Они с Джошем каждый задолжали шестизначную сумму по студенческому кредиту. Мэрилин считала это безумием. Кейтлин волновалась, что они никогда не смогут купить дом или завести детей.

Мэрилин старалась ее успокоить: как-никак, ее первый муж был художником, второй — плотником на пенсии, и они как-то справлялись. Но она знала, что сейчас все иначе. Дом, где они жили, нельзя было назвать престижным. Мэрилин не переезжала, потому что привыкла. Она долго жила на одну пенсию. Теперь у нее появились деньги, но она была уже слишком стара, устала и не хотела менять место жительства. К тому же у нее была цель; для этого она и откладывала деньги.

Кейтлин придумала название для раздела выставки, посвященного работам Мэрилин, — «Пять жизней». Как-то раз после нескольких мартини они разговорились о переселении душ, и Мэрилин сказала, что не верит в привычное определение реинкарнации, но в течение одной своей жизни будто прожила пять. Она часто об

этом думала, но ни разу никому не говорила.

В ее представлении, когда близкие люди переставали играть прежние роли, заканчивалась одна жизнь и начиналась другая. «Заводя новых друзей, не забывай о старых», — пелось в песенке из ее детства. Но Мэрилин столько раз теряла друзей и возлюбленных, что сбилась со счета. И всякий раз на смену старым приходили новые. Она пережила много потерь, но неустанно начинала заново. Иногда ей казалось, будто сильный характер помогает ей спокойно переживать эти перемены, но порой она боялась, что это не сила, а бессердечность, холодная отстраненность, с которой она родилась.

В первой жизни она была куклой. Белокурые кудряшки, голубые глаза, белое хлопчатобумажное платьице, туфли с ремешком. Единственная любимая дочь Теда и Минервы Торберт из Фэйрфилда, Коннектикут. Соседский мальчик Лайонел считал ее настоящей принцессой, потому что отец души в ней не чаял. Но у отца, помимо всего прочего, был ужасный взрывной характер, проявлявшийся лишь вдали от посторонних глаз, а мать была трусихой. Для ребенка — крайне несчастливое сочетание. По субботам ее водили в музей, на день рождения дарили масляные

краски и мольберт и готовили к поступлению в Колледж Смит на искусствоведа. Однако когда она захотела стать художницей, родители пришли в ужас. Отец сказал: только через мой труп.

Вторая жизнь: она стала художницей назло родителям. Переехала в Нью-Йорк. Выработала собственную живописную манеру. Чтобы было чем платить по счетам, устроилась продавщицей в магазин художественных принадлежностей, где познакомилась со многими начинающими живописцами. Она также подметала волосы в парикмахерской, работала няней, кассиршей в банке и продавщицей в отделе аксессуаров универмага «Блумингдейлз».

Возможно, в конце концов Мэрилин бы помирилась с родителями, но, когда ей было двадцать три года, ее мать умерла. Отец вскоре женился на лучшей подруге матери. Мэрилин была потрясена до глубины души. Она больше никогда не переступала порог родительского дома.

Они с Гербертом встретились на вечеринке в Нижнем Ист-Сайде, когда ей было двадцать шесть. Он был гигантом во всех смыслах этого слова. Рост — сто девяносто пять сантиметров, мускулистая грудь, широкие плечи. У него была густая черная шевелюра и кустистая черная же

борода. Он был старше ее на десять лет, закончил Йель с дипломом магистра изобразительных искусств. Когда он говорил или смеялся, его голос и смех сотрясали стены, но он не показался Мэрилин заносчивым. По крайней мере, в начале.

Ей захотелось лучше его узнать; захотелось, чтобы он обратил на нее внимание. Оказалось, не она одна этого хотела. Но Герберт выбрал ее, и она очень обрадовалась. И удивилась. Мэрилин привыкла снова и снова называть свое имя людям, с которыми встречалась на вечеринках уже раз пять. Но Герберта ей почему-то удалось очаровать с первого взгляда.

Через восемь месяцев после знакомства они поженились в ратуше.

Герберт вырос в Миннеаполисе и был младшим из пятерых детей. Отец работал водопроводчиком, мать была домохозяйкой, а Герберту предстояло пойти по отцовским стопам. Он проработал с отцом несколько лет, а после заявил, что хочет поступить в художественный колледж. Родители не понимали, что это за профессия, но поддержали его выбор. Ему этого было достаточно.

Герберт был абстрактным экспрессионистом. Тогда все были абстрактными экспрессиони-

стами, кроме нее. Работы Мэрилин казались немодными, зато она писала то, что хотела. Позже она решила, что Герберту, возможно, именно это в ней и нравилось: она не представляла угрозы его творчеству.

«Хрупкое мужское эго», — сказала Кейтлин, услышав эту историю, и многозначительно закатила глаза.

Мэрилин знала немало женщин, пытавшихся добавить в свои работы «мужественности», что бы это ни значило. Среди художников ходил старый анекдот о том, как Ханс Хофманн однажды похвалил картины Ли Краснер, заметив, что те «настолько хороши, что никогда не скажешь, что их нарисовала женщина». О Краснер вообще всегда говорили исключительно как о жене Поллока. Хотя тот, между прочим, у нее учился. Женщины сами распространяли этот стереотип, даже если не желали себе в том признаваться. Это часто влияло на их творчество.

Мэрилин никогда не пришло бы в голову изображать абстракции, как не пришло бы в голову становиться оперной певицей. Она писала крупномасштабные натюрморты со стеклянными предметами, пронизанными солнечными лучами. Покупала в комиссионках интересные вазы

и просила друзей приносить ей стеклянные стаканы и графины необычной формы. Расставляла на столе у окна, иногда наливала немного воды, чтобы подчеркнуть игру света. Бывало, ставила тюльпаны в хрустальную вазу или добавляла маленький аквариум с золотой рыбкой.

Позже она начала изображать стеклянные и пластиковые бутылки из супермаркета. Ходила за покупками и сметала все, что привлекало взгляд. Ей было бесконечно любопытно наблюдать и сравнивать, как по-разному солнечные лучи пронизывают бутылку с прозрачным уксусом и банку с густым медом. Она писала яблоки и персики, завернутые в целлофан. Ее завораживала целлофановая упаковка, одновременно прозрачная и отражающая свет.

Те, кто видел работы Мэрилин, иногда решали, что ее притягивают бытовые зарисовки, но это было не так. Пластик и стекло занимали ее, потому что пропускали свет; сами по себе они не представляли интереса.

Одна галерея предложила выставить ее картины, но с условием, что она добавит на холст человеческие фигуры. Например, женщину, сидящую среди всех этих красивых ваз и пузырьков. Мэрилин отказалась. Натюрморт был для

нее разновидностью медитации. Она не могла писать людей, потому что за работой не хотела находиться в одной комнате с человеком. Ей не хотелось думать о чужих потребностях. Правда, Герберт говорил, что не воспринимает натурщика как личность. Когда он работал, ему не было дела до потребностей обнаженной натурщицы, сидевшей на складном стуле, как не было дела до самого складного стула. Возможно, ей еще тогда стоило задуматься об этих словах и усмотреть в них тревожный знак.

В течение нескольких лет после свадьбы они с Гербертом не раз участвовали в коллективных выставках. Его работы хвалили. Ее почти не замечали.

Фирменным знаком Герберта были смелые многослойные мазки: он окунал мастихин в несколько красок и быстро проводил им по холсту. Иногда подмешивал в краску дорожную грязь или пыль, скопившуюся в углах квартиры. Картины всегда называл одним словом: «Отречение», «Одиночество», «Осколки». Кто-то из критиков назвал работы Герберта «реакцией на ужасы атомного века». После этого Мэрилин стала замечать, что он сам начал так характеризовать свое творчество. Хотя на самом деле мужа

интересовал только цвет.

Она его не осуждала. В конце концов, суть искусства кроется именно в этом: человек создает что-то по личным причинам. Потом другие приходят и пытаются интерпретировать смысл.

Спустя пять лет брака Герберт устроился преподавателем в художественный колледж в Олбани. Платили немного, но супруги надеялись, что в конце концов ему предложат место в штате. Им предложили преподавательскую квартиру в центре возле кампуса, но они переехали за город. Мэрилин хотелось жить в доме, хотя она сама не понимала почему. Они купили дом в колониальном стиле на улице, похожей на ту, где выросла Мэрилин; правда, район был хуже. В доме было три спальни; они покрасили дом в черный цвет, поскольку никогда раньше не видели черных домов. Мэрилин казалось, что благодаря таким мелочам им удастся сохранить индивидуальность.

Кейтлин и Мэрилин планировали выставку уже несколько недель: просматривали старые вырезки и фотографии картин; решали, какие полотна достать со склада. Потом Кейтлин задала неизбежный вопрос: почему она перестала писать? Почему ждала сорок лет между периодом

плодотворной работы примерно от тридцати до тридцати пяти и следующим разом, когда взяла в руки кисть, — а это случилось в семьдесят три года?

Мэрилин ответила уклончиво.

Она по-прежнему была «в здравом уме», как часто говорили о людях ее возраста. Хотя в последнее время память напоминала ей холст, некогда туго натянутый на подрамник, а теперь отошедший в нескольких местах. Кое-где зияли дыры. Бывало, воспоминания накладывались друг на друга: так, Мэрилин представляла себя тридцатипятилетнюю в Сохо — как она ходит по магазинам с матерью и ищет платье. Но матери тогда с ней не было и быть не могло.

Иногда она пользовалась этим преимуществом, если ей не хотелось о чем-то говорить: она просто притворялась, что не помнит.

Проходили месяцы. И вот неделю назад Джейн Флэнаган стала звонить и оставлять сообщения о Лейк-Гроув. С тех пор Мэрилин не могла думать ни о чем другом.

За ужином Мэрилин рассказала обо всем Кейтлин. Ей надо было сбросить груз с души. Она хотела посоветоваться с подругой, стоит ли перезванивать Джейн.

— Ты спрашивала, почему я перестала писать, — сказала Мэрилин и замолчала, не зная, с чего начать. — Начни сначала, — вслух велела она сама себе и сделала глубокий вдох. — Я никогда тебе не рассказывала… у меня была дочь.

Кроме них, в ресторане никого не осталось. Кейтлин завороженно ее слушала. Когда Мэрилин закончила рассказывать, подруга встала, подошла, села рядом с ней на диван, обняла ее за плечи и заплакала. Мэрилин не любила физические проявления привязанности, но была признательна за этот жест. Кейтлин даже не догадывалась насколько. Спустя столько лет кто-то впервые прочувствовал ее горе и отзеркалил его.

Начнем сначала.

Третья жизнь Мэрилин. Та, которую она не выбирала; та, которую у нее отняли.

Вскоре после того, как они поселились в Олбани, Мэрилин, к своему потрясению, узнала, что беременна. Позже, вспоминая о прошлом, она поняла, что именно по этой причине настаивала на доме в пригороде. Просто ей было сложно признать: в глубине души она стремилась к традиционной жизни.

Когда Мэрилин забеременела, между ними с Гербертом что-то изменилось. В формуле их

отношений произошел едва заметный сдвиг, которому она не могла найти названия. Позже Мэрилин поняла, что случилось: тогда он закрутил первую из многих интрижку со студенткой. Ту девушку звали Бетси.

Мэрилин чувствовала себя брошенной и целыми днями лежала в кровати. Она мучилась от токсикоза, хронической усталости и одиночества. Вспоминая о молодости, она, в отличие от других женщин, жалела не об утрате красоты и фигуры. Мэрилин и в молодости никогда не была красивой. Она жалела об утерянной способности любить. Любить без оглядки, как любили они с Гербертом, когда только встретились; обожать музыку и искусство. С возрастом человек теряет способность любить с такой отдачей. Услышав старую песню или вспомнив о знакомстве с Гербертом, Мэрилин иногда могла вызвать в памяти это чувство. Но вспоминать и ощущать — не одно и то же.

Когда они жили в тесной квартире на Манхэттене, она иногда представляла, что обнаружила дверь, а за ней — целый лабиринт комнат, о которых они не подозревали. Они думали, что жили в студии, а оказалось — во дворце. Нечто похожее Мэрилин ощутила, когда родилась Дэйзи.

Мэрилин с восторгом осознала, что материнская любовь может быть такой же сильной, как романтическая, и даже более прекрасной. Эта любовь дарила равновесие, не вызывала бурь в душе, а заставляла чувствовать себя на своем месте в мире.

Подруги-художницы предупреждали: дети крадут творческий запал, но Мэрилин обнаружила, что с рождением дочери ее творческий огонь разгорелся с новой силой. Ей хотелось писать, и она делала это при всякой возможности, борясь с желанием отдыхать, которое не уступало желанию творить.

Они с Гербертом оба удивились, когда в ее карьере внезапно произошел прорыв и некоторые уважаемые критики заговорили о Мэрилин как о художнице, «возродившей давно устаревший натюрморт». Ее хвалили за смелость и индивидуальный подход. Она вдохнула в натюрморты новую жизнь.

Дебютная персональная выставка Мэрилин совпала с первым днем рождения Дэйзи. Первый из миллиона раз, когда ей пришлось выбирать.

Мэрилин заверила Кейтлин, что той нечего бояться. У современных молодых женщин совсем другие запросы. Порой она не верила своим

ушам. У них было все, и тем не менее каждую неделю в «Нью-Йорк таймс» появлялась минимум одна статья о том, что женщины в очередной раз чем-то недовольны. Недавно Мэрилин прочла об «умственной нагрузке». Кейтлин сказала, что ее подруги с детьми без умолку твердили об этой нагрузке. Им было мало, что мужья выполняли половину домашних дел и ухаживали за ребенком пятьдесят на пятьдесят: проблема заключалась в том, что им не приходилось держать в голове все, о чем думали матери. Матери знали, когда ребенок записан к стоматологу, как зовут учительницу третьего класса и пора ли покупать новую обувь. Услышав об этом, Мэрилин расхохоталась. Она родилась не в то время. Герберта почитали как божество, стоило ему сменить подгузник. Мэрилин воображала, что будет писать картины во время дневного сна дочери или пока та тихонько играет рядом на полу. Вскоре Мэрилин поняла, как глупо было на это рассчитывать. Но они как-то справлялись. По возможности приглашали нянь — студенток из колледжа. Бывало, мать Герберта приезжала из Огайо на неделю и помогала. Но обычно Мэрилин сама присматривала за Дэйзи, когда Герберт работал; он делал то же самое, когда работала она. Друзья удивлялись

равноправию в их семье, хотя в то время только Мэрилин по-настоящему зарабатывала. И только Мэрилин занималась искусством.

Герберт отработал в университете год; ему не стали продлевать контракт. Они с Бетси устроили шумный скандал в кампусе; это не расположило к нему администрацию, но главная проблема была в том, что снизилось качество его преподавания. Он утратил интерес, перестал стараться, работа давалась ему тяжело. Молодые и удачливые верят в свое величие, но не понимают важности труда. Нельзя работать, не прилагая усилий.

Много лет спустя в Нью-Йорке Мэрилин любовалась шедевром Ли Краснер «Времена года» — полотном пять метров в ширину и два с половиной в высоту, хранившемся в собрании музея Уитни. Прошло двадцать лет с тех пор, как Джексон Поллок стал алкоголиком, начал изменять Краснер и однажды сел пьяным за руль, въехал в дерево и разбился насмерть. Все это время она продолжала писать.

Пока они были женаты, Краснер творила в маленькой столовой их дома в Ист-Хэмптоне. У Поллока была собственная мастерская за домом, залитая солнечными лучами, проникавшими в открытую дверь. Даже сейчас туда водили экскур-

сии. Некоторые считали брызги и полосы краски на полу этой мастерской произведением искусства; их закрыли защитным плексигласом. Но кому из художников принадлежали эти брызги? Мэрилин слышала, что Краснер в конце концов оправилась от горя и забрала мастерскую себе.

Когда Дэйзи исполнилось полтора года, семья купила дом в Мэне. Это произошло почти случайно.

Супруги часто ссорились и решили последовать совету приятеля Герберта, который был давно женат. Оставили ребенка с матерью Герберта на долгие выходные в День труда[24] и уехали вдвоем в короткий отпуск.

Место для отпуска порекомендовал другой приятель Герберта, художник Джек Клоуз. Он устроил вечеринку и показал им свое новое приобретение — статую бога войны индейского племени зуни, купленную у торговца антиквариатом в галерее индейского искусства в Авадапквите, штат Мэн. В прошлом году почти такую же статую купил Уорхол.

— Это самый живописный приморский городок на свете, — сказал Джек. — Название переводит-

[24] Примечания: 24

День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

ся как «красивый вид с утеса» или что-то вроде того.

Мэрилин и Герберт влюбились в Авадапквит с первого взгляда.

Перед отъездом обратно в Олбани они ели мидии и пили пиво на веранде лобстерной в бухте и случайно подслушали разговор седой официантки с мужчиной, выгуливающим немецкую овчарку.

У Мэрилин с Гербертом беседа не клеилась: они не знали, о чем говорить, кроме Дэйзи. Оба по ней скучали. В то время дочь была их единственным общим интересом. Но теперь супруги с любопытством прислушались к чужому разговору. Обменялись заговорщическими взглядами. В Мэрилин даже всколыхнулась нежность.

— Он живет в Калифорнии, — сказал мужчина. — В Мэн не приезжал ни разу и, похоже, не планирует.

— Одного не понимаю, — ответила официантка, — зачем они оставили ему дом? Он ни разу ничего для них не сделал.

— Тупица племянник — единственный живой родственник, в этом и причина, — ответил мужчина. Он говорил с сильным мэнским акцентом, и Мэрилин почему-то улыбнулась. — Почему мне

никто не оставляет наследство? Вот только двоюродный брат оставил ржавые лопаты для снега.

Официантка застонала:

— И не говори.

Не попрощавшись, она отвернулась и подошла к столику Герберта и Мэрилин.

— Вам все нравится? — спросила она.

Мужчина с овчаркой ушел.

— А о чем шла речь? — спросил Герберт с такой фамильярностью, будто он тоже был одним из местных, приходил сюда каждый вечер и уже тысячу раз говорил с официанткой.

Мэрилин приготовилась к отпору, но официантка была только рада им все рассказать. Речь шла о великолепном доме на утесе на выезде из города. Сколько она себя помнила, дом принадлежал сестрам — Этель и Хани Трой.

Недавно сестры умерли: сначала старшая, а через несколько недель и младшая.

— Наверно, не могли жить друг без друга, — рассудила официантка. — Никогда не видела их порознь.

Дом унаследовал племянник с запада, и ходили слухи, что он хочет его продать.

Мэрилин взглянула на Герберта и догадалась, что они подумали об одном и том же. Офици-

антка сказала, мол, в доме много лет находилась гостиница, но Мэрилин это не испугало. Полы прогнили, в спальнях отслаивалась краска. Требовалось заменить всю сантехнику.

— Сестры не заботились о доме, — добавила она. — Там всегда было много народу. Сезонные рабочие, мигранты. Актеры летнего театра. Бесшабашная публика. Этель как-то рассказывала, что после открытия судоремонтного завода в гостинице всегда было полно моряков. Они жили там по полгода-год, не просыхали сутками и относились к дому безо всякого уважения. Помню, один матрос залез в ванну и отрубился, забыв выключить воду. В итоге второй этаж затопило. А еще в доме был пожар. Постоялец уснул с зажженной сигаретой.

— Кажется, я улавливаю суть, — сказал Герберт.

Мэрилин улыбнулась.

Впервые за долгое время у них появился общий интерес — необъяснимое желание купить особняк на берегу океана в городе, о существовании которого они еще неделю назад не догадывались, в трехстах пятидесяти километрах от их теперешнего жилья.

На следующее утро супруги позвонили агенту

по недвижимости. Тот назначил просмотр на двенадцать.

Агент сказал, что если они купят дом, то станут третьими его владельцами. Он почему-то особенно это подчеркивал.

— Все предыдущие хозяева прожили в доме до самой смерти, — сказал агент, открывая дверь.

— Нам говорили, тут жили сестры, — заметила Мэрилин. — Они выросли в доме?

На самом деле ей хотелось знать, умерли ли они в доме, но она стеснялась спросить.

— Нет, — ответил агент, — но приходились дальними родственницами первым хозяевам. Жених Этель купил дом у детей ее двоюродного деда. Сам жених был со Среднего Запада. Из города Лейк-Гроув. Кажется, в Висконсине. Или Айове. Дом продали дешево: викторианские дома тогда были не в моде. Никто не хотел их покупать. Можете себе представить? Дело было в Первую мировую. Он должен был уехать на фронт, но за день до этого пропал. И больше о нем никто ничего не слышал. У Этель случился нервный срыв. Она притворилась, что они поженились и он ушел на войну. И похоже, не врала, а действительно в это верила. Переехала в новый дом и стала готовиться к его возвращению. Но он так

и не вернулся. Ходило много слухов, от чего он на самом деле сбежал и что с ним стало. Сестра Этель, Хани, типичная старая дева, жила с родителями, ухаживала за ними до самой смерти, а после осталась ни с чем и переехала к Этель.

— Какая грустная история, — заметила Мэрилин.

— Не очень. Хани была невзрачной. Все равно бы не вышла замуж.

По словам агента, сестры лишь изредка брали постояльцев, а в последние десять лет гостиница пустовала. Но состояние дома свидетельствовало о другом. Он действительно напоминал гостиницу. На крыльце висела вывеска: «Лейк-Гроув Инн». Все спальни, кроме одной, поделили на три комнаты фанерными перегородками. В каждом из крошечных «номеров» стояли две двухэтажные кровати с грязными матрасами. Полы вздулись от влаги. В одной из стен торчал нож, который кто-то туда метнул.

И все же дом супругам понравился. Они разглядели в нем потенциал. Герберт влюбился в вид на океан, а Мэрилин приглянулись темные уголки и декоративные деревянные панели.

Агент выторговал им хорошую цену. Дело было в сентябре; новому владельцу сообщили, что, ес-

ли он не продаст дом сейчас, до следующего лета вряд ли получится это сделать, так как недвижимостью в городе интересовались только туристы. Все это время ему пришлось бы платить налог, а это была огромная сумма, не говоря о ремонте, чтобы привести дом в надлежащее для продажи состояние.

Над камином висел портрет сестер Трой. Мэрилин попросила разрешения его оставить.

— Ради бога, — ответил агент.

Портрет так и остался висеть на прежнем месте. Возможно, он до сих пор был там.

Вывеску супруги тоже оставили, пока ее не унесло зимним ураганом. Через несколько месяцев Герберт обнаружил ее в траве, сложил в подвал и поклялся повесить при первой же возможности.

Но возможность так и не представилась. Муж также не починил расшатавшиеся перила на втором этаже и сломанную раковину в ванной. Реставрация Лейк-Гроув стала очередным проектом, за который Герберт ухватился со всем пылом, но вскоре потерял запал и увлекся чем-то — или кем-то — еще.

Впрочем, вначале он трудился не покладая рук, вспомнив все, чему учил его отец. В доме всегда

нужно было делать какой-то ремонт, он всегда выглядел слегка обшарпанным и недоделанным, но Мэрилин не возражала. Она поражалась, сколько всего Герберт отремонтировал. Порой смотрела на него, такого сильного и рукастого, и ей казалось, будто она снова в него влюбляется. А может, так всегда бывает в браке: люди то отдаляются друг от друга, то снова сближаются.

Супруги снова начали спать вместе и часто занимались любовью, как до рождения дочери.

А потом со старого адреса переслали почту. На второе лето, а может, на третье, она нашла любовные письма от студентки. Не Бетси, другой. Мэрилин сожгла их в камине. Закрылась от Герберта, но продолжала любить их красивую жизнь. Герберт был плохим мужем, но хорошим отцом. Даже превосходным. Она верила, что он любит Дэйзи так же сильно, как она сама. Когда дочери исполнилось четыре года, та попросила его покрасить дом в Мэне в свой любимый лиловый цвет. Герберт исполнил ее просьбу, хотя дом простоял бы еще лет пять без окраски и сами они никогда не выбрали бы такой оттенок. Невзрачный деревянный амбар он тоже выкрасил в лиловый. Мэрилин тогда подумала, что сказали бы об этом сестры Трой.

Она не слишком переживала из-за Герберта. Решила, что все уладится само собой. А пока они жили как двое маленьких детей, занятых тем, что педиатр называл «параллельной игрой». Каждый занимался своим делом, и ее это устраивало.

Летом Мэрилин была счастлива. Дэйзи бегала по дому голышом, как маленькая дикарка. Ложилась спать, когда хотела. Приезжали друзья и подолгу гостили у них. Раз или два за курортный сезон кто-нибудь совершал заплыв к острову напротив; бывало, всей компанией брали лодки с веслами и устраивали пикник на скалах, визжа от счастья, когда к ним подбирался тюлень. На острове был маленький памятник с описанием экспедиции Арчибальда Пемброка, высадившегося на острове в 1605 году и давшего ему название — остров Святого Георгия. Друзья придумали игру: угадывали, как Пемброк выглядел, и рисовали его в блокноте, который лежал у Мэрилин на кухне.

Как-то раз друг Герберта, скульптор, приехал в гости с подругой-поэтессой; та не умела рисовать и написала смешное стихотворение про Пемброка. Вечером, много выпив, пара поднялась на второй этаж. А наутро за завтраком поэтесса рассказала, что перед тем, как лечь спать, выгля-

нула в окно и увидела женщину на краю утеса; та стояла и смотрела на океан.

— Она стояла на самом краю мыса, торчащего над океаном, — сообщила девушка. — Между двух высоких сосен. Я выбежала на улицу, но она исчезла. И я почему-то заплакала. Атмосфера вокруг как будто сгустилась. Я испугалась, что она спрыгнула.

— Герберт, что ты подмешиваешь в коктейли? — спросил скульптор, и все рассмеялись, даже поэтесса. Она махнула на приятеля салфеткой.

— Я поняла, что увидела привидение, и пошла спать, — заключила девушка.

— Давай не будем их пугать, еще решат, что купили дом с привидениями, — ответил скульптор.

— Привидений не надо бояться, — ответила поэтесса. — Я их часто вижу.

— А сейчас видишь?

Мэрилин тогда решила, что девушке это приснилось. Но на самом деле она была бы не прочь жить в доме с привидениями. Пожалуй, тогда она бы полюбила его еще больше. С тех пор они всем рассказывали эту историю. Даже гордились ею как знаком почета.

Каждый год они приезжали в конце мая и

планировали остаться до августа, но в итоге задерживались до октября.

В Лейк-Гроув Мэрилин написала свои лучшие картины.

У дороги была комиссионка, где продавались старые аптечные пузырьки из синего стекла. Она скупала их десятками. Однажды зашла и увидела бутылку из-под молока, доверху наполненную стеклянными шариками: зелеными, красными и синими. Она купила бутылку, принесла домой, и Дэйзи стала умолять отдать ей шарики, но Мэрилин сказала, что они нужны для работы.

Она поставила бутылку на самую высокую полку в кладовке, примыкавшей к кухне. Мэрилин хранила там свое стекло; на полках почти не осталось свободного места. Некоторые вещи достались им вместе с домом и принадлежали еще сестрам Трой, когда те держали гостиницу. Дешевые надколотые бокалы для бренди, небольшая коллекция цветного стекла эпохи Великой депрессии, банки для консервирования. Остальное Мэрилин купила или получила в подарок. У нее появились фанаты и постоянные клиенты, которые заказывали ей картины. И те и другие присылали изящные креманки для шампанского, хрустальные чаши для пунша и всевозможную

посуду, надеясь, что она использует эти предметы для натюрмортов.

А дом постепенно открывал свои секреты. Как-то раз Герберт вешал тяжелую картину в коридоре второго этажа и обнаружил за стеной пустоту. По просьбе Мэрилин муж не стал ничего трогать, но любопытство взяло верх, и однажды он все-таки решил снести стену и посмотреть, что за ней. Его ждало удивительное открытие — тайная дверца, заклеенная обоями. За ней обнаружилась крошечная угловая комнатка с окнами на две стороны.

Увидев комнатку, Дэйзи тут же потребовала ее себе. Тайная дверца очаровала девочку; воображение разыгралось так, что крошечные размеры комнатки уже не имели значения. Она притащила туда свои мягкие игрушки, кукол, карандаши. Три ночи спала на полу, и наконец Герберт согласился перенести туда кровать.

В этой самой комнате Дэйзи обнаружила деревянную шкатулку с письмами, которыми в Гражданскую войну обменивалась Ханна Литтлтон с братом. Там же нашлась слегка примятая шелковая шляпка, фотография Сэмюэля и Ханны Литтлтон и золотое кольцо с локоном волос в стекле и гравировкой: «Мы еще встретимся».

Дэйзи хотела оставить кольцо себе, но Мэрилин сказала, что эти вещи им не принадлежат и потому оставить их нельзя.

Она знала, что Ханна Литтлтон рано потеряла мужа. Оба были похоронены на живописном маленьком семейном кладбище недалеко от дома; Мэрилин видела его из окна своей спальни. Должно быть, кольцо служило Ханне напоминанием о Сэмюэле и их преждевременно оборвавшейся любви. Абсурд, но Мэрилин завидовала этой давно умершей женщине: та познала настоящую любовь. Мэрилин долго разглядывала их с Сэмюэлем фотографию и изучала улыбку Ханны.

Мэрилин предложила Дэйзи закопать кольцо между могилами Ханны и Сэмюэля. Дэйзи тогда исполнилось семь лет; она обожала романтические сказки. Идея матери ей понравилась. Они завернули кольцо в кусочек голубого шелка и глубоко закопали. Дэйзи положила сверху желтый одуванчик, чтобы отметить место. Письма, шляпку и фотографию Мэрилин сохранила и планировала передать местному историческому обществу.

Они с Дэйзи любили это старое кладбище. Ухаживали за ним и в дни рождения приносили цветы на могилы. Посадили по периметру розо-

вый шиповник. Раньше кладбище, по-видимому, было огорожено веревкой или цепью, но теперь остались лишь четыре ржавых черных столбика по четырем углам. Скудные надписи на памятниках сообщали очень мало информации. Тогда мать с дочерью начали придумывать истории о бывших обитателях дома, особенно о сестре Элизе. Кем она была? Почему ее могила отличалась от остальных? Это был обычный большой камень, который словно просто приволокли с каменоломни. На нем не было ни резьбы, ни дат рождения и смерти; ничего, кроме двух слов — «сестра Элиза». Чьей сестрой она была — Ханны или Сэмюэля? А может, она была их дочерью? («Или монахиней?» — однажды спросила Дэйзи, и Мэрилин с Гербертом рассмеялись.) Герберт предположил, что надгробный камень был таким непривычным и незатейливым, потому что под ним похоронена собака Литтлтонов, которую звали Элиза.

Иногда они просиживали на кладбище весь день и читали книги, чтобы мертвым не приходилось скучать. Дэйзи особенно волновалась о детях. Мэрилин сказала ей полуправду: мол, в стародавние времена дети иногда рано умирали, но сейчас такого уже не бывает. Дэйзи, кажется,

успокоило такое объяснение. Она говорила с этими детьми и пыталась их успокоить. Сказала, что им повезло, потому что они лежат рядом с мамой и останутся с ней навсегда. Мать Мэрилин наказала бы ее за такое поведение, назвала бы его нездоровым. Но Мэрилин была рада, что дочь такая же странная и любознательная, как она сама. Она поклялась поощрять эти качества в Дэйзи. И никогда не называла ее красивой, не добавляя, что она умна, добра и оригинальна.

На пятое или шестое лето в дверь постучалась женщина и предложила установить на доме табличку с историческими сведениями. Мол, такие таблички сейчас собираются установить на домах основателей города и известных жителей. Тогда-то они и узнали историю о печальной судьбе Сэмюэля Литтлтона и кораблекрушении, унесшем жизни моряков и оставившем Ханну вдовой с двумя маленькими детьми.

Дэйзи спросила женщину, кто такая сестра Элиза. Ведь она так много знала о Сэмюэле. Но та лишь пожала плечами.

Летом того года, когда Дэйзи должно было исполниться восемь, они приехали в Мэн в начале июня, в первый день школьных каникул.

Герберт сразу отправился в город за продук-

тами, как делал каждый год. Он отсутствовал три часа. А когда вернулся, рассказал Мэрилин о вдове, с которой познакомился в очереди в кулинарии. Та работала уборщицей в летних домах. Он предложил приглашать ее раз в неделю.

Вдова. Мэрилин представила пожилую женщину. Если у них будет убираться старушка, Мэрилин почувствует себя виноватой. Но отказываться она не стала.

Прошло две недели. Герберт часто где-то пропадал и, возвращаясь, ничего не объяснял. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Мэрилин все замечала. Она была художницей, она умела видеть. Замечала, но никогда ничего не говорила.

Потом однажды пришла Мэри Флэнаган, вдова, которую позвали убираться в доме. Мэрилин увидела, что она молода, примерно одного с ней возраста; у нее были пышные формы, огромный бюст и широкая располагающая улыбка. Глядя на нее, никто бы не подумал, что она вдова. Ни за что на свете. Мэрилин еле удержалась, чтобы не спросить об этом в лоб.

Однако вскоре она поняла, что улыбка была фальшивой. Мэри очень горевала. Убиралась она хорошо, но от нее всегда пахло джином. Часто Мэрилин замечала слезы в уголках ее глаз, как

будто она собиралась заплакать или только что перестала. Однажды они разговорились, и Мэри призналась, что у нее тоже есть дочь. Они переехали в Авадапквит совсем недавно, примерно год назад, после смерти мужа. Она тут почти никого не знала. Мэрилин стало ее жалко. Она поняла, почему Герберт захотел помочь вдове.

Примерно в то же время, в конце июня, Мэрилин пригласили на пятинедельную резиденцию в общину художников Макдауэлл в Нью-Гемпшире. Резиденция начиналась в конце июля. Ей очень хотелось участвовать, но она первым делом подумала о Дэйзи и поняла, что не сможет так надолго ее оставить.

А Герберт, кажется, хотел, чтобы жена уехала. Уверял, что они с Дэйзи прекрасно справятся вдвоем. Твердил, что она должна поехать. Потом сказал, что Мэри могла бы присмотреть за Дэйзи, пока Мэрилин не будет.

Под ложечкой привычно неприятно засосало, но Мэрилин предпочла не обращать внимания. Радость от возможности уехать все пересилила.

На второй день в резиденции она позвонила в Лейк-Гроув и услышала голоса и смех, когда муж подошел к телефону.

— У тебя гости? — спросила Мэрилин, поздо-

ровавшись.

Герберт ответил, что Мэри пришла на ужин с дочкой. Ее звали Ширли; как и Дэйзи, она была единственным ребенком, и ей нравилось, что у нее появилась младшая «сестричка».

Мэри повесила трубку с нехорошим предчувствием. Не надо было уезжать.

Что она за мать? Мэрилин любила дочь и каждый день поражалась силе этой любви. Не уставала повторять Дэйзи, что любит: ее собственные родители никогда ей этого не говорили. Мастерила дочери бумажных куколок, красивых и изящных. Они устраивали чаепития с настоящими птифурами и таскали с кухни желейные бобы, прежде чем улечься читать перед сном. Но Мэрилин была рассеянной. Она не умела поддерживать дисциплину. В воспитании дочери придерживалась пути наименьшего сопротивления. Дэйзи все сходило с рук. Она вопила, когда Мэрилин ее причесывала, и Мэрилин переставала. Однажды, дожидаясь ее у школы, Мэрилин услышала, как одна чопорная домохозяйка сказала другой: «Бедная растрепка. У нее что, матери нет?»

Матери должны были вставать рано, раньше детей. Встречать их улыбкой, поцелуем и гото-

вым завтраком. Но когда Дэйзи просыпалась, Мэрилин часто работала; ей приходилось подавлять раздражение, когда дочь ее прерывала. Мэрилин пыталась уговорить Дэйзи полчаса поиграть в куклы или почитать книжку, чтобы выиграть хотя бы немного времени. Иногда подкупала печеньем.

Нормальная мать после того странного звонка вернулась бы в Мэн уже в первый вечер. Вернулась бы к ребенку. Но Мэрилин этого не сделала. Мэрилин осталась.

В углу мастерской в Макдауэлле стояла аккуратно застеленная узкая кровать. В другом углу имелась дверь, ведущая в маленькую ванную, где были унитаз, раковина и ванна. Больше в комнате ничего не было. Для мольбертов оставалось много места. В окна струился естественный северный свет.

В предыдущие годы немало друзей и знакомых Мэрилин побывали в этой общине, и она знала, как тут все устроено. Молодые и одинокие, и даже немолодые и женатые, которым просто становилось скучно, на протяжении всей резиденции флиртовали и спали друг с другом напропалую, скандалили и выясняли отношения везде, кроме мастерских. На эту мыльную оперу уходил

весь творческий запал, а потом наступала пора уезжать.

Однако Мэрилин не планировала в это ввязываться. За завтраками и ужинами в общей столовой она дружелюбно общалась с другими художниками, но в промежутках все время посвящала работе. Или уходила гулять в лес и думала о рисовании, что в некотором смысле было важнее самого рисования. В обычной жизни ей вечно не хватало времени на размышления. Она мало спала, не желая терять ни минуты. Каждый день около полудня приходил служащий по имени Пити и приносил корзинку с обедом. Он не стучался в дверь, а просто оставлял корзинку на пороге мастерской. Однажды Мэрилин встретила его, возвращаясь с прогулки, и сердечно поблагодарила.

— Это наша работа, — ответил он. — Мы заботимся о вас, как о малых детях, чтобы вы могли спокойно заниматься творчеством.

Мэрилин казалось, что ей преподнесли потрясающий дар. Уезжать не хотелось. Но она невыносимо тосковала по Дэйзи. Они созванивались через день. Писали друг другу письма. Дэйзи сообщила, что Герберт нарисовал на стене в коридоре океан — вид со двора на закате. Ска-

зала, что питаются они в основном холодными спагетти, едят их даже на завтрак, и это их полностью устраивает. Почти каждый вечер в гости приходят Мэри и Ширли.

«Папа с Мэри сидят и разговаривают, а мы с Ширли играем в шашки», — писала Дэйзи. В следующий раз позвонив мужу, Мэрилин спросила, о чем он разговаривал с уборщицей, а тот ответил, что та на удивление начитанна.

Этот ответ показался ей странным, ведь сам Герберт не любил читать и никогда не ценил любовь к чтению в людях. В любом случае она всего лишь над ним подтрунивала. Она ни на секунду не поверила, что они с Мэри обсуждали литературу.

Чем именно они занимались, Мэрилин не знала. Ей было трудно представить, что Герберт клюнул на несчастную уборщицу. Как бы то ни было, Мэрилин научилась легко забывать об этих мыслях: она умела просто выключать их, хотя раньше, когда была моложе, ей этого не удавалось. Но теперь ей стало все равно.

Гораздо сложнее было справиться с тоской по дочери.

Близился восьмой день рождения Дэйзи, и Мэрилин решила, что не простит себе, если его

пропустит. По правилам резиденцию нельзя было покидать, но Мэрилин была взрослой женщиной и могла поступать как хочет. Рано утром она тайком уехала. До Лейк-Гроув было всего два часа езды. Она решила, что успеет вернуться и никто ее не хватится.

В Авадапквите Мэрилин зашла в пекарню и купила шоколадный торт и розовые свечи. Открыла дверь запасным ключом, который они хранили под ковриком, и тихонько прокралась в дом, чтобы не разбудить мужа и дочь и не испортить сюрприз. На кухне расставила свечи кружком по краю торта. Включила газовую плиту и подожгла все свечи от одной. Взгляд упал на два винных бокала у раковины.

Мэрилин на цыпочках поднялась и зашла в комнату дочери. Держа в руках торт, тихо пропела: «С днем рождения тебя». Ее собственная мать однажды так сделала; Мэрилин запомнила это навсегда и надеялась, что Дэйзи тоже запомнит и будет вспоминать об этом, когда вырастет.

У нее, конечно, останутся и другие воспоминания, не такие чудесные. Вечно рассеянная, опаздывающая, неорганизованная мать. Мать, которая никогда не вызывалась быть вожатой герлскаутов или сопровождать детей на школь-

ную экскурсию. Любила работу так же сильно, как единственную дочь.

Дэйзи проснулась, увидела ее и завизжала от радости. Подбежала к Мэрилин и обняла за талию. Пришлось поднять торт высоко, чтобы не опалить Дэйзи волосы.

— Задуй свечи, — сказала Мэрилин. — И загадай желание.

Дэйзи задула, но сперва произнесла:

— Мое желание уже сбылось. Я хотела, чтобы ты вернулась.

Стрела пронзила сердце Мэрилин.

Она услышала шаги в коридоре: Герберт спустился по лестнице, затем опять поднялся и зашел.

— Что это значит? — спросил он. — Не могла предупредить, что приедешь?

— Спасибо за теплый прием, дорогой, я тоже по тебе скучала, — проговорила она.

— А можно торт на завтрак? — спросила Дэйзи.

Они хором ответили «да».

Остаток дня Дэйзи захотела провести на пляже.

Герберт весь день был какой-то дерганый. Нервничал и огрызался. Мэрилин вспомнила два винных бокала. Едва удержалась, чтобы не

спросить, был ли кто-то с ним в спальне, когда она приехала. Мэрилин допускала такую возможность. Но ради Дэйзи решила ничего не говорить.

После ужина, когда настала пора уезжать, ей было физически больно расставаться с дочерью. Она обнимала ее так долго и крепко, будто знала, что они видятся в последний раз.

Два дня спустя Мэрилин работала в мастерской, когда к ней тихонько постучали. Она вздрогнула, открыла дверь и обнаружила на пороге Пити с виноватым лицом.

— Вас вызывают к телефону в главный корпус, — сказал он. — Это срочно. Что-то случилось у вас дома. Несчастный случай.

Дело было вечером; они шли по длинной тропинке, и Пити освещал путь фонариком.

Герберт звонил из больницы в Уинстоне. Сказал, что врачи сделали все возможное. Но не смогли спасти Дэйзи.

— О чем ты говоришь? — пролепетала Мэрилин.

Он пьян, решила она. Или сошел с ума. Дэйзи наверняка стоит рядом. Все это какая-то злая шутка, и, когда Мэрилин вернется, они у нее получат.

Но Герберт не умолкал. Он должен все объяснить, сказал Герберт. Сейчас он все расскажет и больше никогда не будет это повторять.

Тем вечером, после того как он уложил Дэйзи, пришла Мэри Флэнаган пропустить по рюмочке.

— А потом все как-то само получилось, — выпалил он, будто раньше такого никогда не бывало. Будто теперь его ложь имела какой-то смысл.

— Заткнись и рассказывай дальше, — ненавидящим тоном процедила Мэрилин.

Краем глаза она заметила Пити; тот ошарашенно на нее смотрел. Она не обратила внимания, что он остался в комнате.

— У тебя в кладовке на кухне была бутылка со стеклянными шариками, — сказал Герберт.

Мэрилин похолодела.

— Бутылка из-под молока. Да.

— Дэйзи весь день просила меня дать ей эти шарики, а я сказал «нет», — продолжил он, осекся и зарыдал.

Мэрилин замерла и закрыла глаза. Рука сжимала трубку.

Герберт шмыгнул носом, выдохнул и заставил себя продолжать.

— Наверно, она тайком спустилась и взяла их после того, как я ее уложил. Понесла наверх, но

в темноте споткнулась. Шарики рассыпались, бутылка разбилась. Мэри испугалась, выбежала из спальни, завернувшись в простыню… Что было дальше, я не знаю. Узнала ли ее Дэйзи или нет… Но когда Мэри стала звать ее, Дэйзи побежала. Было темно, она не разбирала дороги… наткнулась на перила, и… — Герберт замолчал и захрипел, будто ему не хватало воздуха. — Черт. Прости, — сказал он. — Мэрилин, перила второго этажа рухнули, и она упала. Сломала шею.

Сказав главные слова, он зашелся рыданиями.

— Герберт, — проговорила Мэрилин. Тон собственного голоса ее удивил. Мягкий, вкрадчивый — она будто обманом пыталась выудить у него правду. — Ты уверен, что она мертва?

— Мне очень жаль.

— Дай мне врача, — потребовала Мэрилин.

Прошло несколько минут. К телефону подошел мужчина и торопливо подтвердил слова Герберта.

— Передаю трубку мужу, — сказал он. — Сочувствую вашей утрате.

— Спасибо, — пробормотала Мэрилин и повесила трубку. Колени подкосились, и она упала на пол.

Подбежал Пити, обнял Мэрилин и держал, пока

ее сотрясали рыдания.

Она задержалась в Макдауэлле на три месяца дольше назначенного срока, потому что возвращаться было некуда. Она не рисовала, не мылась и не спала. Просто лежала в темноте. Пити по-прежнему каждый день оставлял корзинку с обедом под дверью мастерской. Он приносил ей завтрак и ужин. Но Мэрилин почти не ела и редко открывала дверь.

Она не собиралась возвращаться домой. Не собиралась больше никогда видеться с Гербертом. Тот приезжал в Макдауэлл, стучал кулаками в дверь, закатил истерику. Думал, сможет добиться своего, как обычно. Но ошибался.

В конце концов Мэрилин пришлось уехать. Она решила поселиться в Филадельфии, поскольку никого там не знала. Жизнь теплилась в ней благодаря горю и ненависти к Герберту, пылавшей так ярко, что впору было подсветить целый город. Не будь он таким закомплексованным нарциссом… Не будь он мерзким лжецом… Почини он эти дурацкие перила — ведь она тысячу раз его об этом просила…

Патологоанатом назвал причиной смерти несчастный случай. Полицию не привлекали: никто не заподозрил Герберта в преступном умысле.

Мэрилин хоть и ненавидела его всей душой в те первые месяцы, была рада, что его не обвинили. Что стало бы с Дэйзи, если бы ее любимый папа оказался в тюрьме? Как воспитывать ребенка без отца? Потом Мэрилин спохватывалась и вспоминала, что Дэйзи больше нет. В этом весь смысл.

Так продолжалось некоторое время: она то забывала, то отказывалась верить, то снова вспоминала.

Когда Джейн Флэнаган оставила ей сообщение на автоответчике, Мэрилин сразу задумалась, из тех ли она Флэнаганов.

— Фамилия распространенная, — сказала Кейтлин. — Может, просто совпадение.

Заметив сомнение на лице Мэрилин, она добавила:

— А может, она хочет что-то рассказать вам о Мэри? Может, это ее мать? Или бабушка?

Через несколько лет после смерти Дэйзи Мэри Флэнаган каким-то образом сумела передать ей письмо через адвоката по разводам. Писала, что больше не пьет, проходит программу «Двенадцать шагов» и хочет загладить вину. Объясниться. Когда у них с Гербертом завязался роман, она оплакивала покойного мужа. Слишком много пила и постоянно была как в тумане.

Она призналась, что была в доме утром в день рождения Дэйзи, когда Мэрилин явилась без предупреждения. Тогда она поняла, что Мэрилин — чудесная мать, и попыталась порвать с Гербертом. Мэри любила Дэйзи. Называла ее «ярким огонечком». Писала, что навсегда запомнит ночь, когда девочка умерла. Мэри напомнила, что у нее самой дочь и она не представляет, что пришлось пережить Мэрилин. Сказала, что Мэрилин была гораздо лучшей матерью, чем она сама. И теперь всякий раз, глядя на свою дочь, Мэри вспоминает Дэйзи. Эта трагедия причинила ей много страданий. Теперь она сама и ее бедная дочь расплачиваются за ее грехи, бла-бла-бла. Она поклялась вести честную жизнь отныне и навек. Словами не выразить, как она сожалеет о содеянном.

Мэрилин опешила от эгоизма этой женщины. Той, несомненно, стало лучше, когда она написала это письмо. Но оно лишь заставило Мэрилин ненавидеть Мэри Флэнаган сильнее.

В конце концов Мэрилин перезвонила Джейн, потому что хотела знать, зачем та ее искала.

Когда она набирала номер, Кейтлин сидела рядом.

— Помни, ты можешь повесить трубку в любой

момент, — сказала подруга. — Ты ей ничего не должна.

Но, к удивлению Мэрилин, Джейн Флэнаган даже не упомянула о Мэри. Сказала, что ее наняла новая хозяйка особняка. Ее действительно интересовали Литтлтоны и история дома: в сообщениях на автоответчике она говорила то же самое.

Но потом Джейн спросила о ком-то, чье имя начинается с Д.

Мэрилин похолодела.

Была ли это жестокая шутка? Простое любопытство? Или совпадение?

Она не стала выяснять и сразу повесила трубку. Она не собиралась больше говорить с Джейн Флэнаган и злилась на себя, что перезвонила.

Мэрилин не просто так не продавала Лейк-Гроув все эти годы. Сейчас она порадовалась, что не сказала Джейн всю правду. Мэрилин солгала, что после развода ни разу не была в том доме. На самом деле один раз она ездила туда — в первую годовщину смерти Дэйзи.

По просьбе Мэрилин Дэйзи похоронили на семейном кладбище Литтлтонов. В ее любимом месте с прекрасным видом на океан, возле других детей, с которыми Дэйзи в некотором роде была

хорошо знакома. Мать Герберта обо всем позаботилась, кроме надгробия, которое Мэрилин пообещала взять на себя, но так и не поставила. И могилу не навещала.

Она тогда почти ничего не могла. Все утратило смысл. Ей хотелось лишь одного — снова оказаться рядом с дочерью. Врач прописал Мэрилин снотворное. Она принимала его постоянно: не хотела просыпаться.

Через год после смерти Дэйзи Мэрилин отправилась в Авадапквит. Выехала еще до рассвета, не останавливалась ни на бензоколонке, ни на берегу, чтобы в последний раз взглянуть на пляж. Прибыв на место, она сделала все как запланировала. Написала записку и оставила ту на ветровом стекле. В записке содержались инструкции для того, кто обнаружит тело. Она хотела, чтобы ее похоронили рядом с Дэйзи. Представляла, как их тела обратятся в прах, смешаются с землей и камнями и снова станут единым целым, как уже было, когда Дэйзи жила внутри нее и Мэрилин совсем не надо было заботиться о безопасности дочери.

«Вряд ли в ближайшее время кому-то придет в голову заглянуть в амбар», — подумала Мэрилин. Участок по-прежнему принадлежал ей и стоял в

отдалении от дороги. Но в Филадельфии кто-то должен был заметить отсутствие Мэрилин и оповестить власти: управляющий дома, почтальон. Тогда ее начнут искать и, возможно, приедут сюда. Она переживала, что ее съедят дикие животные или тело подвергнется распаду и станет неузнаваемым. Но придется рискнуть.

Во время бракоразводного процесса Герберт, с которым она не виделась, снова удивил. Судья упомянул о долге по закладной: мол, они заложили Лейк-Гроув, чтобы купить второй дом в Авадапквите. Он назвал адрес, которого она никогда не слышала.

— Это ошибка. Лейк-Гроув принадлежит нам по праву собственности, — сказала она.

— Да, но потом вы взяли под него кредит, — ответил адвокат, видимо, решив, что Мэрилин ничего не понимает в финансах. — Вы же сами подписали документы.

Он протянул ей бумаги и, увидев выражение ее лица, пробормотал:

— О боже. Он подделал вашу подпись.

Оказалось, Герберт купил дом Мэри Флэнаган. На деньги Мэрилин.

Герберту стало стыдно, что его поймали с поличным, и он согласился отдать Лейк-Гроув

Мэрилин и выплатить долг. До нее дошел слух, что он снова собрался жениться, обручившись с одной из бывших студенток. Мэрилин не без злорадства представляла, как ежемесячные выплаты по закладной станут ложкой дегтя в бочке меда молодоженов.

Впрочем, Мэрилин не собиралась больше жить в Лейк-Гроув и даже переступать порог этого дома. Она намеревалась использовать его лишь как могилу для себя и Дэйзи. Пусть особняк рушится к чертям. Ей было все равно.

В последний визит Мэрилин не удержалась и заглянула в окно кухни. Целый год сюда никто не заходил. Внутри все выглядело так же, как прежде. Она увидела кладовку и стул у высоких полок. Мэрилин тут же поняла, кто принес его туда.

Она подошла к могиле Дэйзи и приложила ладонь к прохладному прямоугольнику земли. Без слов сказала, что скоро они снова будут вместе.

Мэрилин села в машину и медленно заехала в амбар. Крепко закрыла двери и села на водительское сиденье, оставив включенным двигатель и настроив приемник на канал классической музыки. Она приняла все оставшееся снотворное из пузырька, лежавшего в сумочке, запив таблетки красным вином из термоса. Скоро она воссоеди-

нится со своей девочкой… или обратится в ничто. Что бы ни случилось, Мэрилин избавится от боли. Наконец она уснула, надеясь, что никогда не проснется.

Но она проснулась. Как и почему — неясно.

Какая-то неведомая сила ее остановила, растрясла и разбудила. Нашептала, что скоро она умрет — и это безвозвратно.

Мэрилин вышла из машины.

Несколько лет спустя она прочла об ограблении музея Гарднер в Бостоне. В газете приводили список украденных шедевров. Ей почему-то запомнилась картина Рембрандта «Мужчина и женщина в черном». Она изображала мужчину и женщину, которые смотрели в разные стороны; их разделяло расстояние примерно в один метр. Композиция казалась странной. Картину просветили рентгеном и выяснили, что в пустом пространстве когда-то был ребенок. Он умер, и супруги попросили Рембрандта закрасить его, чтобы не вспоминать о горе всякий раз при виде картины.

Как глупо полагать, что достаточно закрасить ребенка, чтобы о нем забыть. Разве пустое место на картине не будет напоминать об утрате? И все же Мэрилин понимала эту пару. Возможно, имен-

но поэтому она никогда больше не возвращалась в Лейк-Гроув, хотя Дэйзи была там похоронена.

Мэрилин никогда никому не рассказывала о попытке самоубийства, только Лайонелу много лет спустя.

Он обнял ее и произнес:

— Я рад, что ты нашла в себе силы жить.

Он был сокровищем, ее Лайонел.

Со временем Мэрилин оправилась. Начала преподавать живопись. Завела друзей и стала приглашать их на ужины. Но ни с кем не сближалась. В глубине души она была одинока. Никогда не говорила о случившемся. Не писала картин. Эта часть ее жизни закончилась.

В семьдесят три года Мэрилин упала с лестницы и сломала бедро. Она тогда почти начала считать себя старухой. Но потом появился Лайонел. Ее сосед, с которым в детстве они жили на одной улице. Он недавно овдовел; они случайно встретились в очереди к физиотерапевту в Филадельфии. Его жена была из Филадельфии. Все эти годы они с Мэрилин жили в паре километров друг от друга и даже об этом не догадывались.

Они прожили вместе десять прекрасных лет. Съездили в Китай, где жил сын Лайонела. В Новую Зеландию, где Мэрилин всегда мечтала

побывать.

Три года назад Лайонел умер. Мэрилин оставила пригородный дом в традиционном американском стиле его детям, а сама переехала в городскую квартиру, которая все это время пустовала. Ей было одиноко; это чувство ей не нравилось, но за свою жизнь она с ним свыклась. Бывало, Мэрилин целыми днями ни с кем не разговаривала. Могла специально пойти в аптеку, лишь бы с ней кто-то поздоровался.

Дэйзи сейчас была бы взрослой женщиной. Горе никуда не ушло. Каждая жизненная глава лишь приносила новую боль. Что бы ни случалось, Мэрилин первым делом думала: «Вот бы рассказать Дэйзи». Будь Дэйзи рядом, она бы о ней позаботилась. У нее были бы внуки.

Но вместо этого ее спутницей на последнем этапе стала Кейтлин. Она сопровождала Мэрилин в пятой и последней жизни.

За годы домом Лейк-Гроув не раз интересовались потенциальные покупатели. Мэрилин всегда отказывалась продавать. Отвечала, что дом не продается. А вот последней паре повезло: они просто дождались нужного момента. Они-то думали, что получили дом благодаря своей настойчивости и навыкам переговоров, но на

самом деле просто пришло время.

Однажды утром, совсем скоро, Кейтлин позвонят душеприказчики, как когда-то позвонили никудышному племяннику Этель и Хани Трой в 1959 году. Скажут, что Мэрилин больше нет, а ей завещано небольшое состояние.

Мэрилин по-прежнему было больно думать, что тело Дэйзи лежит там. Она так долго не хотела расставаться с домом отчасти потому, что таким образом надеялась обеспечить ребенку защиту. Но, кроме Кейтлин, у нее не осталось никого; она была ей как внучка. Иногда Мэрилин даже притворялась, будто она и правда ее родная внучка. Дочка Дэйзи. А порой по-настоящему в это верила. Бывают же петли во времени и всевозможные загадки Вселенной; вдруг это действительно так.

8
Джейн

Без десяти пять в субботу Джейн отправилась к Женевьеве. Она волновалась и впервые за несколько недель надела платье. Даже губы накрасила. Не ради Женевьевы, а по случаю встречи с домом.

В сумочке лежала папка, содержавшая всю информацию о Литтлтонах, которую Джейн удалось собрать. Она чувствовала себя усердным ребенком, надеявшимся поразить учителя своими находками.

На полпути к дому Джейн притормозила на знаке «стоп» у парка Чэмберс. Какие-то ребята бросали мяч на парковке, хотя по обе стороны тянулись зеленые поля. Старшеклассники? Студенты? Джейн разучилась определять возраст. Все парни были высокими и стройными, детский жирок растаял под действием гормонов, а до среднего возраста, пивных животов и залысин был еще далеко. Они вели себя очень уверенно. В отличие от своих ровесниц, эти ребята не ощущали на себе постоянных оценивающих

взглядов. Где-то неподалеку влюбленная девчонка наверняка писала в дневнике об одном из этих жирафов, а он даже не догадывался. Он думал лишь о мяче, взмывающем в воздух и летящем по направлению к перчатке.

Джейн поехала дальше по Шор-роуд и наконец увидела знакомую проселочную дорогу под сенью деревьев. На перекрестке совсем ничего не изменилось, только почтовый ящик был новый. Джейн порадовалась, что новые хозяева не замостили дорогу. Машина подскакивала на неровной каменистой тропе. Все было точно как раньше.

Ей не хватало Дэвида. Раньше она всегда приезжала сюда с ним. Десять лет они все делали вместе, а теперь она действовала в одиночку. Интересно, чем он сейчас занят? Скучает ли по ней или рад наконец от нее избавиться?

Последний раз они общались несколько дней назад, хотя общением это сложно было назвать: он написал, что переправит почту на адрес ее матери. Отрицать реальность было бессмысленно: они все сильнее отдалялись друг от друга.

Вдали показался дом. При новых хозяевах он стал скромнее, сократилось число вычурных декоративных элементов. Вместо старинных перил с лепниной на круговой веранде теперь были про-

стые белые. Фасад, прежде выкрашенный в три цвета — лиловый с синими и зелеными деталями, — целиком покрасили в серый. В остальном особняк не изменился, но стал более опрятным. Новые владельцы заменили кровлю и окна. Амбар снесли и добавили круговую подъездную дорожку с бордюром из голубых гортензий.

«Дом причесали», — подумала Джейн. Ей не хватало лужайки, заросшей высокой, пожелтевшей от солнца некошеной травой. Старой подъездной дорожки, усыпанной галькой с пробивавшимися сквозь нее одуванчиками и лютиками.

В конце дорожки Джейн припарковалась и вышла. Только теперь она заметила, что к особняку пристроили флигель около семи метров длиной — громадный, аляповатый, с полным остеклением. Он выглядел совершенно неуместно: как будто два разных дома столкнулись лбами.

У Джейн вдруг упало настроение.

Женевьева встретила ее у входа. На ней были белые брюки, шелковый топ без рукавов и повязка на голове, чтобы волосы не падали на лоб. Неужели повязки опять в моде? А может, они никогда и не выходили из моды?

— Добро пожаловать! — воскликнула Женевьева с улыбкой. — Спасибо, что приехали. Прошу.

Заходите.

Она вела себя приветливо, хотя, пожалуй, чересчур официально. Джейн решила, что они примерно одного возраста, но Женевьева говорила с ней как старшая с младшей. Она кого-то ей напоминала, но Джейн никак не могла понять кого.

Вытянув руку, Женевьева толкнула сетчатую дверь.

За порогом стоял ее сын. Он сжимал в руках пластиковый грузовик и настороженно глядел на гостью.

— Вы проделали огромную работу, — сказала Джейн.

Мать однажды посоветовала им с Холли: если не можешь сказать ничего хорошего, надо просто говорить правду, и люди воспримут это как комплимент.

— Спасибо, — ответила Женевьева.

Джейн улыбнулась.

— Жаль, фасад нельзя было менять, — продолжала Женевьева. — Мы переделали веранду, потому что ее достроили в более поздний период. Я не поклонница фестонов и украшений в стиле пряничного домика. Это так… вычурно. Совсем не в моем стиле, но городские власти не разрешают

переделывать фасады исторических домов. Этот дом внесен в список исторических памятников. Слава богу, внутренняя отделка никак не регулируется.

Зайдя в дом, где раньше был коридор с настенной росписью океана на закате и много дверей, ведущих в разные комнаты, Джейн с ужасом обнаружила, что на первом этаже не осталось ни одной стены. Все покрасили в белый и поставили белую, бежевую и темно-синюю мебель. Взгляд Джейн уперся в дальнюю стену, которую почти полностью застеклили; раньше там был ряд старинных освинцованных окон и закругленный широкий подоконник. Теперь за стеклянной стеной виднелся океан.

Джейн редко плакала. Могла годами не проронить ни слезинки. Но в тот момент ей захотелось заплакать второй раз за неделю.

— Я как будто в другом доме, — наконец выпалила Джейн. Она не могла совсем никак это не прокомментировать.

— Мы старались, — ответила Женевьева.

Интересно, кто это «мы». Женевьева не была похожа на человека, который делает что-то руками. Джейн не могла представить, как она демонтирует старую сосновую кухню и ошкуривает

деревянные полы. Она не смогла бы даже поменять лампочку под трехметровым потолком.

Бессмысленно было говорить, что дом нравился Джейн прежним. Что она никогда не стала бы делать такой ремонт. В мире недвижимости преданность старине не ценили. Дом принадлежал Женевьеве, и она могла поступать с ним как угодно. Но зачем покупать исторический дом и стирать всю историю?

Женевьева настояла на экскурсии.

Они втроем поднялись наверх, где расположились несколько спален и две ванные комнаты. Тут все было сделано со вкусом и царил идеальный порядок. Нигде не валялась грязная одежда или игрушки. Все кровати были застелены, коврики в ванной сухие. Дом выглядел так, будто его приготовили к просмотру на продажу.

Джейн знала: Женевьева с сыном только что вернулись из «Святого Аспинкида». Несколько часов назад Эллисон прислала ей сообщение:

Эллисон
Женевьева съехала. Теперь уже точно. Я свободна!

Но никаких следов переезда Джейн тоже не увидела. Чемоданы не стояли на проходе. В кори-

доре не валялись скопившиеся нераспечатанные конверты.

Они обошли все комнаты на втором этаже и остановились в коридоре. Тут Бенджамин указал на стену и произнес:

— Это моя комната.

— Где? — спросила Джейн.

— Здесь, — ответил он и положил ладонь на стену.

И тут Джейн увидела то, чего раньше никогда не замечала. В стене имелась дверь, покрашенная в тот же цвет; если бы не тонкая полоска света внизу, Джейн никогда не догадалась бы о ее существовании.

— Круто, — искренне проговорила она. Вид тайной комнаты пробудил в ней Нэнси Дрю[25].

«Вот чем хороши старые дома, — подумала она. — Такие детали в новых постройках уже не встретишь». Разве наткнешься в новом доме на тайную комнату? Ради такого стоило потерпеть отсутствие центральной вентиляции (хотя Женевьева ее, конечно же, провела). Старые дома обладали индивидуальностью. Слава богу, хоть что-то в доме не пало жертвой современного

---

[25] Примечания: 25

Нэнси Дрю — девочка-детектив из серии книг нескольких авторов, публиковавшихся под псевдонимом Кэролайн Кин.

ремонта.

— Хотите, покажу, как открывается дверь? — спросил Бенджамин.

— Да, конечно, — ответила Джейн.

Но Женевьева уже тянула их в другую сторону.

— Давайте выйдем на веранду, — сказала она. — Вечер сегодня чудесный. Я приготовила канапе.

На лестнице она взяла Бенджамина за руку.

— Все равно я там больше не сплю, — сказал он.

По пути на веранду Джейн извинилась и зашла в новый туалет на первом этаже. Женевьева называла его «дамской комнатой». На самом деле Джейн не надо было в туалет. Она просто хотела немного побыть одна. Туалет был маленький, без окон, с нелепыми обоями — черными, с узором из ярко-розовых фламинго, от которого у Джейн закружилась голова. Наверно, такие обои были в моде, иначе Женевьева их бы не выбрала, но Джейн они казались совершенно неуместными.

На стене висели две страницы из журнала «Побережье штата Мэн» в золоченой раме. Джейн не сразу сообразила, почему дом на фотографии кажется знакомым. Это был тот самый дом, где она сейчас находилась. Открытая кухня, белые

стены. «История встречается с современностью в полностью отремонтированном пляжном доме 1846 года».

Джейн прочла текст. Женевьева и ее дизайнер вещали о том, сколько сил приложили, стараясь почтить исторический облик дома. «Странно, — подумала Джейн, — ведь это было не так». Они изменили его до неузнаваемости. Отдельная колонка была посвящена индейской плетеной корзинке, якобы изготовленной в середине девятнадцатого века в Южном Мэне. *(Миссис Ричардс купила редкую корзину абенаков у торговца антиквариатом из Авадапквита. «Я увидела ее и тут же влюбилась. Корзинка была прекрасна. Я поняла, что должна ее купить», — вспоминает она.)*

Джейн вспомнила корзины, которые видела на выставке в Портленде несколько дней назад. Их плели люди, в чьих семьях ремесло плетения корзин передавалось из поколения в поколение. Им было важно сохранить эту традицию. Отремонтированный дом Женевьевы казался неподходящим местом для такой вещи.

Теперь Джейн поняла, почему Женевьева так раздражала Эллисон.

И все же ей не верилось, что она здесь, в доме, который знала как свой собственный. Только

теперь она не проникла сюда тайком, нарушая чужое право собственности: ее пригласили, она поднималась по лестнице, не боясь, что провалятся ступени. Она смывала воду в туалете и собиралась есть канапе на веранде. (Канапе — господи, неужели есть люди, которые подают гостям канапе?)

Джейн глубоко вздохнула. Открыла дверь туалета и направилась к задней части дома, где Женевьева и Бенджамин ждали ее на веранде.

Проходя по большому открытому пространству между белой кухней и белой гостиной, Джейн увидела на кофейном столике корзину.

Джейн приблизилась. Вдоль верхней кромки вился узор из темно-синих птиц. Корзина дышала историей. Интересно, где она была эти двести лет? Кто ее сделал и где.

Открылась раздвижная дверь. Джейн сжалась.

— Джейн? — окликнула ее Женевьева. — Идите к нам.

Джейн повиновалась.

Выйдя на залитую солнцем веранду, она произнесла:

— Я засмотрелась на корзину на кофейном столике.

— Что? Ах, эта корзина. Это антиквариат, — от-

ветила Женевьева.

— Она прекрасна, — сказала Джейн.

Женевьева пожала плечами.

— Вам так не кажется? — спросила Джейн.

— Нет, нет, что вы, она мне нравится. Но… это же просто корзина. Если бы муж знал, сколько я за нее заплатила, он бы мне никогда не простил, — ответила Женевьева. — Думаю об этом всякий раз, когда ее вижу.

Джейн тут же захотелось узнать, сколько стоила корзина.

Как любопытно: в каждом браке были свои секреты и компромиссы, казавшиеся постороннему человеку невозможными. Джейн никогда не пришло бы в голову просить у Дэвида разрешения что-то приобрести; она не стала бы прятать от него покупки. Она поняла, что осуждает Женевьеву. С другой стороны, у той все еще был муж. В отличие от Джейн.

— Я купила ее у торговца антиквариатом в городе. Его зовут Томас Кросби, — сказала Женевьева.

Она выжидающе посмотрела на Джейн, будто думала, что та его знает.

— Он специализируется на искусстве аборигенов, — продолжала она. — В шестидесятые и семидесятые у него была большая галерея, но сей-

час он работает с клиентами индивидуально. Не афиширует. Ему, наверно, лет сто. Хотите вина?

Она взяла бутылку.

— Нет, благодарю, — ответила Джейн. Ей хотелось подробнее поговорить о корзине и уточнить, что Женевьева имела в виду под «не афиширует».

— Садитесь, — настойчиво проговорила Женевьева и поспешно добавила «пожалуйста», видимо испугавшись, что ее слова прозвучали как команда золотистому ретриверу.

На старом деревянном столе под синим полотняным зонтиком Женевьева расставила блюдо с крекерами и прошутто, сыры на сланцевой сервировочной доске, три маленькие белые тарелки, сине-белые полотняные салфетки с узором из зигзагов и два пустых винных бокала.

— Вы точно не соблазнитесь холодным пино-гриджио?

— Нет. Спасибо. Я не пью, — ответила Джейн.

Ей нравилось, как звучат эти слова; Джейн редко удавалось произнести их в присутствии незнакомого человека, чье мнение не имело для нее никакого значения.

— О, — ответила Женевьева, — извините.

— Не извиняйтесь.

— Тогда давайте пить минералку, — сказала Женевьева.

— Вы можете выпить вина. Я не против, — ответила Джейн.

— Уверены?

— Да.

— Вас устроит «Сан-Пеллегрино»?

— Можно мне воду из-под крана? — спросила Джейн.

Женевьева кивнула, зашла в дом и крикнула Бенджамину через плечо:

— Играй там, где Джейн может тебя видеть!

Странно, подумала Джейн. Женевьева совсем ее не знала. С другой стороны, Джейн не представляла угрозы: что плохого может сделать женщина средних лет? Вероятно, она внушала доверие самим своим видом.

Джейн вдохнула соленый воздух. Океан был так близко, что она чувствовала влагу на щеках.

Хоть вид остался прежним. Таким же потрясающим, каким Джейн его помнила. Может, даже стал лучше — из-за пристройки веранда оказалась ближе к воде.

Стоило ей об этом подумать, как она заметила: сбоку, где прежде высились величественные сосны, теперь был бассейн.

Он выглядел тут совершенно неуместно. Бассейны на берегу океана любили ставить в Хэмптонсе. В Мэне никто так не делал, даже самые богатые приезжие.

Подошел Бенджамин с грузовичком в руках.

— Вам повезло, что у вас есть бассейн, — сказала Джейн.

— Да, но мы не купаемся, — ответил мальчик.

— Почему?

— Это опасно.

Какой пугливый ребенок, подумала Джейн. Хотя, может, он имел в виду, что ему одному нельзя плавать, без присмотра взрослых.

На острове напротив сегодня не грелись тюлени. Теперь Джейн не могла смотреть на него и не вспоминать об индейцах, похищенных Пемброком. Высаживался ли он на этом берегу? Она подумала, не рассказать ли Женевьеве, но решила, что той будет неинтересно.

Вернулась Женевьева и принесла стакан воды с тонким ломтиком лимона на краешке. Протянула его Джейн. Стакан оказался на удивление тяжелым. Внутри мелодично позвякивали кубики льда.

Себе Женевьева налила вина.

Бенджамин сел рядом. Женевьева дала ему свой

телефон с мультиком, и он уставился в экран, перестав замечать что-либо вокруг.

Оглядывая разложенное на столе угощение и вазу с голубыми гортензиями в центре стола, Джейн поняла, кого ей напоминала Женевьева: попечительниц библиотеки Шлезингеров, богатых домохозяек с безукоризненными манерами, умных, образованных, утонченных. Им всем было от семидесяти до восьмидесяти лет, их с малых лет готовили к карьере великосветских хозяек, и они все делали намного элегантнее, чем Джейн, даже подавали стакан воды.

По странному совпадению Женевьева произнесла:

— Хочу кое в чем признаться. Я искала вас на фейсбуке. Рассказываю об этом лишь потому, что у нас есть общая подруга. Присцилла Бингем.

— Присцилла, — задумалась Джейн. — Ах да, она состоит в консультативном совете бывших выпускников Гарварда при библиотеке.

— Логично, мы с ней знакомы по книжному клубу для выпускниц «Семи сестер»[26], — сказала Женевьева. — Мир тесен.

Джейн кивнула.

---

[26] Примечания: 26
Семь самых престижных женских колледжей США.

Далее разговор зашел о спектаклях Американского репертуарного театра. Офис Джейн находился напротив. У Женевьевы тоже был годовой абонемент. Они сошлись во мнении, что новый моноспектакль Анны Дивер Смит великолепен, а вот экспериментальный кукольный мюзикл не понравился ни той ни другой.

Они поговорили о том, какие хорошие рестораны в Кембридже недавно закрылись и в какие новые места стоит сходить. Джейн порекомендовала итальянский ресторан «Джанна», а Женевьева сказала, что владелец — друг ее мужа.

— Они с женой планируют приехать к нам в гости, — заметила она. — Заходите на ужин, когда они будут здесь.

Что бы Джейн ни думала о Женевьеве, ей был приятен этот разговор, напоминавший о прежней жизни и старых знакомых. Иногда Джейн казалось, что мир, который она выстраивала годами, за последние несколько месяцев испарился бесследно, будто кто-то щелкнул выключателем, навсегда погасив свет. Но теперь она познакомилась с Женевьевой, которая тоже жила в этом мире и ничего не знала о проступках Джейн. Идеальное сочетание.

— А теперь расскажите, что вы узнали, — на-

конец произнесла Женевьева. — Я умираю от нетерпения.

— А мне не терпится рассказать, — ответила Джейн.

Она рассказала обо всех членах семьи Литтлтон, объяснила, кто они и что с ними стало. После каждого имени Женевьева кивала, будто уже знала их и мысленно вычеркивала из списка.

— Я оставила самое интересное напоследок, — сказала Джейн.

Женевьева наклонилась к ней.

Джейн достала из сумки телефон.

— Фотография, — объявила она.

Фотограф запечатлел Ханну Литтлтон, с улыбкой глядевшую на мужа. На ней было темное платье с высоким воротником. У нее было худое лицо со впавшими щеками; она зачесала волосы наверх и заколола, но не аккуратно, а будто в спешке.

Мэрилин Мартинсон прислала фотографию после того, как они с Джейн поговорили, но не ответила, когда Джейн ее поблагодарила.

Джейн не стала уточнять, откуда у нее фотография. Ей почему-то казалось, что зря она позвонила Мэрилин. Это определенно выходило за рамки того, о чем просила ее Женевьева. Лучше об этом

не распространяться, решила она. Особенно учитывая, что Мэрилин после разговора фактически бросила трубку и больше не подходила к телефону и не перезванивала.

Женевьева мельком взглянула на фотографию и тут же показала снимок сыну, который скучающе на него посмотрел.

— Присмотрись к этой женщине, сынок, — попросила Женевьева. — Присмотрись внимательно. Она никого тебе не напоминает?

Бенджамин не отреагировал, Женевьева отдала Джейн телефон и спросила:

— А про Элизу удалось что-то выяснить?

Джейн растерялась.

— Служанку?

— Нет, думаю, она была чьей-то сестрой.

— Хм, — задумалась Джейн. — В семье жила служанка, Элиза, но она не приходилась Литтлтонам родственницей. А вы знали, что здесь была гостиница? Уже после Литтлтонов. Она называлась «Лейк-Гроув Инн».

Эта информация, казалось, совсем не заинтересовала Женевьеву.

— Слышала, что предыдущий владелец бросил вывеску гостиницы в подвал. Посмотрите, может, она еще там, — сказала Джейн.

— Точно нет, — отмахнулась Женевьева. — Я все вывезла на свалку. — Она не спеша отхлебнула вина. — Мусорщик приезжал двенадцать раз. Прежние владельцы оставили после себя кучу хлама.

В доме были прекрасные ковры и мебель. Картины в рамах на стенах. Старинная посуда. Кукольный домик. В кладовке все полки доверху были заставлены красивым стеклом. Неужели новой хозяйке не захотелось ничего оставить?

— Но вернемся к Элизе, — оборвала ее мысли Женевьева. — Вы уверены, что она не приходилась Литтлтонам родственницей?

— Да, уверена, — ответила Джейн. — Потомки Литтлтонов до сих пор живут здесь, в Авадапквите. Их дальняя родственница прислала мне генеалогическое древо, я могу проверить, если хотите, но в то время люди не нанимали в служанки членов семей.

— А как вы думаете, у этой родственницы не может быть фотографий Элизы? Или, может, у кого-то еще из потомков?

— Фотографии служанки давно умерших предков? Сомневаюсь.

— Тогда не надо ничего выяснять, — отвечала Женевьева. — Признаюсь, я прежде всего надея-

лась раздобыть фото Элизы.

— Но зачем оно вам?

— Показать Бенджамину.

Ответ Женевьевы ничуть не прояснил ситуацию для Джейн, но она не стала допытываться.

— Вряд ли мы найдем фотографию Элизы, учитывая, в какое время та жила.

Женевьева, кажется, расстроилась, но потом приободрилась.

— Вряд ли? Но это все-таки возможно?

Джейн с досадой усмехнулась:

— Вы очень настойчивы, Женевьева, вам это говорили?

— Виновна, — ответила та. — Вы готовы ужинать? У нас сегодня лосось.

— Вы не говорили, что приглашаете меня на ужин, — возразила Джейн. — Не хочу навязываться.

— Прошу, — сказала Женевьева, и Джейн почудилось, что она в отчаянии. — Прошу, Джейн, останьтесь.

В девять вечера они все еще сидели на веранде за деревянным столом.

Они полюбовались великолепным закатом. Солнце ушло, сгустились сумерки. Резко похолодало. Налетели комары, жаждущие человеческой

крови. Потом совсем стемнело. Небо усыпали звезды; вышел месяц. А они с Женевьевой так и сидели на прежнем месте. Когда Джейн выходила из дома, она думала, что уедет максимум на час. Оставила одинокую куриную грудку размораживаться на кухне.

Лосось Женевьевы оказался безупречным. Она подала его со свежим укропом. Джейн была поражена. На десерт был черничный пирог — вкуснее Джейн в жизни не пробовала.

Ужин закончился час назад. С тех пор беседа несколько раз заходила в тупик. Они обсудили всевозможные культурные темы, Литтлтонов, а когда пришло время говорить о себе, ни та ни другая не захотели ничего рассказывать.

При всем своем богатстве и хорошем воспитании Женевьева испытывала неловкость в общении, и Джейн ее прекрасно понимала.

Но всякий раз, когда Джейн хотела откланяться, Женевьева внезапно спрашивала ее мнение об образцах плитки для постирочной на втором этаже или задавала очередной вопрос об Авадапквите. Джейн впервые почувствовала себя экспертом по истории городка: обычно она ощущала себя посторонней, хотя в Авадапквите жили три поколения ее семьи.

Бенджамина спать не укладывали. Он сидел на диване в гостиной и по второму кругу смотрел на планшете тот же мультик.

Женевьева то и дело поглядывала на него через раздвижные двери. Иногда вставала и подходила к нему, приносила то воду, то мягкий плед.

— Значит, вы работаете в Кембридже, а здесь живете летом? — спросила она и прищурилась, видимо показывая, что задумалась.

— Здесь живет моя мать, — ответила Джейн. — Точнее, жила. Она умерла чуть больше года назад.

— О нет. Соболезную.

— Спасибо.

— Она, наверно, была совсем молодая, — заметила Женевьева, — отчего она умерла?

— Рак легких.

Женевьева покачала головой:

— Мой двоюродный брат тоже умер от рака легких. Так несправедливо. Он даже не курил.

Мать Джейн курила постоянно, сколько Джейн ее помнила. Вероятно, Ширли сама была виновата в своей болезни, но Джейн почему-то воспринимала ее как жертву. Жертву табачных компаний, подсадивших ее на никотин в тринадцать лет. Культуры, в которой превыше всего

ценилась худоба.

— А ваш отец? — спросила Женевьева. — Он тоже здесь живет?

— Он бросил нас, когда моей сестре было два года, а я только родилась, — ответила Джейн. — Больше мы его не видели. Он даже открытки на дни рождения не присылал. Если честно, я даже не знаю, как он выглядит.

На глазах Женевьевы вдруг выступили слезы. Внезапно, как будто она резала лук.

— Простите. — Она вытерла глаза. — Меня тоже растила мать-одиночка. Не представляю, каково это — потерять мать.

Женевьева словно хотела, чтобы Джейн, чья мать умерла, утешила ее из-за того, что ее собственная мать тоже умрет когда-нибудь в отдаленном будущем.

— Мне пора, — сказала Джейн.

— Прошу, не уходите, — ответила Женевьева. — Вы еще не рассказали, что связывает вас с этим домом. Эллисон что-то говорила в день, когда мы познакомились. Помните?

— Да, — кивнула Джейн, — я случайно наткнулась на него, когда училась в старших классах. Дом тогда пустовал, и я стала часто сюда приходить. Одна. Сидела на лужайке и читала. Потом

мы с мужем приходили сюда уже вдвоем.

— Не знала, что вы замужем, — спохватилась Женевьева и зажала рот рукой. — Вы могли бы прийти сегодня вместе. Теперь мне неловко, что я не пригласила вашего мужа.

— Не чувствуйте себя неловко, что не пригласили кого-то, о чьем существовании не догадывались, — сказала Джейн. — К тому же Дэвида нет в городе. Мы… решили разойтись на время.

Она никому не говорила об этом вслух, кроме Эллисон и Холли. Ей до сих пор было трудно в это поверить.

— В браке всякое бывает, — сказала Женевьева.

Джейн решила, что это идеальный ответ. Женевьева не стала ее жалеть, фамильярничать, допытываться. Не спросила, почему и давно ли они разошлись, как не стала спрашивать, почему и давно ли она не пьет. У чопорности Женевьевы оказалось неожиданное преимущество — деликатность.

— Вы правы, — ответила Джейн, — бывает всякое.

Впрочем, в последнее время она начала понимать, как все произошло. За последние полтора года в ее жизни случалось слишком много неожи-

данностей. Все, что казалось незыблемым, просто рушилось. Джейн не успевала пережить один удар, как за ним следовал другой.

Мать сгорела за полгода. Прошел всего год с ее смерти. Джейн часто волновалась, что не испытывает горе. Но теперь понимала, что сразу после похорон начала больше пить и опаздывать на работу. Пару раз даже брала отгулы из-за похмелья. Раньше такого не бывало.

Иногда после нескольких бокалов она ни с того ни с сего срывалась на Дэвида. А когда на следующее утро принималась извиняться, он говорил: «Твоя мама умерла. У тебя был сложный год».

Джейн ценила его поддержку, хотя догадывалась, что муж спускает ей с рук то, что не должен терпеть. Он предложил ей пойти к психотерапевту; она отказалась, и он не стал настаивать. Джейн боялась, что, если будет продолжать в том же духе, в конце концов он просто разлюбит ее. И что тогда? Дэвид никогда ее не бросит. Он слишком верен. В его большой семье никто сроду не разводился. Он стыдился, что его первый брак закончился разводом. Джейн знала: муж сделает все, чтобы сохранить брак. Будет игнорировать очевидное. Поэтому ушла сама. Ушла, потому что любила его и знала, что ему без нее лучше. По

крайней мере, без нее прежней.

Повисла тишина. Джейн буквально слышала, как Женевьева думает. Видимо, она хотела как-то поддержать Джейн в ситуации с ее браком, но ничего не приходило в голову.

В итоге в ответ на ее секрет Женевьева решила поделиться своим. После долгого молчания она внезапно произнесла:

— Вы решите, что я ненормальная, но мне кажется, в доме есть привидение.

Джейн растерялась. Такого она от Женевьевы никак не ожидала.

— Понимаю, как это звучит, но с тех пор, как мы въехали, тут творится какая-то чертовщина. Не знаю, как еще объяснить.

— Что вы имеете в виду под «чертовщиной»?

— Шарики.

— Шарики?

Джейн вспомнила, что видела в коридоре наверху рассыпанные стеклянные шарики и осколки стекла. Это было в тот единственный раз, когда она осмелилась подняться на второй этаж вместе с Эллисон.

— Перед нашим приездом из дома вывезли весь старый хлам и провели генеральную уборку, — сказала Женевьева. — Работали профессионалы.

Тут ничего не осталось. Но эти шарики… они просто возникают словно ниоткуда. А однажды вдруг появилась трещина в стене. Электричество мигает. Вещи падают с полок. И тут есть привидение.

Джейн попыталась сдержать улыбку. У нее чуть не вырвалось: «Так бы сразу и сказали». Но она сомневалась, что у Женевьевы есть чувство юмора.

— Бенджамин видел девочку. Призрака. Она приходила в его комнату. Это была Элиза, я почему-то уверена, — выпалила Женевьева. — Сестра Элиза.

— Почему вы так решили?

Женевьева замялась, будто размышляя над ответом.

— Предчувствие, — наконец ответила она. — После того как Бенджамин мне об этом рассказал, мы сразу уехали в отель. Сегодня первый день ночуем дома.

— Ясно, — ответила Джейн.

— Я обещала, что он больше не будет спать в той комнате. Он видел ее только там. И только когда оставался один. А я все равно нервничаю. Эта девочка… она злится, — сказала Женевьева. — И кажется, я знаю почему. Я кое-что сделала.

— Что? — спросила Джейн, а сама подумала:

«Ужасный ремонт?»

Женевьева промолчала.

— Так вот зачем вам фотография Элизы.

— Да. — Женевьева глубоко вздохнула и запрокинула голову. Казалось, она сбросила тяжелый груз с души. — Пол, мой муж, должен сегодня приехать и остаться на две недели. Поэтому я не побоялась вернуться. Он сказал, что приедет в семь, но он всегда опаздывает. — Женевьева будто хотела пожаловаться еще, но потом добавила: — Он слишком занят на работе. Редко сюда приезжает.

Значит, она попросила Джейн задержаться не просто потому, что ей было приятно ее общество. Женевьева боялась привидений. А лосось, пирог и кукуруза в початках, наверно, предназначались мужу. Женевьева подкупила ее едой, чтобы не пришлось оставаться одной. Можно подумать, Джейн знала, как обращаться с призраками, если те появятся.

— Знаете, что самое странное? — сказала Женевьева. — Бенджамин не боится эту девочку. Кажется, они подружились. Когда мы жили в отеле, он сказал, что она никогда нам не навредит. Она просто хочет найти свою маму.

— Свою маму? — повторила Джейн.

— Пол тогда очень смеялся. Сказал: вот что бывает с балованными детьми. Они начинают видеть призраков, которые просятся к мамочке.

— Женевьева, — Джейн похолодела, — я должна сказать вам что-то странное.

— Что?

— Как бы это объяснить… — начала Джейн. — Так. Ладно. Эллисон подарила мне сеанс у медиума.

Лицо Женевьевы не изменилось. Джейн думала, что она удивится. Может, Женевьева не знала, что значит медиум?

— Медиума зовут Клементина. У нее… есть способности. Она умеет говорить с мертвыми, — пояснила Джейн.

Женевьева по-прежнему не реагировала. Она просто кивала. Неужели одна только Джейн считала это странным?

— Эта Клементина пришла ко мне домой и заявила, что связалась с духами моей матери и бабушки. Но там была еще девочка, точнее, ее дух. Имя девочки начиналось с буквы Д. Она упомянула Лейк-Гроув. — Джейн показала на дом. — Лейк-Гроув или «Лейк-Гроув Инн» — этот дом. Она пыталась связаться с матерью.

— Господи, — ахнула Женевьева, — у меня аж

волосы дыбом встали.

— Что скажете? Это не может быть совпадением?

— Я даже не верю в привидения, — ответила Женевьева.

— Я тоже.

— А вы знаете, что это за девочка с именем на букву Д?

— Понятия не имею, — ответила Джейн.

— Может, фамилия Элизы начиналась с буквы Д? — спросила Женевьева. Она почему-то не хотела отказываться от своей безосновательной теории.

— Нет, — сказала Джейн. — Ее звали Элиза Грин.

— Надо пригласить эту Клементину сюда. Вдруг она еще что-то расскажет.

— Хорошо, — согласилась Джейн. — Я позвоню ей в понедельник.

— А можете позвонить прямо сейчас?

Джейн вспомнилось, как Женевьева требовала подать ей сэндвич в отеле Эллисон, где не было обслуживания в номерах.

— Она мне не подруга, — сказала Джейн. — Разве можно в субботу вечером звонить по работе незнакомым людям, с которыми встречался раз?

Женевьева пожала плечами.

Интересно, эта женщина когда-нибудь работала?

В этот момент вспыхнул экран телефона Женевьевы. Она улыбнулась.

— Пол только что проехал по мосту в Нью-Гемпшир. Скоро будет.

Джейн поняла, что теперь ее наконец отпустят домой.

Женевьева вручила ей контейнер с остатками ужина, рассыпалась в благодарностях за проделанную работу и дала белый конверт, в котором лежал чек на десять тысяч долларов.

Прежде чем поехать домой, Джейн немного посидела в машине на подъездной дорожке, закрыв двери и глядя на дом Женевьевы.

Мэрилин Мартинсон сказала, что дом проклят. Обитающие здесь женщины заканчивают жизнь в одиночестве.

Джейн выросла в семье без мужчин. Рождение Джейсона стало потрясением для всех. Разве мог у них в семье родиться мальчик? На самом деле женщины в их семье всегда боялись, что отпугивают мужчин. Какой смысл привязываться, если такова твоя судьба?

Свет горел во всех окнах и на крыльце особня-

ка. Пола ждали дома.

Даже бассейн подсвечивался снизу. Покрытая рябью вода отбрасывала блики на лужайку.

Позже, сидя на диване в доме матери, Джейн погуглила торговца антиквариатом, продавшего Женевьеве индейскую корзину. Томаса Кросби, у которого в городе когда-то была галерея.

Она написала Эллисон и спросила, знакомо ли ей это имя, но вместо ответа та прислала вопросительный знак. Джейн подумала, что мать Эллисон должна его знать, а потом сообразила: Бетти уже ничего не помнит. Ее болезнь лишила их не только будущего, но и накопленной за годы мудрости. Прежде в памяти Бетти хранилась настоящая сокровищница имен, дат, историй и мелкой вражды между поколениями местных жителей.

Эллисон спросила, как прошла встреча.

Джейн
Хорошо, Женевьева странная.
Эллисон
Мягко говоря.

Джейн рассказала, что, похоже, они с Женевьевой искали одно и то же привидение — девочку, которая хотела связаться с матерью.

Эллисон

Погоди, хочешь сказать, она переехала в отель из-за привидения?

Джейн

Да.

Эллисон

Ахахахахахахахахах. Ладно, но тут я с ней согласна, вам надо позвать Клементину.

Джейн отложила телефон и продолжила поиск на компьютере.

У Томаса Кросби не было ни собственного сайта, ни профиля в соцсетях. Ей встретилось краткое упоминание в «Бостон глоуб» от 2004 года: о нем писали как об одном из многих белых, наживавшихся на продаже индейских артефактов. Он унаследовал коллекцию от двоюродного прадеда. Его некогда популярная галерея в Мэне более тридцати лет притягивала ценителей со всей страны, но в 1992 году он закрыл ее без объяснений и с тех пор не раз привлекался к суду по связанным с галереей делам.

Интересно, знала ли об этом Женевьева.

Кросби упоминался еще в трех статьях из «Портсмут Геральд»: во всех трех говорилось о

коренном американце из Нью-Мексико, который много лет судился с Кросби, добиваясь, чтобы тот отдал ему четыре статуи бога войны, принадлежавшие его племени — зуни.

«Коренные американцы верят, что некоторые предметы живут духовной жизнью, — говорил этот человек в интервью. — Мы воспринимаем это буквально. Священные объекты для нас — живые существа. Это не просто воровство. Для нас это равноценно похищению человека».

Джейн порылась в сумочке и нашла блокнот, где записала имена индейцев, похищенных Пемброком. *Аморет, Таханедо, Манедо, Саффакомит*. Что-то побудило ее их записать.

Четверо мужчин, чьих имен она раньше не знала, увез из родного дома человек, имя которого она повторяла сотни раз.

Даже в школе, проводя вечерние экскурсии на катере Эйба и показывая туристам маленький остров, Джейн сомневалась, что Пемброк высаживался в Авадапквите. Теперь она подумала: допустим, он действительно здесь побывал. Возможно, именно отсюда он похитил этих индейцев. Или они побывали здесь на пути к другой незнакомой земле.

Джейн написала письмо Наоми Миллер, жен-

щине из племени пенобскотов, с которой их познакомил Эван в историческом обществе. Эван сказал, что она работает консультантом; значит, ей должно быть известно все о коренных американцах Мэна. Джейн попросила Наоми помочь навести справки о четырех мужчинах из конфедерации вабанаков, которые, возможно, жили в Авадапквите. Джейн ее предупредила: факты могут оказаться неприятными, так что она готова понять, если Наоми не захочет заниматься этим делом, и на всякий случай добавила: «Если вы заняты, можете не отвечать, ничего страшного».

Утром Наоми перезвонила, хотя было воскресенье.

— У меня есть несколько минут. Я в машине, — сказала она. — Мне проще говорить, чем переписываться.

— Хорошо, — ответила Джейн, хотя сама ненавидела телефонные разговоры.

— Расскажите, что за история вас интересует, — попросила Наоми.

— В моем родном городе давным-давно ходит легенда, что в начале семнадцатого века здесь высаживался американский мореплаватель, малоизвестный, но все же. Я всегда сомневалась, что это правда.

Наоми рассмеялась.

— Ясно.

— Думаю, на самом деле он не высаживался в Авадапквите, но существовал на самом деле, и недавно я узнала, что в одной из экспедиций он похитил группу индейцев. Я записала их имена. Скорее всего, мы ничего не узнаем, но, может, вы подскажете, где копать, и я попытаюсь выяснить, жили ли в этих краях люди с такими именами.

— Хм, — Наоми задумалась, — скорее всего, я не смогу вам помочь. Я не лингвист. Я и свой-то язык не очень хорошо знаю — язык пенобскотов. Он очень похож на язык абенаки, который в семнадцатом веке был основным в этом регионе. Проблема в том, что первооткрыватели записывали имена на слух и чаще всего неправильно. Например, «Квенитев» означает «длинная река». А им послышалось «Коннектикут». Скорее всего, этих людей звали иначе.

— Понимаю, — согласилась Джейн. — Логично.

— Взять хотя бы ваш город — Авадапквит. Туристам рассказывают байку, что это название значит «где прекрасные утесы встречаются с океаном». Правильно я говорю? Но на самом деле это слово ничего не значит. Такого слова вообще нет.

Джейн оторопела.

— Даже не знаю, что сказать. С одной стороны, я в шоке, с другой — совсем не удивлена, — ответила она.

— После нашей встречи я специально проверила, потому что Эван упомянул эти прекрасные утесы и мне стало интересно. Я никак не могла успокоиться, — продолжала Наоми. — Со мной так бывает. Никогда не перестаю думать о работе.

— Я такая же, — утешила ее Джейн.

— Есть подозрение, что Авадапквит — неправильно услышанное слово «савадапскви», — сказала Наоми. — На языке абенаки это означает «скала, торчащая над морем». Но такое на открытке не напишешь.

Джейн стало любопытно, знала ли об этом Эллисон. И вообще кто-нибудь. Она впервые об этом слышала.

— Мы с племенем пенобскотов сейчас работаем над составлением карты, — объяснила Наоми. — Пытаемся восстановить традиционные географические названия и создать новую карту Мэна. Наш народ никогда не давал местам случайные имена. Их придумывали наши предки для описания элементов ландшафта и передачи

информации. Со сменой названий информация терялась.

— О боже, — пробормотала Джейн. Ее внезапно озарило. — Скала, торчащая над морем! Авадапквит действительно стоит на утесах. Но есть одна скала, которая сильнее других выступает в море! Там находится старый дом, историю которого я сейчас изучаю, а напротив — остров, где якобы высадился наш первооткрыватель. Так, может, это все-таки правда? И город назвали этим словом, потому что именно с этой торчащей скалы похитили людей?

— Нет, — мягко возразила Наоми. — Коренные американцы не стали бы называть целый город в честь места похищения. Обычно название соответствовало месту, где проводилась важная ежегодная церемония или собрание.

— А, — ответила Джейн, — тогда понятно. Ваша карта меня заинтересовала. Я хотела бы подробнее узнать об этом проекте.

— Вся моя работа заключается в восстановлении того, что когда-то принадлежало моему народу, — ответила Наоми. — Мы возвращаем себе себя. Мне постоянно что-то присылают: истории, семейные легенды, артефакты, памятные вещицы. Я пытаюсь передать их потомкам, тем,

для кого эти истории и вещи что-то значат. Но все это лишь часть масштабного проекта по возвращению себе языка, земли и независимости.

— А как вы занялись этой работой? — спросила Джейн. Наоми казалась ей невероятно интересным человеком. Она могла бы говорить с ней целый день.

— Все началось случайно, — ответила Наоми. — Один парень, кажется, его звали Трип, прислал мне старинные фотографии пенобскотов. Фотографии несколько десятилетий хранились у его деда. Задумайтесь: дед, белый, всего однажды побывал в этих краях и видел лица наших предков. А мы никогда их не видели.

У Джейн засигналил телефон: звонок по второй линии. Она взглянула на экран: звонила Женевьева. Джейн переключила ее на автоответчик.

Через несколько секунд Женевьева прислала сообщение, напоминая, чтобы первым делом в понедельник Джейн позвонила Клементине. Вскоре пришло второе сообщение, где Женевьева указывала, что нужно передать Клементине, с точностью до слова.

Эта женщина действительно бывала настоящей занозой.

— Джейн? — проговорила Наоми.

— Простите, — ответила та. — Одна назойливая клиентка все время звонит и пишет.

— Боже, — усмехнулась Наоми, — что ей нужно?

— Она хочет, чтобы я вызвала к ней домой медиума, которая сейчас, кажется, в Лагере Мира.

Сказав об этом, Джейн почувствовала себя глупо. Но Наоми ответила:

— Лагерь Мира? Всегда хотела туда съездить.

— Правда? — удивилась Джейн. — А я только этим летом узнала о существовании такого места.

Женевьева прислала еще одно сообщение.

— Я подъехала к дому брата, пора заканчивать. Удачи с вашей назойливой клиенткой. Давайте пообедаем в ближайшие дни.

— С удовольствием, — ответила Джейн.

9

Джейн поймала себя на мысли: ей очень любопытно, что скажет Клементина. И чем больше она об этом думала, тем сильнее разгоралось ее любопытство.

Она позвонила Клементине в половине десятого утра в понедельник и спросила, сможет ли та снова приехать в Авадапквит.

— Помните девочку, которая все время вмешивалась в наш сеанс? — спросила Джейн. — Она еще сказала, что ищет маму, и повторяла, что в Лейк-Гроув ее больше нет? Я познакомилась с одной женщиной, живущей в доме, который так и называется — Лейк-Гроув. К ее сыну приходит призрак, девочка, и тоже говорит, что ищет маму.

Джейн думала, что Клементина заинтересуется и скажет, что приедет немедленно.

Но та ответила, что не освободится до осени. Можно записаться на телефонный сеанс, но ближайшее окно в середине сентября.

— В Лагере Мира очень много дел, — сказала медиум. — Сезон в разгаре. А вы с подругой не

хотите приехать сюда? Через выходные у нас день открытых дверей. Любой может побывать здесь без предварительной записи. Будут демонстрации, лекции и все такое. Я постараюсь вас принять. А если не получится, найдете кого-нибудь еще.

Джейн по-прежнему не верила в призраков и духов, но, представив, что придется говорить с другим медиумом — не Клементиной, — почему-то ощутила разочарование.

Она позвонила Женевьеве и рассказала о предложении Клементины.

— Дорога до Лагеря Мира занимает три часа в одну сторону и еще двадцать минут на пароме, — сказала она. Женевьева молчала, и Джейн добавила: — Это слишком далеко.

Почему-то она расстроилась.

Но Женевьева ответила:

— Нет, вовсе не далеко! Я просто проверяла календарь. В тот день я свободна, Пол присмотрит за Бенджамином. Дорожное приключение, это же прекрасно! Заедешь за мной?

Тут Джейн спохватилась, но было уже поздно.

Она зашла на сайт Лагеря посмотреть, что это такое. Надпись на главной странице гласила:

Добро пожаловать в мир спиритуализма. Лагерь Мира расположен на идиллическом частном острове близ побережья Бар-Харбора. На острове запрещен любой транспорт. В Лагере Мира созданы все условия для прямого общения с Богом и миром духов. Наша религия очень индивидуальна. Каждый по-своему понимает веру. Однако нас объединяет общая система убеждений, главным из которых является вера в то, что со смертью физического тела сознание не прекращает свое существование. Душа лишь переходит в иное измерение. Женщинам Лагеря Мира выпала честь служить проводниками для общения с духами ваших близких. Никто не умирает окончательно.

Прочитав это описание, Джейн так и не поняла, чего ожидать от поездки на остров, зато ей стало еще больше не по себе.

Она позвонила Эллисон.

— Я все отменяю.

— Ну уж нет, — ответила та. — Мы едем.

— Серьезно? Ты сможешь вырваться?

— Ради этого — да. А ради тебя я готова даже

потерпеть и провести весь день в одной машине с Женевьевой. Запомни эту жертву.

— Чего не сделаешь ради любви, — ответила Джейн.

— Именно.

— За рулем, по-видимому, буду я. Женевьева так сказала.

— Естественно, — ответила Эллисон.

В шесть утра назначенного дня Джейн отвезла Уолтера к сестре. Она взяла собаку на руки, подошла к двери дома Холли и отперла дверь запасным ключом.

В доме было темно и тихо. Холли с Джейсоном любили поспать. Сначала Джейн написала и спросила, смогут ли они заехать в дом матери и выгулять Уолтера, пока ее не будет. Джейсон не любил лишних слов и прислал эмодзи: поднятый вверх большой палец. Холли не ответила. Тогда Джейн решила, что лучше привезти Уолтера к ним: еще забудут.

Она посадила собаку в коридоре, погладила по голове и закрыла за собой дверь.

Уолтер затявкал, не успела она сесть в машину. Джейн невольно улыбнулась, представив, как Холли окажется в том же положении, в каком она оказывалась почти каждое утро: станет за-

ложницей капризов безумного зверя размером с буханку хлеба.

Сначала Джейн заехала за Эллисон.

Через несколько минут они были у дома Женевьевы.

— Он выглядит совсем по-другому, — заметила Эллисон.

— Само собой. А внутри все белое.

Эллисон покачала головой:

— Бог ее накажет. Там же была такая красивая резьба по дереву.

Джейн надеялась, что Женевьева пригласит их в дом, чтобы Эллисон своими глазами увидела масштаб катастрофы. Но Женевьева ждала снаружи.

Она села в машину и с наигранной веселостью произнесла:

— С добрым утром!

С собой у нее были кексы в бумажном пакете из пекарни в Киттери-Пойнте, о которой Джейн ни разу не слышала. Она не отказалась от угощения и взяла черничный. Принялась отламывать по кусочкам, будто не рассчитывала съесть кекс целиком, но вскоре осталась лишь бумажная формочка. Тут же захотелось еще.

— Очень вкусно, — сказала она и повернулась

к Эллисон. — Попробуй.

— Спасибо, не хочу, — ответила та.

Джейн стало любопытно, действительно ли подруга не хочет кекс или просто не желает угождать Женевьеве.

Первый час ехали почти молча. Вместо разговоров слушали радио. Остановились выпить кофе. Когда кофеин подействовал, завязалась беседа.

Эллисон и Женевьева поговорили о воспитании мальчиков. Джейн внимательно слушала и старалась не думать о том, как болит душа. За последние годы материнство забрало у нее нескольких подруг. Не в буквальном смысле, конечно. Просто у женщин с детьми совсем не оставалось времени. И, по опыту Джейн, они предпочитали общество себе подобных.

Именно поэтому Джейн с Дэвидом так крепко дружили с Перл и Мелиссой. У них тоже не было детей.

— Ума не приложу, как ты справляешься, еще и с работой на полный день, — сказала Женевьева. — И вы всегда вместе.

— У нас дома настоящий зоопарк, поверь, просто гости этого не замечают, — ответила Эллисон.

— Крис очень вовлеченный папа, — продол-

жала Женевьева. — Жаль, что Пол не такой. Он совсем не умеет общаться с Бенджамином. Вот даже сегодня, в субботу, настоял, чтобы я пригласила няню. Могу на пальцах одной руки посчитать дни, когда они оставались наедине больше чем на час.

— И тебе не хочется его убить? — спросила Эллисон. — Как ты это терпишь?

— Он занят на работе, — ответила Женевьева. — Мне ли жаловаться.

— Жалуйся, — хором проговорили Эллисон и Джейн.

Но Женевьева сменила тему.

Джейн подумала о Дэвиде. Тот активно интересовался жизнью племянников и племянниц. Однажды Джейсон признался, что Дэвид ему как отец, которого у него никогда не было. Хотя отец у него имелся. Дэвид мог приехать в Мэн на важный хоккейный матч, а летом водил Джейсона на рыбалку. Они говорили по телефону, когда у Джейсона возникали конфликты в общении, и Дэвид всегда приводил истории из своего прошлого, чтобы Джейсон просто посмеялся над ними или понял, что не все так безнадежно, что в перспективе все не так уж важно.

Джейн казалось несправедливым, что Пол

легко стал отцом, хотя не ценил этого и не умел обращаться с детьми. А Дэвиду, который мог стать таким хорошим папой, так и не довелось этого сделать. Джейн считала себя в этом виноватой.

Она была рада отвлечься на свои мысли, но тут Эллисон спросила Женевьеву, являлся ли призрак снова.

— Кажется, нет, — ответила Женевьева. — Но Бенджамин играет в молчанку с тех пор, как рассказал о девочке при Поле — тот сорвался и велел ему не выдумывать.

— А почему он сорвался? — спросила Эллисон.

— Пол терпеть не может разговоры о потустороннем. Даже не знаю почему. Иногда мне кажется, что он в это не верит. А иногда — что верит и злится, что ничего не почувствовал до того, как мы купили дом.

— Я всегда знала, что в этом доме есть призраки, еще когда мы в школе учились, — заметила Эллисон. — А ты, Джейн?

— Э-э-э… нет. Что? Ты так всегда считала?

Господи, неужели все вокруг верят в призраков, кроме нее самой?

— Мне можешь не рассказывать, — обронила Женевьева и закрыла лицо ладонями.

Они прибыли к паромной переправе на два-

дцать минут раньше графика. Клементина просила предупредить, когда они будут на пароме. Джейн ей написала.

День выдался прекрасный. Было не слишком жарко, тепло и безветренно. На чистом голубом небе ярко светило солнце.

На паром выстроилась очередь примерно из полсотни человек. Джейн заметила, что мужчин среди толпы было всего трое. И двое из них явно сопровождали жен. Одной супружеской паре было около пятидесяти лет; они смотрели в телефоны. Другой — около восьмидесяти. Она вязала, а он смотрел на море в иллюминатор.

Третий мужчина был среднего возраста, в костюме. Он сидел один и читал «Таймс». Он выглядел настолько странно среди этой публики, что Джейн еле удержалась, чтобы не спросить, не перепутал ли он паромы.

Через пятнадцать минут паром подошел к острову.

На большой лужайке впереди высилось величественное старинное здание с бледно-желтыми стенами и широким крыльцом. Справа от пристани раскинулся небольшой пляж. В воде колыхались женщины с седыми волосами. Бухту оглашал их смех. На деревянном указателе была

надпись: «Добро пожаловать в Лагерь Мира».

На причале их ждала Клементина. Она была в фиолетовом, как и в предыдущую встречу. Дома у матери Джейн это казалось странным. Здесь же медиум напоминала королеву, плывущую над толпой.

Клементина обняла Джейн, как старую подругу.

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она. — Через десять минут у меня сеанс, и дальше все занято до двух часов. Но после этого смогу с вами поговорить. Приходите ко мне в бунгало.

Женевьева протянула руку и представилась.

— Я хозяйка дома, о котором говорила Джейн. Это у меня привидение, — сказала она. — Путь был долгий, надеюсь, вы удостоите нас индивидуальной аудиенции.

Джейн поморщилась. Какая же она нахалка. Думает, весь мир ей принадлежит.

— Боюсь, индивидуальные сеансы надо бронировать сильно заранее, я предупреждала об этом Джейн, — ответила Клементина. — Лучше делать это в сентябре. Я надеялась, что кто-то отменит прием, но увы. Приходите на демонстрацию в час. Там можно задать вопросы. К сожалению, ничего больше пообещать не могу.

— Но я думала, если мы приедем, вы найдете для нас окошко, — не унималась Женевьева.

— Увы, я могу проводить только определенное число сеансов в неделю, — сказала Клементина. — Моя энергия истощается.

— Мы понимаем, — вмешалась Джейн.

— Не волнуйся. — Клементина похлопала Женевьеву по плечу. — Вы сегодня многое увидите. Обязательно сходите на регрессию в прошлые жизни. Такое нельзя пропустить. Пойдем. Следуйте за мной.

Клементина провела их по усыпанной гравием дорожке мимо желтого дома с широким крыльцом.

Она сказала, что раньше, в период расцвета лагеря, здесь находился отель на сто двадцать пять номеров, но теперь здание используют главным образом как склад.

За старым отелем тянулась скалистая местность, поросшая травой. Вдалеке у океана виднелся шатер с тремя куполами. Рядом располагались около двадцати бунгало, окрашенных в пастельные оттенки и расставленных без какой-либо системы. Домики выглядели новыми и красивыми, в оконных ящиках росли цветы, а маленькие квадратные лужайки были украшены

всевозможным декором: ветряными колокольчиками, ловцами снов, фонтанчиками с розовыми кристаллами и статуями фей. В одном дворике Джейн заметила статую Девы Марии.

По тропинкам парами или по трое ходили женщины.

— Сегодня много народу, — сказала Джейн.

Клементина пожала плечами:

— Сто лет назад летом сюда приезжали несколько десятков тысяч человек. Паромы ходили каждый час с конца мая до начала сентября. А сейчас только два в день. Но мне ли жаловаться. Работы полно, не то что в других лагерях. Многие давно закрылись. Но ты права, в погожий день тут много народу. Нам только на руку. — Она взглянула на часы. — Мне пора. Увидимся в обед. Мой дом там.

Клементина указала на один из нарядных домиков. Темно-фиолетовый с белым штакетником по колено. Вдоль забора росли подсолнухи.

— Чуть не забыла, держите.

Она вручила каждой из них листок бумаги и ушла.

Джейн взглянула на листок. Это было расписание мероприятий. Она пробежала взглядом по пунктам:

Церемония со свечами
Ведущая: Флоренсия
Энергетическое очищение
(дежурный инструктор)
Регрессия в прошлые жизни
Ведущие: Эванджелина и специально приглашенный гость
Как говорить, чтобы духи-проводники слушали, и как слушать, чтобы духи-проводники говорили
(Групповая дискуссия у костра)

— Боже, — прошептала Эллисон, — как-то многовато для одного дня.

Джейн согласилась; все это казалось чрезвычайно странным. Она уже собиралась поинтересоваться у своих спутниц, не хотят ли те вернуться домой, но Эллисон добавила:

— Это потрясающе. Хочу попробовать все.

— А куда она обязательно советовала сходить? — спросила Женевьева.

— На регрессию в прошлые жизни, — ответила Эллисон и пробежала глазами листок. — К Эванджелине.

Джейн вспомнила, что Клементина уже о ней рассказывала. Эванджелина говорила, что роди-

тели и дети выбирают друг друга, а Клементина в прошлой жизни была замужем за своей матерью.

— Обрати внимание, какие у них имена. Ни одной тебе Дженнифер или Ким, — заметила Эллисон.

— Может, это псевдонимы. Как у стилистов, — сказала Женевьева.

До погружения в прошлые жизни оставался час, и они стали спорить, как его провести. Эллисон захотела посетить сеанс у ясновидящей художницы. Женевьева получила три сообщения от мужа. («Завтра приезжают гости, а он понятия не имеет, как готовиться», — сказала она.) Женевьева решила пройтись по пляжу, позвонить мужу и выдать четкие инструкции, какой сыр и крекеры купить, так как, видимо, сам он этого не знал.

Джейн выбрала лекцию о феминистской истории спиритуализма. В расписании говорилось, что лекция проводится в «ХХБ».

Она огляделась и заметила неподалеку приземистое белое строение, по виду отличавшееся от остальных. Это явно был не жилой дом. Джейн подошла и увидела над дверью вывеску: «Храм Хэтти Батлер».

Джейн зашла внутрь. Там оказалось темно и

прохладно, на полу из ламината стояли ряды складных стульев. Помещение совсем не напоминало храм. Впереди возвышалась небольшая приподнятая платформа, нечто вроде сцены или алтаря без всяких декоративных элементов. Там, в розовом кресле, сидела женщина примерно семидесяти лет с безупречной осанкой.

Джейн села на последний ряд. В зале было еще всего четыре человека, среди них ни одного мужчины.

— Садитесь ближе, я не кусаюсь, — сказала ведущая, обращаясь к ней.

Джейн виновато улыбнулась и пересела на несколько рядов вперед.

Женщина представилась, ее звали преподобная Кора. Поблагодарила присутствующих, что пришли, и начала лекцию.

Большинство людей, сказала она, считают первой публичной демонстрацией спиритического сеанса в Америке выступление сестер Фокс, девочек из бедной семьи, живших в Хайдсвилле, Нью-Йорк. Оно состоялось в 1849 году. По словам сестер, они слышали стук, источником которого был дух. Они называли его мистер Раздвоенная Нога. Дух якобы общался посредством этого стука, и сообщения могли расшифровать только

сестры. Люди съезжались со всей страны, чтобы понаблюдать за «расшифровкой».

— С этого все началось, — сказала преподобная Кора. — С тех пор мир уже перестал быть прежним.

Перестал быть прежним? Серьезно? Джейн никогда даже не слышала о сестрах Фокс.

Кора продолжила рассказ. Попечительница Лагеря Мира Хэтти М. Батлер, богатая леди из Бикон-Хилл, подарила остров Спиритуалистической церкви в 1887 году для проведения летних мероприятий.

— Хэтти общалась с духами, — сказала Кора. — Она проводила сеансы в своей гостиной на Пинкни-стрит, называясь средним именем — Мира. Как и многие спиритуалисты того времени, она была суфражисткой и аболиционисткой. На первой конференции по правам женщин в Сенека-Фоллз выступали представительницы спиритуалистического движения. Сейчас мы не видим в этом ничего особенного, а тогда публичные выступления для женщины были чем-то из ряда вон выходящим, даже невозможным. Во времена Хэтти публичные спиритические сеансы были одними из самых популярных мероприятий в Америке. Медиумами всегда были женщины,

и на каждом мероприятии высказывались идеи социальной справедливости и прав человека. В первые годы существования Лагеря Мира мы проводили ежегодный День женского избирательного права. К нам приезжали Элизабет Кейди Стэнтон и Сьюзан Браунелл Энтони[27].

Джейн открыла почту и написала сама себе письмо с заголовком «Связь медиумов/спиритуалистов и суфражисток/аболиционистов». Какая интересная тема для выставки в архиве! Она могла бы ее провести, если возьмут обратно на работу. А ведь Клементина говорила, мол, в Лагере Мира Джейн может найти много интересных материалов для исследования, а она тогда пропустила ее слова мимо ушей.

Кора долго рассказывала о Гражданской войне и о том, как та способствовала популярности медиумов.

— Горе охватило всю страну, — говорила она. — Всем хотелось связаться с погибшими близкими. Через десять лет после окончания войны более миллиона человек в США и Европе практиковали

[27] Примечания: 27

Элизабет Кейди Стэнтон (1815–1902) и Сьюзан Браунелл Энтони (1820–1906) — важнейшие фигуры первой волны феминизма и движения за женское избирательное право в США. Также выступали за отмену рабства.

спиритуализм. В Америке он стал второй по популярности религией. Нас до сих пор официально признают как религию, хотя наша численность, конечно, существенно сократилась. Веками мужчины у власти пытались дискредитировать нашу деятельность. Мы были и остаемся единственной религией, где главенствующие позиции занимают женщины. Естественно, патриархальное общество боится нас как огня.

Все в зале засмеялись.

— В постколониальной Америке нет других примеров религий, возглавляемых женщинами, кроме Энн Ли и шейкеров[28], — продолжала Кора. — Мне долго было интересно почему. Но потом я поняла. Мы, женщины, находимся в гармонии с природой. Менструальный цикл управляется фазами луны и приливами. Как луна и океан, в течение одного месяца женщина меняется два десятка раз. Разве мужчины так умеют? Они не понимают сути жизни. Мы вынашиваем детей и дарим им жизнь, а мужчины на родах падают в обморок. Поэтому они так одержимы внешними

[28] Примечания: 28

Энн Ли (Анна Ли, 1736–1784) — руководительница «Объединенного сообщества верующих во Второе пришествие Христа», христианской секты, получившей такое название из-за необузданных танцев (*shake* — трястись).

признаками успеха. И войной! Мужчины забирают жизни, чтобы ощутить малую толику той власти, которой обладаем мы, дарующие жизнь. Надо отдать им должное: они сумели убедить нас, что наша сила — на самом деле слабость. Материнство — самый радикальный подвиг на Земле, а мы превратили его в сахарную вату. Мать — есть ли в нашей культуре более беззубое, более невидимое создание?

Джейн задумалась об идее матери как радикального творца и тайной силе рождения детей, которую ей никогда не суждено было познать.

Регрессия в прошлые жизни тоже проходила в храме. Джейн осталась сидеть на том же месте и смотрела, как зал постепенно наполняется людьми, которые заходили через открытые двери.

Вскоре в помещении стало не протолкнуться. Видимо, регрессия в прошлые жизни интересовала публику намного больше, чем история спиритуализма с феминистской точки зрения. Джейн заняла два места слева от себя: на один стул поставила сумочку, на другой положила телефон.

Вошли мужчина и женщина и приблизились к кафедре. Они стояли и с авторитетным видом переговаривались. Мужчина был в костюме и

накрахмаленной бледно-голубой рубашке из плотного хлопка. Джейн его узнала: он был на пароме. Ехал сам по себе и читал газету. На острове, где заправляли женщины, это казалось невероятным. Джейн задумалась, какую роль он может играть. Бухгалтер ясновидящей?

Его спутнице на вид было чуть больше пятидесяти. Худая, волосы светлые и прямые, как у новой куклы Барби прямо из коробки. На ней была широкая летящая юбка и узкая черная майка, а все предплечья от запястья до локтя унизывали тонкие золотые браслеты.

Вошли Эллисон с Женевьевой. Джейн им помахала; они подошли и сели рядом. У Эллисон в руке была свернутая бумажка. Она развернула ее и показала карандашный набросок — старушка, пьющая чай.

— Смотри, Джейн, это мой дух-проводник Рита О'Ши, — сказала Эллисон.

— Привет, Рита, — поздоровалась Джейн, обращаясь к рисунку.

— Флоренсия просто волшебница, — продолжила Эллисон. — Она видит духов-проводников и может их нарисовать. Теперь, когда я ее увижу, точно буду знать, что это она.

— А ты знаешь Риту О'Ши? — спросила Джейн.

— Нет.

Джейн кивнула, еле удержавшись от смеха.

Мужчина и женщина присели на край платформы, свесив ноги. Они напоминали Джейн обаятельных преподавателей школьной театральной студии. Женщина сказала, что ее зовут Эванджелина, она живет на острове постоянно, обладает способностями медиума и проводит регрессию в прошлые жизни. Но прежде чем начнется сеанс, перед ними выступит специально приглашенный гость, доктор Джон Абрамс, глава Центра перцептивных исследований Виргинского университета.

Мужчина в костюме помахал. Зал зааплодировал.

Джейн совсем не рассчитывала встретить здесь ученого из университета. По словам Эванджелины, Центр перцептивных исследований работал при Виргинском университете с 1960-х годов. Его основатель, тогдашний глава факультета психиатрии, за свою карьеру записал устные свидетельства более трех тысяч маленьких детей, вспоминавших прошлые жизни. Абрамс был его учеником и сейчас занимал пост руководителя Центра.

Доктор Абрамс хвалебно отозвался о своем

предшественнике, первом ученом, применившем строгий научный подход к изучению прошлых жизней. Дети, с которыми он работал, обычно описывали воспоминания о жизни другого человека, приводя столь специфические детали — имена, даты, места, — что личность умершего человека можно было легко установить, а биографические подробности полностью совпадали.

— Он проводил исследования главным образом в азиатских странах, где люди верят в реинкарнацию, — сказал доктор Абрамс. — Если ребенок в западной культуре затевал разговор о прошлых жизнях, взрослые чаще всего считали, что он все придумал. Иногда детей за это даже наказывали.

Джейн взглянула на Женевьеву и вспомнила, как ее муж разозлился на бедного Бенджамина, когда тот заговорил о своей знакомой девочке-призраке.

— Но в последние годы, — продолжил доктор Абрамс, — мы видим явный сдвиг. В США и Европе появляется все больше таких детей. Возможно, родители стали терпимее, даже если происходящее не состыкуется с их убеждениями.

Джейн попыталась представить, как отреагировала бы ее мать или бабушка, скажи она, что в прошлой жизни была дояркой или танцовщицей

кабаре. Скорее всего, рассмеялись бы, произнесли молитву или отправили сидеть в комнате. Но точно не стали бы ничего выяснять.

Доктор Абрамс рассказал о мальчике из Оклахомы, которому не исполнилось еще и двух лет, как он начал говорить о Голливуде и родном Лос-Анджелесе, по которому скучал, о своей жене Аннабель и сыне Юджине. Он сказал, что его зовут Бенни Джексон и он не знает, как попал в дом в пригороде и почему живет с чужими людьми, ведь его дом в Беверли-Хиллз. Его родители исповедовали христианский фундаментализм, но мальчик оказался таким настойчивым и воспроизводил столь специфические подробности, что они просто не могли его игнорировать. Они поступили с точностью до наоборот — стали показывать ему всяческие материалы про старый Голливуд, надеясь выяснить, в чем дело. Однажды, листая книгу об истории американского кинематографа, ребенок показал на черно-белую фотографию, на которой был изображен Джимми Стюарт рядом с неизвестным и безымянным мужчиной.

— Вот Джимми, — сказал мальчик и, указав на второго мужчину, добавил: — А это я.

Родители постарались выяснить, кем был чело-

век на фотографии. Оказалось, его звали Беннетт Джексон. Это был малоизвестный актер, погибший в автомобильной аварии в 1949 году; ему тогда было тридцать лет, а его единственному сыну — семь. Этот мальчик, Юджин, по-прежнему был жив. Они привели к нему сына, и Юджин Джексон заплакал. Он не сомневался, что незнакомый пятилетний мальчик перед ним — его отец.

— Другой мальчик, — продолжал доктор Абрамс, — вспомнил, как умер в крушении самолета во Вторую мировую. Он тоже знал подробности, которых не мог знать никто другой: имена членов экипажа, тип самолета, на котором летел, название улицы в Морристауне, Нью-Джерси, где он вырос. Подобный опыт часто является очень травматичным для ребенка. Представьте: ребенок не понимает, где его семья, спрашивает, почему не может с ней увидеться. Хочет вернуть свою старую жизнь. Около семидесяти процентов детей с яркими воспоминаниями о прошлой жизни помнят, что умерли внезапной и насильственной смертью. Самоубийство, убийство, военное сражение, автокатастрофа. Все, что выходит за пределы понятия «естественный порядок вещей». А эти дети помнят все подроб-

ности. Нередко у них развиваются связанные фобии. Например, утонувший в прошлой жизни будет бояться воды.

Далее доктор Абрамс рассказал, что трехлетний мальчик из Таиланда сообщил родителям, что был учителем, которого застрелили, когда он ехал на работу на велосипеде. Он умолял, чтобы его отвезли домой, и назвал деревню, где по-прежнему жили его родственники. Бабушка мальчика отвезла его в эту деревню в пятидесяти километрах от нынешнего места жительства, и оказалось, что там на самом деле жила семья учителя, которого пять лет назад убили, когда он ехал на работу на велосипеде. Но самое странное, заметил доктор Абрамс, что у мальчика было два родимых пятна: маленький ровный кружок на затылке и большое бесформенное пятно на лице. И форма этих пятен полностью соответствовала входному и выходному отверстию от пули на теле убитого учителя.

Доктор Абрамс развернул экран проектора.

— Это не единственный случай, — сказал он. — У детей часто бывают родимые пятна или дефекты, соответствующие отметинам или ранениям, полученным при умирании в прошлой жизни.

Он показал несколько слайдов. Мальчик, родившийся без левого уха, помнил, как умер от выстрела в висок. Мальчик без пальцев на руках вспомнил, что в прошлой жизни гангстеры отрубили ему пальцы за то, что не смог выплатить долги.

Настало время для вопросов и ответов. Вперед выбилась женщина, оттеснив толпу.

— Но как вы это объясните? — спросила она. — Как это работает? Дочь родилась с гемангиомой в пол-лица. Хотите сказать, это осталось с прошлой жизни?

— Необязательно, — ответил доктор. — Что до первого вопроса, мы не знаем. Никто пока не смог выяснить, *как* это происходит, но доподлинно известно, что так бывает. Доказательства налицо. Наша работа, собственно, и заключается в том, чтобы понять, докопаться до сути.

Сколько же вокруг неизведанных миров! Джейн часто этому поражалась. Один человек мог быть одержим идеей и посвятить ей всю жизнь; другой не знал о ней ничего и не придавал ей значения.

Женевьева подняла руку. Робко, невысоко, будто не хотела никого беспокоить. Она заговорила почти шепотом. Ей явно приходилось делать над

собой усилие, чтобы говорить громче.

— А почему именно дети? — спросила она. — Почему они должны нести этот груз? Мой сын не помнит прошлую жизнь, но видит призрака. Они разговаривают.

Джейн напряглась; ей стало неловко, что они с Женевьевой приехали вместе. Но никто и не думал над ней смеяться. Да и с чего им смеяться. Они же в лагере медиумов. Джейн на минуту об этом забыла.

— Тут определенно есть связь, — сказал доктор Абрамс. — Механика точно не известна, но факт остается фактом: именно дети чаще сталкиваются с потусторонними явлениями, но, когда им исполняется шесть-семь лет, это постепенно сходит на нет. Мне всегда казалось, что причина «исчезновения» способностей — в давлении сверстников. Никто не хочет быть изгоем, поэтому они стараются забыть все, что знают.

Женевьева кивнула, хотя у нее был уязвленный вид. Наверно, из-за слова «изгой», решила Джейн. Доктор Абрамс продолжал:

— А еще примерно в то же время дети начинают забывать о раннем детстве.

Джейн повернулась и увидела, что Эллисон лихорадочно записывает за ним на обороте кон-

верта.

— Зачем ты конспектируешь? — шепотом спросила она.

Эллисон моргнула и повернулась к ней, будто очнувшись от транса.

— Понятия не имею, — ответила она.

— Спроси Риту О'Ши, — посоветовала Джейн. — Она должна знать то, чего не знаем мы.

Эллисон показала ей язык.

— Наши исследования позволили нам сделать вывод, что мозг и сознание — не всегда одно и то же, — продолжал доктор Абрамс. — И нам еще много предстоит узнать о сознании. Вот, например, Эванджелина. Медиум работает в измененном состоянии сознания. Как она настраивается на частоты, которые большинство из нас не могут почувствовать? Эванджелина, пожалуй, пора мне заканчивать и вам начинать гипноз. Ведь наши зрители пришли сюда за этим.

— Я предпочитаю называть это медитацией. Вам это известно, доктор Абрамс, — дразнящим тоном произнесла она и коснулась его плеча.

Джейн с Эллисон переглянулись и одновременно подумали: «Да у них роман».

— Мой друг Джон не верит в погружение в прошлые жизни, — сказала Эванджелина. — Он

считает, что воспоминания о прошлых жизнях реальны лишь в том случае, если человек находится в полном сознании и не ищет их специально. Но есть научные подтверждения, что медитация и осознанность усиливают способности к предвидению и ясновидению. В этом Джон со мной согласен. Верно, Джон?

Он кивнул.

— С кем-то из вас бывало такое, что вы медитировали и слышали голос, который не ожидали услышать? — спросила Эванджелина. — А может, прогуливались в лесу и увидели призрак близкого человека?

Половина присутствующих подняли руки. Джейн усомнилась, что они говорят правду. Но потом Эванджелина спросила:

— А дежавю? Кто из вас испытывал дежавю?

Тут даже Джейн вынуждена была признать, что это неоднократно с ней случалось. Ускользающее чувство, подобное сну, частично забытому при пробуждении. Назойливое ощущение, что происходящее в данный момент уже происходило раньше.

Эванджелина продолжала:

— У нас с Джоном совершенно разная система убеждений, но в одном мы сходимся: после

смерти физического тела с энергетической точки зрения человек не умирает. Сегодня мы попытаемся погрузиться в прошлые жизни. Этот процесс может многое прояснить, взволновать и даже напугать. Но я надеюсь, что он прежде всего принесет исцеление. Многие лица я сегодня вижу впервые. А кого-то уже узнаю. Фрида, рада видеть тебя снова. Памела. Ты уже профессионал. Сколько раз ты проходила регрессию? Десять? Хочешь поделиться своей историей?

Встала женщина в очках с короткой стрижкой, лет шестидесяти пяти. Она явно обрадовалась, что ее выделили. Неужели она десять раз погружалась в прошлые жизни? Джейн догадывалась, что пристраститься можно к чему угодно, но не до такой же степени.

— В моем сердце всегда было много гнева, — сказала Памела задумчиво и уверенно, будто давала интервью самой Опре. — Особенно по отношению к матери. Я старшая из четырех дочерей. Мать меня никогда не любила. С самого рождения. Всю свою жизнь мне казалось, что этому должно быть какое-то объяснение. Но я не знала, как это объяснить, пока не прошла регрессию и не узнала, что в прошлой жизни мы с матерью были братьями. В прошлой жизни

я убила своего брата и взяла в жены его вдову. Преступление сошло мне с рук. Никто ничего не узнал. Неудивительно, что мать ненавидела меня всем сердцем.

Джейн боялась, что, если повернется к Эллисон, они обе прыснут со смеху.

— Я пятнадцать лет была в психотерапии, но один сеанс регрессии сразу прояснил причину моих отношений с матерью, — призналась Памела.

Эванджелина кивнула, словно такие признания для нее — это обычное дело. Хотя, пожалуй, так и было.

Джейн задумалась о собственной матери. Может, Джейн тоже убила ее в прошлой жизни? И это все объясняет?

— Воздействие может быть очень глубоким, — сказала Эванджелина, — а эффект незамедлительным.

Как выяснилось, сама Эванджелина в прошлых жизнях была одной из Ротшильдов, немецким педиатром, прятавшим в своем доме евреев во время холокоста, и пилотом, который в двадцать один год разбил самолет, где летели Ричи Валенс,

Бадди Холли и Биг Боппер[29].

Джейн задумалась, почему лекция доктора Абрамса показалась ей убедительной, а то, что говорила Эванджелина, — полным бредом. Ведь их истории не так уж сильно отличались. Возможно ли, что она запрограммирована больше верить мужчине, который называет себя доктором, чем женщине, представляющейся медиумом? Ну разумеется. Причина была именно в этом.

— Вера в реинкарнацию стара, как само человечество, — сообщила Эванджелина. — Индуисты, буддисты, коренные американцы тысячелетиями верили в переселение душ. Большинство современных американцев только сейчас начали допускать, что такая возможность существует, но человек всегда с неохотой признает очевидное. Тридцать три процента взрослых американцев верят в реинкарнацию. Тридцать восемь процентов женщин и двадцать семь процентов мужчин. Входите ли вы в их число?

Кое-кто из присутствующих усиленно закивал.

— Даже если вам кажется, что вы не верите, или вы все еще сомневаетесь, сегодня я попрошу вас

---

[29] Примечания: 29

Американские музыканты, первопроходцы рок-н-ролла; погибли в одной авиакатастрофе 3 февраля 1959 года. В США этот день называют «днем, когда умерла музыка».

сохранять открытость ко всему, что произойдет.

Эванджелина встала и подошла к двери. Выключила свет и вернулась на возвышение.

— А сейчас примите максимально удобное положение. Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов. Закройте глаза и попытайтесь расслабить тело от макушки до стоп. Почувствуйте, как голова наполняется теплым золотистым светом. Представьте, что свет стекает в шею, плечи и льется по рукам до самых кончиков пальцев.

Джейн ощутила внутреннее сопротивление, но затем позволила мягкому и успокаивающему голосу Эванджелины ввести себя в транс. Ее плечи опустились. Голова запрокинулась.

Когда она расслабилась и выровняла дыхание, а в теле образовалась свобода и легкость, Эванджелина попросила их вызвать в памяти воспоминание из детства. Первое, что придет в голову.

Джейн вспомнила, как сидела на кухне бабушкиного дома. Ей было пять или шесть лет, на блюдце лежали несколько печений с шоколадной крошкой. Она не могла уснуть. Бабушка разрешила пойти и перекусить, хотя было уже поздно. Тот момент казался волшебным. Джейн совсем о нем забыла.

— Теперь перенеситесь дальше во времени, в утробу матери, — продолжала Эванджелина. — Какие звуки вас окружают? Что вы видите?

Джейн увидела, что ее окружает красный цвет, а она сама лежит, свернувшись калачиком. Ее мать ощущала страх. Он передался плоду.

— Сейчас вы родитесь, — сказала Эванджелина.

Яркий свет, матери разрезают живот, врач с темными кудрявыми волосами в бледно-голубой больничной форме достает Джейн из живота. Но это не было воспоминанием. Это напоминало картинку родов, как ее показывали по телевизору. Однако Джейн казалось, что она прожила это, а не просто увидела.

Она подумала: когда в следующий раз увидит мать, надо будет спросить ее, как выглядел врач, принимавший роды. Потом вспомнила, что мать умерла и она уже никогда не сможет ее ни о чем спросить. Разве что общение с покойными действительно возможно… но Джейн в это не верила.

Эванджелина велела им представить красивую дверь. Вообразить, как они открывают эту дверь и видят за ней яркий ослепительный свет.

— Пройдите через этот свет. За ним вы найдете

прежнего себя.

Джейн представила ярко-голубую дверь высокого дома с белыми оштукатуренными стенами. Открыла ее, прищурилась от яркого света и зашагала вперед.

Поначалу она ничего перед собой не видела. Но потом перед глазами возникла картина: девочка-подросток в старомодном платье и мальчик того же возраста на изумрудно-зеленом пригорке, как с рекламы туров в Ирландию. Ей даже показалось, что фоном играет группа «Крэнберриз».

Кто эта девочка? Ее прабабушка? Или прабабушка ее прабабушки?

— Вы уже в теле? — спросила Эванджелина. — Что это за тело? Осмотрите свою одежду. Что вы видите? На ногах сандалии? Вы завернуты в меховую шкуру? Звериные кожи? Рядом кто-то есть?

Джейн посмотрела на свои ноги и увидела двухцветные кожаные ботинки. Их еще называли «оксфордскими». Разве это соответствовало историческому периоду, в который она попала? Перед уходом из архива она работала с документами двух ирландских сестер, эмигрировавших в Бостон в 1910 году. Видимо, ее мозг просто позаимствовал эту информацию.

Джейн ощутила разочарование и потеряла

нить. Эванджелина велела присутствующим представить смерть человека, в чье тело они перенеслись. Джейн сидела с закрытыми глазами, но ничего не представляла.

Прошел час, и Эванджелина включила свет.

— Что вы видели? — взволнованно спросила Женевьева.

— Неважно, — ответила Эллисон.

— Я была викингом, — сообщила Женевьева. — На мне были доспехи. Я чувствовала себя такой бесстрашной!

Эллисон удивленно вскинула брови.

— Представляю тебя в этой роли, — кивнула Джейн. — А ты что увидела, Эл?

Эллисон покачала головой.

— Да ладно, расскажи.

— Хорошо, — выдохнула Эллисон. — Я видела Лизль.

— Кого?

— Лизль. И нацистского почтальона. В беседке под дождем.

— Из «Звуков музыки»[30], — догадалась Же-

---

[30] Примечания: 30

Герои мюзикла «Звуки музыки», действие которого происходит в Вене накануне Второй мировой войны. По сюжету, Лизль и почтальон Рольф влюблены и в один из вечеров укрываются в беседке от дождя и танцуют.

невьева.

Эллисон смущенно кивнула.

— А я, кажется, видела свою ирландскую прабабушку на зеленом холме, вот только в какой-то странной обуви, — ответила Джейн. — Как видите, мое воображение тоже плохо работает, если вас это утешит.

— Утешит, — ответила Эллисон.

Обед накрыли в дальней части острова в белом шатре из парусины, который они видели с причала.

— Похоже на летнюю свадьбу, а в последнее время я посетила их немало, — заметила Женевьева. — Шатры уже всем надоели. Как и банкетные стулья «Кьявари».

— Да, — кивнула Джейн, хотя понятия не имела, о чем говорит Женевьева. Ей понравился шатер. Как в старом цирке шапито.

Внутри стояли складные столы и стулья. Женщины продавали сэндвичи, газировку, домашние пироги и печенье.

Джейн и остальные быстро поели и принялись ждать. В час здесь была назначена публичная демонстрация. Клементина сказала, что на демонстрации они смогут получить ответы на свои вопросы.

Без десяти час в шатер набилась толпа. Люди стояли плечом к плечу; не осталось ни одного свободного стула. Царила атмосфера нервного предвкушения.

Через пять минут пришла медиум. Дожевывая зерновой батончик, она с набитым ртом произнесла:

— Вот это толпа!

Она говорила с бойким британским акцентом. У нее были детские черты лица, длинные прямые каштановые волосы и густая челка ниже бровей. На вид ей можно было дать пятнадцать, двадцать или двадцать восемь. С такой внешностью возраст не поддавался определению.

— Кто не знает, меня зовут Камилла, — представилась она. — Я медиум, ясновидящая, целитель Рейки. Осознала свой дар, когда училась в старших классах. Знаю, это клише, но все началось, когда мы с подружками гадали на спиритической доске.

Джейн и Эллисон переглянулись. Спиритическая доска. Любимая игра школьных девичников. Они тоже в нее играли, надеясь получить ответ на величайшие вопросы мироздания, например узнать, влюблен ли в них Мэтт Митчелл.

— А еще я телепат, — продолжала Камилла. —

Вы можете подумать, что так бывает только в кино. На самом деле, возможно, вы тоже обладаете телепатическими способностями. Например, матери часто умеют читать мысли детей. Вскакивают за секунду до того, как младенец заплачет или ребенок постарше упадет и ударится. Даже взрослые дети, живущие далеко от матерей, часто сообщают, что те позвонили им в самый кризисный момент.

Тут она посмотрела прямо на Эллисон и Джейн.

— Вы обе сейчас улыбнулись. С вами такое бывало?

— Да, — хором ответили они.

Много лет у них было что-то вроде кармической связи. Дэвид это так называл. Джейн брала телефон, чтобы написать Эллисон, и в тот же момент Эллисон присылала сообщение. А когда они находились в одной комнате, так часто говорили хором в точности одно и то же, что, наверно, смогли бы общаться и без слов.

— Вы мать и дочь? — спросила их Камилла.

Что? И кто чья мать, по ее мнению? Они с Эллисон родились в один год с разницей в два месяца. Возможно, Камилла не могла определить их возраст подобно тому, как Джейн не могла

определить, сколько лет ей.

— Лучшие подруги, — ответила Эллисон.

Камилла кивнула, будто с самого начала это знала.

— Да. У супружеских пар тоже иногда так бывает. У братьев и сестер. Особенно близнецов.

— Вот это поворот, — прошептала Женевьева.

Джейн и Эллисон рассмеялись, пожалуй, слишком громко. Джейн и не думала, что Женевьева умеет шутить.

— Хорошо, давайте начнем, — сказала Камилла. — Очень много голосов хотят пробиться. Сегодня у нас аншлаг.

Она начала ходить взад-вперед, а потом произнесла:

— Женщина хочет поговорить. Ей шестьдесят пять, может быть, семьдесят лет, умерла от сердечного приступа. Кому это о чем-то говорит?

Десять человек подняли руки.

— Она говорит, что родилась в Мэне и прожила тут всю жизнь. Жила на озере, и у нее было трое детей.

Все руки опустились, кроме одной. Тучная женщина лет сорока пяти с редеющими волосами. Камилла подошла к ней.

— Она передает, что любит вас и прощает.

Женщина громко вздохнула, почти что застонала.

— Еще она говорит, что вы пересаливаете пищу, поэтому вашим детям не нравится, как вы готовите. Они вовсе не капризничают. Просто еда пересолена.

Не дав женщине ответить, Камилла направилась в другой конец шатра.

— Сообщение от ребенка родителям, — проговорила она.

Джейн заметила пожилую пару с парома: их лица засветились, они будто знали, что Камилла обратится к ним.

Но та прошла мимо и остановилась у другого столика, за которым сидела другая пара.

— Еще раз здравствуйте, — сказала она. — Можно к вам подойти?

— Да, — ответила женщина.

— Я рада, что вы привезли мужа. Сын хочет, чтобы вы оба залечили раны. Просит сообщить, что это не было самоубийство. Это был несчастный случай. Он не хотел умирать.

Мужчина расплакался. Его лицо побагровело от рыданий.

Жена вытерла слезы.

— Спасибо, — пробормотала она. — Спасибо.

Камилла спросила:

— Он вам тоже снится, сэр?

Мужчина кивнул.

— Он просит передать, что это не сны. Он нарочно к вам приходит.

Услышав это, мужчина уронил голову на руки и зашелся безутешными рыданиями.

В течение сегодняшнего дня Джейн не раз была готова поверить в происходящее. Но сейчас у нее шерсть встала дыбом. Слишком много здесь было страдающих людей. Казалось, Камилла попросту эксплуатировала их боль. Сказать женщине, что ее покойная мать считает, что она пересаливает пищу, — еще куда ни шло. Странно, но допустим. Но говорить отцу, что его сын на самом деле не покончил с собой? Так нельзя.

Камилла еще много всего передала находившимся в зале людям. Одна женщина получила весточку от жениха, погибшего в автокатастрофе. Свое слово сказали покойные родители, бабушки и дедушки и даже собака. («Она просит передать: ты не виновата, что его сбил грузовик».)

А потом Камилла произнесла:

— Мне надо предупредить кого-то, кто сейчас разводится.

Щеки Джейн вспыхнули, но она не подняла

руку. Никто другой тоже не поднял.

Не может быть, что это она. Они не разводятся. Пока еще нет.

Джейн охватила уверенность, что Камилла сейчас покажет на нее, будто медиум знает, что это она. Тогда Джейн получит ответы на все вопросы. И на главный вопрос — о Дэвиде.

Камилла нетерпеливо воскликнула:

— Послушайте, я знаю, что вы здесь и не поднимаете руку. Вы можете подойти ко мне после демонстрации и поговорить один на один. Это важно.

Ни за какие коврижки Джейн не пойдет к Камилле сейчас или потом и не признается, что ее браку конец. Хотя ей очень хотелось выяснить, что хотела ей сказать Камилла.

— Ладно, — продолжила Камилла. — Кто-то из вас потерял ребенка.

Вверх взмыли десятки рук. Джейн даже сразу сосчитать не могла.

Пожилая дама с парома тоже подняла руку.

— Речь не о выкидыше, — уточнила Камилла. — Ребенок успел родиться. Ему было около года.

Почти все опустили руки. Кроме пожилой женщины.

Камилла устремилась к ней.

— Можно к вам подойти?

— Да, дорогая, — ответила та.

— Вы потеряли маленькую девочку, — сказала медиум. Женщина кивнула.

Как Камилла это узнала? Или просто назвала наугад и попала в точку, ведь шансы были пятьдесят на пятьдесят?

— Она присылает вам знаки, — продолжала Камилла. — Вы их замечаете? Она оставляет повсюду монетки, отчеканенные в год ее рождения.

Джейн стало любопытно, как годовалый ребенок мог это сказать и тем более определить год чеканки монеты. Она полагала, что всякому человеку это покажется абсурдом. Такого просто быть не могло.

Но женщина и ее муж закивали.

— Знайте, это она, — сказала Камилла. — Это ваша девочка.

Наверняка было какое-то объяснение, почему им везде попадались монетки. Ошибка подтверждения[31] или что-то в этом роде.

Пожилые супруги заплакали, сотрясаясь рыданиями. Джейн поразилась, как свежа их боль.

---

[31] Примечания: 31

Когнитивное искажение, склонность человека искать подтверждение своей точке зрения.

Ведь прошло столько времени, а они по-прежнему горевали. До конца своих дней они будут представлять, какой могла бы стать их жизнь, если бы дочка не умерла. Им казалось, что ребенок продолжает жить рядом с ними. Но ведь так они никогда не смогут отгоревать его смерть.

Камилла обратилась ко всему залу:

— Близкие всегда оставляют знаки и талисманы. Нужно быть внимательнее и замечать их. Это может быть важная дата или значимая для вас цифра, например адрес, который все время попадается на глаза. Возможно, вы вдруг почувствуете знакомый запах духов. Или увидите любимый цветок близкого человека даже не в сезон или в неожиданных местах. Таким образом близкие сообщают, что они рядом. Моя бабушка оставляет мне ракушки. Однажды я нашла ракушку на тротуаре в Коламбусе, Огайо, в середине снежной зимы.

Ширли любила колибри. Теперь Джейн видела их постоянно, когда оставалась одна во дворе. Колибри напоминали ей о матери. Может, просто поверить, что это мать шлет знаки?

Мысль об этом успокаивала, но казалась такой же невероятной, как рай в представлении бабушки: место, где старые друзья могли воссо-

единиться и играть в гольф на облаках. Джейн никогда в это не верила, даже в детстве. Так почему сейчас вдруг начала сомневаться, верить или нет? Наверно, атеистке было проще поверить в существование загробной жизни, не имевшей к Богу никакого отношения. В этой загробной жизни люди продолжали быть кем-то вроде себя.

Камилла предупредила, что до конца демонстрации всего несколько минут. И спросила, есть ли у кого-то действительно важный вопрос. Важный вопрос нашелся у каждого.

Но вопрос задали Женевьеве.

— Я хотела бы поговорить с Элизой, — сказала та. — Спросите, она до сих пор в моем доме?

— Здесь есть Элиза, — подтвердила Камилла. — Да, она здесь. Она охраняет ваш дом. Она была вашей… бабушкой?

— Нет, — ответила Женевьева. — Мы не родственники.

— Ясно. Но Элиза говорит, что вы были родственниками. Давно, в другой жизни.

«Как удобно», — подумала Джейн.

Женевьева замялась, а потом спросила:

— Она сердится на меня? Хочет, чтобы я уехала?

Джейн посмотрела на нее. С какой стати Женевьева вбила себе в голову, что давно умершая служанка на нее сердится? И почему так уверена, что Бенджамин видел призрак Элизы?

— Ответы на эти вопросы пока не открылись мне, — проговорила Камилла.

Джейн вспомнила магический шар судьбы[32] и ответ, который в детстве бесил ее больше всего: «Спроси позже».

— А знает ли Элиза про Д? — спросила Женевьева. — Они как-то связаны?

Камилла закрыла глаза и сосредоточилась.

— Д не подает голос. Я чувствую вокруг Д много темной энергии. Элиза пытается помочь, но ничего не получается.

Джейн заметила: Камилла не только не назвала полного имени Д, но и не использовала личного местоимения, указывающего на пол. Теперь Джейн почти не сомневалась, что Камилла мошенница.

Женевьева, кажется, собиралась спросить о чем-то еще, но тут Камилла произнесла:

— Женщина рядом с вами — как вас зовут?

---

[32] Примечания: 32

Детская игрушка, шар с 20 вариантами ответов на поставленный вопрос от «бесспорно» до «весьма сомнительно» и «пока не ясно, попробуй позже».

— Эллисон, — дрогнувшим голосом ответила Эллисон.

— Вы так много на себя берете, дорогая. Все ждут, что вы о них позаботитесь. А ваши собственные потребности — кому-нибудь до них есть дело? Кто-нибудь интересуется, чего хотите вы?

Джейн подумала, что любая женщина в мире могла бы принять эти слова на свой счет. Это были просто общие фразы. Банальность.

Но Эллисон разрыдалась.

— Спасибо, — выпалила она, глядя на Камиллу как на пророка.

Они молча шли к коттеджу Клементины, ошеломленные сегодняшними впечатлениями.

Та велела им прийти в два и уже стояла на пороге.

Внутри дом Клементины напоминал каюту корабля. Деревянные балки, кроваво-красный старинный ковер. Книжные полки были выкрашены в тот же темно-синий цвет, что и стены, и уставлены томами в твердых обложках, кристаллами и всевозможными безделушками: снежными шарами, статуэтками Будды и кукольной мебелью. В углу работал телевизор: показывали телевикторину.

Клементина зашла на маленькую кухню и че-

рез минуту вышла с подносом, на котором стояли четыре чашки чая.

На оттоманке лежала серая кошка. Клементина подхватила ее, поставила поднос на стол и села на диван, держа кошку под мышкой, как футбольный мяч.

— Расскажите, как прошел день, — сказала она. — Как вам лагерь?

— Я даже предположить не могла, что у этого места такая интересная история. Я в восторге, — ответила Джейн.

— Вот видите! А как вам выступление доктора Абрамса?

— Невероятно, — ответила Эллисон.

— Да, невероятно, — согласилась Джейн. — Некоторые истории просто…

Она не знала, каким словом их охарактеризовать.

— Рада, что вам довелось его услышать. Блестящий ученый. Хорошо, что Эванджелина уговорила его сюда приехать.

— Странная парочка, да? — Лишь произнеся эти слова, Джейн заметила в своем голосе осуждение.

— Они давно дружат, — сказала Клементина. — И ходили в один колледж. Эванджелина

много лет преподавала в Калифорнийском университете Санта-Крус на факультете истории философии. Наука и духовность связаны намного теснее, чем многим кажется, Джейн. — Деликатно пожурив ее, Клементина сменила тему. — А как вам публичная демонстрация? — спросила она. — Понравилось? Только честно.

— Не знаю, — ответила Джейн. — Мне не хватило конкретики. Медиум говорила такими общими словами… Любой мог воспринять их на свой счет.

— Но она же догадалась, что ребенок той пары оставлял им мелкие монетки, — вставила Эллисон. — Монетки! Подумать только.

— А еще она решила, что мы с тобой мать и дочь, — сказала Джейн.

Эллисон рассмеялась.

— Спишем это на плохое зрение.

— Не знаю, мне все это показалось слишком похожим на манипуляцию, — заметила Джейн.

— Почему? — спросила Клементина.

— Возможно, я просто не предполагала, что столько людей приезжают сюда унять горе.

Повисла тишина. Джейн не знала, о чем думали другие, но догадывалась, что о ней. Чем-то она их ненароком оскорбила.

— Горе — неотъемлемая часть человеческой жизни, — сказала Клементина. — И каждый справляется с ним по-своему. Это один из способов. Общение с духами многих успокаивает.

— Простите, — сказала Джейн, — наверно, я просто циник. Ничего не могу с собой поделать.

— Это нормально. Мы не считаем своей задачей никого ни в чем убеждать. Это глупая и никчемная трата времени, — объяснила Клементина. — Медиум никогда не попадает в точку на сто процентов. Это невозможно.

Джейн ощутила укол в груди, вспомнив, как Клементина предсказала, что она ждет ребенка. Как Джейн тогда обрадовалась и какой дурой себя чувствовала, когда выяснилось, что это неправда.

— Задумайтесь, ведь даже общаясь с живыми, сложно добиться полного взаимопонимания, — продолжила Клементина. — А уж с мертвыми и подавно. Контакт между двумя мирами похож на телефонный разговор. На том конце должны ответить, иначе ты просто говоришь в пустоту и тебя никто не слышит. Или ты слышишь голос, которого на самом деле нет.

— Ясно, — кивнула Джейн.

— А еще у медиумов бывают неудачные дни,

как у всех, — добавила Клементина. — Уставший медиум работает вполсилы, а в возрасте Камиллы… сами знаете. Молодые люди вечно устают, от чего — непонятно. У меня дети ее возраста. Спят по одиннадцать часов в день, потом звонят мне и жалуются на усталость. Я просто не понимаю.

— А сколько у вас детей? — спросила Эллисон.

— Двое.

— И как они относятся… ко всему этому?

— Дочь ясновидящая, но не пользуется своими способностями. Они ее пугают, — сказала Клементина. — А сын просто считает меня чудачкой. Но благодаря моим чудачествам у него есть крыша над головой и еда на столе. Это нельзя отрицать. Хотя своим друзьям он, кажется, говорит, что я специалист по зубной гигиене.

Эллисон и Женевьева рассмеялись, а Джейн стало стыдно: в школе и колледже она тоже часто врала, когда ее спрашивали, кем работает ее мать.

— Я в одиночку воспитала детей и поставила их на ноги, — объяснила Клементина. — Я не преувеличиваю. Их бездельник-папаша ушел и знать их не хотел.

— Мама Джейн тоже растила ее в одиночку, — сказала Эллисон. — И отец у нее был такой же.

Бездельник.

Клементина покосилась на Джейн. Наверно, проверяла, не обидело ли ее замечание Эллисон. Но Джейн не обижалась. На правду не обижаются. К тому же она считала Эллисон членом семьи — та могла как угодно отзываться о ее родственниках.

— И мой отец был таким же, — сказала Женевьева.

Она впервые подала голос с тех пор, как они пришли.

— Когда мне было два года, он сбежал с молоденькой девушкой, двоюродной сестрой моей матери, — призналась Женевьева. — Эта девушка только что окончила колледж. Через год они поженились, поехали в свадебное путешествие, и в квартире, которую сняли, произошла утечка угарного газа. Они умерли во сне.

— Какой ужас. Сочувствую, — сказала Эллисон.

Женевьева пожала плечами.

— Я отца совсем не помню, — ответила она. — Он не помогал матери после того, как ушел от нас. Ни разу не заглянул со мной повидаться. Мы от него ни цента не получили. А когда он умер, его родственники притворились, будто нас не существует. Мне кажется, они даже винили мою

мать, что та познакомила его со второй женой.

Джейн вспомнила бабушкину историю: когда она овдовела в очень молодом возрасте, родственники мужа тоже начали ее игнорировать. Подумала Джейн и о собственной матери: ей всегда казалось, что они с Холли появились у той сами собой, без участия мужчины, ведь присутствие отца в их жизни совсем не ощущалось. Порой Джейн даже задумывалась, знала ли их мать, от кого они, и один ли у них отец. Она никогда никому не говорила об этих сомнениях, кроме Дэвида.

— Жаль твою маму, — сказала она Женевьеве, чтобы прогнать свои мысли.

— Сколько ее помню, она всегда была нервной, — ответила та. — Она до сих пор такая. Вечно живет в ожидании катастрофы. Иногда мне кажется, что она стала такой, потому что он умер. Но потом понимаю, что это не так. Вот если бы он нас не бросил, она была бы другой.

Клементина кивнула.

— Она не вышла замуж второй раз?

— Нет. Случившееся с отцом навсегда отбило у нее желание иметь дело с мужчинами. Но у нее была идея фикс, что я должна удачно выйти замуж. Когда муж сделал мне предложение, мать,

считай, волоком потащила меня к алтарю. Она всегда напоминала мне героинь романов Джейн Остин. У нас был потрясающий дом, но не было средств поддерживать его в порядке. Потолки протекали, краска везде облезла. У матери было много красивой одежды, три сумочки «Шанель». Все это осталось с тех времен, когда она была замужем. Но на новую одежду уже не хватало. Мы были одновременно бедными и богатыми.

Джейн хотела спросить, почему мать Женевьевы не продала дорогой дом и сумки и не купила более скромную квартиру. А оставшиеся деньги можно было положить в банк.

— Не понимаю, как можно бросить ребенка, — сказала Эллисон.

— Я тоже, — ответила Женевьева. — После рождения Бенджамина я все время об этом думаю.

— Раз вы заговорили о сыне, — вмешалась Клементина, — удалось прояснить, что происходит у вас дома?

— Не совсем, — ответила Женевьева. — Хотя Камилла сказала, что с ней разговаривала покойница, которая, как я подозреваю, до сих пор находится в нашем доме. Элиза. И ее послушать, эта Элиза безобидная. Но мне все равно страшно. Вряд ли мы останемся в этом доме, если ее дух

не уйдет.

— Не стоит бояться мертвых, — успокоила Клементина. — Живые куда опаснее. — Она вздохнула. — Знаю, что не обещала вам сеанс, но давайте попробуем соединиться.

Клементина закрыла глаза. Джейн и прочие взволнованно переглянулись.

Открыв глаза, Клементина произнесла:

— Думаю, Камилла была прав. Первая женщина, которая жила в этом доме, очень страдала, когда у нее отняли мужа. Я ее вижу. Она застряла там.

Джейн вспомнила, что сказала Мэрилин Мартинсон. Всех женщин Лейк-Гроув ждало одиночество.

— Я вижу лодку, отплывающую от берега, и эту бедную женщину, которая смотрит ей вслед. Ее сердце разбито, — продолжала Клементина.

— Не отплывающую от берега, а плывущую *к берегу*, — поправила ее Джейн.

— Что? — спросила Клементина. Она будто обиделась, что ее исправили.

— Сэмюэль Литтлтон погиб во время кораблекрушения по пути домой, — пояснила Джейн. — Но, как вы сказали, корабль просматривался с берега. Все произошло на глазах у его жены Хан-

ны. Потрясающе, что вы это видите.

Клементина кивнула:

— Жена осталась одна. Тогда она носила первенца. Бог знает, какое горе ей пришлось пережить.

— Значит, твой призрак — Ханна, а не Элиза, — сказала Джейн Женевьеве. Правда, Ханна не носила первенца, когда умер Сэмюэль. У нее уже было двое детей.

— А вы не знаете, почему Ханна нам является? — спросила Женевьева.

— Женщина, которую я вижу, попала в ловушку, — сказала Клементина. — Что-то мешает ей перейти в другое измерение. Пока этого не произойдет, она будет вам досаждать. Но странно, что она общается с Бенджамином. Духи, застрявшие на земле, обычно разыгрывают ситуации, которые мешают им переместиться. Они не нуждаются во взаимодействии с живыми людьми. И не знают, что умерли.

— Это привидение активно взаимодействует, — заметила Женевьева.

— Может, там два привидения? — предположила Эллисон.

Женевьева покачала головой:

— Нет, только одно.

Она ответила так уверенно, что Джейн чуть

не рассмеялась. Можно подумать, речь шла о фактах.

— Мы живем в Новой Англии, — заметила Клементина. — В здешних домах почти всегда несколько привидений.

— И как мне ее прогнать? — спросила Женевьева голосом капризного ребенка.

— На вашем месте я бы вызвала кого-нибудь провести церемонию спасения души, — сказала Клементина, будто речь шла о чистке водосточных желобов. — Иногда душе надо помочь перейти на другую сторону. Объяснить покойнику, что он уже умер. Многие об этом не догадываются. Дух как бы застревает в петле и никого вокруг не замечает. Раз за разом проигрывает травматичные события.

Джейн представила, что навечно застряла на корпоративном мероприятии, где ее жизнь пошла прахом по ее собственной вине. Или хуже: в моменте на следующее утро в кабинете Мелиссы, когда та рассказала ей о случившемся.

— А вы видели эту женщину? Она всегда появляется в одном и том же месте? Это может навести на мысль, что с ней делать.

— Ее видит только Бенджамин, — ответила Женевьева.

— Слышали повторяющиеся звуки? Стук, стоны, шаги?

— Нет.

— А повышенную влажность замечали?

— Дом стоит на берегу океана.

— Ах да. Что ж, некоторые эксперты считают, что вода может служить своего рода записывающим устройством для происходящего и способствовать застреванию в петле памяти. Последите за признаками, которые я перечислила.

«Как можно следить за необъяснимыми стонами в доме, — подумала Джейн. — Они или есть, или их нет».

— А этот призрак, которого видит ваш сын, — это же индейская женщина? — спросила Клементина.

— Нет, — хором ответили Джейн и Женевьева.

Клементина пожала плечами. Кажется, смирилась, что в этот раз что-то услышала неправильно.

Но Джейн уцепилась за эту мысль. Могла ли Ханна быть из индейского племени? Вряд ли. Тут Джейн вспомнила корзину, которую купила Женевьева. Может, Клементина чувствовала что-то, связанное с корзиной?

— А эта Д, о которой говорила Джейн? Может,

ее видит Бенджамин? — спросила Женевьева.

— Не знаю, — ответила Клементина.

— Разве может быть совпадением, что оба призрака ищут мать?

— Вполне, — сказала Клементина. — Фигура матери очень важна, в том числе для призраков. Но то, что мы считаем совпадением, может быть воздействием потусторонних сил: таким образом духи подталкивают нас в нужном направлении.

Они задержались у Клементины еще на час, почти до пяти вечера. В пять обратный паром должен был отвезти их в реальный мир.

Когда они прощались на пороге, Клементина сказала:

— Джейн, бабушка хочет тебе кое-что передать. Знай, твоя сестра очень горюет по матери. Она говорит с ее фотографией?

— Не знаю, — ответила Джейн.

— Она должна разговаривать с фотографией. Бабушка просит передать, что ваша мать слышит твою сестру. Пусть продолжает с ней говорить. А ты будь с ней мягче. Ее горе отличается от твоего. Она страдает больше. Они с мамой были очень близки и виделись каждый день.

— Хорошо, — согласилась Джейн.

Она этого не ожидала. Она совсем забыла о

семье. Разумеется, мать захотела передать сообщение Холли, а не ей. И даже не стала говорить с Джейн напрямую, а все передала через бабушку.

Впрочем, думать об этом было некогда. Они побежали к причалу и в последний момент успели на паром. Тот отчалил от берега.

Джейн огляделась и заметила те же лица, что видела по пути сюда. Но теперь она знала, зачем эти люди сюда приезжали, и смотрела на них совсем другими глазами.

Довольны ли они тем, что им сегодня сказали? Допустим, мертвые на самом деле могут передать живым, что слышат их молитвы или считают, что их блюда пересолены. Но так ли это важно? Ведь мертвых близких нельзя обнять, поцеловать перед сном и пригласить на ужин. Даже если они рядом, их все равно нет.

Жизнь так невообразимо и ужасно коротка. Подумав об этом, Джейн почему-то ощутила прилив храбрости. Ей захотелось действовать. Да, в ситуации с Дэвидом не было ничего хорошего, зато они оба живы. А многие на этом пароме лишились близких, которых любили больше всего на свете.

Джейн решила позвонить Дэвиду и сказать, что хочет вернуться домой. А может, даже съездить к

нему завтра и сообщить, что готова на все, лишь бы наладить отношения. Терять время просто преступно.

На обратном пути они проезжали мимо уютного маленького книжного магазина. Эллисон вспомнила, что состоит в книжном клубе. Собрания проходили раз в месяц, но в прошлом году она присутствовала на встречах всего два раза. Женевьева рассказала, что сейчас читает. Джейн удивилась, что та вообще читает книги. Женевьева отдавала предпочтение популярным романам и биографиям звезд, но все же.

Джейн поделилась впечатлениями о выставке в Портлендском историческом обществе и рассказала, что купила несколько книг по культуре и истории коренных американцев и теперь читает их одновременно.

С момента возвращения из Портленда Джейн не могла оторваться от этих книг и даже засиживалась допоздна. Она снова полюбила чтение, свое привычное занятие, которое забросила во время супружеского кризиса. Джейн радовалась, что снова может читать.

— Сейчас заканчиваю интересную книгу по репатриации музейных экспонатов, — сказала она. — «Украденные черепа и пропавшие духи»

Чипа Колуэлла.

— Надо запомнить. А что такое репатриация? — спросила Эллисон.

— Возвращение украденных погребальных объектов, священных предметов и частей тел индейским племенам и потомкам.

— Частей тел? — Женевьева, кажется, пришла в ужас.

— А кто их украл? — спросила Эллисон.

— Федеральное правительство, Смитсоновский институт, Гарвард. Все крупные музеи и университеты США и мира, — объяснила Джейн. — В американских музеях хранится двести тысяч останков костей и миллион священных предметов.

— То есть кто-то раскапывал могилы индейцев и похищал тела? — спросила Женевьева.

— Ну да, — ответила Джейн. — Такое происходило сплошь и рядом. Когда пилигримы прибыли к Плимутскому камню[33], они первым делом наткнулись на странные земляные холмики и из любопытства их раскопали. Позже они записали, что обнаружили в могиле мужчину и ребенка из племени вампаноагов и ушли с этого места, при-

---

[33] Примечания: 33

Плимутский камень — скала, к которой, по преданию, пристал корабль «Мейфлауэр» с первыми поселенцами в 1620 году.

хватив с собой «множество прелестных вещей». Тем же самым занимался Томас Джефферсон. Он отправлял рабов раскапывать курганы и выставлял останки индейцев и священные артефакты у входа в свою усадьбу Монтичелло.

— Господи, — ахнула Эллисон.

— А иногда, например при нападении на Сэнд-Крик в 1860-х годах, американские солдаты устраивали рассветные облавы на племена шайеннов и арапахо и снимали с индейцев скальпы. Не жалели ни женщин, ни детей. И тут проблема репатриации стоит особенно остро, потому что этих людей даже не хоронили. По поверьям некоторых коренных американских племен, если человек не похоронен, его дух никогда не упокоится. Солдаты отрубали части тел — пальцы рук и ног в основном — и оставляли себе в качестве трофеев. Отрезали половые губы и обтягивали ими седла и шляпы. А скальпы хранили дома и передавали из поколения в поколение.

Колуэлл задавался вопросом: а смогут ли потомки этих людей примириться со зверствами, совершенными против их народа, если кости, скальпы и части тел коренных американцев по сей день хранятся в семьях белых и в частных собраниях по всему миру?

— Господи, — выпалила Женевьева.

Джейн посмотрела в зеркало заднего вида и заметила, что в ее глазах блестели слезы.

Джейн ничего не понимала. Женевьева не заботилась о сохранении исторического облика своего дома, но была одержима его историей. Плакала из-за репатриации индейских останков, но купила индейскую корзину, по сути, у торговца краденым — и Джейн было достаточно погуглить его один раз, чтобы об этом узнать.

Джейн хотелось сказать ей об этом прямо: «Томас Кросби, у которого ты купила корзину, — один из тех людей, о ком я говорю».

Но это прозвучало бы как обвинение. В самой корзинке не было ничего зловещего и подозрительного; подозрительным был лишь человек, продавший ее Женевьеве. Разве можно ее в этом обвинять? Хотя, возможно, да.

— А что делают племена, когда им возвращают эти вещи? — спросила Женевьева.

В книге Колуэлл описывал церемонию в хранилище Национального музея естественной истории. Старейшины племени разложили на столе кости и черепа восемнадцати родоначальников и несколько часов били в барабаны, пели, разговаривали и жгли траву в качестве подноше-

ния предкам, застрявшим между миров.

Один череп принадлежал маленькой девочке. Перед захоронением останков старая индианка бережно взяла череп в руки, поцеловала и опустила в гроб.

Вернувшись домой в Оклахому, индейцы провели традиционный похоронный обряд. Члены племени несли восемнадцать сосновых гробов. Старейшины подготовили их к погребению. Это была печальная обязанность, но к ней подошли со всей ответственностью и почтением. Коренные американцы ценили важность обряда, но никто не знал, какую церемонию положено проводить для захоронения старых останков. Многие коренные американцы относились к смерти одновременно с уважением и со страхом. Кто-то верил, что даже если человек просто услышал о телах, которые выкопали, потревожили и выставили на всеобщее обозрение, он и его родственники могли заболеть и навлечь на себя проклятие.

И все же племена взяли на себя эту задачу. Они считали, что предки сами помогут провести церемонию.

Место захоронения выбрали, только получив одобрение мира духов. Могилы вырыли руками,

без использования инструментов; все присутствующие на похоронах сделали подношение или произнесли молитву. Предков упросили принять останки в утробу матери-земли и завершить круг жизни.

— Прекрасно. Но так грустно, — всхлипнула Женевьева. — Даже представить не могу.

Она шмыгнула носом, достала салфетку из сумочки и высморкалась.

— Смотрю, ты так и не научилась искусству светской беседы, — подмигнула Эллисон, глядя на Джейн.

Примерно через час пути к югу от Бар-Харбора они проехали мимо пикапа, позади которого развевался огромный флаг Конфедерации.

Джейн задумалась, что этим хотел сказать придурок за рулем.

— Как думаете, почему на этой регрессии в прошлые жизни все непременно видят себя членами королевской семьи или героями, сражавшимся с нацистами? Представьте, что кто-то прошел регрессию и выяснил, что он, оказывается, один из миллионов ничем не примечательных людей, с кем в холокост ничего не случилось. Он спокойно продолжал заниматься своими делами. Ведь, по статистике, герои и злодеи должны составлять

мизерный процент от остального человечества. Большинство — просто обычные люди.

— Может, обычные люди не перерождаются, потому что они слишком скучные? — предположила Эллисон.

Женевьеве позвонил муж и обеспокоенно поинтересовался, заказаны ли ребрышки и стейки для завтрашнего барбекю. Та ответила, что заказала их еще несколько недель назад.

— Много будет гостей? — спросила Эллисон, когда она повесила трубку.

— Нет, он просто любит, чтобы все было по плану, — ответила Женевьева.

Джейн крепче вцепилась в руль, чтобы не сболтнуть лишнего.

Они проехали ферму и зеленые холмы, где паслись лошадки и коровы. Рядом с фермерским домом высился большой красный амбар, гораздо более впечатляющий, чем сам дом. У обочины стояла пристройка из серых камней. В нижнем углу из маленьких белых камушков была выложена дата постройки: 1902.

Джейн рассудила, что человеку свойственно делать такие отметки. Даже если люди еще живы, им хочется, чтобы будущие поколения их запомнили. О чем-то подобном думали Джейн

и Холли, когда в детстве написали на свежезалитом цементном полу подвала свои имена и текущую дату. Это было в доме на две семьи, где они прожили всего год.

Они заехали в придорожную лобстерную и поужинали роллами за уличным столиком.

Джейн заказала суп из моллюсков. Эллисон взяла у нее ложку и без спросу попробовала. Женевьева заметила:

— У меня никогда не было такой близкой подруги. А так хочется. Вам повезло.

— Да, — ответила Эллисон. — Кстати, о везении: в этот самый момент я должна вести протокол собрания Комитета по береговой эрозии Авадапквита. Спасибо, что меня от этого избавили.

Женевьева спросила, чем занимается комитет, и Эллисон объяснила. Песчаный пляж в южной части города постепенно уходил под воду; местные спорили о причинах и предлагали план действий. Собрания комитета проводились каждый месяц, и всякий раз страсти разгорались нешуточные.

— В прилив на пляже по колено воды, — сказала Эллисон. — В полнолуние затапливает половину парковки. Надо действовать быстро. Никто не станет платить тридцать баксов за парковку, что-

бы сходить на пляж, где негде даже сесть. Город зарабатывает больше миллиона за лето на одной этой парковке.

Джейн с коллегами и друзьями в Кембридже постоянно говорили о глобальном потеплении, но воспринимали его как нечто абстрактное, колоссальное и пугающее. Дэвид однажды заплакал, читая статью в «Атлантик», где говорилось, что численность видов птиц в Северной Америке за последние пятьдесят лет сократилась на три миллиарда. Но, несмотря на его слезы, ни он, ни кто-либо из их знакомых ничего не делали для решения этой проблемы. Только изредка перечисляли пожертвования в фонды.

А вот Эллисон задумывалась о климатических изменениях с точки зрения потери дохода от платной парковки. Но Джейн знала, что из всех только она в конце концов начнет действовать и что-то предпримет, пусть даже в своем маленьком уголке мира.

После ужина они сели в машину, и Женевьева снова позвонила мужу. Пока они ели, он прислал ей несколько сообщений: в панике спрашивал, как объяснить дорогу к дому завтрашним гостям.

Джейн и Эллисон пытались не подслушивать

или, по крайней мере, не смеяться. Женевьева терпеливо объясняла.

— Могу прислать им ссылку на карту, — сказала она. — Ясно. Что ж, если сигнал пропадет и они заблудятся, они могут отправиться в город и спросить у местных… Это всего пять минут. Да, понимаю. Приедут издалека. Воздушный шарик? На почтовый ящик? — Она сделала глубокий вдох. — Сегодня, наверно, уже не успею. Но завтра утром могу купить, когда поеду за кукурузой и помидорами. Загляну в игрушечный магазин. У них должны быть шарики с гелием. Угу. Люблю тебя. Поцелуй Бенджамина.

Этот разговор, должно быть, так утомил Женевьеву, что, повесив трубку, та сразу закрыла глаза и уснула. Вскоре она начала тихо похрапывать.

— Скажи мне кто месяц назад, что мы с тобой проведем день в лагере с медиумами, я бы ни за что не поверила, — вполголоса проговорила Эллисон. — А уж если бы мне сказали, что с нами поедет леди-викинг…

— Да уж, интересный опыт, — согласилась Джейн. — Знаешь, иногда мне кажется, что Клементина на самом деле говорит с призраками.

— Ну да, — ответила Эллисон, — у нее же сертификат Института Уиндбриджа. Во всем мире

буквально пара человек с этим сертификатом.

Джейн поборола желание закатить глаза.

— Я рада, что никто не выкупил ее лот на том аукционе и сеанс достался мне, — сказала она.

— Угу, — подтвердила Эллисон.

Тут в сердце Джейн закралось подозрение.

— Скажи, а как Клементину занесло на аукцион в Авадапквит?

— Ладно. Я соврала, — призналась Эллисон, будто Джейн долго ее допрашивала и ей стало уже невмоготу отпираться.

— О чем? — растерялась Джейн.

— Я прочла о ней в журнале, — объяснила Эллисон. — Там было написано, что она лучший медиум в Мэне. Я ей позвонила и уговорила провести с тобой сеанс. Она забронирована на год вперед, но мне удалось ее убедить. Сказала, что дело срочное.

— Что? Я думала, все просто пожертвовали для аукциона свои услуги бесплатно.

— Да не участвовала она в аукционе, — ответила Эллисон. — Это была просто уловка. Я хотела, чтобы ты поговорила с мамой. У вас осталось столько нерешенных вопросов. Но ты бы никогда не согласилась пойти к медиуму, если бы я не подарила сеанс. Пришлось обставить все так, будто

я прошу тебя сделать мне одолжение. А сеанс я сама забронировала.

— Хм. Что ж, очень мило и… странно с твоей стороны, — сказала Джейн. — Наверно, надо сказать спасибо?

— Не за что, — ответила Эллисон. — Знаешь, мне самой больше всего на свете не хватает разговоров с мамой. Я прочла о Клементине и подумала: надо же, Джейн может поговорить со своей мамой, хотя та умерла, а я вижу свою во плоти почти каждый день, а говорить с ней не могу.

— Ох, Эллисон.

— Ты сегодня заметила, что я записывала лекцию в блокнот. Джейн, я все теперь записываю. Патологическая потребность, чтобы все было на бумаге. Что я сделала в течение дня, где лежат вещи в доме. Рецепты, которые знаю наизусть. А вдруг однажды утром я проснусь и пойму, что их забыла? Я везу детей из школы и записываю наши разговоры на телефон. Вдруг наступит день, когда я не смогу поддержать даже такой простой разговор? Хочу, чтобы они помнили, кем я для них была.

Тут Джейн впервые поняла то, что следовало понять гораздо раньше: они с Эллисон обе поте-

ряли матерей. И обе жалели, что больше не могут с ними поговорить.

— Мне очень жаль, — сказала Джейн.

— Ничего. Мои друзья антидепрессанты помогут все преодолеть.

— Ты принимаешь антидепрессанты? Давно?

— С февраля. Мне пришлось очень тяжело. Всю прошлую зиму я была в такой депрессии, что не могла встать с кровати. Начала принимать таблетки, и стало лучше.

— Я рада, — сказала Джейн.

Она вспомнила, что говорила Камилла про Эллисон: «Вы так много на себя берете, дорогая».

— Может, на следующей неделе вы с Крисом захотите пойти поужинать, а я посижу с детьми? — предложила Джейн.

Эллисон улыбнулась:

— Было бы здорово.

— Ты заслужила отдых, — сказала Джейн.

В Авадапквите они сначала отвезли Женевьеву. Ее пришлось будить.

Провожая ее взглядом, Эллисон произнесла:

— Я сегодня к ней вроде как немного потеплела.

— Я тоже, — ответила Джейн.

Через несколько минут она высадила Эллисон

у дверей ее дома и крепко обняла на прощание.

Когда Джейн наконец остановилась у дома сестры, шел уже одиннадцатый час. Она устала и мечтала лечь спать. Поскольку дело было в субботу вечером, Джейн предположила, что Холли с Джейсоном не окажется дома и она спокойно заберет Уолтера, ни с кем не столкнувшись. Но потом Джейн увидела возле дома несколько машин. А открыв дверь, услышала грубый смех и мужские голоса, доносившиеся с кухни.

Она ощутила странную смесь любопытства, волнения и страха. Ощущение из детства. Что за гости у сестры в такой час?

Коридор был загроможден хламом. Как в доме, где она росла. Джейн пришлось лавировать между двумя большими лампами, притулившимися на полу — одна без абажура, — и длинным комодом, который стоял на простыне. Сестра обклеивала его журнальными вырезками с изображениями пинап-моделей 1950-х годов. На стуле лежала гора одежды из секонд-хенда, а рядом — башня из запечатанных картонных коробок. Джейн прочитала адрес на верхней: абонентский ящик в Нью-Мексико. Покупка на онлайн-аукционе.

На кухне оказалась не Холли, а Джейсон с дру-

зьями. Трое парней и девушка с фиолетовыми волосами. Парень, стоявший спиной к Джейн, что-то рассказывал. На нем была майка-борцовка, подчеркивающая мускулистые плечи. Грязные каштановые волосы он стянул в хвост. На шее виднелась татуировка — красная звезда.

— Говорю вам, на этих контейнерах можно разбогатеть. Или приумножить богатство. Лично я собираюсь взять все свои накопления и вложить в контейнеры.

— Чушь, — бросил другой парень.

— А ты подумай. «Амазон» берет возвратные товары и продает ликвидационным компаниям. А те продают их контейнерами. Покупаешь контейнер рандомного возвратного хлама у ликвидаторов за двести баксов и получаешь товаров тысяч на пять.

— А может, и на сто баксов, — сказала девушка с фиолетовыми волосами.

— Не может. Эти контейнеры огромные.

— И что там, в контейнерах? — спросил Джейсон.

— Да что угодно. Заранее не узнаешь. А потом можно все продать. Это называется «обратная цепочка поставок».

— Я в деле, — сказал Джейсон. — Мне нечего

терять.

— Тебе есть что терять, — возразила единственная девушка в мужской компании. — Джейсон, ты пьян. Завтра решишь.

Тут они наконец заметили Джейн, а та увидела на столе кучу пустых пивных бутылок.

— Привет, Джейсон, — сказала она.

— Привет, — ответил племянник. — Знакомьтесь, ребята, это Джейн, моя тетя.

— Привет, тетя Джейн, — хором протянули они и рассмеялись своему остроумию.

— Я пришла…

Джейн замолчала, услышав в коридоре цокот коготков Уолтера. Тот бежал ей навстречу.

Она повернулась к нему. Следом с бокалом белого вина в руке шла сестра. На ней была зеленая шелковая пижама. Уолтер взглянул на Джейн, как ребенок на мать, оставившую его с малолетней нянькой, которая в отсутствие взрослых закатила в доме вечеринку.

— Пора расходиться, — объявила Холли. — Можно не по домам, но здесь оставаться нельзя.

Она повернулась к Джейн:

— Как прошло с ведьмами?

— Они не ведьмы, — поправила ее Джейн. Хотя как знать. Может, некоторые из них и были

ведьмами.

Девушка с фиолетовыми волосами навострила уши.

— Что за ведьмы? — спросила она. — В школе мы с подружкой Глорией ездили на автобусе в Салем. Каждые выходные туда-сюда мотались. Мы тогда были викканками[34]. Там куча магазинчиков, где продаются зелья и сборники заклинаний. Я купила куклу вуду и мучила учителя по алгебре.

Джейн однажды была в Салеме: они с Дэвидом ездили любоваться красками осени и посетили дом о семи фронтонах[35]. Она тогда обратила внимание на магазинчики, о которых говорила девушка. Над главной улицей висела растяжка: «Город ведьм». Джейн еще подумала: это парадокс, ведь вся суть салемских процессов над ведьмами заключалась в том, что женщины были невиновны.

— Только не надо испытывать эту куклу на мне, — предупредил Джейсон.

---

[34] Примечания: 34

Викка — современное язычество, религия, основанная на почитании природы.

[35] Примечания: 35

Дом XVII века в Салеме, описанный Натаниэлем Готорном в готическом романе «Дом о семи фронтонах».

Ребята направились к выходу.

— Помню, мы выучили заклинание, как уменьшить у парня левое яйцо, — сказала девушка. — Только левое. Это хуже, чем оба.

— Блин, Эрика, ты серьезно? — воскликнул Джейсон.

Они ушли.

— Эрика — его девушка? — спросила Джейн.

— Что? Нет, — ответила Холли. — Они дружат со старших классов. Очень умная девчонка. А вот родители козлы. Выгнали ее из дома, узнав, что у нее появились отношения. Пока живет с нами. Спит на диване.

Взгляд Джейн упал на фото матери, прикрепленное магнитом к холодильнику. Ширли на нем была так молода и красива. На снимке она смеялась, у нее на коленях сидел маленький Джейсон.

— Ты разговариваешь с мамой? — спросила Джейн.

— Что?

— Ты разговариваешь с этой фотографией? Или, может, с другой?

— Не знаю. А что?

— Медиум велела передать, что мама тебя слышит.

— О.

Рядом с фотографией висела вырезка из «Портсмут трибьюн». «Новая жизнь старых вещей» — гласил заголовок. Заметка вышла в августе прошлого года. Джейн начала читать.

> *Холли Флэнаган выросла в семье скупщицы подержанных вещей и продолжает заниматься семейным бизнесом. Ее мама Ширли скончалась месяц назад. Тридцать лет она зарабатывала куплей-продажей секонд-хенда. Сразу после школы Холли начала работать с матерью. Они опередили свое время, заботясь о повторном использовании вещей задолго до того, как это вошло в моду. Благодаря Холли и ее матери тысячи вещей избежали свалки и нашли новых хозяев.*

«Неужели это правда?» — подумала Джейн. Она ни капли не сомневалась, что матери было плевать на экологию.

— Холли, — она кивнула на статью, — почему ты мне об этом не рассказывала?

— А зачем? — спросила Холли.

— В смысле?

— Ты никогда не интересовалась моей рабо-

той, — ответила она. — Я люблю тебя, Джейн, но признай, ты снобка.

— Неправда, — возразила Джейн, хотя в голову тут же полезли доказательства обратного.

— Правда, — сказала Холли. — Но я тебя не виню.

— Я тобой горжусь. Это же так здорово.

— Ты гордишься, потому что обо мне написали в газете.

— Да, — ответила Джейн, — а что в этом плохого?

— Мама раньше говорила, что не понимает, почему ты так стыдишься ее занятия, ведь ты, по сути, выбрала такую же карьеру, — заметила Холли. — Если задуматься, ты тоже пошла по семейным стопам.

— Серьезно? — Эта мысль показалась Джейн абсурдной, и она не стала этого скрывать.

— В детстве мама приносила антиквариат с гаражек, а ты придумывала всякие истории про прежних хозяев этих вещей.

— Не помню такого, — растерялась Джейн.

— А я помню.

— Клементина, медиум, сказала, что ты горюешь больше меня.

— Угу, — почти со злостью ответила Холли.

Хотя Джейн сама понимала, что Клементина права, реакция сестры ее расстроила. Она даже не знала почему. Разговоры с Холли, как и общение с матерью, когда та была жива, часто заходили не туда. На них влияли многолетние обиды, общие воспоминания и невысказанное желание, чтобы в этот раз все было иначе.

— Она так мучилась, — сказала Холли.

— Я знаю. Я там была. — Слова Джейн прозвучали резче, чем хотелось бы.

— Мама болела несколько месяцев, Джейн, — заметила Холли. — А ты приехала только в последнюю неделю.

Так вот в чем было дело. Вот почему Джейн казалось, будто Холли на нее обижена. Вот почему Холли настаивала, чтобы Джейн взяла на себя продажу дома.

Джейн могла бы извиниться, но почувствовала, как в ней закипает праведный гнев. Из них двоих мать относилась с теплотой и пониманием только к Холли. Логично, что та провела с ней последние месяцы.

Джейн взяла на себя все неприятные посмертные заботы: организовала и оплатила похороны, обзвонила все инстанции. У Дэвида ушло два месяца, чтобы закрыть кредитки матери, анну-

лировать телефонный номер и различные счета, отключить кабельное телевидение, связаться с ипотечным банком и с агентствами социального и медицинского страхования.

Джейн открыла было рот возразить, но тут хлопнула входная дверь.

На кухню зашел Джейсон. Он был один.

— Я думала, ты ушел с друзьями, — сказала Холли.

— Нет, — ответил он. — Кит меня достал. Весь вечер хвастается своим богатством. Не могу уже слушать.

— Неужели выиграл в лотерею? — спросила Джейн. Ее тон изменился: ради племянника она притворилась, что все в порядке.

— Вроде того. Какая-то сумасшедшая богатая дамочка заплатила ему, чтобы он снес старое кладбище на ее участке.

Холли покачала головой, и Джейн догадалась, что она уже слышала эту историю и не одобряла ее, но и не принимала близко к сердцу.

— А это законно? — спросила Джейн.

— Конечно нет. А вдобавок к тому, что она ему заплатила, этот везунчик выкопал сокровище. Кольцо допотопных времен типа эпохи Войны за независимость. И в нем были волосы.

— Волосы?

— Да. Уж не знаю подробностей, но Кит продал кольцо за хренову тучу денег и с тех пор только об этом и говорит. Сейчас, у меня фотка есть.

Джейсон долго пролистывал галерею и наконец показал Джейн экран.

Джейн увидела ржавое металлическое кольцо с гравировкой «Мы еще встретимся». Спереди, где обычно располагается камень, имелось маленькое круглое стеклянное окошко.

— Там внутри волосы, — пояснил Джейсон. — Думаю, это кольцо жены покойного капитана.

— Кит пытался продать мне антикварные украшения, — вспомнила Холли. — Но не уточнил, где их взял. Наверно, рассчитывал, что я их выкуплю, но я не стала. Потом украшения приобрел какой-то торговец дорогим антиквариатом. Ума не приложу, почему люди готовы платить кучу денег за кольцо покойницы, веками лежавшей на старом кладбище.

— А зачем кому-то понадобилось сносить кладбище? — спросила Джейн.

— Кит сказал, та дамочка хотела устроить на этом месте бассейн.

— Бас…

О господи. Женевьева.

Джейсон показал Джейн фотографии «до» и «после». Джейн увидела на первом снимке несколько надгробий. Она приблизила фотографию и разглядела на одном камне слово «Литтлтон», а на другом — «Элиза». На втором снимке от кладбища остался лишь плоский ровный участок земли, похожий на огородик, вскопанный к зиме.

Тогда она вспомнила. Там действительно было кладбище. Под сенью сосен, которые Женевьева срубила. Джейн совсем забыла.

— Мне пора, — сказала она, подхватила Уолтера и бросилась к выходу.

На пороге сестра ее окликнула:

— Собака с утра не гуляла!

— Почему? — с досадой спросила Джейн.

— Он не хотел в туалет.

— Ясно.

Она села в машину и поехала прямиком в бухту.

Джейн думала о кольце. Джейсон определил дату его изготовления периодом Войны за независимость, но Джейн в этом сомневалась. Дом Литтлтонов построили через семьдесят лет после Войны за независимость. Хотя, возможно, Джейсон перепутал войны. Украшения из волос были приметой Викторианской эпохи. Джейн кипела

от ярости. Женевьева притворялась, что ей было дело до Ханны, Сэмюэля и Элизы. Бедняжки Элизы, которую похоронили с хозяевами, а не с близкими. Еще одна история, стертая временем.

Так вот почему Женевьева считала, что в доме обитают призраки первых хозяев! Она сама заплатила какому-то кретину, чтобы тот раскопал могилы. Это было отвратительно. Она преступница. Что за человек осмелится осквернить кладбище? И как Женевьева посмела об этом умолчать, втягивая Джейн в эту историю?

Легко, ответила Джейн на свой же вопрос. Женевьева хотела заручиться ее сочувствием и помощью и понимала: если скажет правду, не получит ни того ни другого.

При этом каких-то пять часов назад они обсуждали осквернение могил индейцев и Женевьева притворилась, что в ужасе.

Джейн припарковалась и выгуляла Уолтера на пустой стоянке. Магазины и рестораны закрылись два часа назад. В бухте было тихо, лишь волны бились о скалы.

Она достала из кармана телефон — позвонить Эллисон и рассказать обо всем, что узнала.

Но увидела сообщение от Мелиссы.

Даже не прослушав его, она все поняла. Просто

почувствовала.

«Джейн, мне очень жаль об этом сообщать и прости, что беспокою в субботу, но совет попечителей принял решение, — услышала она голос Мелиссы. — Они единогласно высказались за твое увольнение. Несколько человек выступили в твою защиту. Но попечители считают, что необходимо прекратить сотрудничество. Они готовы оплатить лечение. Позвони и обсудим следующие шаги».

Джейн вдруг поняла: до этого момента в глубине души она не верила, что потеряла работу. Она считала, что уж эта часть ее жизни никогда не подведет. Что у нее всегда будет библиотека.

Колени подкосились. Пришлось сесть на тротуар.

Джейн позвонила Дэвиду. Сейчас она нуждалась в нем больше всего на свете. Дэвид всегда знал, как поступить.

Но телефон мужа сразу переключился на голосовую почту. Выключил ли он его или увидел ее имя и сбросил звонок?

Она набрала сообщение:

Джейн
Можешь говорить?

Он не ответил.

Джейн по привычке зашла на его страницу в фейсбуке. На аватарке до сих пор была их свадебная фотография. В личной информации значилось «женат». Но она увидела на странице два новых снимка. Их разместил не Дэвид, а его бывшая жена Анджела. Они с Дэвидом сидели за столиком, накрытым белой скатертью. В центре стояла бутылка красного. Они улыбались. Он обнимал ее за плечи. Анджела отметила его на фотографии и написала:

> Свидание с Д. Никогда не говори никогда!

Джейн глотнула воздуха. Стало трудно дышать. Кажется, у нее начался приступ паники.

Потом она долго размышляла, почему дальше все сложилось именно так. А если бы она не прослушала сообщение Мелиссы в тот самый момент? Не узнала бы правду о Женевьеве? Позвонила бы Дэвиду и тот снял трубку? Или вообще не стала бы звонить?

А если бы ей не надо было гулять с собакой? Если бы Джейн не решила погулять с Уолтером в бухте и не заметила свет в лобстерной Чарли, хотя та должна была закрыться несколько часов

назад? Не заглянула бы в окошко и не увидела Эйба Адамса, который поманил ее зайти, а когда она вошла, предложил пропустить по одной, и Джейн согласилась. Потому что какая разница, если выпить всего бокальчик. Что это изменит.

10
Элиза

Не считая проселочной дороги, которую замостили камнем, деревня выглядит как прежде. Две тысячи акров полей и лесов на берегу безмятежного озера. Девятнадцать тысяч яблонь. Белый дом для собраний, построенный в 1846 году на моих глазах. В тот год мне исполнилось двенадцать. В здании школы теперь научный центр, но он редко используется. Кирпичный дом, жилые постройки, мастерская сестер — все до сих пор на месте.

А вот жителей в деревне почти не осталось. На Субботнем озере — и во всем мире — шейкеров теперь только трое. В моем детстве нас было сто пятьдесят, и по всей стране были такие же общины, как наша, всего шесть тысяч верующих. Мы никогда не видели друг друга, но в день субботний пели один псалом в одно и то же время и так поддерживали духовную связь.

В общину приезжали великие мужи посмотреть, как мы живем, и у нас поучиться. Джордж Вашингтон. Ральф Уолдо Эмерсон. Томас Джеф-

ферсон писал о нашей вере: «Если они и в самом деле будут придерживаться своих принципов на практике, в конце концов их религия вытеснит все остальные».

Мы верили, что мир рушится. Его терзали войны, алчность, страдания и похоть. Мы считали их признаками скорого конца. Но, несмотря на это, всецело посвящали себя труду. Плели, шили и стирали, возделывали сады и поля, строили дома, делали шляпки и заготавливали лекарственные травы.

За работой мы рассказывали друг другу истории об основательнице нашей общины, чтобы память о ней сохранилась. Матушка Анна Ли была женой кузнеца из английского города Манчестер, ничем не примечательной женщиной из Общества Уордли, отколовшегося от квакеров в 1747 году. Члены Общества Уордли называли себя Объединенной церковью верующих во второе пришествие Христа. А посторонние в насмешку прозвали их «трясущимися квакерами» из-за их бурных молитвенных собраний. Они верили в духов и общение напрямую с Господом. Считали, что Иисус во втором пришествии будет женщиной.

Как я сказала, сначала матушка Анна была

одной из многих. Ее возвеличило пережитое горе[36], и тогда шейкеры узнали, что ждали именно ее.

Отец привез нас с сестрой в Общину Субботнего озера, когда мне было три, а сестре — пять. За несколько месяцев до этого наша мать умерла. Отец плакал, передавая нас шейкерам и подписывая договор об ученичестве, согласно которому мы должны были оставаться в общине до восемнадцати лет, так как отец больше не мог нас содержать. Но, несмотря на договор, он обещал вернуться за нами при первой же возможности.

В первые несколько лет отец часто нас навещал. Помню, как он наклонялся меня обнять, а его грубая щетина колола мне щеку. Уезжая, он клялся, что в следующий раз заберет нас с собой. Так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось семь лет. В том году отец уехал в слезах, и больше мы его не видели. Потом нам сказали, что он умер.

Из уютного дома, где мама каждый вечер подтыкала нам одеяло на ночь, шила платья наших любимых цветов и знала имена всех кукол, мы с сестрой попали в детский дом Общины Суб-

---

[36] Примечания: 36
Все четверо детей Анны Ли умерли.

ботнего озера — убогий длинный барак, где все развлечения и игры были строго запрещены. Здесь не было ни ковров, ни зеркал, и кукол в постель брать не разрешали.

По вечерам приходила сестра Флоренс и велела немедленно засыпать, чтобы не гневить Господа. В кровати следовало лежать прямо, вытянувшись по швам. Сестра была добра и терпелива, но строга и совсем не похожа на маму. Кроме нас с Эмили, на ее попечении находились еще двенадцать девочек.

Когда остальные воспитанницы засыпали, Эмили прокрадывалась в мою узкую кровать или я ложилась к ней, чтобы хоть ненадолго успокоиться привычным теплом.

Наши жизни отныне подчинялись режиму. Руки всегда были заняты трудом, ум — мыслями о Господе. Колокол будил нас в половине пятого летом и в половине шестого зимой. Мы работали с утра до вечера без выходных и праздников. В детстве я помогла изготовить три тысячи шкатулок из тополя. Мы продавали их гостиницам. Я плела корзины и шляпки из пальмовых листьев. Раскладывала по бумажным пакетикам семена культурных растений, пока не сводило пальцы, и даже тогда меня заставляли продолжать, хотя я

не получала за работу ни пенни.

Мы ходили в школу: мальчики зимой, а девочки — летом. В какой-то момент мирские стали присылать детей учиться с нами. Шейкерские школы считались лучшими. Помню, я этим очень гордилась. И тем, что воскресные службы порой собирали так много зрителей. Как-то раз мы с Эмили сосчитали повозки — их было сто семьдесят две. Увидев своих одноклассниц с мамами, папами, сестрами и братьями, я расстроилась. Нам с Эмили велели относиться друг другу не лучше и не хуже, чем к другим девочкам из общежития. Семейные узы считались блажью и были запрещены.

Жизнь в Общине Субботнего озера была полна противоречий. Нас полностью обеспечивали, но никому не разрешали иметь собственных денег. Мужчины и женщины считались равными, но жили порознь.

Не существовало такого общинного правила, которое я бы не мечтала нарушить. Обычно я слушалась, но, как все дети, была почемучкой, а старшие этого не одобряли. Сестра Флоренс твердила, что ей невдомек, откуда столько упрямства в ребенке, у которого не сохранилось воспоминаний о жизни вне шейкерской общины. Но мне

казалось, кое-что я все-таки помнила. Сестра точно помнила; она делилась со мной воспоминаниями, и вскоре я начала считать их своими. Думаю, я помнила мать. Ее руки, протягивающие мне тарелку.

Некоторые дети приезжали на Субботнее озеро с родителями, и в общине оставалась вся семья. Но после подписания договора семейные узы считались недействительными. Супруги переставали быть супругами, понятия родных детей в общине не существовало. Муж и жена становились братом и сестрой. Детей растили вместе.

Я жалела этих детей сильнее, чем себя. Смотрела на них и на женщин, которые когда-то были их матерями, и выискивала признаки привязанности.

Когда мне исполнилось девять лет, до Субботнего озера дошел слух, что четырем девочкам из шейкерской общины Уотервлита явился дух матушки Анны. Через несколько месяцев среди девочек и женщин из шейкерских поселений началась настоящая эпидемия видений. Мы знали, что матушка Анна слышала потусторонние голоса. Господь посылал к ней духов, и те руководили ее миссией. Она никогда не хотела выходить замуж, но родители заставили. У нее было четверо

детей, и все умерли в младенчестве. Она сама чуть не умерла в родах.

Потом матушке явились Адам и Ева в Эдемском саду, и она поняла: ее страдания — ниспосланная ей божественная кара. Она заключила, что корнем всего мирового зла является похоть, поэтому брак тоже противен воле Господней. Иисус заговорил с ней, и они объединились плотью и духом. Матушка Анна и стала вторым пришествием Христа, женской частью целого. Шейкеры избрали ее главой общины. Она умела видеть прошлое и будущее, одной лишь силой мысли сращивала сломанные кости и лечила опухоли, призывала паству покаяться в грехах, отречься от мирских благ, отринуть греховные удовольствия, брак и соитие и жить в целомудрии.

В Англии шейкеров объявили вне закона, обвинили в ереси, колдовстве и ведьмовстве. Матушку Анну дважды сажали в тюрьму за веру. Во второй раз тюремщики решили заморить ее голодом. Две недели не давали ей даже воду. Она бы умерла, если бы последователи не нашли способ тайком пробираться к камере и поить ее молоком и вином через тончайшую трубочку, просунутую в замочную скважину. После освобождения у матушки случилось видение, раз и

навсегда предопределившее судьбу общины: она узрела, что шейкеров ждет процветание в краю религиозной свободы — Америке.

В Новом Свете начиналась Война за независимость. Кое-кто считал шейкеров британскими шпионами. По прибытии в Нью-Йорк их на полгода посадили в тюрьму за отказ присягать на верность государству. Отбыв заключение, они отправились в путешествие по Новой Англии и два с половиной года проповедовали свою веру всем, кто соглашался слушать. Везде, где появлялись шейкеры, у них прибавлялось приверженцев, но их также преследовали возмущенные толпы, обвинения в колдовстве и государственной измене.

В 1781 году в Питерсхэме матушку Анну спустили с лестницы. У бедняги треснул череп. Два года спустя в Ашфилде ее обвинили в том, что она переодетый мужчина. Разъяренная толпа сорвала с нее покровы; ее подвергли насильственному осмотру, убедились, что она женщина, и отпустили. К концу миссионерской поездки матушка достигла крайнего истощения и вскоре умерла.

Созданная ею вера продолжила жить.

Я никогда не сомневалась, что матушка Анна, подобно Жанне д'Арк, была ясновидящей. Но

когда девчонки, с которыми я проводила все дни напролет, наперебой взялись утверждать, что к ним являлись духи, у меня не получалось им верить. Если бы духи умели являться к людям, моя мама наверняка тут же посетила бы меня. А ко мне никто не приходил; зато к Холли Дин являлся призрак самого Бенджамина Франклина. Раньше мы с Холли часами молча работали бок о бок в пекарне; потом она заявила, что общение с призраками отнимает у нее силы и ей нужно больше отдыхать. Ее работа легла на мои плечи.

Оливия Коллинз, занимавшая третью по счету койку от моей, утверждала, что общалась с призраками Христофора Колумба и вождя Текумсе. Еще она заявила, мол, к ней частенько наведывалась матушка Анна и велела ей передавать указания. Так, матушка сказала, что отныне нам запрещается жарить свинину на озере, пить чай и кофе. Братья воспротивились этим указаниям, но духовенство приняло их всерьез и отменило эти излишества.

Эти девочки стали оказывать на общину огромное влияние. Бывало, что верующих изгоняли из общины, так как духи обвиняли их в том или ином преступлении. Взрослые стали бояться, что станут следующими, особенно те, кто вслух

сомневался в истинности этих заявлений. Как-то раз я услышала, как сестра Флоренс сказала сестре Фебе, что не завидует старейшинам и с таким количеством внезапно открывшихся способностей к ясновидению невозможно распознать, какие из них являются истинными, а какие нет.

Диана Эбботт была одной из многих девочек, у которой открылся дар к живописи. Она рисовала шедевры; ни одна девочка ее возраста никогда не смогла бы создать нечто подобное, посему в общине решили, что это Божий дар. Считалось, что эти рисунки содержат послания от духов и истолковать их способен лишь сам художник. Под кистью Дианы рождались одухотворенные детальные акварельные картины с изображением матушки Анны, цветов и плодов, золотых колесниц и изящных кружевных орнаментов, сюжеты из библейской и шейкерской истории и портреты Иисуса в шейкерском одеянии.

Если бы Диана жила в другое время, ее рисунки могли бы запретить. Надо понимать, что в шейкерской общине не одобрялось любое украшательство и излишества. Картины, нарисованные под воздействием дара, никогда не выставляли и не показывали посторонним. Большинство в итоге отправились на растопку. Те, что дожили

до сегодняшних дней, сохранились случайно: их забыли в книге или ящике стола.

Мне казалось, что эти рисунки, как и общение с призраками, — выдумки девчонок, плод разыгравшегося воображения, а может, и происки дьявола. Холли, Оливия и Диана не могли обладать способностями матушки Анны, в этом я ни капли не сомневалась. В результате посторонним запретили посещать наши богослужения и школу. Старейшины боялись, что мирские неправильно поймут нисходящие на нас моменты духовного экстаза.

После этого в Общину Субботнего озера стали приезжать лишь люди, нуждавшиеся в помощи. И это было еще одним противоречием: мы стремились отгородиться от мира и одновременно были очень милосердны. Когда бедные соседи воровали наши овощи, братья безропотно сажали новые. Сестра Флоренс говорила: «Мы сажаем немного для шейкеров, немного для воров и немного для ворон. Ворам и воронам тоже надо есть».

Мы привечали людей, спасавшихся от преследования. Беглые рабы, жены, подвергавшиеся побоям, обнищавшие семьи — все находили в общине приют, и всех нам велели принимать как

родственников. Кто-то оставался на несколько дней или недель, а кто-то — на всю жизнь. Появились зимние шейкеры, которые приходили и уходили со сменой времен года. К нам приводили детей из приютов и работных домов, а однажды на порог женского общежития подбросили новорожденного.

Если по прибытии в общину у ребенка имелся живой родитель, он подписывал соглашение об ученичестве, где клялся, что в обмен на постоянный уход, пищу, кров, образование и обучение ремеслу не станет мешать воспитанию чада и не попытается его забрать. Но не всем удавалось сдержать обещание. Бывало, матери и отцы передумывали.

Когда мне было восемь лет, мать Сары Огден явилась за ней с констеблем и крепким молодчиком и хотела забрать дочь. Ничего не вышло, но в последующие несколько недель старейшины каждый день ездили в Портленд в суд, а Сара вела себя как обычно, будто исход дела ее не слишком интересовал. Потом как-то ночью один отец и дядя похитили трех маленьких братьев. Отец другого мальчика вломился в школу посреди урока и увез его, а родную сестру мальчика оставил.

Я мечтала, что отец придет и заберет нас с Эми-

ли.

Сестра Флоренс рассказала, что раньше, в ее детстве и в предыдущих поколениях, большинство детей попадали в общину с родителями, а семьи не разлучали. Мы были первым поколением детей, росших в одиночестве. Поэтому больше половины воспитанников из предыдущих поколений остались в общине на всю жизнь, а мы уехали при первой же возможности.

А еще нам каждый день так или иначе напоминали, что от нашего решения уехать или остаться зависит само существование общины. Мы все ощущали эту ответственность.

Я не сталкивалась с внешним миром до одиннадцати лет; в тот год сестра Флоренс взяла меня в гостиницу в Поланд-Спрингз на зимнюю распродажу ремесленных товаров. Через несколько столиков от нашего две индианки в народных костюмах торговали корзинами. Увидев женщин, я ахнула: на них были платья из оленьей кожи с бахромой на подоле и рукавах, а горловина расшита бисером. На головах красовались высокие заостренные колпаки. Корзины украшал орнамент из цветов, солнц и птиц с красно-синим оперением.

— Не надо таращиться, дитя, — осадила меня

сестра Флоренс, но я ничего не могла с собой поделать.

Приближаясь к прилавку индианок, люди нервно хихикали, будто подначивали друг друга подойти. Они шептались и показывали на женщин пальцем. Мне стало их жалко.

Впрочем, те, кто покупал наши товары, тоже посмеивались над нашей старомодной домотканой одеждой. Мы были для них такой же экзотикой.

Я пыталась сосредоточиться на торговле, но краем глаза наблюдала за публикой. Мимо прошла мать с двумя дочерьми примерно моего возраста; они держались за руки. Пара с младенцем в коляске; мужчина нес в руках кучу рождественских подарков. Юные супруги с восторгом обсуждали, как катались сегодня на санках.

Когда мы вернулись в деревню, я заплакала.

В первую субботу месяца дети исповедовались сестре Флоренс, перечисляя все свои грехи. Я призналась в желании сбежать из общины и заявила, что не гожусь в шейкеры. Шейкерская исповедь не предусматривает отпущения грехов. Само покаяние должно приносить облегчение. Пред лицом добродушного молчания сестры Флоренс я еще сильнее осознала свою ущербность. Я

поняла, что не смогу остаться.

С того дня перед сном мы с сестрой шепотом строили планы, как нам вырваться на свободу. Мы решили: когда мне исполнится восемнадцать, мы уедем вместе. Эмили не покинет общину первой, а подождет два года. Она хотела выйти замуж и завести кучу детишек и собственный дом. Мечтала о свадьбе, белом платье и шелковых перчатках.

Мне же никогда не было дела до мужчин. Я жаждала другого. И даже не знала, как это объяснить. Я мечтала распоряжаться собственной жизнью и жить там, где смогу сама решать, как мне быть. Но где найти такое место, я не знала.

В шестнадцать лет я покинула детское общежитие и переселилась в женское, где к тому моменту уже жила Эмили.

Ей тогда исполнилось восемнадцать. Период ученичества сестры подошел к концу. Мы планировали, что она дождется моего восемнадцатилетия. Но за эти два года с ней что-то случилось. Я так и не поняла, что именно и почему. Эмили решила, что все-таки верит во второе пришествие, и, когда настала пора уезжать, захотела остаться. Она подписала договор и поклялась провести в Общине Субботнего озера остаток дней.

Мне пришлось покинуть сестру. Мое сердце было разбито.

Дорога до Портленда, куда я добиралась на поезде, заняла час. Благодаря доброте одной из бывших сестер шейкерской общины я нашла работу швеи на фабрике соломенных шляп с жалованьем четыре доллара в неделю. Проживание и стол предоставляли бесплатно. Хозяин фабрики любил нанимать бывших шейкеров: мы отличались дисциплинированностью, дотошностью и добросовестностью. До поступления на фабрику я не знала, что первый месяц буду работать бесплатно, на испытательном сроке. Не знала и о том, что меня поселят в комнате, смежной с хозяйской спальней. Хозяин с женой скандалили сутки напролет. Их крики вгоняли в ужас. В общине никогда не повышали голос.

Хозяин хвалил меня за ловкость и расторопность. Скоро он назначил меня работать по субботам в свою шляпную мастерскую. В свободное время я пришивала шляпные ленты на дому. Другой жизни, кроме работы, я не видела. По воскресеньям девушки с фабрики ходили в храм, но я не знала, какую церковь мне лучше посещать, поэтому сидела дома, читала Библию, писала письма сестре и отсыпалась. По пути на

работу проходила мимо верфей, дыша смоляными парами; этот запах стал новым неприятным дополнением к моей жизни, как и сквернословие, и песни матросов в пабах, мимо которых я проходила на обратном пути, цепенея от ужаса.

По субботам я работала в шляпной мастерской бок о бок с двумя местными девушками. К ним заходили подруги и клиентки и нередко засиживались часами, обмениваясь сплетнями. Я никогда не видела ничего подобного. Прежде казалось, что именно этого мне не хватало — возможности свободно разговаривать. Но теперь я усматривала в этом лишь пустую трату времени. Разговоры женщин часто бывали жестокими.

Однажды в мастерскую пришла женщина с синяком под глазом. Сказала, что упала, шагнув к колыбели плачущего младенца в темноте. Женщины захлопотали над ней, мол, с кем не бывает. Но когда она ушла, с большим злорадством принялись обсуждать ее никчемного мужа-пьяницу, наградившего несчастную этим синяком.

Я вспомнила избитых женщин, приезжавших в Общину Субботнего озера, чтобы спастись от подобных обстоятельств. Вдов, оставшихся без средств к пропитанию. Наконец я смогла облечь в слова то, что чувствовала уже давно: мужчины

представляли для женщин угрозу. Женщинам приходилось искать или строить убежища, где им бы ничего не угрожало. Для многих таким убежищем становилась шейкерская община. Шейкеры сулили женщинам стабильность и покой. В общине их никто не осуждал. Тогда, в шляпной мастерской в Портленде, я ощутила глубокую гордость за свою общину, хотя сама ее покинула, и поняла, что всю жизнь меня окружали по-настоящему добрые люди.

Дважды в месяц в мастерскую заходила женщина по имени Агнес Фостер. Она вела колонку в газете «Истерн аргус» и после мастерской шла в редакцию.

Агнес завораживала. Она была самой высокой женщиной из всех, кого мне доводилось видеть, и прямой, как фонарный столб. У нее имелось собственное мнение по всем вопросам. Она вечно направлялась то в лекторий, то на собрание общества трезвости в новой городской ратуше и всегда несла в руке книгу. Узнав, что я воспитывалась у шейкеров, она тут же попыталась вовлечь меня в дебаты. Год назад, сказала Агнес, ей довелось посетить конференцию по правам женщин в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Выступавшая там активистка Харриот Кеция Хант назвала шейке-

ров одними из первых поборников равноправия и женского образования. Агнес заинтересовалась и стала изучать вопрос. Она восхищалась шейкерами, но ей все же было любопытно узнать мое мнение: можно ли считать их христианами, раз они не верят в Святую Троицу, непорочное зачатие, воскрешение и так далее.

Мне никогда не задавали таких серьезных вопросов. У меня раскраснелось лицо, я не знала, что сказать в свою защиту. Впрочем, что мне было отстаивать? Я никогда не ощущала себя настоящим шейкером. Те считали прочие виды христианства делом рук Антихриста. Они не стесняясь провозглашали себя единственными истинными христианами; так стоило ли удивляться, что другие христиане тоже считали истинными верующими себя, и только себя?

— Шейкеры стремятся возродить примитивную церковь, какой ее задумал сам Христос, — ответила я.

— Я с подозрением отношусь к сектам, мне часто кажется, что они называют себя религией, чтобы избежать налогов, — сказала Агнес.

— Шейкеры платят налоги, — заметила я. — Они считают это своим гражданским долгом и единственным способом отделить церковь от

государства.

Агнес склонила набок голову:

— Интересно. Я этого не знала.

Девчонки из мастерской усмехнулись:

— Прежде вы никогда не соглашались с чужим мнением!

— И верно, — кивнула Агнес. — Браво, Элиза.

На глаза вдруг навернулись слезы. Позже я почувствовала себя дурочкой, что заплакала, но в тот момент не могла с собой совладать.

Агнес, кажется, раньше меня самой догадалась, отчего я плачу.

— Ты скучаешь по дому, — сказала она.

— Нет, — ответила я, — просто городская жизнь мне не подходит. Она слишком шумная, хаотичная, скорая и резкая.

— Бедная девочка, — ответила Агнес. — Прости меня. Мне не хватает деликатности. Сестра вечно меня в этом упрекает.

При упоминании сестры я заревела пуще прежнего, и Агнес воскликнула:

— Что еще я сделала не так?

Она зашла за прилавок и обняла меня.

Мы рассмеялись. С момента приезда в Портленд я смеялась в первый раз.

Через неделю Агнес влетела в мастерскую и

проговорила:

— Элиза, у меня к тебе предложение.

Остальные тут же повернулись к ней, желая узнать, не лишают ли их того, что принадлежало им по праву.

Но Агнес сказала, что ее сестре нужна служанка.

— Там, откуда мы родом, невозможно найти приличную служанку. Все женщины уходят на ткацкие фабрики в Довер[37].

Я видела объявления: «Требуются помощницы на производстве тончайшего узорчатого ситца… Девушки от 12 до 25 лет… проживание и стол предоставляется… Хорошие манеры — обязательное требование».

— Сестра живет в доме на тихом морском берегу, — продолжала Агнес. — Со всеми современными удобствами. Осмелюсь предположить, тебе там будет лучше. Ханна тебе понравится. Она добрая, ласковая и кроткая. Но у нее есть стержень. Она привыкла одна управляться с хозяйством. Два года назад в погреб забрался волк и украл курицу. Ханна спустилась и била его метлой, пока тот не выронил курицу и не убежал.

---

[37] Примечания: 37

Довер — старейший город в штате Нью-Гемпшир.

А уж стреляет она лучше братьев. В детстве отец брал их на охоту, и мальчишки злились: Ханне удавалось подстрелить оленя, а им — нет.

Агнес улыбнулась, предавшись воспоминаниям, а потом посмотрела на меня.

— Ханна не хочет быть никому обузой. Она бы никогда не наняла служанку. Но у нее на подходе малыш. Беременность проходит тяжело, и на днях врач прописал ей постельный режим до конца срока. А осталось еще два месяца! Сестре понадобится помощь с уборкой и прочими домашними делами. Готовить умеешь?

— Разумеется, — ответила я.

Агнес кивнула:

— Разумеется.

Я спросила, есть ли у Ханны еще дети, которым нужен присмотр, и Агнес ответила «нет».

— Муж Ханны Сэмюэль служит на корабле и вернется лишь через несколько месяцев. Ты должна пообещать, что останешься с ней хотя бы до его возвращения. Иногда Ханне помогает жена нашего брата Чарльза, Элис, но у нее своя семья и свое хозяйство, а еще она страдает от ужасных мигреней, и ей тоже прописали постельный режим. Но ты попробуй лежать в постели, когда у тебя пятеро детей. А Ханне, должно быть, очень

тяжело. У нее большой дом. Сэмюэль построил его пять лет назад. Это был свадебный подарок.

Девушки ахнули от умиления.

— Сэмюэль — мечтатель, — продолжила Агнес. — Некоторые мужчины строят большие дома, накопив состояние. Сэмюэль построил дом в расчете, что это состояние когда-нибудь появится. Его прапрапрадед, кажется, был одним из основателей нашего города. У Сэмюэля есть очень богатые родственники, но его отец, увы, богатством похвастаться не мог. А вот Сэмюэль однажды рассчитывает разбогатеть и даже устроил в доме буфетную для дворецкого, хотя они не собираются нанимать дворецкого в ближайшее время. Сестра считает, что это очень глупо. Элиза, полагаю, ты не боишься тяжелого труда?

— Ничуть.

Так все и решилось. Для меня началась новая глава. Отъезд из Общины Субботнего озера дался мне тяжко: я долго размышляла, стоит ли покидать близких и как это на них повлияет. Зато уехать из Портленда ничего не стоило. Жизнь в городе продолжила идти своим чередом, и никто не заметил моего отсутствия.

Я села на поезд до Уинстона, а от станции взяла двуколку до Авадапквита, городка, находив-

шегося в двух милях к югу. Стоял пасмурный дождливый ноябрь. Проезжая город, я видела лишь рыбаков в резиновых сапогах и толпу безликих рабочих, грузивших древесину в доках. На главной улице высилась гостиница. Я заприметила бакалейную лавку и несколько магазинчиков, заколоченных на зиму.

Возница свернул на длинную проселочную дорогу, окруженную густым подлеском. Сперва я даже заволновалась, что он отклонился от маршрута и задумал что-то ужасное. Местность выглядела безлюдной. Странно, что тут вообще была дорога. Но вскоре нам встретилась повозка с сеном, запряженная белой лошадью. Фермер помахал нам с козел. Повозка напомнила мне Субботнее озеро и мою старую деревню.

Через несколько минут мы свернули на подъездную дорогу к дому Ханны. Копыта гулко стучали по тропе; вскоре по этому звуку я буду определять прибытие гостей. Тогда я поняла, что дорога, по которой мы ехали, находилась не в дремучем лесу, а всего в нескольких шагах от побережья.

Дом казался слишком большим для семьи с одним ребенком. Величественный, элегантный, современный, он был окрашен в бледно-желтый

цвет. С трех сторон его окружали высокие сосны; с четвертой раскинулся океан. Тут было очень живописно. «Вот бы сестре приехать сюда», — подумала я.

На пороге меня встретила невестка Ханны — Элис, полноватая женщина с каштановыми волосами, вьющимися мелким завитком и нимбом окружавшими морщинистое лицо.

Она сказала, что Ханна отдыхает.

— Бедняжка. Она вся на нервах, — прошептала Элис. — Переживает из-за ребенка.

— Ясное дело, ведь это ее первая беременность? — ответила я и по лицу Элис догадалась, что ляпнула что-то не то.

— Агнес тебе не сказала? — спросила Элис. — Впрочем, возможно, она сама не знает. Она же приезжает и уезжает, когда ей вздумается, и никогда здесь не задерживается. Ханна очень плоха. Слишком много ей пришлось пережить. Я говорю тебе об этом, чтобы ты знала: с ней сейчас надо обращаться очень бережно. Ты должна это понимать.

Я кивнула, хотя не сообразила, что именно она пытается до меня донести и как я должна реагировать.

Элис предложила мне суп, и я с благодарностью

согласилась. Она смотрела, как я ем, а сама рассказывала про мужа и его родственников, словно мы с ней были знакомы сто лет.

— Мне всегда казалось, что Сэмюэль из ревности построил дом так далеко от города и родственников Ханны, — рассудила она. — Он знал, что подолгу будет пропадать в плаваниях, и не хотел, чтобы мужчины на нее глазели. Но мне так намного сложнее ей помогать.

— Понимаю, — ответила я.

Элис ушла, и остаток дня я осматривала дом и выделенную мне комнату. Это была очень необычная комната. Она находилась за дверью, которая сливалась со стеной лестничной площадки второго этажа и была оклеена такими же обоями с совпадающим узором. Помещение было маленьким, но очень светлым: в двух стенах имелись окна, из которых открывался превосходный вид на океан. Места хватало для узкой кровати, небольшого письменного стола и комода с выдвижными ящиками. У меня никогда в жизни не было своей комнаты; я не знала, смогу ли уснуть в одиночестве.

Ханну я увидела лишь вечером, когда понесла ей ужин. Я тихонько постучала в дверь спальни, боясь разбудить хозяйку, и, по правде говоря, на-

деялась, что она спит. Но она слабо отозвалась:

— Входи.

У нее были впалые щеки и усталая улыбка. Под простыней просматривались очертания выпуклого живота. Я опешила. Я никогда не видела беременную женщину.

— Ты, значит, Элиза, — сказала она.

— Да, миссис Литтлтон.

— Зови меня Ханна.

Она поблагодарила меня за ужин, вежливо справилась, как я доехала, и попросила прощения, что не спустилась меня встретить. Спросила, нужно ли мне что-нибудь. Я отвечала коротко. Вскоре вопросы закончились, и я об этом пожалела. Не зная, что делать дальше, я ушла, оставив Ханну ужинать в одиночестве. В последующие дни, когда я заходила справиться о ее самочувствии или приносила ей еду, она всякий раз оправдывалась, что не может мне помогать.

А когда я принесла кувшин с горячей водой и полотенце и поставила на мраморный умывальник, Ханна и вовсе захлебнулась в извинениях. Элис сказала, что мне придется помогать ей мыться, но Ханна покраснела от смущения и промолвила:

— Тебе необязательно это делать.

Я ответила, что мне не трудно, но настаивать не стала.

На следующий день она сказала:

— Я знаю, как сложно поддерживать порядок в этом доме.

Я ответила, что не боюсь труда и даже его люблю. Я к этому привыкла.

— Сестра сказала, что тебя воспитывали шейкеры, — ответила Ханна. — Полагаю, раньше у тебя было еще больше обязанностей.

На самом деле мирским и не снились наши шейкерские раковины, насосы и плиты. У нас были механические подъемники: с их помощью мы поднимали на чердак тяжелую мокрую одежду и простыни и развешивали сушиться.

Дома у Ханны я полчаса развешивала одну стирку, прикрепляла каждую вещицу прищепками, а в последнюю секунду веревка оборвалась, и вся чистая одежда оказалась в грязи под ногами.

Я устраивала стирку по понедельникам, кроме дней, когда шел дождь или замерзал насос. Сначала таскала в дом тяжелые ведра с водой и грела их на плите. Отстирывала и выжимала простыни, скатерти, одежду и выносила на улицу в большом тазу, а там развешивала на веревке, пока плечи не начинали дрожать от усталости, а запястья бо-

леть. На следующий день я подогревала на плите шесть утюгов и использовала их по очереди, так как они быстро остывали. Все мои пальцы были обожжены и покрылись красными пузырями. Я стояла у горячей плиты, обливалась потом и молилась, чтобы никто не постучал в дверь и не застал меня в таком виде. Каждый день я начищала полы, подметала, штопала. Мыла окна. Заготавливала дрова на лютом холоде. Кормила овец. Кормила цыплят, убивала их и жарила. Собирала яйца. Готовила на угольной плите.

Целыми днями лишь шум океана за окном разбавлял мое одиночество. По вечерам я строчила письма сестре и, когда та отвечала, пересказывая новости Субботнего озера, пыталась оживить в воображении описанные события. Я по ней скучала. Иногда задумывалась, не суждено ли мне вернуться в общину. Но я пообещала Агнес, что останусь с Ханной до возвращения Сэмюэля.

Ханна почти ничего не ела. По утрам я приносила ей чай с поджаренным хлебом, а она сидела на стуле у окна в белой ночной рубашке. На коленях у хозяйки всегда лежала книга, но я ни разу не видела, чтобы она читала. Ханна смотрела в окно. Наверно, глядит на океан и вспоминает о муже, который где-то там, в море, думала я. Но од-

нажды я проследила за ее взглядом и увидела, что возле дома, где начинался лес, из земли торчат четыре металлических столбика, соединенные цепочкой. Квадратный огороженный участок. Кладбище. Позже я вышла и увидела два белоснежных детских надгробия с четкой надписью, высеченной совсем недавно:

В память о Полли, 6 июня 1851 года — 12 декабря 1851 года

Нашему Уильяму, 17 сентября 1852 года — 9 сентября 1853 года

Я опустилась на колени и помолилась за детей и Ханну. Бедная женщина, ей, должно быть, очень страшно. В Общине Субботнего озера нам рассказывали, что дети матушки Анны умерли, потому что она согрешила. До этого самого момента я никогда в том не сомневалась. Но Ханна не могла совершить ничего такого, что навлекло бы на нее такую страшную трагедию. Мне хотелось ее успокоить, сказать, что на все воля Божья, но я так и не набралась смелости заговорить на эту тему.

Через несколько недель среди ночи меня разбудил крик. Ханна звала меня. Я бросилась к ней и поняла, что врач уже не поспеет. Между ног показалась детская головка. Не верилось, что

такая большая круглая голова может пролезть наружу, и тем не менее я увидела это своими глазами. Кровь насквозь пропитала простыни и капала на деревянный пол. Ханна застонала, а потом завыла. Я в жизни не слышала таких страшных звуков.

Ребенок не кричал. Ханна сказала, что чувствует: он не выживет. Я не знала, правда это или нет. Я никогда не видела новорожденных. Маленький Альфред прожил два дня. После смерти сына Ханна еще день и ночь его баюкала. Она рассказала о других детях, которые умерли. Годовалого Уильяма унесла скарлатина. Полугодовая Полли умерла по неизвестной причине. Врач сказал — от инфекции. Но она болела с самого рождения. Всего у Ханны было семь беременностей.

Пришла Элис и закричала, увидев на руках у Ханны мертвого ребенка. Она настояла, чтобы мы позвали врача. «Зачем ты разрешила ей взять его на руки?» — накинулась она на меня, но я не понимала, что плохого сделала. Это был ребенок Ханны; она имела право взять его на руки.

Когда пришел врач, меня отослали прочь, но я слышала, как они с Элис умоляли Ханну отдать ребенка. Вскоре врач ушел с коробкой, накрытой тряпицей. Я вспомнила женщину, с которой

ехала на поезде из Портленда: та везла клетку с двумя попугайчиками и, когда они принимались слишком громко щебетать, накрывала клетку простыней.

Элис сказала, что утром вернется, но на рассвете начался буран, и за стеной снега не стало видно океана. Элис не пришла. Никто не пришел.

Слушать рыдания Ханны было невыносимо. Я никогда не видела, чтобы человек так сильно горевал и так крепко любил. На второй день я принесла ей ужин, оставила на столике у кровати и собиралась незаметно уйти, когда Ханна сказала:

— Пожалуйста, не уходи.

Она похлопала по краю матраса. Я села и стала гладить ее по спине, пока она плакала. Так продолжалось несколько часов. Наконец я зевнула, выбившись из сил, и Ханна произнесла:

— Прости меня, Элиза. Ты устала. Приляг.

Я прилегла. Ночь мы проспали обнявшись, как когда-то спали с сестрой.

Ханна мучилась от боли, почти не притрагивалась к пище и с трудом отрывала голову от подушки. Я помогала ей мыться, бережно стягивала хлопковую сорочку, окунала полотенце в таз с теплой мыльной водой и ласково проводила

по ее спине, рукам, шее и ногам.

Погода не способствовала выздоровлению. Уже к середине дня в комнатах становилось темно, как в полночь. Холод прокрадывался в дом; ветер сотрясал оконные рамы. Однажды ночью я проснулась от звука разбившегося стекла. Чернильница на столе замерзла и лопнула.

Той зимой мне казалось, что метель не прекращалась ни на минуту. К нам почти никто не приезжал.

Как-то раз Ханна отказывалась есть четыре дня кряду, и я испекла яблочный пирог по рецепту общины Субботнего озера. Мы пекли такой пирог на завтрак: сладкий, ароматный, сытный. Им можно было накормить голодного фермера, трудившегося на полях весь день с рассвета до заката. Я принесла хозяйке кусок пирога и стала кормить с вилки. Она все съела.

Сэмюэль вернулся на третьей неделе марта.

Он был очень красив, высок и широкоплеч. Глядя на них с Ханной, я понимала, почему они друг друга полюбили. По ночам я слышала, как Ханна плачет за закрытой дверью спальни. Сэмюэль умолял ее перестать, твердил, что ему невыносимо видеть, как она страдает. Требовал, чтобы она одевалась и ела с ним в столовой.

— Дорогая, прошу, я лишь хочу, чтобы ты была счастлива, — говорил он. — Скоро я опять уеду. У нас не так уж много времени.

Он не был дурным человеком и любил Ханну. Это было очевидно. Но он не мог ей помочь. Он хотел, чтобы она была *счастлива*. Чтобы снова стала беззаботной, как прежде, когда они повстречались. Но с таким же успехом он мог пожелать, чтобы она превратилась в лесного оленя. Его желание было совершенно нелепым и невыполнимым.

Он привез из плавания два сундука подарков. Красивее всего был сервиз из стаффордширского фарфора яркого нефритово-зеленого цвета с каемкой, похожей на позолоченное кружево, и узором из розовых и желтых цветочков. Сервиз состоял из полного набора посуды на восемь персон. Я бережно разворачивала тарелки и чашки и расставляла их на средней полке пустой буфетной, вспоминая шутку Агнес про дворецкого.

Всякий раз заходя в буфетную, я любовалась этим сервизом, как любуются картинами в рамах. Ханна совсем не интересовалась посудой и шелками, которые привез ей Сэмюэль. Ее не радовали даже драгоценности. Я знала, что хозяину обидно. Мне было его жаль.

Перед отъездом в очередное плавание он заставил Ханну позировать для совместного амбротипа, который собирался взять с собой на память. Она хотела надеть черное, как подобает скорбящей матери, ведь она все еще оплакивала смерть ребенка. Сэмюэль рассердился и сказал, что ей гораздо больше идет зеленое платье, которое он купил, и он хочет запомнить ее в более жизнерадостном наряде. Пока фотограф устанавливал камеру, Ханна плакала.

— Хватит, — с отеческой строгостью проговорил Сэмюэль. Я вздрогнула от его тона. — Ханна, улыбнись.

Она улыбнулась.

— Смотрите в глаза мужу, — сказал фотограф.

Она посмотрела.

Их попросили оставаться в той же позе две минуты. Я мысленно отсчитывала секунды. Когда все кончилось, обессиленная Ханна легла в постель.

Когда Сэмюэль снова уехал, я ощутила облегчение. Не знаю, что чувствовала Ханна. Провожая его, она плакала, но я привыкла видеть в ее глазах слезы, и трудно было установить их настоящую причину. Однажды утром она призналась, что это ужасно, когда твой муж так часто уезжает

и подолгу отсутствует. Но зачем же тогда она вышла за моряка дальнего плавания? Я этого не понимала, но, как обычно, списала все на особенности своего воспитания. Нам никогда не объясняли, что такое романтическая любовь. Я никогда не видела такой любви своими глазами.

Возможно, любовь всегда подразумевала некоторые сложности. Настоящая любовь всегда причиняла неудобства. Девушки из шляпной мастерской в Портленде вечно жаловались на своих ухажеров, их недостатки и измены. Но почему-то это их не отталкивало и не заставляло прекратить отношения. Никто из этих девушек не выбирал одиночество и не жаждал освободиться от сильных эмоций.

Вскоре после отъезда Сэмюэля пришло письмо от сестры. Я по привычке отнесла его в комнату, чтобы прочесть перед сном. Обычно Эмили писала о погоде, своей работе на ферме, здоровье старейшин. Ее письма были скучными. Но мне все равно нравилось их получать.

Однако в этот раз написанное меня потрясло. Недавно Эмили узнала тайну из нашего прошлого. Оказывается, после того как отец оставил нас в общине, он встретил женщину и женился повторно, не сказав ей, что прежде был женат.

Их дочь приехала на Субботнее озеро и искала нас с Эмили. Она объяснила, что ее отец — наш общий отец — недавно умер и на смертном одре признался, что у него есть еще две дочери.

Я убеждала себя, что нет причин отчаиваться. Я столько лет думала, что отца нет в живых, и вот узнала, что он умер, но недавно. Какая разница? Но почему-то я заплакала и никак не могла успокоиться. Я даже не осознавала, как громко плакала, пока в дверь не постучали.

— Элиза? — спросила Ханна. — В чем дело?

Я все ей рассказала. Она села на кровать и обняла меня.

— В детстве я мечтала иметь восьмерых детей, — произнесла она. — Теперь готова на все, лишь бы Господь даровал мне хоть одного.

Я решила, что она снова обратилась мыслями к собственным проблемам. Но она думала обо мне.

— Как он мог бросить вас? Как можно оставить самое дорогое?

Тем вечером мы проговорили несколько часов. Нет лучшего лекарства от горя, чем помощь чужой беде. Думаю, тогда я впервые увидела Ханну такой, какой она была раньше, до всех ее утрат. Когда она наконец заметила, что нам пора ложиться, за окном занималась заря. Она

поцеловала меня в щеку и пошла к себе.

На следующей неделе Ханне стало лучше, и она решила помочь мне сделать генеральную уборку. Мы разделили обязанности пополам и приступили к делу в хорошем настроении, скрашивая работу беседой. Ханна удивилась, что я всю жизнь прожила в Мэне, но увидела океан лишь в восемнадцать лет. Две недели мы отчищали дом. Лампы и плита закоптили стены и потолки; тряпки и щетки почернели от сажи. Мы развесили половички и шторы на веревке во дворе и хорошенько их выбили. Вынесли из дома всю мебель. Кресла и диваны из гостиной оставили проветриваться на лужайке; кровати оттащили в одну комнату наверху. Мы все вычистили и не пропустили ни одного укромного уголка. Натерли маслом и полиролью деревянные панели, мебель и полы. Вытерли пыль. Вымыли полы тряпкой.

В конце каждого дня мы падали на кровать без сил.

Именно тогда Ханна стала по собственному желанию ужинать в столовой и просила, чтобы я садилась с ней. Однажды я рассказала о шляпной мастерской в Портленде, где познакомилась с ее сестрой, и чудесных шляпках, которые мы шили. Ханна ответила, что любит шляпки, но у нее

давно не было повода их носить.

Я решила, что ей должен понравиться шелковый драпированный чепец, и стала вставать раньше, до рассвета, и шить его втайне от Ханны. Я вручную изготовила проволочный каркас, сшила шелковую подкладку и обтянула каркас несколькими слоями муслина, марли и тафты цвета слоновой кости. Когда я наконец вручила Ханне чепец, та просияла и действительно обрадовалась. Она крепко меня обняла. Мое сердце воспарило; чувство, что мне удалось ее порадовать, казалось самым чудесным на свете.

Тогда в дом наконец пришла радость. Мрак рассеялся, как туман над водой. Я решила, что виной всему весна, первоцветы, потепление, долгие дни и распахнутые настежь окна. Истинная причина тогда еще была мне не ясна.

Как-то раз я призналась Ханне, что скучаю по Субботнему озеру, хотя всегда мечтала уехать. Она попросила рассказать про общину. Я ответила, что у шейкеров меня называли сестрой Элизой, и она сказала, что будет называть меня так, если я захочу, ведь я стала для нее кем-то вроде сестры.

Нас объединяло тепло и близость, каких я прежде никогда не испытывала, даже в общении

с Эмили. Это не укрылось от внимания Агнес, когда та приехала в гости.

— Я знала, что ты будешь добра к моей Ханне и сможешь о ней позаботиться, — сказала она. — Но никогда не думала, что вы так подружитесь. Я благодарю Бога, что встретила тебя, Элиза. Ты вернула ее к жизни.

Тогда мы еще не знали, что Ханна носит ребенка, здоровую и крепкую девочку. Впоследствии эту девочку назовут Франсис Констанс Литтлтон, и она проживет больше века. Наша Фэнни.

После рождения Фэнни Ханна несколько месяцев никак не могла перестать ее теребить и будить, желая убедиться, что она дышит. Ей не верилось, что дочь останется в живых. Ханна все ждала, когда наша звездочка померкнет, как случалось с предыдущими детьми. Я волновалась за здоровье хозяйки: она была очень слаба и сильно уставала. По ночам я вставала и сидела возле нее, пока она кормила Фэнни в кровати. Как-то раз мы уснули втроем и с тех пор спали вместе каждую ночь.

Когда Фэнни исполнился год, страхи Ханны постепенно улеглись. Это было чудесное время. Я никогда не видела Ханну такой счастливой.

В первый день рождения Фэнни во мраке ран-

него утра Ханна поцеловала меня. Никто раньше не проявлял ко мне нежности. Я ощутила экстаз. В детстве я часто слышала это слово, но лишь тогда поняла его значение.

Три месяца спустя Сэмюэль вернулся домой прежде назначенного срока. Фэнни исполнился год и три месяца. Он полюбил малышку, а она его. Я молча удалилась в комнату, где принялась бороться с ревностью. Я злилась на Ханну, понимая, что моя злость абсурдна. Ведь Сэмюэль приходился ей мужем и не было ничего странного в том, что они спали в одной кровати, гуляли вдоль утесов, держась за руки, а меня оставляли с малышкой. Они любили друг друга; в этом не было сомнений.

Я то и дело вспоминала тот поцелуй. Так часто проигрывала его в памяти, что мне уже стало казаться, будто я его придумала. В присутствии Сэмюэля Ханна была со мной ласкова, как прежде, но я ощущала ее отстраненность, и мне становилось грустно.

Через четыре месяца он уехал. Ханна плакала, а я не знала, как реагировать. Я так радовалась отъезду хозяина. Его повысили до капитана; он должен был вернуться лишь через три года.

— Три года — это же вечность, — сказала Хан-

на.

Но три года пролетели как один миг.

В первую неделю или две я стеснялась, но потом она опять попросила меня спать с ней и Фэнни. Все вернулось на круги своя. Несмотря на мое смятение, я снова была счастлива.

Через девять месяцев родился Джеймс, пухлый, здоровый и горластый малыш. Роды опять прошли благополучно.

От Сэмюэля приходили письма. Он расспрашивал про мальчика и очень радовался, что родился сын. Ханна никогда не читала эти письма вслух, но оставляла их на столике у кровати, не убирая в конверт, и, находясь в ее спальне в одиночестве, я просматривала их, не считая это нечестным, ведь они лежали на самом виду. Сэмюэль писал, что разлука кажется ему невыносимой. И обещал взять Ханну с детьми в следующее плавание — путешествие в Индонезию длиной в четыре года.

Ханна ни слова мне об этом не сказала. Оставалось гадать, согласится ли она поехать, и что станет со мной, если она уедет. Мне отчаянно хотелось узнать, что она ему отвечает, но спросить я не осмеливалась. Я вспомнила данное Агнес обещание: оставаться с Ханной, пока та будет во мне нуждаться. Но взамен мне никто ничего

не обещал.

За исключением редких неприятных напоминаний о скоротечности жизни, наше существование было наполнено простыми радостями. Мы с Ханной были очень близки. К детям я относилась как к родным. Мы обе их растили, вместе управлялись с хозяйством. Никогда не ссорились и жили мирно. Летними вечерами сидели на веранде; я читала ей вслух до самых сумерек. Ханна говорила, что любит меня, и признавалась в этом легко и свободно, как в любви к собственным детям.

Иногда мы держались за руки, слушали шум волн, и мне казалось — сердце разорвется от благодарности за все прекрасное, что дал мне Бог. Дети переселились в отдельные комнаты, но мы с Ханной по-прежнему спали вместе в ее кровати. Когда гасли свечи, мы долго не могли уснуть — держались за руки, перебирали пальцами складки простыни, делились теплом. Иногда мне казалось, что мир сужается до этих ночных минут. Мы никогда это не обсуждали.

Я почти не вспоминала о существовании Сэмюэля до октября 1860 года, когда от него пришло письмо. Его корабль отплыл из Испании и должен был прибыть в Авадапквит через месяц.

Ханна начала прихорашиваться. Все время повторяла, что растолстела. Отказывалась есть даже любимые блюда. Смотрела на свое отражение в зеркале и переживала, что волосы не такие пышные, как раньше, а руки не такие тонкие. Заехала Агнес, и Ханна попросила ее купить в Портленде духи, которые нравились Сэмюэлю.

Я ни о чем не просила Ханну. В Общине Субботнего озера было не принято проявлять недовольство; какие бы страсти ни бурлили внутри, внешне братья и сестры всегда сохраняли невозмутимость. Я умела скрывать чувства. И знала, что говорить о них бессмысленно. Я верила, что Ханна меня любит, и понимала, что, когда ее муж вернется, у нее не будет иного выбора, кроме как расстаться со мной. Я лишь смела надеяться, что она уговорит его оставить меня присматривать за домом в свое отсутствие, и тогда мы снова увидимся через четыре года.

За несколько дней до возвращения Сэмюэля мы начали готовить праздничный обед.

Ханна попросила меня испечь мой фирменный яблочный пирог.

— Когда-то он вернул меня к жизни, — произнесла она со счастливой улыбкой. Я тоже улыбнулась. Мне хотелось ответить, что этот

пирог только для нее и для хозяина я его печь не буду. Естественно, я не сказала ничего подобного и состряпала пирог.

Мы напекли хлеба, зажарили четырех кур, нарезали овощи, отполировали серебро.

Наконец утром пришло известие, что корабль показался на горизонте в трех милях от берега и прибудет в гавань через несколько часов. Мы поставили на стол зеленый сервиз из стаффордширского фарфора, тот самый, который Сэмюэль привез, когда я увидела его впервые, а Ханна так убивалась горем, что отказалась даже на него смотреть.

— Чудесный сервиз, — сказала она, любуясь тарелками.

— Да, — ответила я.

— Мой любимый цвет, — заметила она. — Надо же, он вспомнил.

Платье, выбранное Ханной по такому случаю, две недели висело на двери спальни. Я помогла ей одеться, туго затянула корсет, но она попросила затянуть туже. Я старалась не думать, что все эти муки для того, чтобы хозяин счел ее красивой.

Мы взяли детей, чистых и одетых в лучшие костюмчики, и повели на берег. Было холодно, но Ханна отказалась надевать пальто: хотела,

чтобы Сэмюэль увидел ее в бледно-зеленом платье с шелковым воротником. Я сама его сшила, несколько недель выкраивала и наметывала рукава, ушивала талию, зная, как ей понравится узкий силуэт и как пойдет ей это платье. Она надела мою шелковую шляпку и была так прекрасна, что я чуть не расплакалась.

Когда мы вышли на берег, корабль уже показался вдали. На пляже собралась толпа, встречавшая моряков. К радостному волнению примешивалась тревога: устье реки считалось опасным местом. Сильное течение сталкивалось там с океанскими волнами. Даже в погожий день участок на входе в гавань было сложно преодолеть.

Сегодня же море бурлило; сильный ветер нагнал волны.

Фэнни крикнула Джеймсу:

— Там наш папа! Он плывет с тобой познакомиться!

Все рассмеялись, а Ханна ответила, что так и есть.

Да простит меня Господь, но в ту минуту я думала лишь об одном: вот бы этот корабль развернулся и поплыл обратно. Я готова была отдать за это все.

Корабль вошел в пролив у самого устья реки,

сражаясь с набежавшими волнами. Он раскачивался, как игрушечный кораблик в руках безразличного ребенка, принимающего утреннюю ванну.

Ропот прокатился по толпе.

— В чем дело? — спросила я одного из встречавших.

Тот угрюмо смотрел на корабль.

— Там песчаная отмель. За последние два года она сдвинулась дальше от берега. В такой шторм Литтлтон там не пройдет. А он и не знает об отмели.

Корабль накренился под напором сильного встречного ветра. Его накрыло огромной волной. Позже мы узнали, что ахтерштевень ударился о дно, сломался пополам и раздробил руль. После этого вывести корабль на безопасное место уже не представлялось возможным. Толпу на берегу охватило отчаяние. Корабль кидало из стороны в сторону. Обрушились мачты. Мужчины на берегу пытались выпроводить женщин, но те не желали уходить. Я хотела остаться с Ханной, но она стала умолять меня увести детей, чтобы малыши ничего не видели. Сама она выглядела так, будто вот-вот лишится чувств. Мне так хотелось ее обнять, но я сделала как она велела. Какой-то

мужчина усадил ее на одеяло.

Я потащила Фэнни и Джеймса прочь, хотя дети сопротивлялись, не понимая, что происходит, но чувствуя: случилось нечто непредвиденное. Думаю, правду они тогда не осознавали. Мне самой не верилось в происходящее. Я оглянулась лишь однажды и увидела матросов, цепляющихся за обломки корабля. Их смыло следующей волной. От корабля остались одни щепки.

Я слышала, как мальчик лет шестнадцати объяснял маленькому ребенку, наверно брату, что ничего поделать нельзя; нужно лишь ждать. Малыш ответил, что мог бы поплыть и спасти утопающих или взять лодку с веслами. В тот момент этот план показался мне вполне разумным. Я ничего не знала об океане. Но подросток с сочувствием посмотрел на брата и ответил, что в такой холодной воде плыть нельзя, как и грести с такими волнами.

Оставалось только ждать. Никто не хотел признавать, что ожидание было напрасным. С каждой прошедшей минутой становилось ясно, что никто не выплывет на берег, одержав победу над стихией, и головы моряков не покажутся над волнами. И все же мы ждали. Ханна вернулась лишь несколько часов спустя и уложила детей

спать. Стол стоял накрытый к ужину. Я быстро убрала в буфетную, которую построил Сэмюэль, фарфор — будто убрав его с глаз, могла заставить Ханну обо всем забыть.

Все последующие дни и недели волны выносили на берег тела. Никто из моряков не выжил. Старший экипаж и шестеро матросов были местными. Еще десять членов экипажа были иностранцами, их набрали в итальянских и испанских портах. Когда море выбросило тела, никто не мог их опознать. Никто не знал имен этих моряков. На корабле также оказалась женщина, но кем она была и откуда, осталось загадкой. Ее и безымянных моряков похоронили на холме возле пляжа и отметили могилу простым деревянным крестом.

Когда нашли Сэмюэля, он был чисто выбрит и одет в свое лучшее платье. Он готовился к встрече с Ханной.

Два дня тело лежало в гостиной. Еще никогда в дом не приходило столько людей. Топот копыт на дорожке не смолкал почти ни на секунду. Скорбящие желали отдать дань уважения покойному, но я догадывалась, что многие руководствовались не совсем благими мотивами. Им хотелось прикоснуться к трагедии и ощутить свою при-

частность. Людей притягивает чужое горе. В те дни я старалась оберегать Ханну, как никогда.

На второе утро я обнаружила детей в дверях гостиной. Они сидели на полу. Сердце разрывалось при виде малышей, недавно узнавших, что такое смерть. Джеймс находился рядом с отцом с первый и единственный раз.

Сэмюэля похоронили на семейном кладбище возле его покойных детей.

На похоронах пастор говорил о храбрости Сэмюэля. Тот осознавал опасность плавания и знал, что может погибнуть, но это его не испугало. Я подумала о Ханне: та тоже многократно рисковала жизнью, пытаясь произвести на свет ребенка. Если бы она умерла в родах, стал бы пастор говорить о ее храбрости и отзываться о ней с таким же почтением?

После похорон Агнес нашла меня в толпе и взяла за руку.

— Прошу, не уезжай, — сказала она, — ты ей нужна.

Я честно ответила, что никуда уезжать не собираюсь.

Я написала сестре о случившемся, но, чтобы нарисовать достоверную картину того, как изменилась наша жизнь, мне понадобилось бы

рассказать ей обо всем без утайки, а я этого сделать не могла. Даже на описание происходившего в тот день на наших глазах в море не хватило бы века. И уж точно я не могла раскрыть, что творилось в моей душе, — ни сестре, ни кому-то другому.

Дом снова погрузился в скорбь, но в этот раз Ханна оправилась быстрее.

До конца дней я несла груз вины. Боялась, что накликала беду и Сэмюэль сгинул из-за меня. Но вина стала платой за счастье, которое я обрела в результате. На двенадцать долгих лет Ханна с детьми стали частью моего мира. Я не знала никого кто жил бы так. Иногда я бродила по дому в старой одежде Сэмюэля. Мне нравились его удобные мешковатые брюки, льняные рубашки на трех пуговицах. В холода я надевала хозяйское пальто. Ханна в шутку называла меня хозяином дома и смеялась.

Элис говорила, что бедняга Сэмюэль спрятал жену в доме на отшибе у моря, чтобы никто не положил на нее глаз. В итоге уединенное расположение дома стало нашим спасением. Дети пошли в школу и завели друзей. Думаю, они никому не рассказывали о наших обстоятельствах. Я убеждала себя, что они не видят в этом ничего

необычного, но знала, что заблуждаюсь. Как бы то ни было, дети чувствовали, что их любят всем сердцем. Даже сейчас я вижу, как мы вчетвером сидим у очага на кухне, читаем вслух «Истерн аргус» или «Крисчиан миррор» или зачитываем друг другу любимые строки из Библии. Позже Джеймс и Фэнни стали читать нам Шекспира, По и Генри Уорда Бичера[38].

Если бы Сэмюэль не погиб во время кораблекрушения, всего через год или два он мог бы погибнуть на войне. Многие наши знакомые ушли на войну и не вернулись.

Брат Ханны Чарльз поступил в Мэнский двенадцатый пехотный полк. Раз в неделю, а то и чаще, он присылал письма Ханне, Элис и их детям. Однажды письма прекратились, и пять недель от него не было вестей. Родные боялись худшего. Я молилась, чтобы Чарльз выжил: эти женщины и так много выстрадали.

Однажды утром приехала Агнес. Мы еще спали. Она вошла, поднялась по лестнице и вбежала в спальню.

— Дорогая, — выпалила она, — проснись! Чарльз… он…

---

[38] Примечания: 38

Генри Уорд Бичер (1813–1887) — брат писательницы Гарриет Бичер-Стоу, аболиционист, религиозный деятель.

Увидев, что мы еще спим, она вышла из комнаты.

Ханна бросилась следом. На кухне они обнялись и зарыдали. О том утре больше никогда не говорили.

Два года спустя, в 1864 году, однажды утром в понедельник приехала Агнес в компании джентльмена по имени Леонард Кросби. Они вместе работали в газете. Губернатор объявил День поста[39], и сотрудников редакции отпустили по домам.

— Зовите меня Кросби, — сказал гость.

Кросби был полной противоположностью Агнес: она — высокая и тонкая, он — низенький и толстый. Его лысину опоясывал кружок густых каштановых волос, как у монаха.

Кросби рассказал, что на станции им встретился человек, кричавший, что пора закончить войну, а Линкольн, которого недавно переизбрали, должен вернуть домой наших ребят. Кросби назвал этого человека предателем дела борьбы за свободу. Я его понимала. И все же мне казалось,

---

[39] Примечания: 39

День публичного поста и молитвы — официальный праздник в Новой Англии с плавающей датой, который объявляли накануне или после важных событий (например, перед посевной). Отмечался с 1670 по 1991 год.

он не осознавал, как сильно наш народ устал от сражений. Как много мы потеряли. В наших краях на войне сгинул каждый пятый. В городе не осталось дома, где на дверях не висел бы черный траурный венок. Многие солдаты возвращались домой без ног, рук или кистей.

Потом начали мобилизовать стариков. Уолтер Фарнхэм, начальник городской почты шестидесяти двух лет от роду, уехал сражаться в Луизиану. Не прошло и месяца, как он погиб. Многие умирали дома от долгих и мучительных болезней, одолевших их в южном болотном климате, к которому холодная новоанглийская кровь совсем не привыкла.

По пятницам Ханна работала в обществе помощи солдатам: скручивала бинты и собирала коробки с провизией для отправки на фронт. Каждую неделю, возвращаясь, она рассказывала душераздирающие истории, которых хватило бы на целую книгу. Не уставала повторять, как благодарна, что Джеймс — ее единственный сын и его не отправят на фронт. Хотя, будь он старше, возможно, ушел бы добровольцем. Горе матерей, чьи сыновья гибли на войне, казалось чудовищным. У Ханны разрывалось сердце. Она твердила, переживает за детей, рожденных в этот

мир, полный бед.

Кросби сказал, что работает над большой статьей об армейском хирурге Уильяме Хэммонде. Я никогда о нем не слышала.

— Он гений, — сказал Кросби. — Этот человек спас тысячи солдатских жизней. Его деятельный ум не останавливается ни на секунду. Он хочет написать роман и научный труд с опровержениями спиритуализма.

— Зачем? — полюбопытствовала Агнес.

– *Зачем?*

— Да, зачем? Однажды я была на спиритическом сеансе, — призналась она. — Это было интересно. В спиритуализме нет вреда.

— Ты была на сеансе? — опешила Ханна.

— Нет вреда? — спросил Кросби почти одновременно с ней. — Одну женщину в Кембридже сейчас судят за убийство. Она работала сиделкой у смертельно больной и притворялась медиумом. Отравила подопечную мышьяком и сбежала с мужем покойной. Теперь утверждает, что злые духи вынудили ее это сделать. Нет вреда, как же, — фыркнул Кросби.

Агнес закатила глаза. Но улыбнулась. Ей, кажется, нравилось с ним спорить.

— Хэммонд говорит, что вера в эту чушь у жен-

щин является признаком нервного расстройства. Первая леди поселила медиумов в Белом доме, чтобы в любой момент общаться с покойными сыновьями. Будь я на месте Линкольна, давно бы с этим покончил!

«Но ты не на месте Линкольна», — мысленно возразила я, правда, вслух ничего не сказала.

Не успела я задуматься, почему меня так задели его слова, как он продолжил:

— Хэммонд открывает в Капитолии музей анатомии человека. Он велел военным врачам собирать и присылать ему с фронта ампутированные части тел. У него уже шесть тысяч образцов. Кости, сердца, мозг. Ноги и руки с застрявшими пулями.

— Но это варварство. — Ханна схватилась за горло.

Я догадалась, что она вспомнила брата: после его смерти тело, присланное с фронта, стало для нее единственным утешением. Как и тело Сэмюэля. Мне захотелось взять ее за руку, но при всех я не могла.

— Ничего подобного, — ответил Кросби, — это делается во имя науки. В нашей стране никогда не было такого музея.

Никто не знал, что сказать. Агнес принялась

описывать заметку, над которой сейчас трудилась: в ней она осуждала дезертиров, скрывавшихся в лесах вокруг Авадапквита и по всему Мэну, и тех, кто заплатил триста долларов, чтобы на войну вместо них пошел кто-то другой.

А мне хотелось спросить, почему не пошел на фронт Кросби.

Я рассказала, что старейшины шейкеров ездили в Вашингтон и просили Линкольна освободить их от воинской обязанности по причине того, что они миролюбивы. Сестра сообщила об этом в письме. Президент согласился, но шейкерские поселения все же не избежали влияния войны. В поисках пищи и крова к ним приходили и солдаты Союза, и конфедераты, и шейкеры привечали всех, хотя, безусловно, сочувствовали Союзу[40].

Агнес не понимала, чем шейкеры отличаются от медянок[41], которых презирали за трусость.

— Таких людей совсем не заботит борьба за освобождение чернокожих, — заметила она.

---

[40] Примечания: 40

Союз 24 северных штатов, который в Гражданской войне в США противостоял Конфедерации южных штатов.

[41] Примечания: 41

Медянки, или медноголовые, — группа демократов из северных штатов, которые до и во время Гражданской войны выступали за союз с конфедератами. Название фракция получила за сравнение со змеей, медноголовым щитомордником.

Ее слова возмутили меня. Я возразила, что шейкеры принимали у себя беглых рабов, еще когда я была ребенком. В наших поселениях черные и белые жили бок о бок, сколько я себя помнила.

Я могла бы спорить с ней и дальше, вспомнить, что Мэн стал отдельным штатом в рамках Миссурийского компромисса[42], и Агнес и другие этим гордились. Могла бы отметить, что семьи Агнес, Ханны, да и почти все белые семьи Авадапквита сами участвовали в работорговле, хоть и не напрямую: просто эти рабы трудились на сахарных и табачных плантациях Карибских островов, вдали от глаз. Но сахар и табак, который они собирали, предназначался американцам, и в Америку его привозили новоанглийские корабли. Однако об этом никто не хотел говорить.

Все же мои слова немного осадили Агнес, и она написала об этом в газете. Она хвалила шейкеров за непоколебимую веру в истину и справедливость и добавляла, что за все годы нашего знакомства я всегда служила для нее превосходным примером шейкерского воспитания,

---

[42] Примечания: 42

До 1820 года штат Мэн являлся частью Массачусетса. В 1820-м было принято соглашение, известное как Миссурийский компромисс: штат Миссури отходил к рабовладельческому Югу, штат Мэн — к Северу, где рабовладение было запрещено. В результате этого соглашения территория рабовладельческих штатов существенно расширилась.

формирующего в человеке стойкую мораль. В колонке она называла меня «экономкой сестры, которая живет в ее доме много лет», и это описание почему-то задевало, хотя я знала, что обижаться на него не следует.

Примерно так же я себя чувствовала, когда мать Сэмюэля приезжала навестить детей. Тогда я растворялась в окружающей обстановке и становилась незаметной, как потайная дверь в мою комнату на втором этаже, сливающаяся со стеной.

По вторникам мы с Ханной ходили на молитвенные собрания. Однажды я услышала, как женщина за нашими спинами шепотом заметила, что странно приводить с собой служанку. Ее соседка ответила, что в этом нет ничего странного, ведь мы с Ханной — двоюродные сестры. Уж не знаю, почему она так решила. Люди верят, во что хотят.

Говорят, чужая душа — потемки. Представьте, как я удивилась, когда год спустя Агнес вышла за Кросби. Она сказала Ханне, что, несмотря на внешнее впечатление, в душе он добрый и порядочный человек. И единственный мужчина, который принимает Агнес такой, какая она есть, не желая ее изменить.

Они вернулись в Авадапквит, хотя Кросби часто ездил в командировки. Он стал одержим тем военным хирургом, который несколько лет спустя начал охоту за черепами и частями тел индейцев. Желая произвести на него впечатление, Кросби сам отправился на раскопки в окрестности Авадапквита, надеясь наткнуться на любопытные человеческие артефакты. Он даже привлек к этому Джеймса, хотя, насколько мне известно, им удалось найти лишь несколько десятков наконечников от стрел в лесу.

Кросби говорил о занятиях Хэммонда как о захватывающих приключениях. В подробных письмах военные офицеры рассказывали, как были найдены тела, которые в итоге стали достоянием его музея. Кросби иногда зачитывал их вслух. Один офицер описал, как наблюдал за индейскими похоронами и горюющими родственниками покойного, а когда те ушли, вышел из укрытия и забрал голову мертвеца.

Ханна взглянула на Кросби как на безумца: мол, неужели тот на самом деле считает эту тему подходящей для светской беседы?

— Индейская культура вымирает, — ответил тот. — Они дикари. Их почти не осталось. Они бы и так вымерли, без нашей помощи. Индейцы раз-

носят болезни, воюют друг с другом и забирают друг друга в рабство. У них отсутствует понятие верности. Собирая эти артефакты, мы оказываем им услугу. Когда-нибудь по ним люди узнают о существовании вымерших диких племен.

Ханна недолюбливала Кросби и недоумевала, как сестра могла выйти замуж за такого человека. Но из нас двоих лишь я не могла забыть его слова. Как можно вырыть могилу только что похороненного человека и отрезать ему голову? Разве не это настоящее варварство?

Когда Кросби начал собирать собственную коллекцию индейских черепов, скальпов и осколков керамики, Ханну это тоже, казалось, не особенно встревожило. Всякий раз, когда речь заходила об индейцах, Ханна вспоминала своих предков, погибших от кровавых налетов. Ее прапрадед и прапрабабка стали жертвами Сретенской резни[43]: их убили в собственных постелях чуть

[43] Примечания: 43

Сретенская резня, также известная как нападение на Йорк 24 января 1692 года, — нападение на первых английских поселенцев, организованное французами, вступившими в союз с коренными американцами. Организаторами нападения были французский миссионер Луи-Пьер Тюри и вождь пенобскотов Мадокавандо (пенобскоты воевали на стороне французов против англичан в колониальных войнах); они привели в деревню поселенцев около 200–300 индейцев, убили 100 человек и взяли в заложники 80. Заложников заставили идти пешком в Канаду, где за них впоследствии заплатил выкуп уважаемый гражданин Бостона Джон Олден — младший.

южнее Авадапквита в 1692 году. Жилище прапрадеда и дома его соседей в Йорке сожгли индейцы абенаки и взяли в заложники двух его старших дочерей, двоюродных бабушек Ханны, а с ними еще двести шестьдесят жителей деревни. Их заставили идти пешком в Канаду лютой зимой.

Одна из этих двоюродных бабушек тогда была молодой женщиной и за три недели до налета родила третьего ребенка. Индейцы жаловались, что она идет слишком медленно, и, когда бедняжка ответила, что кормит младенца, один из абенаков выхватил ребенка у нее из рук и убил на ее глазах. Теперь, сказал он, она может идти быстрее. Позже эту женщину выкупили. Через восемь лет она вернулась домой и рассказала эту историю. Ее сестра осталась в Канаде и стала монахиней ордена Святого Иосифа.

Сэмюэль был потомком Эфраима Литтлтона, одного из первых поселенцев в этой части Мэна. Там, где сейчас стоял наш дом, когда-то находилась его скромная однокомнатная бревенчатая хижина с земляным полом. Индейцы сожгли ее дотла. Эфраим спал внутри.

Эти истории произошли задолго до рождения Ханны и Сэмюэля, но на всю оставшуюся жизнь привили им страх перед индейцами. Они боялись

их и испытывали к ним неприязнь. Не считали за людей.

Дикари. Шейкеров тоже раньше так называли. Мы вели жизнь, сильно отличавшуюся от так называемого цивилизованного существования.

Я никогда не делилась этими соображениями с Ханной. Даже не знаю почему. Вероятно, из трусости или из страха, что она меня не поймет. Мне казалось, что она не стала бы любить меня прежнюю.

Однажды Ханна призналась, что тайная комната, которую мне выделили, когда я только приехала в дом, на самом деле задумывалась как убежище на случай нападения индейцев.

У Агнес и Кросби не было детей. Тем не менее вести колонку в «Истерн аргус» замужней женщине было запрещено. Агнес пришлось уйти с работы. Тогда она нас удивила, всецело посвятив себя обществу трезвости. Она занималась этим всю оставшуюся жизнь. Исколесила Новую Англию с лекциями о вреде алкоголя. Мы с Ханной втайне подозревали, что она так любила свою благотворительную деятельность, потому что та давала ей предлог уезжать из дома, путешествовать и жить одной в гостиницах. Агнес снова чувствовала вкус независимости и откладывала

немного денег на крайний случай.

За эти годы мы с Ханной часто переживали из-за денег, но справлялись. Брали штопку и стирку, пряли, делали свечи из восковницы и продавали в городе. Ханна получала пенсию из фонда для вдов погибших моряков. Эти средства поддерживали нас, но их не хватало. Иногда мы сдавали пару комнат: содержание такого большого дома обходилось недешево.

Мы часто говорили, что надо бы переехать в жилище поменьше и ближе к городу. Наш особняк отнимал слишком много сил. Он был слишком огромным. Но мы так и не уехали. Сэмюэль построил этот дом для Ханны, и она не хотела уезжать. А мне казалось, что дело не в Сэмюэле, что она руководствуется куда более эгоистичными мотивами: здесь были похоронены ее дети, она не желала их покидать. Ханна часто бывала на кладбище, сидела возле надгробий и шепталась с детьми. А может, с Сэмюэлем, но я предпочитала думать, что с малышами.

Сестра беспокоилась о моем будущем. Ей казалось, я слишком долго служу в одной семье и в этой работе нет для меня никаких преимуществ. Одно дело работать на Ханну, писала она, но зачем я беру на себя дополнительные

обязанности и помогаю хозяйке сводить концы с концами? Если Ханна в итоге уволит меня, что я получу за долгие годы труда? У меня не было своего дома. Я не научилась ремеслу.

Я же волновалась за Эмили не меньше, чем она за меня. К тому времени начался закат шейкерских общин. Движение образовалось во время первой американской войны, а вторая война, похоже, положила ему конец. В стране назревали большие перемены. Ремесленное производство шейкеров не могло сравниться с массовым. Общине не удавалось удержать молодежь, стремившуюся к лучшей и более увлекательной жизни вдали от дома. В последующие тридцать лет все без исключения дети, воспитанные в Общине Субботнего озера — а их было более сотни, — покинули ее после достижения совершеннолетия.

Шейкеры хорошо подготовили меня к жизни, которую я теперь вела. У меня не было имущества; я не имела законных родственников. Но у меня была семья. Я познала главное богатство мира. Я вспоминала девушек из шляпной мастерской в Портленде, где мы познакомились с Агнес. Те вечно рассуждали о том, «как положено», и разочаровывались, если кто-то поступал как «не положено». Если жених медлил и не делал пред-

ложение, с ним следовало расстаться, несмотря на чувства. У меня же никогда не было представления о том, «как положено». Поэтому я могла жить так, как считала нужным, по-настоящему свободной.

Со временем в памяти остается лишь самое плохое и самое хорошее. Помню, как мы с Ханной и детьми катались на коньках на замерзшем пруду в миле от дома, где теперь находится поле для гольфа. Помню свою первую рождественскую елку: ее поставили в гостиной у окна, я сидела на подоконнике, взяв Джеймса на колени, и мы оба с восторгом на нее глазели. Дни рождения с тортом и мороженым, прогулки с Ханной в сумерках и наши руки, то и дело будто случайно соприкасавшиеся.

Я сожалею лишь о сложностях, которые мы себе создали. О глупостях, из-за которых переживали. Мы не знали, что нам отведено катастрофически мало времени. Намного меньше, чем я думала. Со дня нашей встречи до дня моей смерти прошло всего семнадцать лет. Один миг. Песчинка.

«Работай так, будто тебе осталось жить тысячу лет, и так, будто день твоей смерти наступит завтра».

Когда я жила у шейкеров, эти слова матушки

Анны повторяли каждый день, но тогда я не понимала их смысл. Теперь они звучат в моем сердце. Матушка Анна прожила всего на десять лет больше моего, но сумела затронуть жизни многих. Некоторые живут вдвое дольше и не оставляют после себя никакого следа.

Мне было тридцать восемь лет, я затевала очередную генеральную уборку по весне, и тут меня одолела чахотка. Такова жизнь: планы, планы, планы, а потом все вдруг обрывается, и ты паришь под потолком спальни и смотришь вниз на свое тело на кровати. Я с потрясением все осознала, и в этот миг вошла Агнес. Она подошла к кровати, заплакала, коснулась моей щеки и достала из кармана маленькие ножницы. Отрезала локон моих волос. Сейчас эти волосы в кольце, которое Агнес подарила Ханне вскоре после моей смерти; на нем гравировка с надписью: «Мы еще встретимся».

Ханна носила кольцо много лет, но в конце концов вид его стал слишком ее печалить, и она убрала его в ящик с памятными вещами, где лежали письма от брата, амбротип, на котором фотограф запечатлел их с Сэмюэлем, и шляпка, которую я для нее сделала, ее любимая и уже истрепавшаяся. Она поставила ящик в мою ста-

рую комнату, надеясь когда-нибудь рассказать о нем детям, но так и не стала. В какой-то момент она захотела обо мне забыть и велела Джеймсу заклеить дверь обоями и покрасить стену, чтобы каморку никто не обнаружил.

Ханна похоронила меня на семейном кладбище. Она не могла заказать мне такое же надгробие, как у Сэмюэля, — это было просто немыслимо. Нанимать камнетеса, платить ему, идти к пастору и просить его одобрить надпись для простой служанки, какой я являлась в глазах всего мира, — это вызвало бы слишком много вопросов.

Я это предвидела и заранее сказала ей, что не хочу надгробие над своей могилой. Шейкеры умирают, как жили, им чужды украшательства и тщеславие.

— Но ты уже не шейкер, — возразила Ханна.

В конце концов на мою могилу приволокли обычный валун. По просьбе матери Джеймс высек на нем надпись: «Сестра Элиза». Это имя никому ни о чем не говорило, кроме Ханны, но для меня стало свидетельством нашей близости. В смерти, как и в жизни, Ханна называла меня моим шейкерским именем.

Пока Ханна с детьми жили в доме, я тоже

оставалась там как призрак. Мне хотелось быть возле них. Но когда они умерли, мне уже не было смысла находиться в особняке. Я отправилась на Субботнее озеро. Я уже больше века там. Иногда возвращаюсь в дом в Авадапквите, надеясь встретить там Ханну, но никогда не задерживаюсь надолго. Без нее дом уже не тот. Он стал нравиться мне еще меньше, когда у двери повесили табличку с именем Сэмюэля Литтлтона. Какой абсурд. Я прожила в этом доме дольше него.

Но на утесах есть еще один призрак, который не хочет уходить. Он был там, когда я перешла черту и когда сестры перешли ее в 1959 году: сначала одна, а через несколько недель вторая. Он был там, когда умерла девочка, Дэйзи, и когда мать Дэйзи пошла в амбар умирать, но выжила.

Та, что осталась в доме, никогда не покидает этот участок земли даже на миг. Она стоит на утесе, смотрит в море и ждет. Кого — не знаю. За все время она не произнесла ни слова. Кажется, она нас даже не видит, ни мертвых, ни живых. Она застряла в промежутке между мирами.

Малышка Дэйзи — полная ее противоположность. Со всеми разговаривает или, по крайней мере, пытается, так хочется ей передать весточку матери. Она, несомненно, скоро переродится, ста-

нет веселым пухлым младенцем и осчастливит какую-нибудь чудесную пару.

Когда я заглядываю в дом, Дэйзи иногда бывает там одна, а иногда в компании старухи, которая за ней присматривает. Она не злится, что ее никто не понимает, и продолжает попытки.

В нашем мире что век, что минута — все одно. Он совсем не похож на место из человеческих снов. Обретая форму духа, мы становимся мыслями. Чистой энергией. Вибрациями. Во сне есть деревья, дома, океаны и реки. Но спящий не ограничен их пределами. Он может в одну секунду перенестись из одного места в другое, пройти сквозь дерево и выйти с другой стороны или очутиться в другом городе. Мы тоже так умеем.

Иногда я размышляю, как бы все сложилось, если бы все дети Ханны выжили и Сэмюэль не погиб. Если бы у Ханны была та семья, о которой она мечтала в детстве. Тогда не случилось бы *нас*. Если бы выжили дети матушки Анны, не было бы шейкеров. Она осталась бы безграмотной женой кузнеца и умерла бы в безвестности, как большинство людей. На любом кладбище в любом городе мира похоронено столько странных и удивительных историй, и скупая надпись на надгробии, имя и дата никогда не вместят целую

жизнь.

11
Джейн

Она проснулась от стука в голове.

Нет. Кто-то стучал в дверь. По-настоящему, не во сне. Громко.

Джейн лежала в кровати поверх одеяла. В комнате горел свет.

Боль пронзила глаза. Виски пульсировали, как бьющееся сердце: сжатие, расслабление, сжатие, расслабление. Голова, казалось, вот-вот лопнет.

Из-за двери раздался мужской голос. Он сердито и настойчиво звал ее.

Джейн натянула на голову подушку.

Утреннее ощущение, когда похмелье подчиняет себе все, было ей хорошо знакомо. Однажды Джейн встала налить себе стакан воды после того, как кутила всю ночь, и ее стошнило на грязную посуду в раковине. Она ужаснулась, но решила повременить с уборкой, так как сил мыть посуду не было.

Может, мужчина за дверью зашел сообщить, что она забыла в баре сумку? Или она что-то ему сделала, как-то ему навредила? Джейн не имела

понятия. Более того, у нее не было сил выяснять отношения, если окажется, что это действительно так.

Голос затих, а стук прекратился. Гость ушел. Спасибо хоть на этом.

Так. Что же случилось?

Думай. Думай.

Джейн вспомнила, что была в лобстерной Чарли, в толпе. Человек двенадцать-пятнадцать местных, в основном старики: Эйб и сам Чарли, хозяин. Кухня уже закрылась; официанток, курьеров и поваров отправили по домам. Свет в залах не горел, пол подмели. Все столпились у бара — спонтанные посиделки с друзьями. Когда Джейн была подростком и Эйб являлся на работу после таких посиделок, он всегда рассказывал кучу смешных историй. Ей стало приятно, что ее позвали на одно из этих сборищ.

Последнее, что Джейн помнила, — как Лидия Бизли рассказывала про книгу об Эдгаре Аллане По, пытаясь перекричать шум. По, заявила она, был страшно недоволен техническим прогрессом и брюзжал, что красивые старинные дома в Нью-Йорке сносят и строят безобразные новые.

— Мне стало не по себе, — сказала Лидия, — ведь в юности я готова была приковать себя

цепью к безобразным домам, о которых он писал, из-за их исторического статуса.

Лидия расхохоталась и никак не могла успокоиться. Джейн подумала: историчка напилась. Зато у самой Джейн ни в одном глазу. Она собой гордилась.

Когда она пришла, все пили ром с имбирным пивом. Перед ней поставили коктейль, и она сказала себе, что выпьет всего бокал, может, даже половину, а потом пойдет домой, посмотрит телевизор и больше никогда не будет пить и никому не скажет, что пила. Зачем? Ее трезвости это никак не повредит. Просто вечер выдался такой, что захотелось ненадолго забыть о воздержании. Она официально лишилась любимой работы, муж не брал трубку, потому что пошел на свидание с бывшей женой, а еще выяснилось, что она ненароком стала сообщницей в осквернении могил. Любой на ее месте захотел бы выпить.

Джейн помнила, как всем налили по второму коктейлю, потом по третьему, и бог знает, сколько еще они выпили до ее прихода. Она тем временем пила первый, растягивала его и гордилась своим благоразумием. Чарли сказал, что у него кончилось имбирное пиво и не пора ли всем расходиться по домам, но никто не разошелся;

все просто начали пить что-то другое. Джейн попросила минералку. Лидия захотела шардоне, но у Чарли остались только закрытые бутылки, а Лидия не пожелала, чтобы он откупоривал бутылку специально для нее одной. Она спросила Джейн, не против ли та распить бутылку на двоих, и Джейн согласилась, решив, что посидит с бокальчиком для вида. Она не собиралась пить. Она даже не любила шардоне.

Чарли поставил бутылку на барную стойку, чтобы любая из них могла себе налить, не обращаясь к нему.

Вскоре подошел мужчина и поздоровался с Лидией; та представила его как Тедди Маккарти, управляющего загородным клубом «Лейк-Гроув».

— Тедди, — сказала Лидия, — а мы тут думали, почему клуб так называется? Ты знаешь?

Он ответил, что клуб назвали в честь гостиницы «Лейк-Гроув Инн». Владельцу понравилось звучание, он заказал и повесил вывески и только потом понял, что озера с таким названием поблизости нет. Джейн получила ответ на вопрос. Она могла бы сообщить об этом Женевьеве, но после того, что узнала о ней от сестры, Джейн уже не хотелось с ней общаться.

Они проговорили полчаса, Джейн захотела еще

минералки, но Чарли отошел и за баром его уже не было, и тогда, чтобы промочить горло, она глотнула вина. Потом Лидия заново наполнила их бокалы. А потом… а что случилось потом?

Рассказала ли она Лидии, что Женевьева снесла старое кладбище? Что она ей наговорила?

Стук возобновился. Теперь он казался ближе. Значит, гость не ушел. Он стоял за окном ее комнаты и стучал по стеклу. Черт.

Сердце пустилось в пляс. Страх затмил все чувства. По-прежнему накрывая голову подушкой, Джейн нащупала телефон. Вдруг придется вызвать полицию? Она нашла телефон, повернула голову, всмотрелась в экран. Семнадцать пропущенных звонков и четырнадцать сообщений. От Дэвида.

Дэвид.

Это он стучал в окно.

Джейн встала, подошла к окну и подняла жалюзи. Он стоял за окном. Еще не рассвело. Он выглядел очень недовольным.

Она приподняла палец и поплелась к входной двери. Одета Джейн была во вчерашнюю одежду и туфли.

Джейн включила свет на крыльце. Из углов вспорхнули мотыльки, будто кто-то подбросил

конфетти. Она выключила свет.

Из-за угла вышел Дэвид, но направился не к ней, а к машине, стоявшей перед домом.

Машины самой Джейн у дома не оказалось. Неужели она попала в аварию? А Дэвид был рядом?

— Дэвид, — окликнула она, — что ты здесь делаешь? И почему уходишь?

Он не стал приближаться.

— Сейчас полпятого утра, — отрезал он. — Я выехал в три, потому что ты трезвонила весь вечер, а когда я наконец перезвонил, не взяла трубку. Я решил, что ты умерла.

— Извини, — ответила Джейн, — я уснула.

— Да ради бога. Я приехал убедиться, что ты жива. Ты жива. Я уезжаю.

— Погоди. Пожалуйста. Я ничего не понимаю.

— А чего тут понимать? — спросил Дэвид. — Ты напилась. Как обычно.

— Неправда. Я не пила уже…

— То есть вчера ты не пила?

— Нет, я хотела сказать… Нет. Вчера я пила. Я имела в виду, до этого.

Он закрыл лицо руками, потом провел ими по волосам.

— Я весь вечер не доставал телефон. Вышел из ресторана и увидел тысячу пропущенных. Ты

звонила и кричала на автоответчик, что знаешь мой секрет, что ты все про меня выяснила.

Она поморщилась.

— И это еще цветочки, — добавил Дэвид.

— Что еще я сказала?

— Что еще? Вот, сама послушай.

Он достал из кармана телефон таким агрессивным жестом, что Джейн похолодела. Несколько раз нажал на экран, и она услышала свой крик: «Ты трус, Дэвид. Почему не подходишь? Ненавижу тебя! Ты никогда меня не любил! Мы оба всегда это знали. Знали же?»

Джейн вспомнила мать Эллисон, Бетти. В палате клиники она часто бушевала, кричала, два раза ударила санитара по лицу. Джейн было трудно поверить, что добрая, спокойная и собранная Бетти, какой она ее знала, вела себя так. Джейн слышала, что у пациентов с деменцией меняется личность. Но откуда взялось столько гнева? И где он хранился, пока Бетти была собой?

Некоторые люди верили в поговорку «что у трезвого на уме, у пьяного на языке». Мол, пьяный человек всегда говорит, что чувствует. Но Джейн знала: это не так. Все, что она наговорила на автоответчик, было неправдой. А ведь она так тщательно продумала, что скажет Дэвиду при

встрече. И теперь вот выдала ему прямо противоположное.

— Прошу, удали эти сообщения, — пробормотала она. — Я была не в себе. Я не хотела.

— Я три часа пытался дозвониться, — ответил Дэвид. — А потом подумал: или она напилась и вырубилась, или умерла. Поеду и выясню.

Ее кошмар сбывался на глазах.

— Ты был с Анджелой, — сказала она в нелепой попытке защититься. — Я видела вас на фейсбуке. Вы встречаетесь?

— Ты видела… — Он вздохнул.

Джейн думала, что Дэвид станет все отрицать или объяснит и окажется, что это была невинная встреча. Но он ответил:

— Ты первая ушла. Ты решила, что у нас ничего не получится. Я ничего не должен объяснять.

Вот теперь ее кошмар сбылся.

Джейн хотелось умолять, чтобы он забыл об этих нескольких часах, ведь до этого у нее все было хорошо. Она хотела вернуться к нему и собиралась сказать ему об этом. Но теперь уже не могла.

Дэвид открыл было рот, но тут мимо промчалась огромная фура.

Джейн приготовилась услышать заливистый

лай Уолтера.

Но Уолтер молчал. Тогда она поняла.

Его не было в доме.

— Уолтер, — выпалила Джейн.

Они искали пса несколько часов. Сначала обошли всю улицу, звали его, трясли пакетом с собачьим кормом, обещали накормить индейкой и беконом и дать все в мире игрушки, если он перестанет прятаться. Они прочесали дворы соседей, которые еще спали, и даже вышли на Шор-роуд и прошагали около километра с фонариками. Оба понимали, что, если Уолтер добежал до Шор-роуд, его, скорее всего, уже нет в живых. Дорога сплошь состояла из опасных поворотов, водители летали по ней со скоростью света.

Они говорили только о поисках. Джейн чувствовала себя ужасно. Хотелось лечь спать, но она не могла признаться в этом вслух.

Потом Дэвид предложил продолжить поиски за рулем. На разных машинах. Он специально это уточнил.

— Где твоя машина? — спросил он.

Джейн ответила, что оставила ее в бухте. Она надеялась, что это действительно так. Слишком унизительна была мысль, что она не сможет найти машину и ей придется признаться в этом

Дэвиду. К счастью, машина оказалась в том самом месте, где Джейн вчера припарковалась выгулять Уолтера. Ключи лежали в маленьком кармане сумки; ей хватило благоразумия их не потерять.

Джейн села на водительское сиденье и порадовалась, что хотя бы машина нашлась.

Взглянув на себя в зеркало, Джейн увидела под глазами черные потеки туши. Волосы растрепались и напоминали гнездо, будто она часами ехала в кабриолете. Она-то думала, что в их следующую встречу предстанет перед Дэвидом лучшей версией себя, но из зеркала на нее смотрела прежняя, худшая версия.

К семи Эйб, как обычно, был на катере. Он выглядел как огурчик.

Джейн проглотила слезы. Обычно по утрам она гуляла с собакой. Неужели прошлый раз был последним? А она об этом даже не догадывалась?

— Как ты, детка? — поинтересовался Эйб. — Я беспокоился.

— Как я добралась домой? — спросила Джейн.

— Пешком. Я предлагал подвезти, но ты ни в какую не соглашалась.

Джейн вспомнила сестру, которая буквально на днях агрессивно отказывалась от помощи и собиралась сесть в машину пьяной. Неужели она

вела себя так же?

— Мне стыдно, — сказала Джейн. — Я же не наделала глупостей? Я ничего не помню.

— Стыдно? Брось, — ответил Эйб. — Даже не думай. Добро пожаловать в наш клуб.

Джейн хотелось быть такой, какой ее видел Эйб: хорошей девочкой, для которой подобное поведение — аномалия. И совсем не хотелось вступать в клуб. Она и так была президентом, вице-президентом, секретарем и казначеем этого клуба.

Эйб сообщил, что Уолтер был с ней в лобстерной Чарли. Бегал по залу, бесился, все его гладили. Эйб был уверен, что они уходили вместе.

Дэвид пошел в библиотеку к открытию, чтобы распечатать листовки «пропала собака». Прислал сообщение и велел встретить его на парковке у пляжа: он собирался отдать Джейн половину листовок.

Она представила, как берет его за руку и говорит, что ей жаль и она готова сделать что угодно, лишь бы он снова ее полюбил и стал с ней ласковым, как раньше. Если бы дал ей всего один шанс. Джейн хотелось рассказать, что вчера она провела целый день среди людей, переживших горе, которые верили, что с покойными близкими

можно общаться через медиума. По сравнению с этими проблемами их с Дэвидом разногласия казались ерундой. Но потом она поняла: сейчас неподходящее время для этого разговора, поэтому просто купила им по маффину и большому кофе со льдом в пекарне «Милли».

Когда после пьянки Джейн ничего не помнила, у нее всегда было такое чувство, что каждый человек, с которым ей приходилось общаться на следующий день, знал, какой дурой она себя выставила. Вот и сейчас Джейн казалось, что девушка за кассой, протягивающая ей сдачу, все прекрасно знает. Она снова испытала знакомую паранойю и стыд.

На парковке было полно машин. Туристы на минивэнах доставали из багажников складные стулья, игрушки, палатки, спорили, где лучше сесть, и совсем не догадывались о снежном коме проблем, обрушившихся на голову Джейн.

К полудню Уолтер так и не нашелся, а Дэвид сказал, что ему, к сожалению, придется уехать. Но не сказал почему. Было воскресенье. Неужели дома его ждала Анджела? В их доме, в бывшей спальне Джейн? Хотя если подумать, когда-то и Анджела считала эту спальню своей. Джейн поняла, что выбилась из сил, но ей так хотелось,

чтобы Дэвид остался. Он вздремнул бы на диване, потом они бы вместе пообедали и поговорили. Они же десять лет были лучшими друзьями. Но, видимо, это время прошло. Он даже не обнял ее на прощание.

Джейн проводила взглядом его машину. Испугалась, что заплачет, или ее стошнит, или и то и другое сразу.

Она позвонила сестре, рассказала про собаку и попросила помочь с поисками.

— Ты потеряла Уолтера?! — воскликнула Холли, разговаривая с ней как с ребенком. — Но как, Джейн? Что случилось?

— Он просто… убежал, — выпалила Джейн.

— Джейсон с ума сойдет, — сказала Холли.

— Правда?

Если бы вчера они вывели эту чертову собаку на прогулку, Джейн не пришлось бы ехать в бухту, она бы не напилась, не принялась названивать Дэвиду и не испортила бы последний шанс доказать ему, что она изменилась!

— Ты будешь помогать или нет? — огрызнулась Джейн.

— Конечно! — возмутилась Холли. — То есть я сама не буду. Мне надо работать. Но Джейсон приедет и поможет.

Джейн искала повсюду.

Она привлекла к поискам Эллисон, Криса и детей. Эллисон позвонила няням, сотрудникам гостиницы, и вскоре к ним присоединились полгорода. Уолтера искали, как сына Линдберга[44].

Заехав в гостиницу с листовками, Джейн рассказала Эллисон обо всем, что случилось накануне, но умолчала, что напилась. Разочаровывать подругу было слишком больно. Эллисон считала, что Джейн нельзя пить, и гордилась, что она бросила. Подруге незачем было знать, что Джейн оступилась. Поэтому она рассказала Эллисон все, кроме этого. Призналась, что потеряла работу, повздорила с сестрой и узнала о чудовищном поступке Женевьевы. Потом пыталась дозвониться до Дэвида, увидела его фото с бывшей женой, позвонила и накричала на автоответчик, уснула и обнаружила его у дома. Он был в ярости.

— Кажется, я окончательно его отпугнула, — заключила Джейн.

— Он приехал из другого штата среди ночи, чтобы убедиться, что ты жива, а ты считаешь, что

---

[44] Примечания: 44

Сын авиатора Чарльза Линдберга, совершившего первый трансатлантический перелет, был похищен из дома в возрасте 20 месяцев с целью получения выкупа. Линдберги заплатили выкуп, но ребенка так и не вернули; его тело нашли через два с половиной месяца. Это похищение считается одним из самых громких преступлений XX века.

его отпугнула?

— Он признался, что ужинал с бывшей женой.

— И что?

— Не знаю. Он очень на меня злился.

— Ну, ты должна признать, что в последний год бедолаге пришлось из-за тебя помучиться. Но ты явно ему небезразлична. Он тебя любит. Просто… — Эллисон замолчала.

— Что?

— Думаю, он хочет себя защитить.

Почему эти слова так больно ранили? Возможно, потому, что Эллисон была права.

В магазинах, в пожарном участке, в кафе и галереях — везде, где Джейн просила повесить листовку о пропаже Уолтера, ее спрашивали, что случилось. Джейн врала, что не заперла калитку и Уолтер убежал. Она не осмеливалась сказать правду. Да никто бы и не поверил, что приличная женщина средних лет в брюках капри так напилась, что у нее отшибло память.

Она несколько раз проходила мимо магазина игрушек, но тот был закрыт.

Наконец примерно в три часа Джейн увидела Лидию на противоположной стороне улицы. На ней были темные очки; она несла в руке большую термокружку.

— Привет, собутыльница! — окликнула Лидия Джейн, увидев ту на тротуаре. — Я расплачиваюсь за вчерашнее. А ты? Как самочувствие?

— Как у трупа, — ответила Джейн. — Что вчера произошло? Я вроде не так уж много выпила.

— Кажется, мы выпили две бутылки вина на двоих, — ответила Лидия.

— Господи. Серьезно? — Джейн осмыслила услышанное и добавила: — Я потеряла мамину собаку.

Она вручила Лидии несколько листовок.

— Не может быть, этот пушистый малыш? — воскликнула Лидия. — Такой хорошенький! Думаешь, на него напали койоты?

— Не думала, пока ты об этом не сказала, — мрачно проговорила Джейн.

— Забудь, уверена, с ним все в порядке. Найдется.

Лидия повернулась к двери своего магазина. Какие-то школьники уже дергали за ручку.

— Эй! — прикрикнула она на них. — Уймитесь!

— Вряд ли они пришли в историческое общество, — пошутила Джейн.

— Такие обычно приходят за игрушечными пистолетами, — сказала Лидия. — Что до исторического общества… мне понравилась твоя идея

с изучением истории коренных американцев. Надо обсудить.

Джейн не помнила этот разговор.

— А как ты разошлась насчет старика Тома Кросби, — продолжала Лидия.

— Разошлась? А что я говорила?

— Называла его вором и лгуном и повторяла, что он должен прикрыть свою лавочку и уйти в подполье.

Джейн зажала рот рукой.

— Я его даже не знаю, — пробормотала она. — Зря я это сказала.

Лидия пожала плечами.

— Зато я его знаю. И ты права. — Она повернулась к детям. — Мне пора, детишки Авадапквита ждут, когда я принесу им много-много радости.

Джейн рассмеялась.

Лидия протянула ей кружку.

— Вот, держи. Я еще не пила. А тебе, судя по виду, будет полезно. У меня еще есть в магазине.

Джейн поблагодарила ее и пошла к машине.

Она свернула на Мэйн-стрит, раздумывая, куда ехать дальше, и глотнула из кружки, которую дала ей Лидия. Глотнула и чуть не выплюнула содержимое на руль. В кружке оказалась холодная соленая жидкость с металлическим привкусом

— совсем не то, что ожидала Джейн. Она поняла, что Лидия угостила ее не кофе, а крепкой «Кровавой Мэри».

Джейн горько усмехнулась и подумала, что Лидия даже не предупредила ее, что в кружке. Может, она целыми днями стояла за прилавком своего милого игрушечного магазина и потягивала одну «Кровавую Мэри» за другой, а никто даже не догадывался?

Джейн обыскала оставшуюся часть города и остановилась у небольшого кладбища на Мэйн-стрит, где Эллисон когда-то присматривала на надгробиях детские имена. Она вышла с кружкой Лидии в руке, стала тихо звать Уолтера и представлять, как он выбежит из-за дерева или памятника погибшим в Гражданской войне, хотя чувствовала, что на кладбище его нет.

Вокруг не было ни души. Покоившиеся на этом кладбище умерли так давно, что людей, которые навещали их могилы, уже не было в живых.

Джейн села на скамейку и посмотрела на кружку.

Водка поможет унять головную боль и избавит от чувства, что ее переехал автобус. Вчера она пообещала себе, что это только один раз, но если рассматривать сегодняшний день как продолже-

ние вчерашнего вечера…

Джейн сделала глоток, потом другой. Решение было принято.

Она любила кладбища, особенно старые. Пребывание там успокаивало ее и настраивало на философский лад, как общение с медиумами в Лагере Мира. В путешествиях она всегда стремилась побывать на старых кладбищах. В Париже часами бродила по Пер-Лашез. В Лондоне заглядывала в церкви, где под каменными плитами пола хранились останки королей и королев.

Раньше они с Дэвидом ходили на пробежки и иногда строили маршрут таким образом, чтобы тот пролегал через кладбище Маунт-Оберн в Кембридже. Они останавливались и читали надписи на надгробиях. Могилы великих мужей девятнадцатого века обычно украшали женские фигуры ангелов и богинь. Тут и там возвышались фаллические обелиски.

На женских могилах неизменно писали «жена такого-то». На Маунт-Оберн была лишь одна пара, нарушившая эту традицию: на могиле супруга значилось «муж такой-то». Джейн всегда было любопытно, кто эти люди.

Новые могилы не обладали для нее такой притягательностью. Они были слишком прибли-

жены к миру живых и казались вульгарными и претенциозными, как и сами современные люди. На некоторых надгробиях помещали фотографию умершего, напечатанную на камне с помощью лазера. Джейн не видела в этом никакой романтики. Это было так прозаично. Могилы недавно почивших навещали чаще. Приносили фольгированные шары и яркие гвоздики. Пластиковые лилии мокли под дождем по несколько месяцев, до следующего дня рождения или годовщины смерти.

Джейн никогда не ходила на кладбище к близким, впрочем, как и большинство людей. Бабушка однажды возила ее на могилу деда в захолустный городок в Массачусетсе, откуда он был родом. Они сажали луковицы нарциссов. Джейн никогда не была с ним знакома и думала, что ничего не почувствует, но потом увидела имя бабушки, вырезанное на надгробии под дедовым. Рядом стояла дата рождения и тире, а для даты смерти оставили место. Это пустое место на камне будто вопрошало: *когда?*

Существование этой надписи показалось Джейн оскорбительным. Захотелось защитить бабушку. Когда она умерла, Джейн негодовала. Не понимала, зачем хоронить ее так далеко и рядом с

родственниками мужа, которые так ужасно с ней обращались. Мать Джейн придерживалась более практичной точки зрения: раз они купили этот участок на кладбище, надо его использовать.

Недавно Джейн прочла статью, в которой говорилось, что современные люди впервые в истории перестали задумываться, что станет с их телами после смерти. Значило ли это, что они не думали о смерти или надеялись ее избежать? Объяснялось ли это безразличие разрушением родственных связей, отсутствием традиций, утратой значимости религии? А может, все эти факторы имели место быть? Джейн было безразлично, что произойдет с ней. *Ее-то* уже не станет; какая разница, что будет с телом? И вместе с тем она не могла просто выбросить прах матери. Он почему-то казался священным, а почему — она не знала.

Джейн осушила кружку. В голове приятно загудело.

Через некоторое время она встала и пошла к воротам, но по пути задержалась у небольшой статуи ягненка с эпитафией «нашему Джорджи». Надпись была такой старой, что даты рождения и смерти уже нельзя было разобрать.

При виде детских могил ей всегда становилось

грустно. Мысль о чужом трехлетнем ребенке, умершем сто лет назад, вызывала такую же пустоту в душе, как если бы это случилось вчера. Как людям удавалось преодолевать такое горе?

Сэмюэль и Ханна похоронили трех маленьких детей. Женевьева распорядилась раскопать и их могилы. Теперь поступок Женевьевы стал казаться Джейн еще более отвратительным. Как эта женщина смотрела на себя в зеркало после того, что сотворила?

Джейн ненадолго задумалась. Может, призраки Литтлтонов на самом деле преследовали Женевьеву? Если так, она это заслужила.

Неужели Женевьева настолько боялась кладбища, что не выдержала соседства с останками? Неужели она не понимала, что нет такого места, где кто-то не похоронен? Под парком Бостон-Коммон, где тысячи отдыхающих устраивали пикники, катались на коньках и карусели, лежали останки нескольких тысяч человек. В девятнадцатом веке там хоронили бедняков и преступников, которых вешали на деревьях в том же парке за пиратство, ведьмовство и индейскую кровь.

В двадцати пяти километрах от Авадапквита, в Портсмуте в штате Нью-Гемпшир строительные рабочие однажды нашли человеческие

останки. Это произошло летом, когда Джейн окончила колледж. Тела принадлежали восьми африканцам и датировались восемнадцатым веком. Среди них были мужчины, женщины и дети. Их похоронили на единственном африканском кладбище, существовавшем в то время в Новой Англии. Кроме того, на кладбище покоились останки почти двухсот освобожденных рабов и тех, кто так и не обрел свободу.

Один художник нарисовал иллюстрацию, которая врезалась Джейн в память: современный вид Честнат-стрит, дома и машины, а под асфальтом — белые прямоугольники, по одному на каждый деревянный гроб, лежавший под этой заасфальтированной дорогой.

Городской совет и граждане Портсмута собрали средства на строительство мемориального парка. На открытии провели перезахоронение эксгумированных тел. Весь город явился на открытие мемориала, построенного взамен старого кладбища, что прошлые поколения закатали в асфальт.

Такая реакция на обнаружение останков казалась Джейн правильной. Некоторые осознавали важность подобных вещей. Некоторые, но не Женевьева, испугавшаяся призраков.

Нет, дело было даже не в страхе. Теперь Джейн

вспомнила. Джейсон сказал, что хозяйка дома хотела установить на месте погоста бассейн. Боже, да она просто чудовище!

Джейн ушла с кладбища, села в машину и снова поехала искать Уолтера. Медленно прокатилась по Шор-роуд, помня, что выпила. У нее не было конкретной цели, она просто ехала и смотрела по сторонам, но, когда Джейн увидела поворот к дому Женевьевы и белый воздушный шарик, привязанный к почтовому ящику и качающийся на ветру, в ней вспыхнул гнев и острое чувство несправедливости. Джейн невольно задумалась, не нарочно ли поехала именно в эту сторону.

Она вспомнила ужас на лице Женевьевы, когда та услышала о раскопанных могилах индейцев. «Части тел?» — спросила она с таким невинным и испуганным видом.

Джейн вышла из машины и направилась к парадному входу. Дверь была открыта, дом просматривался насквозь, и она увидела сидящих на веранде людей.

Джейн обошла особняк.

— Привет, — сказала она. Все посмотрели на нее.

Женевьева не догадывалась, что вчера ненароком запустила целую лавину катастрофических

событий. Она, кажется, искренне обрадовалась Джейн.

— Джейн! Какой приятный сюрприз. Знакомься, это Дэвенпорты, наши друзья. Мы жарим стейки. Ты не проголодалась? У меня на всех хватит.

Мужчина и женщина за столом оба были в розовом. Они вяло улыбнулись Джейн. Гости выглядели как люди, у которых денег куры не клюют, но были такими тощими и бледными, что им не помешало бы принимать железо.

Возле гриля стоял красивый мужчина существенно старше Женевьевы, в белоснежной рубашке и песочных шортах. От него тоже разило деньгами. Такие ровные белые зубы стоят очень дорого.

— Я Пол, — сказал он. — Рад знакомству. Женевьева очень высоко о вас отзывалась.

— Джейн работает в Гарварде, — сообщила Женевьева Дэвенпортам, и те одобрительно закивали — Гарварду, а не Джейн.

Она и забыла, что ужасно выглядит. Домой Джейн так и не заехала, не переоделась, не сняла макияж. Стоит во вчерашней одежде, в которой, между прочим, спала.

— Моя собака убежала, — выпалила она.

— О нет! — воскликнула Женевьева.

— Да, вот я и езжу везде и ищу его.

— Здесь? — спросил Пол.

— Да везде. По всему городу.

— А ты не думала спросить у Клементины? — спросила Женевьева, повернулась к Дэвенпортам и объяснила: — Клементина — медиум Джейн. Вчера мы к ней ездили.

— Как интересно, — без капли интереса ответила женщина.

— Да, — подтвердила Женевьева. — Обычно я таким не увлекаюсь, но решила — почему бы и нет.

Джейн захотелось влепить ей пощечину.

— Женевьева, можно тебя на минутку? — сказала она таким тоном, что все уставились на нее округлившимися глазами.

— Хм, конечно, — отозвалась Женевьева. — Заходи в дом. Тебе что-нибудь принести?

Все молчали. Джейн прошла сквозь стеклянные двери в сияющую белую кухню.

— Джейн, с тобой все в порядке? — шепотом спросила Женевьева. — Ты пьяная?

— В городе о тебе ходят слухи, — ответила Джейн.

Женевьева покраснела.

— Какие слухи? Что-то плохое? Это про пристройку? Людям кажется, она слишком броская, да?

— Нет. Говорят, ты снесла старое кладбище, чтобы сделать на его месте бассейн.

Женевьева замерла. Она явно не рассчитывала услышать такое.

— Парнишка, которому ты заплатила, болтает об этом направо и налево. Неудивительно, что тебя преследуют призраки. После того, что ты натворила.

Женевьева криво улыбнулась, будто все еще надеялась, что Джейн шутит.

— Весь город в курсе, — добавила Джейн.

Женевьева села за один из белых стульев в стиле французского бистро, расставленных вокруг белого кухонного стола.

— О боже, — выпалила она.

Женевьева боялась призраков, но еще больше боялась, что ее невзлюбят.

— А главное, ты и меня втянула в эту историю, — продолжила Джейн. — Ты же понимаешь, что совершила тяжкое преступление? Осквернение могил — это не шутки.

На самом деле Джейн точно не знала, какое наказание за это полагается, но ей казалось, что

ее слова звучат убедительно.

Они обе вздрогнули, услышав голос Пола. Они не заметили, как он с миссис Дэвенпорт зашли в дом.

— Женевьева, — сказал он, — какие могилы? Что происходит?

12

Вернувшись в дом матери, Джейн вышла на крыльцо и заплакала. Слезы сами полились при виде органического собачьего корма и дурацкой лесенки в плюшевом чехле, которую мать купила несколько лет назад, чтобы Уолтер мог сам забираться на диван. Грусть из-за собаки сменилась мыслями о матери, бабушке, Дэвиде. Джейн вспомнила даже о своей начальнице, точнее, бывшей начальнице Мелиссе. Перед глазами вновь промелькнула череда несчастливых совпадений и неблагоразумных поступков.

Джейн долго предавалась стыду и вспоминала о своих неудачных решениях. Мысли беспорядочно скакали. Ей пришло в голову, что если она постарается все записать, то сможет найти в происходящем смысл, как-то обуздать нервы. Она пошла в дом, взяла блокнот и ручку, вернулась на свое место и попыталась записать историю в хронологическом порядке.

Итак, начало: колледж, первый курс. До этого Джейн ни разу не пробовала спиртное и со свойственной юности категоричностью верила,

что не попробует никогда. Как же ей хотелось повернуть время вспять, оказаться в начале и последовать благому импульсу.

В Уэслианском колледже ее лучшим другом был Мэтью из Огайо. Они любили поэзию Элизабет Бишоп и фанатели от Джареда Лето. У Мэтью в общаге был шкаф, набитый всевозможным алкоголем; парень угощал всякого, кто попросит.

В первом полугодии Джейн не притрагивалась к спиртному. Мэтью все время ее уговаривал. Она отвечала правду: алкоголизм матери навсегда отбил желание даже пробовать.

Во втором семестре она записалась на курс по Чосеру, необходимый для аттестации.

Курс оказался непосильно сложным. Она к такому не привыкла. В школе Джейн с отличием сдавала все тесты и была любимицей учителей. В колледже, в зависимости от курса, она или училась средне, или, как в случае с Чосером, вовсе не поспевала за однокашниками.

За первую работу ей даже не поставили оценку. Профессор просто написал на последней странице красной ручкой: «Подойдите после занятий».

После лекции Джейн пришла к нему в кабинет. Ждала в коридоре, пока он смеялся со старшекурсником, которому написал блестящую

рекомендацию в аспирантуру.

— Вы как будто даже не старались, — сказал ей профессор.

Джейн возразила, что старалась изо всех сил.

— Может, это просто не ваше, — рассудил он, и это было еще хуже, чем предположить, что она не старалась.

Джейн оглядела комнату с наклонным потолком и лежавшими повсюду стопками книг и подумала: неужели он прав? Прежде она никогда не сомневалась в своем интеллекте; это была единственная черта, которая ей в себе нравилась. Но в тот момент у нее возникли сомнения: что, если она на самом деле не так умна, как ей всегда казалось?

Джейн вышла из кабинета профессора и пошла к Мэтью.

— Я хочу напиться, — сказала она.

Мэтью торжествующе заулюлюкал и смешал ей водку с тоником.

— Не слишком крепко! — велела Джейн.

Она, как всегда, подошла к делу со всей ответственностью: нашла коробку крекеров и налила целую бутылку воды. Джейн хотела напиться, но не слишком.

Мэтью хвастался ею, как новым щенком.

— Джейн пьет! — рассказывал он всем.

Студенты редко делились выпивкой: спиртное стоило дорого, и купить его было не так-то просто. До ближайшего алкогольного магазина можно было доехать только на машине, а почти все студенты были несовершеннолетними. Но в тот день Мэтью заразил всех своим энтузиазмом. Джейн тут же угостили пивом и текилой и приняли в ряды пьющих.

Она никогда не испытывала такой легкости и беззаботности. Все казалось смешным. Она постоянно смеялась.

Наутро Джейн настигло небольшое похмелье, и вечером она снова выпила несколько бутылок пива. Ей не пришло в голову, что, начав, можно остановиться.

Через два месяца Джейн впервые напилась до потери памяти. В их холодный пасмурный уголок Новой Англии пришла солнечная весна. На деревьях распустились свежие зеленые листочки, вишни стояли в цвету. В кампусе вдоль тропинок желтели нарциссы. Студенты сняли теплые парки и мокрые шерстяные шапки, как бабочки, освободившиеся от коконов.

В конце апреля Мэтью исполнилось девятнадцать, и он получил от деда чек. Сказал Джейн,

что хочет протестировать одну теорию.

Три года назад, еще до того, как они начали учиться в Уэслиане, первокурсник пошел в бар в городе с фальшивым удостоверением личности и допился до комы, от которой так и не очнулся. С тех пор в местных барах усилили меры безопасности. Купить выпивку там стало невозможно. Но Мэтью предположил, что единственный бар в самом роскошном отеле в городе настолько дорогой, что сотрудники никогда не заподозрят в посетителях бедных студентов, и спрашивать удостоверение никто не будет.

Разумеется, в его плане имелся единственный недочет: они тоже были бедными студентами, и этот бар был им не по карману. Но когда пришел чек на день рождения Мэтью, они надели все самое лучшее и в субботу вечером вышли из общежития. Мэтью подошел к хостес и попросил столик на двоих. Джейн скрестила пальцы. Хостес даже не моргнула. Как и официантка, когда они заказали два «Лонг-айленд-айс-ти». Выпив по коктейлю, они заказали еще, а потом еще. В этом баре все было роскошным. Тяжелые стаканы, салфетки с золотой каймой. Официантка приносила все новые и новые блюдца с теплыми солеными орешками. Бразильскими, кешью и какими-то

еще — они даже не знали их названия.

— Арахис, видимо, стесняется переступать порог этого заведения, — заметил Мэтью.

Джейн так рассмеялась, что коктейль брызнул у нее из носа.

Потом она отключилась и проснулась уже утром на диване в чужой общаге. Джейн не помнила, как туда попала.

Она была в том же черном платье, что и вчера. Туфли на высоких каблуках лежали на ковре. Рядом спала девушка, Стейси Шилдз: милая, но очень уж болтливая. У них с Джейн были общие пары.

Стейси спала разинув рот. Изо рта свисала ниточка слюны.

Джейн очень захотелось пить. Она потянулась за туфлями.

Стейси открыла глаза.

— Джейн? — прошептала она.

— Стейси. Что вчера было? Как я сюда попала?

— Не знаю. Вроде мы были на вечеринке.

— Какой вечеринке? Я пришла с Мэтью?

— Кажется, нет. Ты всех насмешила, рассказывала какую-то историю про официантку. А помнишь, что я тебе рассказала про Джонатана Миллза, ассистента профессора?

— Нет. Я ничего не помню.

— Хорошо, — ответила Стейси и кивнула. — Очень хорошо.

Она закрыла глаза и снова уснула.

Джейн пошла домой босиком, держа туфли в руке. Дважды останавливалась, и ее тошнило в траву. Ключи она не нашла. Над головой щебетали птицы, веселые и неугомонные. Они будто смеялись над ней.

Джейн пыталась вспомнить хоть что-то: прежде ей это удавалось, даже если она очень много выпивала. Но в этот раз она будто переместилась во времени из одного места в другое. Посередине зиял провал.

Утром зашел Мэтью. На нем тоже была вчерашняя одежда. Он плюхнулся рядом с ней на кровать.

— Что вчера было? — спросил он.

— Хотела бы я знать, — ответила Джейн.

— Я проснулся в кустах на лужайке у профессорского дома, — сказал он. — Мы ели китайскую еду? У меня был рис в волосах.

Они начали смеяться и никак не могли успокоиться.

К окончанию колледжа Джейн приобрела лоск, изучив не только предметы, но и своих

однокурсников: начала слушать Национальное общественное радио, которое те слушали с детского сада, подписалась на «Нью-Йоркер». Она еще нигде не побывала, но уже не удивлялась сообщениям, что ее соседи по общежитию летали в Аспен на выходные или проводили весенние каникулы на Капри. Джейн чувствовала себя совсем другим человеком, непохожим на первокурсницу, приехавшую в колледж с двумя большими мусорными пакетами, где лежали все ее вещи.

Подобно всем своим сверстникам, теперь она пила. Пила, чтобы чувствовать себя обаятельной, остроумной, общительной. Своей в их компании, хотя на самом деле она была совсем на них не похожа.

Джейн продолжила пить и после колледжа. В период от двадцати до тридцати лет каждый вечер выпивала по бокалу-другому вина после ужина с друзьями или пару бутылок пива дома одна, пока читала книгу или смотрела телевизор. По выходным на вечеринках или в барах обычно пила больше, но в девяти случаях из десяти вовремя переходила на воду, не успев натворить ничего, о чем могла бы пожалеть. Проблема заключалась вот в чем: она никогда не могла

предсказать заранее, когда все выйдет из-под контроля. Это всегда случалось неожиданно.

Однажды, когда ей было двадцать три года, они с Мэтью и ребятами из колледжа поехали в Кейп-Код на выходные. Они сидели в арендованном коттедже, пили джин-тоник и играли в «Монополию», а очнулась Джейн уже в отделении скорой помощи. Мэтью сидел у ее кровати. Молодой врач накладывал швы на запястье. Ей сказали, что она упала на стеклянный кофейный столик. Порезала руку.

Мэтью был в смятении. Сказал, что она разговаривала как обычно, и казалось, что с ней все в порядке. Да, она явно была пьяна, повторялась, но в целом вела себя нормально. Врач сказал, что провалы в памяти объясняются отключением мозгового центра, отвечающего за долговременную память. В какой-то момент человек просто перестает запоминать. Окружающим он при этом кажется совершенно нормальным.

— Те, кто никогда с этим не сталкивался, могут решить, что человек врет, — объяснил врач. — Что это такое оправдание, чтобы не нести ответственности. У всех бывает путаница в воспоминаниях и ночи, которые хотелось бы забыть. Вот люди и думают, что это просто уловка. Но это

не так, и вы это знаете, Джейн. Вам нужно быть осторожнее.

Этот случай напугал Джейн, но пить она не перестала. Большинство молодых людей ее возраста пили столько же и даже больше. Она не ее мать, убеждала себя Джейн; она просто молода, а в молодости хочется веселиться. Просто следует быть осторожнее.

С тех пор Джейн несколько раз просыпалась в кровати с незнакомцами, не помнила, как там оказалась и что произошло вчера. И все же она надеялась, что со временем станет лучше, как будто навык употребления алкоголя — что-то вроде игры на скрипке и через десять тысяч часов практики человек может освоить его в совершенстве. Джейн наблюдала, как пьют другие. Старалась дружить с теми, кто пил столько же, сколько она, или больше. Знала, кто из ее друзей никогда не пьет больше одного бокала, и встречалась с ними только по вторникам.

Со временем Джейн привыкла к ритуалу утреннего покаяния. Иногда ее терзали угрызения совести и сожаления, иногда приходилось извиняться. Она научилась расследовать собственные проступки и по истории сообщений и фотографий на телефоне составлять картину того, где была

и что натворила. Джейн осматривала себя на предмет синяков и пыталась определить, откуда они и кто их оставил.

В худшие из дней, мучаясь от стыда и похмелья, она ненадолго задумывалась о трезвости. Обычно этот ритуал подразумевал чтение книг, написанных женщинами, бывшими алкоголичками, которые бросили пить.

Кэролайн Кнапп писала: «Алкоголикам пить нельзя; тот, кто не болен алкоголизмом, не нуждается в выпивке»; «Если вы не алкоголик, вы не станете лежать без сна в полтретьего ночи и раздумывать, алкоголик вы или нет».

Одна писательница из Кембриджа, с которой Джейн была шапочно знакома, написала прогремевшую книгу, где завуалированно рассказала о своих пьяных эскападах и пути к трезвости. В самые мрачные дни Джейн строчила ей письма, признавалась в своем желании бросить пить и просила о помощи. Но так ни разу не отправила ни одного письма. Обычно уже к вечеру того же дня она наливала себе бокал вина, смеялась над своими попытками и внимала уверениям друзей, твердивших, что ни к чему быть к себе излишне строгой.

Она все время снижала планку. Создала свод

правил и сама же их нарушала: «Обещаю никогда не вредить никому, кроме себя самой. Обещаю никогда не садиться за руль пьяной. Обещаю никогда не спать с женатыми».

Джейн не бросала пить, потому что это было очень весело. Сколько прекрасных вечеров она провела в барах: флиртовала, смеялась, рассказывала истории. Ей нравилось выпивать с друзьями за ужином, ездить в гости к Эллисон и бродить по пляжу, налив в кофейную кружку ром с лимонадом. Со спиртным были связаны лучшие воспоминания. Только алкоголь помогал избавиться от стеснительности. Она не могла бросить. Ей просто следовало научиться останавливаться в нужный момент — до того, как все покатится по наклонной.

Для этого Джейн заключала с собой сделки. Выполнять условия получалось с переменным успехом. Пить только по выходным. Не пить на голодный желудок. Не пить позже одиннадцати вечера. Выпивать два бокала и переходить на минералку. Отказаться от крепкого алкоголя и заменить его белым вином. Все эти методы работали до поры до времени. А потом переставали.

С возрастом похмелье стало отнимать у нее уже не часы, а дни. Джейн мучилась от чудовищных

мигреней и проходила онлайн-тесты «Алкоголик ли вы»?

Вы когда-нибудь решали не пить неделю, но срывались уже через пару дней? Да.

Переходили с крепких напитков на легкие, надеясь, что это поможет не напиваться? Да.

У вас бывает амнезия? Да.

Вы напиваетесь, не имея такого намерения? Да.

За прошлый год бывали ли дни, когда вы начинали пить первым делом с утра? Ага! Ну наконец-то! Нет! Она никогда не пила с утра. Ни в прошлом году, ни до этого. Значит, все-таки были случаи намного хуже, чем у нее. Джейн успокаивалась и продолжала в том же духе.

С возрастом похмелье усилилось. Усугубились последствия. Джейн напивалась и позорилась перед матерью, сестрой и Эллисон, друзьями и незнакомцами. Из-за пьяной ссоры перестала общаться с Мэтью.

Но это не мешало ей делать карьеру. Однажды утром после ужасной пьянки Джейн пришла в офис и узнала, что ее повысили. Ей всегда удавалось разделять работу и остальную жизнь; работа — это святое, считала она.

Мелисса не знала, что Джейн пьет. Если бы

знала, не стала бы знакомить ее с Дэвидом. Когда они познакомились, ее бывшие собутыльники начали потихоньку приходить в себя, и ей казалось, что она тоже. Алкоголь по-прежнему сопровождал Джейн повсюду, но теперь все было по-взрослому. Раньше им приходилось добывать спиртное с трудом, а теперь вино текло рекой на конференциях, вечеринках в честь будущих детей, презентациях книг и выставок, бранчах и ужинах. Никто уже не напивался до беспамятства, но пили все.

Дэвид любил хорошее вино, а на бейсбольных матчах мог выпить пару стаканов пива. Но он не испытывал компульсивной тяги к алкоголю. Он мог отказаться выпить, а мог и согласиться. Джейн мечтала стать такой же.

В начале знакомства она пыталась пить умеренно и скрывать прочие свои непривлекательные черты, будто думала, что, влюбившись, сможет стать другим человеком, если захочет.

Одно дело ничего не помнить после ночи, проведенной с парнем, которого она видела в первый и последний раз в жизни. И совсем другое — с Дэвидом, постоянным партнером. Когда Джейн напивалась в его присутствии, с ней происходило что-то странное. Казалось, будто он нарочно хо-

чет помешать ей веселиться и хорошо проводить время. В отличие от парней, с которыми Джейн знакомилась в барах, Дэвид не находил смешным случаи, когда у нее начинал заплетаться язык или когда она орала песни Мадонны в такси, а потом ее тошнило в окно. Такое поведение его пугало, тревожило и раздражало.

Джейн начала хитрить с алкоголем в квартире: выбрасывать пустые бутылки в мусорные баки на улице и заменять их полными, чтобы он не догадался, сколько на самом деле она выпила.

Через четыре года после знакомства они поженились, никому ничего не сказав. На свадьбе присутствовали только Эллисон и младший брат Дэвида. Джейн была противна сама мысль, что куча народу будет глазеть на нее в белом платье. Она неоднократно говорила Дэвиду, что хочет выйти за него, но не хочет свадьбы. Дэвид отнесся с пониманием, тем более что он уже праздновал бракосочетание с размахом на двести человек, когда женился в первый раз.

В тот день Джейн так закрутилась в заботах, что совсем ничего не ела. Они выпили много шампанского. Наутро Дэвид сказал: «Я никогда не забуду эту ночь». А она посмотрела ему в глаза и ответила: «Я тоже», хотя не помнила ничего.

На первую годовщину свадьбы они заказали столик на семь вечера в ее любимом ресторане в Кембридже. Джейн попросила принести бутылку вина. Когда бутылка опустела — Джейн выпила больше половины, — взяла еще бокал.

Дэвид нахмурился:

— Ты уверена?

Его тон показался ей снисходительным.

— Да, — ответила она, — уверена.

В девять часов она ела десерт и смеялась. Потом открыла глаза и увидела, что часы показывают полночь, а она лежит дома одна на диване.

В комнату зашел Дэвид. В руках у него были мокрое полотенце и пластыри. Только тогда Джейн заметила, что у нее ободраны колени.

Она растерянно взглянула на него.

— Ты возвращалась из туалета в ресторане и упала с лестницы, — сказал он. — Ты что, не помнишь?

Наутро Дэвид рассказал остальное. Джейн устроила скандал в лобби ресторана, когда он стал настаивать, чтобы они поехали домой. Кричала, что с ней все нормально, сквернословила. Больше они в тот ресторан не возвращались, хотя он был ее любимым. У нее был целый список мест, куда ей больше не стоило возвращаться.

После того случая Джейн не пила полгода. Она не призналась в алкоголизме, не обещала бросить, а просто перестала пить и продержалась так долго впервые с тех пор, как попробовала спиртное. С сентября по февраль на всех праздниках, вечеринке по случаю Нового года и в выходные у друга в Беркширских горах все пили яблочный сидр, приправляя его виски, а Джейн приправляла свой сидр палочкой корицы.

Тогда она решила, что им с Дэвидом нужно съездить в путешествие. Забронировала роскошный отель на островах Теркс и Кайкос на пять ночей, не глядя на цену, которая приводила ее в ужас. Для поднятия духа несколько раз пересмотрела проморолик на сайте отеля. Помимо знаменитого спа, трех бассейнов и студии йоги, в домике на дереве отдыхающим предлагали приветственный коктейль. Каждому гостю при заселении вручали бокал ромового пунша. Этот пунш не выходил у Джейн из головы до самого отъезда; она только и думала что о нем и размышляла, стоит ли соглашаться выпить. А в глубине души знала, что не устоит.

— Ты не возражаешь, если я выпью приветственный коктейль, когда мы прилетим? — спросила она в самолете. — При заселении всех

угощают ромовым пуншем. Но если не хочешь, чтобы я пила, я не стану.

Дэвид внимательно на нее посмотрел.

— Это не мне решать, — ответил он.

Ей показалось или она услышала в его голосе разочарование? А может, равнодушие? Точно Джейн сказать не могла.

Весь отпуск она вела себя хорошо. За ужином выпивала бокальчик вина. После обеда у бассейна — «Пинаколаду». Джейн гордилась своим благоразумием, но ей всегда хотелось больше. Она постоянно ждала, когда можно будет выпить еще.

Дэвид ничего не говорил.

Затем в течение нескольких месяцев она пила, но умеренно. А потом встретилась с Таней, подругой из аспирантуры, которую не видела сто лет. Таня приехала в Бостон всего на один день. Она пила как матрос. Да и Джейн в период их знакомства от нее не отставала. Чтобы ситуация не вышла из-под контроля, Джейн заранее предупредила, что принимает антибиотики и выпьет всего один бокал.

Но, несмотря на меры предосторожности, они напились. Непонятно как очутились во второсортном баре в районе Даунтаун-Кроссинг и

флиртовали с англичанами, прилетевшими в Бостон в командировку. Джейн очнулась в туалете. Она сидела на унитазе, джинсы были спущены. Таня и англичане пропали.

На телефоне было несколько пропущенных звонков и сообщений от Дэвида: тот спрашивал, где она и все ли у нее в порядке. Джейн хотела ему позвонить, но у нее села батарейка.

Когда она наконец добралась до дома, он мерил шагами квартиру.

— Я собирался звонить в полицию, — сказал Дэвид.

— Боже! — воскликнула Джейн. — Прости, что напугала. Мы ужинали, и я забыла в ресторане телефон. Потом мы пошли в отель к Тане, заболтались, а когда я поняла, что телефона нет, было уже поздно. Я вернулась туда и стала умолять менеджера меня впустить, ведь они уже закрылись… А когда мне отдали телефон, я увидела, что батарейка села.

Джейн слушала свой голос и не верила собственным ушам. Как легко она все это придумала! Но она видела, что муж ей не верит. Он злился и выглядел так, будто ему все это уже надоело.

— Я спать, — бросил Дэвид. — Рад, что с тобой все в порядке.

Наутро Джейн нашла телефон на кухне. Дэвид поставил его заряжаться; в этом не было ничего необычного, он часто так делал. Но, к своему ужасу, она увидела, что Таня прислала фотографии со вчерашнего вечера. На одном фото Джейн целовала в губы англичанина; на другом — целовалась с Таней. Она ничего такого не помнила.

Сердце забилось в панике. Джейн быстро удалила фотографии, надеясь, что Дэвид их не видел.

Тот, в свою очередь, сделал вид, что ничего не произошло.

Сначала Джейн почувствовала облегчение, но потом вспомнила, как в самом начале отношений они признавались друг другу в самых затаенных страхах. Она боялась, что недостаточно умна и все это знают. Он — что люди решат, будто с ним что-то не так, раз первая жена ему изменила и они развелись.

— Этот развод меня чуть не прикончил, — сказал Дэвид. — Я готов на все, лишь бы не проходить это снова.

После этого Джейн взяла себя в руки и старалась держаться. Один, может быть, два раза в году у нее случались срывы, когда она выпивала больше, чем следовало, и без причины начинала скандалить с мужем. Или кокетничала с

симпатичным барменом в ресторане, куда они с Дэвидом пришли вместе. Она знала, мужа ранит ее поведение, но он никогда не шел на конфликт, а Джейн клялась себе, что такое больше не повторится.

Бывало, она напивалась, когда Дэвида рядом не оказывалось, и признавалась в чем-то, о чем потом жалела, или выбалтывала чужой секрет. А наутро мучилась и не знала, то ли искренне извиниться, то ли свести все в шутку и постараться забыть. Обычно она все же заговаривала о случившемся, желая услышать любимые слова всех алкоголиков: «Не волнуйся. Ты ничего такого не сделала».

После смерти матери Джейн запила уже всерьез.

На самом деле все началось даже раньше, когда мать заболела. Но тогда выпивка казалась способом преодоления кризиса, а не проблемой. Джейн пила на похоронах и поминках, и все решили, что это от горя. Но потом они вернулись в Кембридж, а пить она не бросила.

Она не догадывалась, насколько все серьезно, пока Дэвид не предложил отказаться от алкоголя на месяц. Учитывая, что он почти не пил, Джейн поняла, что дело в ней. Не согласилась, и тогда

Дэвид выложил все начистоту и признался, что встревожен.

— Ты же хочешь забеременеть, — сказал он.

— Да, — ответила Джейн. — И как только это случится, я сразу перестану пить.

— А сейчас пытаешься напиться впрок?

— Нет, — ответила она. — Ничего я не пытаюсь. Со мной все нормально.

Муж скрестил руки на груди.

— Ты перестала бегать по утрам из-за похмелья, — заметил он.

— Не поэтому, — обиженно отозвалась Джейн.

— Уже четыре или пять раз не выходила на работу по той же причине, — продолжил он. — Раньше такого не бывало. Думаю, тебе стоит поговорить со специалистом.

Джейн напомнила ему, что сейчас у нее на работе завал. Ей некогда искать подходящего психотерапевта и тем более регулярно к нему ходить. Она пообещала, что подумает об этом после важного мероприятия, запланированного на весну.

Джейн сама организовала этот вечер. Продумала все до мельчайших подробностей. Написала программу, заказала кейтеринг, подготовила идеальную речь. Шаг за шагом отрепетировала

все в голове.

В архиве хранились документы феминистки второй волны Арианны Рэндалл, известной своими смелыми высказываниями. Помимо всего прочего, туда входили подробные заметки к книге, которую Рэндалл начала, но так и не дописала. Она планировала издать ее в соавторстве с Кэролин Моллой, влиятельной персоной в мире коммерческой недвижимости. Рэндалл работала над книгой в доме Моллой на озере Крэнберри в Нью-Джерси в 1992 году. Моллой и Рэндалл собирались разоблачить секреты мизогинии и коррупции в мире политики. Но по какой-то причине книгу так и не опубликовали. Рэндалл включила заметки в свой архив с указаниями не открывать его до ее смерти. Вокруг этого архива ходило много слухов.

Наконец, через полгода после смерти Арианны Рэндалл, состоялось торжественное рассекречивание документов.

Мероприятие проходило в особняке самой богатой попечительницы архива возле Гарвард-сквер, а конкретно — в ее роскошной библиотеке со сводчатыми потолками и встроенными шкафами, сплошь уставленными книгами. Вверху был еще один ярус с балконом и еще больше

томов. Туда вела винтовая лестница.

Это было самое громкое мероприятие в истории библиотеки. Собралось множество журналистов и спонсоров. Все было идеально. Джейн испытывала облегчение.

После самого мероприятия и ее речи, которую Джейн произнесла уже за ужином, она решила наградить себя бокалом шампанского в открытом баре. Сделав пару глотков, почувствовала, как шампанское ударило в голову, и поняла, что надо скорее что-то съесть.

Но к ней постоянно подходили люди и хвалили за проделанную работу. При этом все протягивали ей бокалы. Джейн расслабилась. Она была счастлива. Дэвид поцеловал ее в щеку и вручил стакан с тоником и лаймом. Она его выпила, но потом взяла еще шампанского и вина.

Наконец Дэвид подошел и сказал, что надо уходить. Было уже поздно, утром ему предстояло рано вставать.

Джейн разозлилась. Она только начала веселиться. Она это заслужила. Джейн велела ему уйти и сказала, что возьмет такси. Проводила мужа до выхода, но отстранилась, когда он попытался обнять ее на прощание.

— Ты была великолепна, — сказал он.

— Я пойду, — ответила она.

Джейн помнила, как свернула в фойе, споткнулась на каблуках, огляделась, обрадовалась, что никто не видел. Потом открылась дверь в зал, и вышел Тим, помощник библиотекаря, с которым Джейн вместе готовила несколько проектов. Он был единственным мужчиной в их женском коллективе. Симпатичный и веселый двадцатипятилетний парень; невеста увлекла его женской поэзией Викторианской эпохи.

— Уже уходишь? — спросила Джейн.

— Да, — ответил он, — кажется, я перебрал.

Джейн рассмеялась.

— Да брось. Время детское. — Она сама удивилась своему кокетливому тону. Как будто вместо нее говорил кто-то другой. — Пойдем.

— Ну, раз ты настаиваешь.

Они заказали по бокалу шампанского, потом еще по одному. Им было весело, а Джейн спьяну подумала: вот бы его поцеловать, но, конечно, ничего такого делать не стала.

Больше она ничего не помнила. Полный провал.

В семь утра Джейн проснулась в своей постели, приподняла простыню и обнаружила, что голая. Голова болела так, будто ее ударили кирпичом.

Она похолодела.

В окно барабанил дождь.

Джейн была одна, но вскоре услышала звук поворачиваемого в замке ключа. Поводок Уолтера упал на деревянный пол. Вошел Дэвид и протянул ей кофе в белом бумажном стаканчике.

— Доброе утро, — проговорил он. — Решил, тебе это не помешает.

— Спасибо, — ответила она.

— Извини, что вчера ушел без тебя. Чувствую себя таким козлом.

Джейн промолчала.

— Ты еле держалась на ногах, — продолжал он. — Я пытался уговорить тебя уйти.

— Извини.

— Не хотел, чтобы ты опозорилась перед друзьями и коллегами, — заметил Дэвид. — И тем более перед *моими* друзьями и коллегами, которые там тоже были.

Казалось, ему стоило большого труда об этом говорить.

— И как прошел оставшийся вечер? — спросил он.

— Нормально, — ответила Джейн. Ей было слишком стыдно признаваться, что она ничего не помнит.

Чувствуя себя трупом, она встала, оделась и пошла на работу. В офисе заглянула в туалет, где ее вырвало. Прополоскала рот и направилась к своему столу. У нее началась паранойя. Казалось, все, кто попадался ей на пути, отводили взгляды. А она-то думала, что после вчерашнего все будут поздравлять ее с хорошей организацией.

Не успела Джейн сесть за стол, как Мелисса выглянула из своего кабинета и произнесла:

— Джейн, зайди ко мне.

Джейн подошла, будто ступая по вязкому цементу.

Она вспотела; от нее пахло спиртом.

Мелисса закрыла дверь. Обычно она так не делала.

— Удивлена, что ты пришла, — холодно произнесла она. Джейн никогда не слышала, чтобы начальница говорила таким тоном. — Думаю, тебе лучше уйти.

— Что? — Джейн опешила. — Почему?

— Все очень расстроены из-за вчерашнего, Джейн. Включая меня.

— Прости. Я ничего не помню.

Мелисса склонила набок голову:

— Ты шутишь.

— Если бы. Прошу, расскажи, что случилось?

— Джейн, вы с Тимом чуть не занялись сексом на глазах у всех. Он лапал тебя под блузкой.

Джейн похолодела.

— Господи. И все это видели?

— Да. Спонсоры, родственники Рэндалл, репортеры «Глоуб». Вы поднялись на балкон — наверно, думали, вас там не заметят. А вышло с точностью до наоборот. Мы с Перл сразу бросились туда, когда поняли, что происходит, но с тобой было невозможно разговаривать. Тебя… будто подменили. Ты вела себя агрессивно. Послала нас матом. А потом вы ушли вдвоем.

— О боже.

— Я уговорила репортеров не писать об этом.

— О боже.

— Кто-то снял вас на телефон. Я заставила стереть видео; кажется, его не успели нигде разместить. Попросила ассистентов на всякий случай поискать. Пока ничего нет. Но в твиттере уже появились намеки. Иди-ка ты домой, — сказала Мелисса. — Посмотрим, что будет в выходные. Может, все просто уляжется, не знаю. По правде говоря, я никогда с таким не сталкивалась. Мне надо подумать. Я позвоню.

Почва ушла у Джейн из-под ног, и ей показалось, что она падает с большой высоты.

— Как это случилось, Джейн? — с разочарованием спросила Мелисса.

Джейн пыталась найти ответ, но не могла.

— Ты сказала Дэвиду? — наконец спросила она.

Мелисса покачала головой.

— Ты сама должна это сделать, Джейн. И как можно скорее. Он все равно узнает. И пускай лучше от тебя.

Это признание стало худшим моментом в ее жизни.

Муж пришел в ужас. Переменился в лице. Она даже не стала добавлять, что Тим никогда ее не интересовал, хотя это была правда. Джейн не знала, зачем так поступила. Неужели она настолько себя ненавидела?

— Клянусь, я больше никогда не буду пить, — сказала она.

Дэвид смотрел на нее с отвращением. Такого взгляда у него Джейн не видела никогда.

— Ты с ним спала? — спросил он.

— Нет, — ответила она. Хотя на самом деле не могла быть уверена на сто процентов. Джейн не могла позвонить Тиму и спросить; ей было стыдно, да и вряд ли стоило это делать. — Прости меня, — повторила она. А когда Дэвид не ответил,

добавила: — Мне уйти?

— Не знаю, — сказал он. — Нет, нет, конечно же, не надо уходить.

Его тон был умоляющим, будто он сам не знал, как поступить. Лучше бы он злился.

Джейн не верилось, что это происходит на самом деле. Всего три дня назад они держались за руки, гуляли по Чарльз-сквер, строили планы на лето. Вчера в этой самой комнате вместе наряжались перед вечеринкой: Джейн завязывала Дэвиду галстук, Дэвид застегивал ей колье, а потом ласково отодвинул волосы и поцеловал в шею.

Они хотели завести ребенка.

В понедельник Мелисса позвонила в шесть утра. Сказала, что Тим во всем признался своей невесте, а та написала декану и потребовала провести в отношении Джейн внутреннее расследование.

— Думаю, против тебя выдвинут обвинения в харассменте, — объяснила Мелисса. — Я уговорила отозвать обвинения в сексуальном нападении. Ты же на него не нападала. Тим об этом не заявлял.

– *Что?* — больше Джейн ничего сказать не могла.

— Он сам мне говорил, что все было по обоюдному согласию, просто вы оба совершили глупость. И секса не было. Но все же. Ты его босс.

Секса не было. Ну хоть на том спасибо.

— И что теперь?

— Мы отправим тебя в неоплачиваемый отпуск. Нельзя раздувать скандал. Не хочу, чтобы дело попало в прессу и вместо огромной работы, которую мы проделали, все говорили только об этом.

Джейн сама участвовала в демонстрациях против сексуальных домогательств на рабочем месте. Состояла в комитетах, читала все статьи по теме. Такой поворот выглядел настолько невероятным и неожиданным, что она окаменела. Разум покинул тело.

— Гарвард готов оплатить тебе реабилитационную клинику, — продолжила Мелисса. — Я пришлю информацию по почте.

— Спасибо, — пролепетала Джейн, заранее зная, что ни в какую клинику не поедет.

Ей казалось, что в клинику попадают только конченые алкоголики. Которые заливают водкой кукурузные хлопья по утрам. Клиника для тех, кто на самом дне.

Но где очутилась она сама? Разве не на дне?

В последующие недели Джейн не появлялась на работе и очень по ней скучала. Представляла офис как Помпеи — место, внезапно покинутое средь бела дня. Она оставила цветы на подоконнике, и их никто не поливал. На столе лежали аккуратно сложенные бумаги. Она всегда любила порядок. Иногда Мелисса назло подкрадывалась, когда Джейн уходила в туалет или на обед, и перекладывала бумаги криво, чтобы ей досадить.

Несколько недель Джейн с Дэвидом пытались жить как обычно, но что-то изменилось. Вскоре она поняла, что как раньше уже не будет.

Они экстренно записались к семейному психотерапевту. Несмотря на критическую ситуацию, та говорила спокойно и тихо. Попросила Джейн изложить свою версию истории.

Джейн все рассказала: как начала пить еще в колледже, как много раз оступалась и наутро ничего не помнила. Особенно когда дело касалось мужчин.

Выслушав ее, психотерапевт спросила Дэвида, верит ли тот, что у Джейн на самом деле провалы в памяти.

— По большей части да, — ответил он.

По большей части.

— Моя первая жена мне изменяла, — добавил

Дэвид. — Никогда не думал, что дважды наступлю на те же грабли. И все же это другое. Джейн не Анджела; это было один раз, пьяная ошибка. Джейн горюет. Я это знаю. Но по ней не скажешь.

— Моя мать умерла девять месяцев назад, — пояснила Джейн.

«Дешевая отмазка», — подумалось ей тогда. При чем тут мать? Но Дэвид сам сказал, что она горюет, вот она и ухватилась за эту соломинку.

— С тех пор я сама не своя, — продолжала Джейн. — Но я обещаю больше никогда не пить. Я брошу. Поверьте, алкоголь — последнее, чего мне сейчас хочется. С этим покончено.

— У нас и раньше были проблемы из-за алкоголя. Точнее, у Джейн, — выпалил Дэвид, явно чувствуя себя виноватым из-за того, что обвинил ее. Он был очень предан ей и даже сейчас не хотел очернять жену перед незнакомым человеком.

— Вам есть что ответить? — спросила ее психотерапевт.

Джейн захотелось выйти на улицу и броситься под автобус.

— Вы ходили на собрания анонимных алкоголиков? — спросила психотерапевт.

— Нет, — ответила Джейн.

Она посоветовала начать ходить на собрания

и продолжать приходить к ней раз в неделю. Но они к ней не вернулись и больше об этом не говорили.

В квартире, где обычно звенел смех и не замолкали разговоры, теперь стояла напряженная тишина. Сексом они больше не занимались.

Супруги по-прежнему спали в одной кровати. Как-то раз Джейн лежала и смотрела мужу в спину, зная, что он не спит. Она подумала: неужели теперь всегда будет так? Дэвид никогда от нее не уйдет, но любит ли он ее после всего, что было? Сможет ли простить? И если она притворится, что виной всему горе по матери, поверит ли он ей?

Дэвид был хорошим человеком и много для нее сделал. А она в ответ растоптала его сердце. Она плохой человек, с червоточиной. Джейн поняла, что после всего, что ему пришлось из-за нее пережить, ей лучше уйти. Она окажет ему услугу.

— Думаю, нам надо некоторое время пожить отдельно, — сказала она, с трудом подбирая слова. — Кажется, у нас ничего не получается.

Ей хотелось, чтобы муж возразил. Мысль о расставании ужасала. Но Дэвид не стал ее удерживать. Он просто пожал плечами, даже не повернувшись к ней лицом.

— Если ты так хочешь, — ответил он.

На следующий день Джейн уехала в Мэн.

13

В среду после Дня труда в шесть часов утра Джейн проснулась оттого, что кто-то скребется в сетчатую дверь. Вернулся Уолтер. Он был грязным и пах болотной тиной, но в остальном казался целым и невредимым.

Как только она его впустила, он подбежал к висевшему у двери поводку и понюхал его. Где бы пес ни пропадал в предыдущие три недели, он вернулся и, как ни странно, требовал привычной прогулки в шесть утра.

— Ты издеваешься, — сказала Джейн, взяла его на руки и крепко обняла. От сердца отлегло. — Маленький засранец.

Она надела ботинки и вывела его, отправив всем знакомым фотографию и сообщение, что он вернулся. Эллисон прислала кучу сердечек. Холли написала «слава богу!», а Джейсон, как обычно, прислал поднятый вверх большой палец. Только Дэвид не ответил. Он молчал со дня исчезновения Уолтера.

У Джейн болела голова. Вчера, как и каждый вечер с того дня, как она напилась в лобстерной

Чарли, она выпила целую бутылку белого, сидя на веранде на закате. Теперь каждый день Джейн начинала пить чуть раньше, чем в предыдущий. Иногда после вина наливала себе еще пару джин-тоников. Ей всегда было мало. Как голодная гусеница из любимой детской книжки Джейсона, что ела все подряд и никак не могла наесться, она пила все подряд и никак не могла напиться: «Во вторник гусеница выпила полбутылки текилы, и все равно ей не хватило».

В предыдущие выходные заканчивался сезон, туристы в последний раз отрывались перед отъездом, и в городе было полно людей и машин. Три дня Джейн почти не выходила из дома, желая избежать толп. Лишь в семь вечера в понедельник отважилась прогуляться до конца своей улицы, потом дошла до Прибрежной тропы и почти никого там не встретила. На пляже вдалеке не было ни одного зонтика. Туристы стояли в пробке на Девяносто пятом шоссе, они отправились по домам. Авадапквит снова принадлежал местным. Это было любимое время года Джейн. Бабушка тоже его любила. И мать.

Во вторник выдалась прекрасная жаркая погода: идеальный пляжный день. Дети пошли в школу, родители — на работу, и загар с веснушка-

ми служил единственным подтверждением, что совсем недавно они вели другое, более счастливое существование.

Но в среду утром небо над бухтой зловеще потемнело и насупилось. Как только Джейн с Уолтером вернулись с прогулки, пошел дождь. Уолтер запрыгнул на диван и тут же уснул. Джейн взглянула на него и чуть не заплакала от облегчения, что пес вернулся.

Узнает ли Джейн когда-нибудь, где он пропадал? Его нигде не видели, лишь одна женщина сообщала, что у нее во дворе промелькнуло что-то оранжевое, но потом она поняла, что это ее кошка. Еще как-то позвонили из полиции и сказали, что в соседнем городке сбили маленькую собачку. Они прислали описание и фото ошейника; Джейн поняла, что это не Уолтер, и испытала огромное облегчение.

За эти три недели она привыкла спать до десяти-одиннадцати утра, иногда даже до полудня. Чувствовала себя ужасно виноватой, что спит так много. Винила беднягу Уолтера, что больше не бегает по утрам. Оказалось, она только из-за него утром и вставала.

За окном барабанил дождь, а Джейн сортировала последние оставшиеся вещи в комнате матери.

После обеда за ними должны были приехать из секонд-хенда. Она собрала одежду, посуду, мелкую кухонную технику. С каждым днем уборка становилась все более утомительной. В кухонных шкафах хранилась куча хлама. Целлофановые пакетики, старые коробки от хлопьев, набитые всякой ерундой. Севшие батарейки, дешевые солнечные очки, монетки, коробка от диска без диска внутри, пульты от несуществующих приборов, с десяток пластиковых бутылок из-под чистящих средств с каплей содержимого на дне.

В обед Джейн приготовила себе сэндвич с индейкой и налила бокал вина. Села на диван и включила передачу про ремонт. Это было очень приятно, и в рекламную паузу она сбегала к холодильнику и налила второй бокал.

Тогда-то она и увидела машину Эллисон, подъезжавшую к дому.

Мгновенно, как делала уже много раз, Джейн открыла шкафчик под раковиной и спрятала вино между хлоркой, средством для чистки стекол и ловушками для муравьев. Джейн чуть не вылила полный бокал в раковину, но ей стало так жалко, что и его она поставила в шкафчик с чистящими средствами.

Через несколько секунд Эллисон постучала в

дверь.

Уолтер тут же соскочил с дивана и залаял.

— Привет, — сказала Джейн и впустила подругу. — Так уютно, когда он дома.

Эллисон наклонилась и погладила Уолтера по голове.

— Вы нас до смерти напугали, молодой человек, — сказала она и сморщила нос. — А его не надо искупать?

— Надо, — ответила Джейн.

— Может, вымоем его?

Джейн слегка раздосадовал этот вопрос. Она сама не принимала душ несколько дней. Ощущала вялость и истощение. Простейшие дела давались с трудом. Сил хватало лишь собрать пару коробок, после чего она падала на диван. Она игнорировала входящие звонки и письма даже от тех, кто ей нравился. Ей написала Наоми Миллер, консультант Портлендского исторического общества; сказала, что у нее в Портсмуте встреча, и предложила пообедать вместе. Джейн ей даже не ответила.

Она прекрасно понимала, что все выходит из-под контроля. Но разозлилась, когда Эллисон на это намекнула.

— Я потом сама его искупаю, — сказала она.

Эллисон принесла коробку из кондитерской.

— Ну и погода, — сказала она. — Я решила взять печенье. Твое любимое, из пекарни «Милли». Еще теплое. — Она сняла обувь. — Ужас как льет, скажи? Говорят, к трем часам перестанет, но что-то не верится. А завтра будет туман. В выходные обещают солнце, но сама знаешь, в наших краях не стоит верить онлайн-прогнозам.

Джейн насторожилась. Что-то было не так. Эллисон никогда не заглядывала днем. Тем более чтобы поболтать о погоде.

— У тебя все в порядке? — спросила Джейн. Она вдруг подумала о Бетти. Неужели та умерла? И Эллисон пришла рассказать об этом? Но нет, это невозможно. Джейн совсем на себе зациклилась, раз решила, что Эллисон пришла к ней с печеньем, чтобы смягчить удар.

— У меня все хорошо! — воскликнула Эллисон. — В гостинице наконец стало полегче. Дети вернулись в школу. Вот я и решила навестить лучшую подружку.

Ее слова попахивали фальшивой веселостью, хотя Эллисон была довольно жизнерадостным человеком.

— Чем сегодня занимаешься? — спросила она.

— Вообще-то я занята.

Эллисон огляделась и увидела включенный телевизор.

— Да?

Больше всего на свете Джейн хотелось, чтобы ее оставили наедине с бутылкой. Почему она должна объяснять, чем занимается в своем собственном доме?

— Я собираю последние вещи, — сказала она. — Завтра агент хочет выставить дом на продажу. На неделе уже придут покупатели.

— Ты наняла Лорен Мерфи?

— Да. Холли настояла.

— Хорошо. Она хороший агент. — Эллисон еще раз оглядела дом. — Молодец, Джейн. Тут теперь совсем по-другому стало.

По настоянию агента по недвижимости Джейн заплатила Джейсону и его подружке с фиолетовыми волосами, и те покрасили все внутри в белый. Стены, потолки, даже зеленые кухонные шкафчики, которые якобы так не понравились ее бабушке. Джейн купила новые белые ковры в супермаркете товаров для дома в Киттери.

Сначала ей не понравилась эта идея. Она вспомнила, что сделала со своим домом Женевьева: тоже покрасила в белый и лишила всякой индивидуальности. Но белые стены действительно

преобразили помещение, оно стало в десять раз светлее.

Агент также велела освободить жилище от личных вещей: семейных фотографий и так далее, чтобы потенциальные покупатели смотрели на него как на чистый холст и могли представить в доме себя. Джейн это сделала. Но когда Лорен попросила убрать деревянную табличку у входа с именем «Флэнаган», Джейн все же оставила ее на месте.

— Я бы выпила чаю. А ты? — спросила Эллисон.

Не дожидаясь ответа, подруга подошла к раковине и набрала в чайник воды. Джейн запаниковала, хотя Эллисон, конечно же, не собиралась лезть под раковину в шкафчик с чистящими средствами.

— Ты ведешь себя странно, — сказала Джейн.

— Правда?

Эллисон открыла холодильник и достала молоко. Открутила крышку, понюхала, поморщилась. Прочла срок годности.

— Джейн, молоко скисло, — заметила она, — и у тебя в холодильнике пусто. — Эллисон глубоко вздохнула. — Я беспокоюсь о тебе. Нам надо поговорить.

О боже.

— Мы уже разговариваем, — Джейн притворилась, что ничего не понимает.

Эллисон выключила чайник, подошла и села рядом с Джейн.

— За последний год у тебя было много испытаний, — начала она. — Особенно в последнее время. Неудивительно, что ты сорвалась.

— Что значит «сорвалась»? — спросила Джейн, хотя прекрасно понимала, что это значит.

— Мы уверены, что ты снова начала пить.

— Кто это «мы»?

— Мы с Крисом. Его двоюродный брат видел тебя в винном магазине в Нью-Гемпшире.

— Двоюродный брат?

— Да, он живет в Киттери. Его тоже зовут Крис. Он сказал, ты нагружала тележку спиртным, как на праздник.

Самое смешное, что тем вечером, три недели назад, Джейн пошла купить вина в магазин в центре Авадапквита. Она уже стояла у кассы и была следующей в очереди, когда увидела за окном Криса с Амелией и Олли. Джейн повернулась, поставила вино на место и сорок минут ехала до другого штата, чтобы купить вина и не встретить никого из знакомых.

Она и забыла, что в этих краях все друг друга знают.

— А еще Люси Сэмюэлс сказала, что накануне того дня, когда приезжал Дэвид и Уолтер убежал, ты была на вечеринке в лобстерной Чарли. И там все ужасно напились, включая тебя.

Джейн раздосадованно спросила:

— А кто такая Люси Сэмюэлс?

— Хозяйка магазина керамики в бухте. Ты ее знаешь. Пойми, я не пытаюсь играть роль старшей сестры, но я твоя лучшая подруга. Не понимаю, почему ты ото всех это скрываешь, разве что тебе самой в глубине души кажется, что ты поступаешь неправильно.

Первым побуждением Джейн было солгать. Сказать, что двоюродный брат Криса и Люси из керамического магазина ошиблись.

Вторым побуждением было признаться: да, она выпила немного тем вечером в лобстерной и с тех пор понемногу выпивает каждый день, но лишь потому, что, как верно заметила Эллисон, у нее сейчас ужасный период в жизни. Когда станет немного лучше, Джейн снова попытается полностью отказаться от алкоголя. К тому же полное воздержание тоже не является нормальным. Если задуматься, это такая же зависимость, как и

злоупотребление алкоголем. Она перестала пить, чтобы ее жизнь не пошла прахом, но это все равно случилось. Так зачем теперь себя ограничивать?

К тому же без пары бокалов Джейн не смогла бы поговорить с Мелиссой. Ей просто необходимо было выпить для храбрости. Она воспринимала это как лекарство.

Джейн несколько дней не могла собраться с духом и ответить на сообщение начальницы. Да и что она могла сказать? Джейн боготворила Мелиссу, но подвела ее по всем фронтам. Та дала ей работу мечты, познакомила с мужем. Джейн растратила оба этих дара.

Но когда Джейн наконец перезвонила, Мелисса разговаривала с ней так ласково, что Джейн стало намного хуже. Она сказала Мелиссе, что жалеет обо всем, что была счастлива работать с ней и очень этим гордилась.

— Ты не думала лечь в клинику? — спросила Мелисса. — Не хочу тебе досаждать, но если в будущем ты планируешь устраиваться на работу, без клиники не обойтись. Если соберешься продолжить карьеру, это твой следующий шаг.

Следующий шаг. Мелисса была права. Джейн придется искать другую работу, а у нее очень узкая специализация. Все наверняка уже знают,

что она натворила.

Джейн спросила, как дела у Перл.

— Все хорошо, — ответила Мелисса, но распространяться не стала.

Джейн хотелось продолжить разговор, предложить встретиться как-нибудь всем вместе, хотя она прекрасно понимала, что никто не будет с ней встречаться.

А теперь к ней пришла ее лучшая подруга и тоже заявила, что ей нужна помощь.

Джейн понимала, что должна извиниться, что причиняет всем беспокойство и постоянно во что-то впутывается, но в ней взыграла дурацкая гордость, и она произнесла:

— Не знала, что у тебя шпионская сеть по всему городу и все за мной следят. Я догадывалась, что ты в Авадапквите почти на правах мэра, но это что-то новенькое.

Эллисон, кажется, удивилась и обиделась.

— Я написала тебе письмо, — сказала она. — Можно я его прочитаю?

— Сейчас? — спросила Джейн.

Видимо, Эллисон нагуглила, как достучаться до алкоголика, и воспользовалась одним из советов.

Сама Джейн не меньше трех раз выводила из

запоя мать и один раз — сестру. Если кто и умел заставить человека бросить пить, так это она. Она знала все лучшие клиники. Другие семьи рекомендовали друг другу рестораны и курорты, а в их семье знали, куда поехать лечиться от алкоголизма.

Письмо Эллисон, как и она сама, оказалось добрым и полным поддержки. В нем она вспоминала Джейн в ее лучшие годы. Написала ей хвалебную речь и перешла к главному. Джейн, писала Эллисон, была самой умной и веселой из всех ее знакомых. Она достигла огромных успехов. Дети Эллисон ее обожали. Эллисон беспокоилась, что Джейн слишком много пьет. Боялась, что, если не скажет это сейчас, это будет равноценно потаканию саморазрушительному поведению Джейн. Поэтому она говорила об этом сейчас, хотя это было очень трудно.

Джейн еле удержалась от вопроса, хочет ли Эллисон получить медаль за свое хорошее поведение. Она понимала, что подруга действует в ее интересах, но не слишком ли ей легко судить, какое поведение считается «нормальным»? У Эллисон была идеальная семья и идеальная жизнь. Не попахивает ли излишним самодовольством намек, что в Авадапквите ничего не укроется от

ее внимания?

Джейн захотелось рассказать, что двоюродный брат Криса хоть и заметил, как она покупала спиртное в винном магазине, не видел, как на прошлой неделе она заехала на тротуар перед кафе-мороженым после полуночи, когда пьяная отправилась в «Уолгринз» за макаронами с сыром. Никто в Авадапквите не знал, что на прошлой неделе она поругалась с каким-то ученым в твиттере, назвала его козлом, и ее забанили на сорок восемь часов. Даже Эллисон с ее шпионской сетью не могла знать всего.

Джейн, как никогда, жалела, что ее дом состоит из открытых пространств. Между кухней, обеденной зоной и гостиной не было перегородок. Будь в доме стены и двери, она бы заперлась на кухне, достала бокал из-под раковины и выпила вино залпом. Джейн чувствовала себя утопающей, что видит вдалеке надувной плот, но не может до него дотянуться.

— Я понимаю, это трудно осмыслить сразу. Но пообещай подумать, ладно? — предложила Эллисон. — Алкоголь так много у тебя забрал и ничего не дал взамен. Джейн, я всю жизнь наблюдала, как ты мучилась с матерью. Мне не надо тебе объяснять, что такое зависимость. Меня убивает,

что ты попалась в ту же ловушку. Несмотря ни на что.

Джейн показалось, что Эллисон грохнется в обморок от нервов.

Она преувеличивала. Не так все плохо.

— Послушай, — как можно спокойнее произнесла Джейн, — спасибо за беспокойство. Я очень рада, что ты так обо мне заботишься. Но у меня правда все в порядке. Если бы что-то было не так, я бы сказала.

— Врешь, — ответила Эллисон.

— Что?

— Я так долго ничего не говорила, потому что люблю тебя, Джейн, и знаю, что ты пережила. Но я не могу спокойно смотреть, как ты рушишь свою жизнь. Не могу просто сидеть и ничего не делать, — заявила Эллисон. — Подруги так не поступают. К тому же на мне это тоже сказывается. Я уснуть не могу и постоянно гружу Криса своими переживаниями за тебя, повторяю, как мне грустно из-за того, как ты поступила с Дэвидом, и придумываю, как можно все исправить.

Эллисон злилась.

Но и Джейн почувствовала, как в ней закипает злость.

— Прости, что из-за меня ты не можешь

уснуть, — сказала она. — Представляю, как тяжело, когда твоя жизнь настолько идеальна, что даже переживать не из-за чего, разве что из-за бедовой подруги-алкоголички.

Эллисон фыркнула:

— Джейн. Моя жизнь далека от идеала. Но мне иногда кажется, что ты даже не видишь моих проблем из-за того, что слишком сконцентрирована на себе.

— Я уже поняла, что я ужасный человек, — ответила Джейн. — Извини, меня ждут дела. Тебе пора.

Эллисон ушла с таким обиженным видом, что Джейн даже испытала странное удовольствие. Не успела подруга вырулить на улицу, как Джейн уже достала из-под раковины недопитый бокал. Тот притягивал ее, словно магнит. Манил, как маяк. Она допила вино одним глотком и ощутила невероятное блаженство.

На кухонном столе все еще стояла коробка из пекарни. Троянский конь, перевязанный красной ленточкой. Джейн съела все шесть больших печений и позволила себе сполна прочувствовать стыд от поедания сладостей в одиночестве, к которому уже привыкла. Ее никто не видел; никто не мог ее остановить. Доев, она вынесла ко-

робку к мусорному баку, доверху наполненному винными бутылками. Села в машину и поехала в Портсмут за добавкой.

Грузчики из секонд-хенда прибыли около пяти. Глядя, как они складывают коробки в грузовик, Джейн почувствовала облегчение. Когда они уехали, в доме осталось лишь несколько предметов мебели. Полки, платяные и кухонные шкафы опустели. Все коробки унесли.

Ее собственных вещей теперь здесь было больше, чем вещей матери. В шкафу висела одежда Джейн. На раковине стояли ее средство для умывания, зубная щетка и несколько антивозрастных кремов, которые она купила, но так ни разу и не использовала. На кухонном столе лежали ее книги по истории коренных американцев; они были раскрыты, сложены стопкой и испещрены заметками на желтых клеевых листочках. Джейн на миг представила, каково это — жить здесь одной, как жили ее мать и бабушка. В детстве этот дом казался тесным, а сейчас — вполне подходящим для одинокой женщины.

Три дня Эллисон не звонила и не писала. Это было очень необычно. Джейн разбирала шопер с важными бумагами матери — последнее, что осталось в доме, — и думала, не позвонить ли по-

друге с извинениями. А может, они просто смогут притвориться, что ничего не произошло.

В среду в винном магазине была распродажа рома. «Пусть лето не кончается» — гласила надпись на рекламном плакате. Джейн восприняла это как знак.

Хотя было еще два часа дня, она пила уже второй ром с колой. Любимый напиток матери.

Джейн была в прекрасном настроении: вкус и запах рома навевал воспоминания об отпуске на Карибских островах и летних днях на пляже.

Она написала сестре:

Джейн
Представь, мать хранила самые важные документы в шопере.
Холли
Почему я не удивлена.

Джейн рвала на клочки старые медицинские счета и страховые выписки. Тут ей попался маленький листок бумаги, и она его тоже чуть не разорвала, как вдруг заметила бабушкину подпись. Это была закладная на дом. Джейн и раньше ее видела, когда была подростком. Но теперь имена на закладной показались ей знакомыми. Мэрилин и Герберт Мартинсон.

Какого черта.

Без лишних колебаний она набрала номер Мэрилин.

Трубку сняли сразу. Джейн удивилась. Но ответила не Мэрилин, а другая женщина, моложе. Судя по голосу, ей было лет тридцать, а может, и меньше.

Джейн представилась и попросила позвать Мэрилин. Тон незнакомки похолодел. Мэрилин не может ответить, сказала она.

— Вы не могли бы передать, что звонила Джейн Флэнаган, — сказала Джейн. — Недавно мы разговаривали о доме в Мэне, который ей когда-то принадлежал.

— Я знаю, кто вы.

— Хорошо. Я только что узнала, что Мэрилин и ее бывший муж помогли моей бабушке выкупить ее дом. И мне любопытно, почему они ей помогли. Когда мы раньше об этом говорили, Мэрилин об этом не упоминала. Может, она не поняла, что я из тех же Флэнаганов?

— Нет, она знала.

— Тогда мне хотелось бы выяснить подробнее, — сказала Джейн. — Мать рассказывала, что одна женатая пара помогла бабушке выкупить жилье. Что бабушка убиралась у них в доме.

Но я понятия не имела, что это тот самый дом. Все это очень странно, потому что я всю жизнь чувствовала, что с этим особняком меня что-то связывает. Мы с бабушкой были очень близки, но она никогда не говорила, что знала людей, которые там жили.

Собеседница не ответила, и тогда Джейн добавила:

— Понимаю, это звучит странно, но вы не могли бы все же передать Мэрилин, что я звонила?

— Она в больнице, — ответила женщина. — У нее был инсульт. Она без сознания.

— Мне очень жаль, — сказала Джейн. — А вы ее родственница?

— Близкая подруга.

— Буду надеяться, что она поправится, — продолжила Джейн. — Простите, что побеспокоила в такой неподходящий момент.

Незнакомка снова промолчала.

Джейн знала, что надо бы попрощаться и закончить разговор, но почему-то спросила:

— Я вас чем-то обидела? Кажется, вы враждебно настроены, и я не понимаю почему.

Женщина вздохнула:

— Мэрилин… она уже в возрасте. Зачем ворошить прошлое? Неужели мало того, что ваша

бабушка разрушила ее жизнь? Хотите довершить начатое?

— Не понимаю, — пробормотала Джейн.

— Мне надо идти, — сказала незнакомка.

— Прошу вас, я ничего не понимаю.

— Понимаете.

Женщина бросила трубку. Джейн не знала, что и думать.

Она инстинктивно потянулась за ноутбуком. Через полчаса, выпив еще один коктейль, с головой ушла в онлайн-архивы. Нашла свидетельство о смерти Герберта Мартинсона, его некролог. В нем говорилось, что у него остались вторая жена и двое детей от этого брака; среди умерших упоминались родители и дочь от первого брака, Дэйзи.

Согласно свидетельству о смерти Дэйзи, та умерла в Мэне в 1967 году. Ей было восемь лет. В графе «причина смерти» значилось «несчастный случай».

В том же году Мэрилин и Герберт подписались под закладной на дом бабушки Джейн.

— Черт, — вслух выругалась Джейн.

Дэйзи.

Д.

Так вот кого видела Клементина. Девочку, кото-

рая сидела на коленях у бабушки и хотела, чтобы Джейн передала сообщение ее матери. А матерью была Мэрилин.

Джейн узнала бы об этом намного раньше, если бы ей пришло в голову проверить документы Мэрилин. Но Джейн поверила ей на слово. Обычно она составляла биографию, сопоставляя данные из официальных документов — даты, имена, адреса, анализы ДНК — и куда менее четкие рассказы людей о себе. Это был ее профессиональный метод.

Джейн стала искать статьи о смерти Дэйзи, но не нашла ни одной. Какой же несчастный случай отнял жизнь такой маленькой девочки? Рассказывая о Лейк-Гроув и разводе, Мэрилин ни разу не упомянула о ребенке.

Неужели Дэйзи умерла в доме? И поэтому они оттуда уехали?

Недолго думая, Джейн села в машину и отправилась к сестре.

Она позвонила Холли и предупредила, что едет. Хотела объяснить зачем, но Холли ее прервала.

— Джейсон сказал, что, когда они с Эрикой приходили красить дом, ты была пьяная.

Джейн вспыхнула. Да, в тот день она напилась, но решила, Джейсон не заметит. Накануне у него

был день рождения, и он сказал, что Дэвид прислал ему сертификат в его любимый ресторан в Авадапквите. Джейн сначала умилилась, потом обрадовалась, а потом расстроилась.

Она приготовилась к разговору с Холли и решила ничего не отрицать.

Но Холли сказала:

— По его словам, у тебя язык заплетался и ты несла какой-то бред. Расспрашивала его про Кита.

— Какого Кита?

— Парня, который раскопал могилы.

Джейн вспомнила, что действительно расспрашивала об этом Джейсона, но ей казалось, что они вели обычную цивилизованную беседу.

— И ты никак не хотела его отпускать, — продолжала Холли. — Он испугался.

— Неправда, не испугался, — раздался голос Джейсона.

— Ты на громкой связи, — пояснила Холли.

— Простите, тетя Джейн, — сказал Джейсон.

Голос племянника будто перенес Джейн в прошлое и заставил вспомнить все, что ему пришлось пережить в детстве, и все, что пережили они сами. Проклятая зависимость; они все попали в порочный круг.

Джейн вспомнила, каким испуганным казался Джейсон, когда Холли во второй раз легла в реабилитационную клинику, а Джейн приехала в Авадапквит на выходные. Они соврали мальчику, что мама уехала «по делам». Джейн придумала эту отговорку и надеялась, что он поверит. Как будто он не видел мать пьяной, когда они оставались наедине. Как будто Джейн защищала его, хотя на самом деле бросала на растерзание волкам всякий раз, когда уезжала в свой Кембридж.

— Ты не сделал ничего плохого, Джейсон, — сказала она.

— Так ты приедешь? — спросила Холли.

— Нет, забудь.

Джейн повесила трубку и развернула машину. Все происходящее по-прежнему казалось безумием, но теперь она задумалась, не Дэйзи ли видел Бенджамин в своей спальне наверху, ведь теперь Джейн не сомневалась, что девочка умерла в Лейк-Гроув. С одной стороны, это выглядело логичным. С другой, если это действительно было так, почему Дэйзи сообщила Клементине, что в Лейк-Гроув ее больше нет?

Джейн подумала: если в Лейк-Гроув на самом деле обитали призраки, привидением, которое видел Бенджамин, могла быть Элиза, служанка,

как, собственно, и предполагала Женевьева. А может, права была Клементина, предположившая, что призрак — Ханна Литтлтон, оплакивающая корабль, что погиб у нее на глазах. Впрочем, это мог быть и кто-то другой. Мало ли покойников лежало в земле у них под ногами?

Джейн добралась до центра и проехала мимо «Святого Аспинкида». Во всех окнах горел свет. Эти теплые гостеприимные окна нагоняли на нее тоску. Джейн со школы завидовала Эллисон, которой все так легко доставалось. Например, семья, где все любили друг друга и обожали находиться рядом.

В следующий миг неизбежно накатило чувство вины за эти мысли. Эллисон и ее семья любили Джейн, хотя она этого совсем не заслуживала.

Она пообещала себе помириться с Эллисон. Утром она заедет к Бетти, куда собиралась все лето.

Но утром Джейн никуда не поехала. В последнее время каждый день приносил неожиданные известия, и в тот день их было целых два. Позвонила агент по недвижимости и сообщила, что нашелся покупатель: пара, предложившая чуть больше запрашиваемой цены, хотя дом они еще не видели. Им принадлежало несколько объек-

тов недвижимости в городе; летом они сдавали их отпускникам.

Пока они говорили, Джейн казалось, будто она рада, но, повесив трубку, заплакала.

Не успела Джейн переварить эту новость, как телефон снова зазвонил. На экране высветилось имя Дэвида.

В ее сердце вспыхнула надежда, но, как только Джейн услышала его голос, все хорошие предчувствия испарились без следа. Он говорил как врач из телесериала, сообщавший пациенту, что тому осталось жить два дня.

Дэвид спросил, как у нее дела, и извинился, что не ответил на сообщение о нашедшемся Уолтере. Дэвид очень обрадовался, что пес вернулся целым и невредимым.

— Мы нашли покупателей на дом. Я только что узнала, — сказала Джейн.

В ее мечтах Дэвид в этот момент спрашивал, когда она вернется домой. Но он не спросил.

— Это прекрасно, — ответил он. — Поздравляю.

Джейн похолодела. В его голосе ощущалась отстраненность, он говорил с ней как с чужим человеком. Она поняла: если сейчас не скажет, что должна, другого шанса не представится.

— Дэвид, я понимаю, как это звучит, но перед

твоим приездом я думала сказать тебе, что хочу вернуться. Я глубоко раскаиваюсь за все. Прошу, давай попробуем еще раз. Я верю, в этот раз все может измениться.

Джейн глубоко печалилась, потому что на самом деле ничего не изменилось. И она не знала, изменится ли. Но вслух Джейн этого произнести не могла. Главное — вернуться домой, а там уж она решит, как все исправить. Если муж ее пустит, конечно.

После длинной паузы Дэвид ответил:

— Помнишь церковь на Гарвард-сквер, где мы видели объявления собраний для анонимных алкоголиков и их семей?

— Да, — ответила Джейн. Она всегда хотела начать ходить на эти собрания, и пойдет, если он попросит.

— Когда ты ушла, я начал их посещать, — признался он.

— О.

— Мне это очень помогло. Мне кажется, тебе тоже стоит пойти. Тебе правда будет полезно.

— На собрания для семей или я уже доросла до самих анонимных алкоголиков? — спросила Джейн, пытаясь шутить.

— Некоторые ходят в обе группы, — сказал

он. — Алкоголизм — наследственное заболевание. Впрочем, что я тебе объясняю. Ты и сама знаешь, как это передается.

— А я-то думала, меня оставили без наследства, — снова попыталась отшутиться Джейн.

Она пыталась перевести все в шутку, но Дэвид не смеялся. Продолжал, словно читая заготовленный сценарий. Возможно, так и было.

— Главное, что мне там сказали, — что я должен сосредоточиться на себе, — проговорил Дэвид. — Я могу отвечать лишь за свои действия, чужие мне неподвластны. Мне тоже жаль, Джейн. Я причастен к случившемуся. Все эти годы я тебе потакал. Я об этом сожалею.

Она открыла было рот, но слова не шли.

— Джейн, я люблю тебя. Но больше не могу с тобой оставаться, — выпалил Дэвид. — Я хочу быть с тобой, и я пытался просто забыть о случившемся, но не могу.

Значит, это все. Конец. Джейн ощутила острое желание защищаться. Чуть не обвинила его в том, что он никогда не хотел с ней быть.

В отчаянии, с бешено бьющимся сердцем Джейн произнесла:

— Я допустила ошибку. Большую, я это прекрасно понимаю. Но, Дэвид, разве ты не видишь, как

я об этом жалею?

— В том-то и проблема, что ты воспринимаешь это как единичный случай, — ответил он. — Мы оба знаем, что ты годами пыталась прятать от меня свою зависимость.

— Ты преувеличиваешь, — возразила Джейн.

— И не только ты одна виновата. Я сам отказывался смотреть правде в глаза, — продолжил он. — Прятал голову в песок, потому что так было проще. Я хочу объяснить ту фотографию на фейсбуке, которую ты видела. Где мы с Анджелой сидим за столом. Это было не романтическое свидание. Я попросил ее о встрече, потому что пытался понять, что я за человек. Выяснить, что со мной не так, почему я настолько себя не уважаю, что соглашаюсь быть с женщинами, которые мне лгут.

Джейн начала было возражать, обороняться — ведь Анджела долгое время ему изменяла. А Джейн не сделала ничего такого.

Но Дэвид ее остановил.

— Я должен был посмотреть ей в глаза и спросить о том, о чем раньше боялся.

— И что, помогло? — спросила Джейн.

— Да.

— Но почему она опубликовала вашу фотогра-

фию на фейсбуке?

— Потому что она идиотка.

Они рассмеялись печальным смехом и поняли, что их дружба не умерла, но ее недостаточно, чтобы сохранить отношения.

Джейн заплакала.

— Прости, — сказала она от чистого сердца.

— И ты меня, — ответил Дэвид. — Ты этого не заслужила.

— Я? Нет, это ты не заслужил. — Она помолчала и добавила: — Что ж, кажется, теперь мы знаем, как вежливые люди решают развестись.

— Да уж, продолжение «Войны Роузов»[45] с нами не снимешь.

Джейн улыбнулась.

— Мне пора, — сказал Дэвид. — Скоро еще поговорим. Ты береги себя, ладно?

Ее отчаяние сменилось паникой. От реальности было не скрыться. Она не вернется домой. И этот дом тоже скоро будет принадлежать кому-то другому. Джейн осталась без крыши над головой. Без работы. И без мужа.

Как-то раз, когда они были вместе два-три года, у Дэвида случился приступ сомнений в себе. Он

---

[45] Примечания: 45

«Войны Роузов» — фильм 1989 года о разводе, превратившемся в настоящую войну супругов, где в ход идут все средства, включая убийство.

признался, что боится измены. Тогда Джейн взяла его лицо в ладони и произнесла: «Я никогда не захочу быть ни с кем, кроме тебя. Все очень просто».

Все действительно было очень просто.

А теперь ей придется провести одной всю оставшуюся жизнь.

«Береги себя, — сказал он. — Береги себя». Джейн всегда только это и делала. Но теперь, после всего, что произошло, — как? Как прикажете себя беречь?

14

Через несколько дней рано утром Уолтер затявкал так, будто в дом вломился убийца с топором. Джейн догадалась, что пришел курьер срочной почты. Только он удостаивался такого громкого приветствия.

Джейн рано выгуляла Уолтера, снова легла спать и вставать совсем не планировала.

Со дня разговора с Дэвидом ее мучила бессонница. Мысли крутились в голове всю ночь. Джейн будто надеялась придумать новый выход, отыскать тайную лазейку, которая поможет вернуть прежнюю жизнь.

Все было очень плохо. Ее не привлекал ни один из вариантов развития событий. Более того, они казались невозможными. Все хотели, чтобы Джейн бросила пить, но, допустим, она это сделает, и что? Дэвид уже не примет ее назад. С работы уволили. Коллеги отвернулись. Остался лишь один друг — белое вино.

Она не отваживалась рассказать обо всем Эллисон, зная, что подруга неизбежно ответит «я же говорила», пусть не прямым текстом, но на-

мекнет.

Джейн хотелось пообщаться с матерью. Когда та была жива, у Джейн никогда не возникало такого желания. Она подумала, откуда оно взялось, и вспомнила, что мать поддержала ее после первого серьезного расставания с парнем — с Андре.

Она примчалась из Мэна. Привезла мороженого, текилы и месячный запас журналов «Пипл» и «Ю-эс уикли». Набила холодильник продуктами и сводила Джейн в ресторан, сделав послабление в диете. Они обе наелись чесночного хлеба и цыпленка с пармезаном и напились красного вина. Мать прищурилась и низким голосом произнесла: «Запомни, Джейн. Мужчины — обезьяны». Потом обе расхохотались и не могли успокоиться; Джейн боялась, что ее стошнит.

Такое поведение было совсем не свойственно матери, которая обычно никак не участвовала в ее жизни. Но Джейн была рада, что она приехала. После это забылось. И вот теперь ей снова хотелось материнской поддержки.

Прежде чем Уолтер прервал ее мысли отчаянным лаем, Джейн думала о Клементине и пришла к выводу, который ее очень огорчил. Она рассудила, что Клементина по природе человек, склонный к анализу, как и она сама. Медиум

наверняка покопалась в общественных архивах и сложила кусочки головоломки: догадалась, что бабушка Джейн хорошо знала Мартинсонов, раз те помогли ей купить дом; что Лейк-Гроув в то время принадлежал Мартинсонам и у них была дочь, которая там умерла. Тогда Клементина придумала историю про призрак дочери Мэрилин и Герберта, притулившийся на коленях у бабушки Джейн. Наживаться на чужом горе таким образом было отвратительно, но все сходилось. Джейн представила, как Клементина с товарками сидят в Лагере Мира, считают наличку и смеются над доверчивыми идиотками вроде нее.

Единственное, что не складывалось, — призрак, являвшийся к Бенджамину, девочка, которая хотела найти маму, как Д. На момент их встречи Клементина не могла об этом знать, как не могла знать, что Джейн тянуло к дому на утесах с юности. А ведь она даже не знала, что ее бабушка как-то с ним связана.

Около полудня Джейн наконец встала и пошла на кухню заваривать кофе. На подъездной дорожке лежала картонная коробка. Она прошла босиком по лужайке и взяла ее. На коробке значился филадельфийский обратный адрес.

Она занесла ее в дом и открыла.

Коробка оказалась набита белой папиросной бумагой. Сверху лежала записка, подписанная именем Кейтлин Роджерс.

Джейн,

Вот вещи из старого дома Мэрилин в Авадапквите. Она планировала отправить их вам. Они очень старинные и хрупкие. Я старалась бережно их упаковать. Фотография Литтлтонов, шляпка, которая, по словам Мэрилин, принадлежала миссис Литтлтон, и письма от ее брата времен Гражданской войны. Мэрилин всегда хотела передать их местному историческому обществу и, полагаю, надеялась, что вы это сделаете. Думаю, вы в курсе, что в этом доме в Мэне погибла ее дочь Дэйзи. Она похоронена там. Поэтому Мэрилин не хотела туда возвращаться. Ей было слишком больно.

Похоронена? Джейн похолодела. *В Лейк-Гроув ее больше нет*. Неужели могилу Дэйзи разорили вместе с могилами Литтлтонов? Она об этом хотела сказать матери?

Джейн не успела развить эту мысль, как заметила постскриптум:

P. S. Мэрилин в критическом состоянии. Вы сказали, что не догадывались о связи вашей семьи и Мартинсонов. Прилагаю письмо вашей бабушки, которое та прислала Мэрилин после смерти Дэйзи. Вы так любите чужие истории; возможно, вам будет интересно узнать собственную.

Сердце Джейн заколотилось. В груди поселилась тревога. Она отложила в сторону шляпку, письма времен Гражданской войны и амбротип в коричневом бумажном конверте. При иных обстоятельствах все это пробудило бы в ней восторженное любопытство, но сейчас ее интересовал лишь маленький белый конверт, адресованный в адвокатскую контору в Олбани, Нью-Йорк, на имя Мэрилин Мартинсон. Обратный адрес был тот же, что у дома, где она жила сейчас.

Джейн аккуратно достала пожелтевшие листы. Увидела знакомый бабушкин почерк. Провела пальцем по строчкам.

Сделала глубокий вдох и начала читать.

Дорогая Мэрилин,
Словами не передать, как мне жаль,

что вы потеряли вашу прекрасную Дэйзи. Она была таким ярким огонечком. За недолгое время нашего знакомства я ее очень полюбила. Прошло три года, а я все еще думаю о ней каждый день. И буду думать всегда.

Я сожалею обо всем, что случилось накануне ее смерти. Поверьте, я не из тех женщин, кто позволил бы себе быть замешанной в адюльтере. Мне нет оправдания, но незадолго до знакомства с Гербертом, как вам известно, мой горячо любимый муж внезапно умер. Я топила горе на дне бутылки. Весь этот период я помню плохо. Я жила будто в тумане.

Но я помню, как вы приехали домой на день рождения Дэйзи, решив сделать ей сюрприз. Она была так рада. В тот день я поняла, что вы очень хорошая мама, намного лучше меня самой. Моя бедная дочь меня боялась. Ширли стала свидетельницей самых неприглядных проявлений моего пьянства. Семья покойного мужа разорвала со мной все связи, потому что я совсем опустилась. Им было невыносимо видеть, как я обращалась с ребенком.

Тогда я этого не понимала.

Утром, когда вы приехали и привезли торт, я поняла, что должна порвать с Гербертом. Это было несправедливо по отношению к вам с Дэйзи. Я пыталась с ним расстаться. Жаль, что не сделала этого сразу.

После смерти мужа я думала, что хуже уже не будет. Но я ошиблась. После гибели Дэйзи стало еще хуже. Я хотела покончить с собой, но не могла оставить дочь. Я превратила ее жизнь в ад. Когда я пила, то становилась другим человеком. Забывала ее кормить. Кричала. Глядя на собственную дочь, я вспоминала, что сделала с вашей дочерью, и чувствовала, что недостойна быть матерью. Думаю, поэтому я так с ней обращалась. Верила, что для нее будет лучше, если ее у меня заберут.

В конце концов это случилось. Ширли рассказала сестре своего отца о том, как мы живем. Моя бывшая золовка не стала читать мне нотации. Она сразу пошла в полицию. Ширли забрали у меня на год. Когда я снова ее увидела, это был

уже другой ребенок. Точнее, ребенком она быть перестала.

Пока мы были в разлуке, я снова начала ходить в церковь, которую посещала в юности. Это меня спасло.

Несколько месяцев назад я призналась во всем исповеднику. Тот посоветовал начать ходить на собрания анонимных алкоголиков. Теперь я хожу туда три раза в неделю. Кроме меня, в группе всего одна женщина, и от этого мне еще более стыдно. Ни одна из моих знакомых женщин не пыталась топить свои беды на дне стакана; обычно это делают глупые мужчины. В рамках нашей программы мы должны попросить прощения у тех, кому навредили. Больше всего в своей жизни я навредила вам. Я не представляю, как вам до сих пор тяжело. Надеюсь, время хоть немного залечило раны. Наверно, глупо так говорить, но, если хоть как-то могу помочь, прошу, скажите.

Пожалуйста, простите, если это письмо причинит вам боль. Никакими словами я не смогу выразить, как мне жаль. Отныне я клянусь жить достойно.

Я поступила в колледж и надеюсь стать учителем. Хочу нести добро в этот мир. Во имя Дэйзи и ради вас. Я никогда не забуду вас обеих.

Искренне ваша,

Мэри Флэнаган

Джейн дрожала, дочитывая письмо. В ее глазах стояли слезы.

Так вот почему мать велела ей не приближаться к Лейк-Гроув, когда она училась в школе. Вот почему сказала Холли, что бабушка, должно быть, обо всем ей рассказала. Иначе с какой стати Джейн бы заинтересовалась этим домом?

Она позвонила сестре.

— Ты была права, — сказала Джейн.

— Насчет чего? — спросила Холли.

— Можно заехать? Хочу тебе кое-что показать.

Джейн взяла письмо и поехала к Холли.

Та ждала ее на крыльце. Джейн сунула ей в руки письмо, даже не поздоровавшись.

— Вот блин, — сказала сестра, дочитав.

Кажется, прочитанное не так уж сильно ее потрясло.

— Почему ты не удивлена? Я была в шоке.

Холли пожала плечами:

— Мама всегда говорила, что бабушка с тем женатым мужиком сделали что-то ужасное. Может, сбили кого-то на машине. Она была уверена, что в ту ночь произошло убийство.

— Серьезно? Господи, Холли.

— Я же тебе рассказывала.

— А ты знала, что бабушка тоже была алкоголичкой?

— Ага.

— А почему мама мне никогда ничего не говорила?

— Не хотела тебя грузить, — ответила Холли. — Ты же была нашей золотой девочкой. Собиралась покорить этот мир, сломать все семейные стереотипы. Мама знала, что ты добьешься успеха, если будешь считать себя единственным благоразумным и стабильным человеком в семье.

— Но все, что я знала о маме и бабушке, оказалось ложью, — пробормотала Джейн.

— Нет, — ответила Холли. — Бабушка тоже была благоразумной и стабильной. Только уже при нас.

— Мамино детство было гораздо хуже нашего, — заметила Джейн.

Холли кивнула:

— С этим не поспоришь.

— А сколько раз я ей говорила, что бабушка была гораздо лучшей матерью, чем она! И она ни слова мне в ответ не сказала.

— Она тебя жалела, Джейн.

— Почему я только сейчас об этом узнала? Когда уже ничего поделать нельзя? Когда слишком поздно?

Холли подошла и неуклюже ее обняла. В их семье не любили обниматься.

И все же Джейн не отстранилась.

На следующий день Джейн проехала через весь Авадапквит и оказалась за городом. Месяц назад этот путь занял бы двадцать минут, но сейчас на улицах совсем не было машин. Она за пять минут пронеслась по городу, остановилась у фермерского прилавка и купила букет подсолнухов в стеклянной банке. Стебли были коротко подрезаны и перевязаны фиолетовой ленточкой.

Через несколько километров уютные мотели и серферские бары у дороги сменились безликими приметами повседневной жизни: стоматологическими кабинетами, химчистками, бензоколонками.

Клиника памяти «Солнечные дни» находилась сбоку от дороги, но ее было видно с Тихоокеанского шоссе. На парковке почти не оказалось машин.

Джейн остановилась у входа, будто заранее готовилась к побегу.

Клиника памяти. Какое странное название для места, где памяти ни у кого не осталось, подумала Джейн, заходя внутрь.

За стойкой дежурила женщина в розовой медицинской форме. Она прищурившись смотрела на экран компьютера и подняла взгляд на Джейн, лишь когда та произнесла «извините». Но медсестра даже тогда ничего не сказала.

— Я пришла к Бетти Андерсон. Она не знает, что я должна зайти.

Глупо, наверно, было говорить такое о пациентке с деменцией, но лицо женщины не дрогнуло.

— Третий этаж. Там заперто. Позвоните, вас впустят.

Джейн поднялась на лифте одна. Она нервничала.

Через маленькое окошко в запертой двери она увидела медсестру, которая сидела за столом и говорила по телефону. На ней тоже была розовая форма, но выглядела женщина моложе своей товарки с первого этажа: ей, пожалуй, было около тридцати лет. Джейн позвонила в звонок. Медсестра открыла дверь, нажав на кнопку.

Когда Джейн приблизилась, женщина улыб-

нулась и подняла указательный палец. В ответ Джейн кивнула. Медсестра раздраженно объясняла, что кофемашина до сих пор сломана, а двое рабочих, которых присылали ее чинить, не знали, что с ней делать.

Сбоку Джейн увидела зону ожидания с большими старыми диванами оранжевого цвета и аквариумом с рыбками. Импозантный мужчина в костюме бродил взад-вперед по этажу.

— Я его даже не знаю! — воскликнул он, ни к кому конкретно не обращаясь.

В уголке одного из диванов сидела тщедушная старушка и тихо плакала. Джейн стало ее жалко. Почему к ней никто не подходил? Джейн самой захотелось это сделать, но она совсем не умела себя вести в подобных ситуациях. Она не знала, что говорить.

Из-за угла вышла другая женщина. В руках у нее был голубой шарик.

— Шарик, — сказала она Джейн, будто это слово было самой смешной в мире шуткой.

Джейн улыбнулась.

— Вам помочь? — наконец спросила медсестра за столом. Она закончила говорить по телефону.

— Здравствуйте, — сказала Джейн. — Меня зовут Джейн. Я пришла к Бетти. Я подруга ее дочери

Эллисон. Надеюсь, это не запрещено… Я знаю, что надо было позвонить заранее. Могу прийти в другое время.

Ей очень хотелось, чтобы медсестра велела ей уйти.

Но та пощелкала курсором по экрану и ответила:

— Джейн Флэнаган?

— Да.

— Вы в списке одобренных посетителей.

— О. — Джейн опешила. — Здорово.

Женщина широко улыбнулась.

— Вы же присылаете Бетти цветы каждую неделю. Я всегда говорю, как ей завидую.

— Это малость по сравнению с тем, что сделала для меня Бетти, — ответила Джейн.

— Проходите. У нее сегодня хороший день.

Джейн проследовала за ней по коридору.

— Эллисон тут всем нравится, — заметила медсестра.

— Мне тоже она нравится.

— Она так хорошо относится к маме. Вы не представляете, сколько у нас пациентов, к которым никогда никто не приходит. А Эллисон еще и к нам добра. Приносит сладости, радует нас.

— Очень на нее похоже, — кивнула Джейн.

— Она сегодня утром приходила. И Ричард. Такие хорошие люди.

Они прошли мимо комнаты с маленьким деревянным алтарем и двумя рядами скамей. На окне на присоске висел пластиковый витраж. Сначала Джейн решила, что это настоящая церковь, вроде больничной часовни. Но потом они прошли мимо комнаты, похожей на школьный класс: там стояли три ряда парт, на стене висела грифельная доска и карта мира, а на полках лежали книжки с картинками.

На следующей двери висел лист бумаги в линейку, на котором было написано: «детская». Джейн похолодела. Ей не хотелось туда заглядывать, но она все же заглянула. Пожилая женщина ласково укачивала куклу-младенца. Куклы валялись по всей комнате. Они лежали в манежах восьмидесятых и на пеленальном столике с настоящими подгузниками. Сидели в кукольном высоком стульчике.

Джейн стало не по себе, и на миг она даже забыла о своих проблемах.

Медсестра остановилась у комнаты, похожей на обычную больничную палату: линолеум, яркие потолочные светильники, две регулируемые койки с перилами. Одна была пуста и аккуратно

заправлена. На другой, той, что у окна, приподнявшись на подушках, сидела Бетти и смотрела «Судью Джуди» по телевизору, подвешенному под потолком на противоположной стене.

— Бетти, дорогая, — сказала медсестра. — К тебе пришла подруга.

Бетти повернулась к ним, вежливо улыбнулась и снова уставилась в телевизор.

— Заходите, — сказала медсестра. — Я скоро приду.

Джейн подошла к кровати. У Бетти был испуганный вид. Джейн захотелось сбежать.

— Привет, Бетти, — произнесла она. — Это я, Джейн.

Бетти как будто ее не слышала.

— Я подруга вашей дочери Эллисон. Ничего, если вы меня не помните. Я принесла подсолнухи. Знаю, что вы их любите.

Бетти с подозрением взглянула на нее, будто Джейн была одной из тех, кто подрезает автомобилистов на светофоре и потом требует денег на ремонт. Потом снова повернулась к телевизору.

Медсестра сказала, что у Бетти сегодня хороший день. Джейн стало любопытно, как она это поняла. А потом она вспомнила, как Эллисон рассказывала, что у Бетти бывали истерики: она

кричала, швырялась вещами. Она ведь совсем не старая, у нее почти не было седины. Бетти не слишком изменилась с тех пор, когда Джейн ее в последний раз видела, но искра в глазах потухла. Лицо казалось странным. Как будто кто-то другой надел маску Бетти. Джейн хотела взять ее за руку, но боялась напугать Бетти или спровоцировать истерику. Она подвинула стул к ее кровати и притворилась, что с интересом смотрит передачу. Так они сидели около часа.

Тогда Джейн подумала, что смерть возможна и при жизни. Ее алкогольная амнезия — пропавшие без вести часы и минуты — тоже была сродни смерти. Состояние, в котором пребывала Бетти и другие пациенты, как призрак, только наоборот, физическое тело есть, а сознание и память отсутствуют. Тени прошлого жили на кладбищах, в старых домах, в архивах, где работала Джейн. В историях.

Однажды Эллисон сказала, что человек в последнюю очередь забывает свои самые первые воспоминания. Иногда ее мать вспоминала, как играла в тетербол[46] или ходила на школьный бал. Но она не знала, кто сейчас президент, и не

[46] Примечания: 46

Тетербол — игра, в которой двое игроков ударяют по мячу, прикрепленному к шесту веревкой, пытаясь намотать веревку на шест до упора.

узнавала собственного мужа.

На столике у кровати Бетти стояли фотографии ее детей и внуков и свадебный портрет Бетти и Ричарда. Помогают ли эти снимки вспомнить? Приносят ли успокоение или, наоборот, выбивают из колеи? А может, Бетти ничего не чувствует, на них глядя? Может, они даже предназначаются не ей, а врачам и медсестрам: напоминают, что когда-то и у этой пациентки была полноценная жизнь, такая же, как у них.

Джейн вспомнила день, который не вспоминала много лет. Их тогда фотографировали в школе. Это мучительное мероприятие проходило раз в год. Даже в начальной школе Джейн прекрасно понимала, что фотограф снимает всех, даже тех, чьи родители не могут позволить себе заплатить за фотографию. Мать Джейн никогда не покупала эти фото. А Джейн притворялась, что у нее будет фотография, и всякий раз наряжалась, как ее одноклассники. Все старшие классы она фотографировалась и не забирала фото. А в выпускном классе получила по почте конверт с обратным адресом местной фотостудии. Как она тогда обрадовалась! Фотография с выпускного класса! Наконец мать поняла, как много это для нее значит.

Джейн не помнила, как выяснила, что именно Бетти оплатила портреты, на которых Джейн натянуто улыбалась: глянцевые фотографии двадцать на двадцать пять, десять на пятнадцать и три на четыре, для бумажника.

За всю жизнь Бетти ни разу плохо не отозвалась о матери Джейн. Сейчас Джейн пристально смотрела на нее и думала, так как спрашивать вслух смысла не было: «Вы знали? Неужели все знали?»

Как вышло, что в награду за свою доброту Бетти получила это? Почему она вынуждена смотреть «Судью Джуди» в одиночестве, вместо того чтобы путешествовать по миру с мужем и пожинать плоды своих трудов?

Страдания относительны. Джейн понимала, что может начать сначала, хоть пока и не догадывалась, как это сделать. Неизвестность пугала, но она не сомневалась: любой из здешних пациентов будет счастлив поменяться с ней местами.

Она достала телефон и написала Эллисон:

Джейн
Прости. Ты была права, как всегда. Люблю тебя.

Джейн оставалась с Бетти весь день.

Они почти не разговаривали. Бывало, Бетти реагировала на телевизор — например, повторяла слова из рекламы зубной пасты: «Мятная свежесть». Или бормотала ничего не значащие вежливые фразы, будто пыталась вспомнить, как вести разговор ни о чем: «Какая сегодня хорошая погода».

Джейн кивала, улыбалась и отвечала «да».

В половине шестого медсестра принесла ужин на подносе. Джейн спросила, стоит ли ей уйти, а медсестра ответила:

— Нет, кажется, ей нравится, когда вы здесь. Правда, Бетти?

И Джейн осталась еще на час. А потом встала и сообщила Бетти:

— Мне пора. У меня дела. В следующий раз все расскажу.

Она поцеловала Бетти в щеку.

Та никак не отреагировала и продолжила смотреть телевизор.

Медсестра, которая принесла поднос, ждала ее в коридоре.

— Хорошо, что вы пришли, — похвалила она. — Вы не представляете, как важно пациентам общаться с посетителями. Даже если кажется, что они не реагируют. На днях я читала в газете

про женщину, та четыре года пролежала в коме. А когда наконец очнулась, сказала, что слышала все, что говорили в палате. Представляете?

Джейн все еще думала об этом, когда села в машину и поехала. Эта мысль крутилась у нее в голове на светофоре при въезде в город, когда она свернула на Шор-роуд и проехала мимо длинной лесной тропы, ведущей к Лейк-Гроув.

Джейн притормозила на обочине и, не выключая двигатель, набрала номер Мэрилин.

Она знала, что Кейтлин, скорее всего, из злости прислала ей письмо бабушки, но для Джейн оно стало величайшим даром. Это было послание от самого любимого человека на земле, от той, с кем она уже не надеялась поговорить. Признание. Возможно, Кейтлин, сама того не зная, спасла ей жизнь.

Телефон Мэрилин переключился на голосовую почту. Джейн это предвидела. Она оставила сбивчивое сообщение. Рассказала про Клементину и про то, как Дэйзи — или Д — просила передать матери, что обрела покой.

— Думайте что хотите, — добавила Джейн. — Я знаю, как это звучит. Сама сначала решила, что это чушь. Но я все же решила вам об этом сказать. Вдруг это вас утешит. Или позволит перевернуть

эту страницу.

Джейн подумала о чудовищном поступке Женевьевы. Вряд ли они продолжат общение. Вспомнила корзину, которую та купила у Томаса Кросби, и задумалась, откуда та взялась и чьи руки ее сплели. Страдал ли человек, изготовивший эту корзину? Выжил ли? А может, страдал, но все преодолел?

Одним лишь фактом своего существования люди причиняли друг другу столько боли. Вредили самым близким и тем, о ком знали так мало, что даже не считали их людьми.

Джейн поехала дальше. Миновала дом матери и направилась к пресвитерианской церкви на углу Шор-роуд и Мэйн-стрит. Нашла у входа свободное место. Собрание начиналось в семь. Дверь была открыта.

Два года спустя

15
Наоми

Наоми засиделась допоздна в домашнем кабинете, разбирая завалы бумажных и электронных писем, образовавшиеся за время ее отсутствия. Она ездила в свадебное путешествие на Ниагарский водопад.

Час назад прошел сильный дождь, и жара спала. Подул ветер, на окнах дребезжали жалюзи. Наоми нравился этот звук. Джерри на заднем дворе жарил лосося и кукурузу на гриле. Запахи просачивались в дом. У Наоми потекли слюнки.

Она взяла коричневый бумажный конверт, увидела в верхнем левому углу знакомый адрес кузины Барбары, и ей стало любопытно. Наоми отодвинула в сторону остальные бумаги. В конверте лежала грубо нарисованная карта — копия карандашного рисунка. Она изображала береговую линию с естественным выступом в середине, торчавшим, как нос на лице в профиль. Нос указывал на маленький неровный кружок — остров.

Символы на карте были Наоми знакомы. Стре-

лочки указывали на восток. Солнце с семью подчеркиваниями означало количество дней, проведенных в этом месте: семь. Вверху было напечатано слово: *Савадапскви*. Под ним Барбара приклеила несколько розовых листочков с клеевым краем и написала записку:

> *Отправитель утверждает, что это копия берестяной карты, которая хранилась в его семье несколько веков и в итоге была утеряна. Он не знает, где находится это место; возможно, его никогда не существовало. Этот человек канадец, абенаки из Оданака, но он считает, что его предки родом из Южного Мэна (поймешь из документов). Или северного Нью-Гемпшира. Насколько я знаю, города с таким названием в Мэне и Нью-Гемпшире нашего времени нет.*

Савадапскви. Название показалось Наоми знакомым, но где она его слышала?

Она погуглила «Савадапскви, Мэн». И ничего не нашла.

«Савадапскви, Нью-Гемпшир». Тоже ничего.

На дне конверта обнаружилась маленькая плоская картонная коробочка для украшений.

Наоми приподняла крышку и заглянула внутрь. На лоскуте хлопка лежали две полированные фиолетовые раковины моллюсков. В каждой была просверлена аккуратная круглая дырочка. На сложенном листке в линейку, похожем на записку, которыми они с девчонками обменивались в школе, Барбара написала: «С наилучшими пожеланиями невесте и жениху».

Наоми улыбнулась. Она была тронута. Неловко было получать подарки к третьему по счету бракосочетанию, но она пыталась бороться со своей реакцией. Наоми стала старше и мудрее. Верила: этот брак сложится. Кажется, что все молодожены так считают, но нет: в первые два раза в глубине души она знала, что это ненадолго. Наоми понимала это, даже когда шла к алтарю.

Как бы то ни было, она была благодарна кузине за поздравления. Она любила Барбару.

Они приходились друг другу троюродными сестрами и встречались всего несколько раз в жизни, но год назад начали вместе работать и с тех пор постоянно переписывались и созванивались пару раз в месяц.

Их матери, двоюродные сестры, росли вместе на Индейском острове. В конце 1940-х годов мать Барбары вышла замуж за белого; по законам того

времени ей пришлось отказаться от гражданства пенобскотов, и ее будущие дети тоже лишились гражданства племени. Мать Барбары переехала в Калифорнию: муж был военным, и его направили туда. С тех пор эта ветвь семьи жила на западе.

Барбара рассказывала Наоми: в ее детстве в их доме не было ничего, что указывало бы на принадлежность матери к пенобскотам. Когда мать спрашивали: «У вас такая экзотическая внешность, откуда вы?» — она отвечала: «Из Мэна». (Наоми всегда казалось, что это очень хороший ответ на такой глупый вопрос.)

Но у матери Барбары сохранились некоторые личные ритуалы. Она ежедневно разговаривала с предками и воскуривала кедр и полынь, чтобы привлечь духов. Рассказывала детям сказки вабанаков о Глускабе и еноте Азбане, который хотел перекричать водопад. Не получив ответа, он прыгнул в него, желая доказать, что может крикнуть громче, и утонул. В каждой сказке содержался урок. Мораль сказки про енота: не задавайся.

Барбара ездила на Индейский остров только один раз, когда умерла их бабушка. Наоми помнила, что тогда они и увиделись впервые:

троюродная сестра с другого конца Америки была на десять лет ее старше, носила джинсы и ботинки и казалась очень крутой.

Их прадед работал проводником у богатых туристов: показывал лучшие места для охоты и рыбалки и учил, где лучше ставить лагерь. Он погиб молодым от огнестрельного ранения в голову при подозрительных обстоятельствах.

Их прабабушка вырастила пятерых детей одна. У всех этих детей судьба сложилась непросто. Как большинство женщин с Индейского острова, прабабушка зарабатывала плетением корзин. Она специализировалась на миниатюрных корзинах из манника размером с ноготь большого пальца, но также плела корзины обычных размеров и разнообразных форм и занималась этим с утра до вечера.

До приезда на Индейский остров Барбара никогда не бывала на католических поминках и не видела, чтобы тело в гробу выставляли на всеобщее обозрение. Она даже не знала, что родственники матери католики. Их крестили в церкви Святой Анны; там же они проходили конфирмацию, венчались и ходили в воскресную школу. Хоронили католиков на кладбище с южной оконечности острова, заложенном еще

в 1668 году, с прибытием первых французских миссионеров.

Тогда Барбара впервые ощутила себя частью большой дружной семьи. Ее родственники поддразнивали друг друга, знали все семейные байки, которые пересказывали уже сто раз. Она увлекалась бейсболом, но до того дня не догадывалась, что первый игрок Большой лиги из коренных американцев, Луис Сокалексис, вырос здесь, на Индейском острове, и еще в 1897 году вступил в команду «Кливлендские пауки» (которую потом переименовали в «Кливлендских индейцев»).

Барбара рассказала, что в самолете по пути домой, в Калифорнию, мама плакала. В Мэн они так и не вернулись.

Во время одного из долгих телефонных разговоров, которые они с Наоми часто вели в последние месяцы, Барбара призналась:

— Мама никогда не говорила о том, чем ей пришлось пожертвовать, когда она вышла замуж, но я знала, что это ее уничтожило. Эта политика была формой геноцида. Тесты на чистоту крови, которые сейчас используют для определения принадлежности к племени, по сути, медленно приближают к той же цели. Племена вырожда-

ются; многие исчезнут через одно-два поколения. Я об этом читала. Это все основано на евгенике.

— Да, — ответила Наоми, — я знаю.

Два года назад мама Барбары умерла, и Барбара всерьез увлеклась своим индейским наследием. Нашла Наоми на фейсбуке, прочитала о ее работе и попросила разрешения помогать.

Барбара посмотрела на ютубе несколько лекций Наоми. Призналась, что ей нравится, как Наоми представляется на публике: «Наоми Миллер из племени пенобскотов, дочь Люсиль, внучка Беатрис, правнучка Рози, мать Рен».

Семейная преемственность, ощущение, что все они являются звеньями неразрывной цепи, — Барбара стремилась к этому всю жизнь.

Сначала Наоми с осторожностью отнеслась к предложению кузины. Она привыкла работать одна. Но Барбара всю жизнь трудилась в библиотеке и недавно вышла на пенсию. Ее опыт очень пригодился. Кузина могла найти кого угодно и что угодно. Быстро училась и, в отличие от Наоми, умела общаться в соцсетях. Там она находила истории и соединяла ниточки, которые Наоми никогда бы в голову не пришло соединить.

Можно было сколько угодно ругать интернет, но в данном случае он сотворил чудо. Соединил

двух людей, которые иначе не нашли бы друг друга. Сколько времени удалось бы сэкономить, если бы тридцать лет назад, когда Наоми только начинала свою работу, интернет существовал!

Когда Наоми было двадцать два года, подруга, работавшая в совете племени, устроила ее в местную администрацию. Наоми стала секретарем вождя племени. Ее рабочий телефон значился во всех печатных изданиях о племени пенобскотов и в телефонном справочнике. Кто ей только не звонил. Люди просили номера сантехников и адвокатов по производственным травмам, умоляли вразумить их сыновей-подростков, которые прогуливали школу. Жаловались на соседский бамбук, проросший во двор, переживали из-за тощего бездомного кота, разгуливающего по району. Четырем старушкам было просто одиноко, они звонили поболтать.

Наоми выросла в доме в пятнадцати километрах к востоку от реки Пенобскот. Дом стоял не в самой резервации, а рядом. Но по работе она познакомилась со всеми жителями резервации.

Наоми проработала секретарем два года; поняв, что хочет двигаться дальше, она задумала уволиться и подать заявку в «Учителя для Амери-

ки»[47], потому что не знала, чем еще заняться. Но однажды у нее на столе оказался конверт. В нем лежали старые черно-белые фотографии людей в головных уборах из индюшачьих перьев. Индейцы стояли бок о бок и смотрели в объектив.

В приложенной записке говорилось, что некий Трип Бейкер обнаружил эти фотографии, убираясь на чердаке недавно умершего деда. Дед был профессором антропологии и фотографом-любителем. Должно быть, он побывал в резервации в 1920-е или 1930-е годы. На обороте фотографии имелась надпись от руки: «Индейцы племени пенобскот в традиционных костюмах».

Внук профессора написал, что недавно посмотрел фильм Кевина Костнера «Танцы с волками», и тот глубоко его тронул. Он решил, что не имеет права владеть этими фотографиями, и посчитал своим долгом вернуть их племени.

— Молодец, Трип, — сказала Наоми вслух. — Держи печеньку.

Но уже тогда у нее возникло чувство, что она наткнулась на что-то важное, что эти фотографии попали к ней неспроста.

Наоми получила ответы, показав снимки

---

[47] Примечания: 47

«Учителя для Америки» — некоммерческая организация, привлекающая педагогов для преподавания в бедных районах.

нескольким старейшинам. Один из них узнал на фото двух братьев своего деда. Личности других людей на фотографии тоже скоро установили.

До 1960-х годов ни у кого в племени не было фотооборудования. Все фотографии до этого периода были сделаны чужаками. Эти люди хранили их и выставляли, но не догадывались, что за люди на них изображены и какие истории кроются за каждым из этих лиц. Снимки полностью лишили контекста и превратили в символ, идею об экзотическом диком племени. То же касалось аудиозаписей. Язык пенобскотов, их песни, описание обычаев — белые делали эти записи и увозили с собой, а люди, для которых записи действительно что-то значили, оставались ни с чем.

Тогда Наоми поняла, что нашла свое призвание. Она решила, что будет находить различные предметы и воссоединять их с историей и потомками. Помогать чужакам и членам племени рассказать более полную и детальную версию событий. Наоми обрадовалась, когда несколько лет назад совет племени запретил посторонним фотосъемку на Индейском острове без личного разрешения вождя.

На лестнице послышались шаги; Джерри зашел в дом. Наоми еще раз взглянула на странное сло-

во: *Савадапскви*. Теперь оно не давало ей покоя, как семечко, застрявшее между зубов, которое никак не получалось достать языком.

Наоми решила поискать слово в словаре и легко нашла у Генри Лорна Маста[48]; слово было подчеркнуто, то есть она уже искала его, хотя совсем об этом не помнила.

Джерри тихо постучал в дверь кабинета и вошел. Он принес ей холодное пиво.

— Ужин через пятнадцать минут, — сказал муж.

— Хорошо.

Он поцеловал ее в макушку, и Наоми будто пронзило током.

Она не ошиблась: этот брак будет долгим.

Когда Джерри ушел, Наоми глотнула пива, поставила зеленую стеклянную бутылку на стол и молча извинилась перед книгой, что использовала ее как подставку. Книга была скучная, но все же.

Под картой Барбара нашла несколько страниц, скрепленных степлером. Они были набраны шрифтом, имитирующим шрифт старинной печатной машинки. Или нет… вероятно, эти

---

[48] Примечания: 48

Генри Лорн Маст (1853–1943) — известный исследователь языка абенаки, писатель, педагог.

документы действительно были напечатаны на машинке, а после кто-то сделал множество копий. Наверху стояла дата и подпись: «Рассказ деда, перевел с французского и записал Франсуа, 3 октября 1987 года».

Кто такой Франсуа?

Тут Наоми заметила еще один клеевой листочек от Барбары, исписанный знакомым округлым почерком: «Обрати внимание, к нам редко поступают такие старые документы».

Наоми нахмурилась. Старые? Записи были датированы 1987 годом. Но она начала читать и вскоре поняла.

Рассказ деда, перевел с французского и записал Франсуа, 3 октября 1987 года

Это история наших предков, которая передавалась из поколения в поколение. Ее рассказывали тем, кто был достоин услышать. На протяжении веков она звучала в краю вабанаков у зимних костров в длинном доме[49]*, где вечерами собирались семьи.*

Есть все основания предполагать, что

---

[49] Примечания: 49

Тип жилища, длинный узкий дом с одним помещением, особенно часто встречается в скотоводческих культурах.

прежде наш народ обитал на территории нынешних штатов Мэн и Нью-Гемпшир, и только потом нас вынудили переселиться севернее. Мы не знаем, как называлось то племя: абенаки, пеннакук или как-то еще. Но теперь мы называем себя абенаки и живем в резервации Оданак. Это история о том, как мы здесь оказались.

Все началось летом на побережье, в месте под названием Савадапскви, на утесе, нависшем над океаном.

На этом утесе юноша по имени Манедо, наш прадед в двенадцатом колене, поцеловал жену, Канти, нашу прабабку в двенадцатом колене, и сказал: «Жди меня здесь».

Четыреста лет назад, стоя на этом утесе, можно было повернуться направо, налево и посмотреть назад и увидеть только сосны. Тогда там не было ни домов, ни лесопилок, ни верфей, ни города. Их построят потом.

Этот утес много значил для Манедо и Канти. Летом племя вставало лагерем у ближайшей реки. Согласно обычаю, в свадебный вечер старейшины приводили

молодоженов на этот мыс и сооружали для них небольшой вигвам. Невеста с женихом заходили в вигвам и оставались наедине. Они проводили там некоторое время и лишь тогда могли считаться супругами. Это место легко было отыскать, потому что мыс торчал над морем, как толстый палец, а напротив виднелся маленький остров.

Первые ночи с супругом стали самыми счастливыми в жизни Канти. Прежде чем они покинули утес и вернулись к племени, Манедо подарил ей ожерелье из раковин моллюсков, белых с фиолетовым отливом и нанизанных на шнурок, как бусины. Женщины в нашей семье до сих пор носят такие ожерелья. Их принято дарить на свадьбу.

Через год после бракосочетания Канти и Манедо снова вернулись на этот утес. Манедо попрощался с женой, оставил ее на утесе и спустился на берег, где его ждали друзья. Он должен был скоро вернуться, но Канти волновалась.

С утеса она видела, как четверо мужчин сели в каноэ и поплыли по волнам

по направлению к большому судну, стоявшему на якоре у маленького острова. На друзьях были оленьи шкуры. Они выкрасили лица охрой и начертили голубые полосы над подбородками, губами и носами – для защиты и привлечения духов.

За две недели до этого, когда прибыл корабль, предки сперва приняли его за остров. Плавучий остров, подобных которому еще не видели. Они не понимали, как такой огромный корабль не тонет. Соседи рассказывали о белокожих рыбаках, что появлялись и исчезали. Но абенаки никогда их не видели и не верили соседским россказням. Пока рыбаки не приплыли к ним.

Люди на корабле были странно одеты и странно пахли. Их белые щеки покрывал черный мех. Чужаки высадились на скалистый остров и возвели там белый крест. Много дней они плавали вдоль берега на каноэ, исследовали реку, болота и ручьи. А когда наконец высадились на берег, приветствовали племя с улыбкой. Они привезли подарки: курительные трубки, украшения, павлиньи перья, переливающи-

еся всеми цветами радуги. Старейшины племени посовещались у костра и решили, что чужаки пришли с миром.

Стояло начало лета, самое праздное и приятное время. Сев завершился. Погода была теплая и благодатная. Пышно зеленели деревья. Океан сверкал на солнце. Гости хвалили их край. Страна изобилия, говорили они. Ваша клубника, твердили они, в два раза больше нашей и вдвое вкуснее. Чужаки дивились устрице, внутри которой обнаружились четырнадцать жемчужин, осетру длиной с двух маленьких мальчиков, лососю, который сам выпрыгивал из воды и будто умолял его поймать.

Белые хотели знать все слова на местном языке. Они показывали на дерево, океан или кролика и спрашивали, как это называется. Один человек записывал слова в книгу. Потом белые спросили, как называется их племя, и они ответили, что их зовут Люди Зари, потому что солнце на их берегу восходит раньше, чем повсюду, и тысячелетиями они видят его первыми.

По вечерам наши предки приглашали гостей на берег праздновать. Перед закатом расстилали на песке оленьи шкуры, разводили в ямах огонь и ставили на него котелки, жарили на вертелах утку и оленину. Танцевали, пели, били в барабаны. Набивали трубки гостей табаком, не боясь истощить свои запасы.

Гости тоже приносили дары. Угощали предков галетами, дарили отрезы ткани и стеклянные бусы, такие красивые, что ими мечтали обладать все женщины, хотя громкие голоса мужчин и их ружья пугали, так как никто из племени прежде не видел огнестрельного оружия.

Через несколько дней гости сказали, что хотели бы отплатить племени за гостеприимство. Они пригласили четверых мужчин, включая Манедо, на корабль отобедать и обменяться подарками.

Каноэ приблизилось к кораблю; с борта спустили лестницу. Мужчины по очереди забирались наверх, хватали чужака за руку и исчезали в брюхе корабля. Последним поднялся Манедо. Он вскарабкался по лестнице и, прежде чем один из чужаков

помог ему подняться на борт, в последний раз повернулся в сторону утесов, где стояла его жена.

Канти смотрела на корабль с утеса, хотя смотреть было не на что. Часами она стояла там и плела корзину для дома. Продольные нити из коры, поперечные – из шерсти и кукурузной шелухи. Постепенно под ее пальцами образовывался узор из птиц, летящих ровным косяком. Она унаследовала дар плетения корзин от предков и вскоре планировала передать его своему ребенку. Она почти доплела корзину, когда наконец заметила в океане движение. По телу разлилось облегчение. Но, подняв голову, Канти увидела совсем не то, что ожидала. Манедо с друзьями не спускались по лестнице и не возвращались на каноэ.

Корабль сдвинулся. Он разворачивался. Облегчение сменилось страхом. Канти закричала, но никто ее не слышал. Вскочила, поддерживая руками живот. Она еще не освоилась с этой новой непривычной тяжестью. Она побежала.

Каждое утро с тех пор, как увезли Мане-

до, Канти выходила на утес и неподвижно сидела на одном месте. Волны нашептывали имена предков. Те твердили, что Манедо вернется. Нужно просто ждать.

Сестры по очереди спали рядом с ней на месте мужа, пока не родился ребенок – красивая девочка с густыми черными волосами. Ее назвали Нуной.

Племя устроило пир, чтобы отпраздновать рождение. Были песни и танцы. Мерный и гулкий барабанный бой напоминал биение сердца. Но Канти чувствовала, как внутри разливается яд. Она не любила дочь, хотя знала, что должна. Родственники твердили, что ребенок похож на Манедо. Может быть, поэтому Канти казалось, будто она выменяла ребенка на мужа.

Это чувство не покидало ее, хотя она мечтала от него избавиться.

Собирая бобы и раскладывая их сушиться на зиму и таская Нуну на колыбельной дощечке из ясеня, которую смастерил для нее Манедо, Канти умоляла предков помочь ей полюбить ребенка. Она взывала к ним, собирая самые крупные семена

растений, посаженных год назад, высушивая кукурузу и смалывая ее в муку, чтобы было что есть в голодные месяцы, когда на зиму племя уходило вглубь от побережья. Канти готовилась к будущему, в котором не хотела жить.

Голову заполонили страшные мысли. Она не могла думать ни о чем другом. Страдал ли ее муж, голодал ли? Что они с ним сотворили? И что еще сотворят? Ходили разные слухи. Поговаривали, что Манедо и его друзей убили. Что белые поднялись по реке и захватили в плен еще пятерых, а потом продали всех девятерых в рабство ирокезам.

Неизвестность сводила с ума. По ночам Канти бродила по утесам в одиночестве.

Похолодало. Однажды утром захлопали крыльями дикие голуби. Птицы готовились лететь на юг. Значит, племени тоже пора было сниматься с места.

Канти умоляла мать и сестер взять дочь, а ей самой позволить остаться. Она обещала мужу дождаться его. Когда Манедо вернется, то будет в ней нуждаться.

Старейшины сказали, что горе лишило ее благоразумия. Если они оставят ее одну на утесах, она умрет.

С восходом зимней луны Пебонкас они поняли, что пора уходить.

На свадебном утесе Канти оставила Манедо корзину с припасами: сушеной рыбой, олениной, тыквой и сладкими желудями белого дуба. Она шла и оставляла за собой след из ракушек, указывающий направление пути.

Припасы съели дикие звери. След из ракушек засыпало снегом.

С тех пор по весне Канти приходила на утес, как только ее племя возвращалось в Савадапскви. Она стояла и смотрела на маленький остров, не теряя надежды увидеть мужа. Иногда приводила с собой дочь и рассказывала об отце. Иногда приходила одна и думала спрыгнуть, представляла, как тело разбивается о скалы и ее отчаянию приходит конец. Но что, если она умрет, а Манедо вернется?

Двое из четырех мужчин вернулись, и у Канти появилась надежда. Через несколько лет после исчезновения при-

плыл первый – на борту корабля из Англии. Корабль привез около ста мужчин, женщин и детей, планировавших основать на берегу поселение. Возвращенец снова поселился в племени, но каждый день отправлялся к англичанам и торговался с ними, продавая еду и шкуры. Он приходился вождям близким родственником и потому был идеальным посредником; он, кажется, гордился своей новой властью в племени и у англичан и был единственным, кто говорил на обоих языках и понимал намерения обеих сторон.

Можно лишь гадать, что чувствовала Канти, глядя на этого человека. Она не сомневалась, что Манедо никогда не стал бы помогать собственным похитителям. Поведение его друга казалось ей предательством, хотя, вероятно, тот просто раньше остальных догадался, что иначе им не выжить.

Следующая зима выдалась суровой. Весной, вернувшись на побережье, племя Канти обнаружило, что многие англичане умерли от голода и болезней. Пожар

уничтожил их дома и оставшиеся припасы. Выжившие сели на корабль и уплыли домой.

На третье лето вернулся второй исчезнувший, Таханедо, двоюродный брат и лучший друг Манедо. Он сказал Канти, что их держали в месте под названием Лондон. Там они жили в доме очень богатого и влиятельного человека. Они были его пленниками, но с ними обращались как с гостями: кормили, держали в тепле, выделили собственное просторное жилье. Но им не разрешали покидать дом и ходить по улицам в одиночестве. Их заставляли выступать перед зрителями, надевать оленьи шкуры и наносить боевую раскраску, демонстрировать умение обращаться с луком и стрелами. Ими хвастались как экзотическими сувенирами из далеких краев.

Никогда в жизни Таханедо не видал места, подобного Лондону. Там были дома с гору высотой. Некоторые люди расхаживали в мехах и прекрасных драгоценностях и жили в домах, где комнат было больше, чем человек в семье. Но у

большинства людей не было ничего. Они выпрашивали еду на улице и спали под открытым небом в холоде и сырости. Лежали прямо под ногами, и прохожие перешагивали через них, будто их там не было. Англичане, сказал Таханедо, – свирепое и жестокое племя. Преступников вешали на площади, а когда те почти находились при смерти, но все еще были в сознании, вынимали из петли и выпускали им кишки, отрубали голову и детородный орган и вырезали сердце, а останки разрубали на куски. За этим действом наблюдала ликующая толпа.

Человек, захвативший их в плен, с самого начала предупредил Манедо и Таханедо, что вернет их домой, как только выполнит свой план. Но сначала он хотел узнать все о жизни в Краю Зари. Названия птиц и ягод на местном языке. Местонахождение островов, рек и безопасных гаваней. Имена их врагов и друзей. Он спрашивал, как в племени принимают решения, выбирают вождей и отмеряют дни и годы. Он хотел знать все, хотя англичане не понимали элементарных

вещей, которые были понятны любому из них.

Так, они не понимали, зачем видеть и почитать созданное Творцом. Все, что их окружало, англичане воспринимали как сырье для изготовления вещей. Таханедо с Манедо слышали, как моряки говорили о деревьях в Краю Зари, но не называли их деревьями. Они называли их мачтами для кораблей весом четыреста тонн.

Их похитители нашли Савадапскви случайно. Они искали другое место. Но, прибыв в этот край и увидев его изобилие, решили, что это бог привел их туда и хочет, чтобы они остались. Они не понимали, что земля – не просто место. Земля – живое существо.

Через год похититель Манедо и Таханедо сказал, что они могут возвращаться домой. Корабль довез друзей до Пуэрто-Рико, но там его захватили враги англичан, испанцы. Всех, кто был на борту, заковали в кандалы. Манедо и Таханедо разлучили и продали в рабство. Прошло несколько лет. Таханедо смирился, что умрет рабом в краю, где не знал ни души. Но

однажды за ним пришли и освободили. Однако, получив свободу, Таханедо не смог найти Манедо. Никто не знал, куда он делся и жив ли.

Вскоре племя Канти снова увидело на горизонте корабли. После этого им не стало покоя. Что случилось дальше, хорошо известно. Англичане приезжали толпами, решив поселиться в Краю Зари, чего бы это ни стоило. Они верили, что их бог наслал болезнь, чтобы стереть племя с лица земли в новом мире, который англичане должны были построить. В первой волне эпидемии выжил каждый четвертый. И хотя англичане убивали племя, местные стали от них зависеть. Из привезенного белыми металла изготавливали наконечники для копий, рыболовные крючки, ножи и иглы. Теперь всю работу делали в три раза быстрее. В племени появились чугунные котелки и огнестрельное оружие, и жизнь изменилась.

На торговом посту англичане угощали местных ромом. Старейшины считали, что это обманное зелье призвано сбить

людей с толку и отнять у них принадлежавшее по праву. Мужчины возвращались домой, спотыкаясь и утратив ясность рассудка, чего раньше с ними никогда не случалось. Скот белых людей бродил по земле племени и уничтожал посевы кукурузы. Англичане рубили деревья, и вырубленный лес становился непригодным для жизни. Они уничтожили леса, в которых их народ охотился тысячелетиями. Исчезли земледельческие угодья по берегам рек. Кукуруза там больше не росла. В самой реке, где тысячелетиями плавали каноэ, теперь от берега до берега лежали бревна с лесопилок.

На тридцать седьмую весну со дня исчезновения Манедо племя, как обычно, вернулось на побережье. Лесная тропинка привела Канти на утес, где когда-то стоял их вигвам. Канти уже не рассчитывала найти там мужа, но ощущала его присутствие в этом месте, как не ощущала больше нигде. Там они в последний раз держались за руки.

Не успел на горизонте показаться океан, как она испытала потрясение. Там,

где прежде была густая завеса листвы, образовалась просека. В середине стоял бревенчатый дом. Канти подошла ближе и увидела у двери кожаное ведро и поленницу.

На пороге показался мужчина и наставил на нее ружье. Закричал, но Канти не поняла ни слова.

Она бросилась к своим, как много лет назад, когда бежала звать на помощь в день, когда увезли Манедо. Теперь она была главой семьи, но все равно испугалась. Отыскала Таханедо и все ему рассказала. Он пошел в вигвам и вернулся с ножом в руке.

Она отвела его к дому.

Мужчина по-прежнему стоял на пороге с ружьем наготове. Он будто их ждал.

Они с Таханедо стали перекрикиваться на английском. Наконец мужчина зашел в дом. Канти спросила, что он сказал.

– Сказал, что ты нарушила его частную собственность. Он получил разрешение на строительство лесопилки на реке, и в рамках соглашения ему выделили эту землю на строительство дома. Он пла-

тит налог четыре фунта.

Канти ничего не поняла. Дом стоял на священном утесе. Это была ее святыня, она принадлежала ее племени. Почему этот человек решил, что земля теперь его?

До приезда англичан даже войны происходили в определенное время года. Теперь набеги могли случиться в любой момент. Англичане и индейцы то вступали в кровавые распри, то умудрялись спокойно сосуществовать, то пытались наладить дипломатические отношения. Как только казалось, что наладился мир, кто-то нападал без предупреждения. Так длилось несколько десятилетий. Потерь было столько, что облик племен изменился полностью. Теперь каждое племя состояло из фрагментов – выживших, которые объединились и образовали новое племя.

Сквандро, сахем[50] *племени сококис с реки Сако, мирно сосуществовал с англичанами все пятьдесят лет с тех пор, как они пришли на землю его народа. Он*

---

[50] Примечания: 50
Вождь.

был хорошим человеком. Ему подарили белую девочку, которую отняли у родных и продали в рабство; Сквандро отыскал ее семью и вернул девочку.

Однажды английские моряки встретили жену Сквандро, плывшую на каноэ с новорожденным младенцем. Один матрос слышал, что дети индейцев с рождения умеют плавать. Другие ему не поверили. Они перевернули каноэ, чтобы проверить, кто прав. Младенец утонул, как ни пыталась мать его спасти.

Сквандро был вынужден мстить. Начался бунт, продлившийся три года. Племена объединились против общего врага. Белые убили старейшину патуксетов Виттаммо, отрубили ей голову и выставили на всеобщее обозрение насаженной на копье. Они натянули сеть на реке, чтобы рыба не доплывала до деревень индейцев. Запретили торговлю дробью и порохом, чтобы индейцам стало сложнее охотиться. Англичане пытались уморить их голодом, хотя вокруг водилось много зверья и рыбы. Тогда погибло много народу.

Стоит ли удивляться, что однажды,

когда англичане ушли в поля и уплыли на рыбалку, люди Канти перекрыли подступы к деревне поселенцев, где остались женщины и дети, и сожгли деревню дотла? Индейцы переходили от одного дома к другому и в ярости орудовали факелами.

В тот день впервые за много лет Канти пошла на утес и стояла, глядя вдаль, как прежде. Она больше не боялась мужчину в доме. Старость избавила ее от страха.

Тот мужчина сгинул. И дом сгинул. Его сожгли дотла накануне утром. Пепел все еще дымился. Позже муж ее дочери рассказал, что лесопилку тоже сожгли. Это было символическое послание: индейцы желали сообщить, что не потерпят английский образ жизни, который сделал их собственную жизнь почти невозможной.

Муж ее дочери не только говорил по-английски, но и умел писать на этом языке. Канти казалось, что ее дети принадлежат к другому миру, в котором ей самой нет места. С рождения они видели столько страданий. Если бы матери ее поколения знали, что грядет, стали бы

они производить на свет детей?

К моменту подписания мирного договора индейцы убили и прогнали из поселений шесть тысяч англичан. Кое-кто из пленников пытался бежать. В наказание им отрезали уши и носы, а потом сожгли у столба.

Из коренного народа же не осталось почти никого. Все умерли или попали в рабство на Барбадос, Бермудские острова, Ямайку и в Испанию. Канти не могла представить все эти места, но они всегда казались знакомыми, ведь именно там, скорее всего, находился ее муж, живой или мертвый.

Она давно перестала о нем говорить. Знала, что никто не поймет ее тоску. Канти часто представляла, как изменилась бы жизнь, останься он дома. В мире, где насилие и убийства, болезни и смерть встречались на каждом шагу, ценность человеческой жизни была невелика. Но для нее всем миром был Манедо. И ей казалось, что такая сильная любовь, как у нее, должна была его спасти.

Немногие из оставшихся в живых после

войны ушли на север, в Канаду, где, по слухам, французы заключили с их народом союз.

Нуна с мужем и детьми хотели уйти, но не могли оставить Канти. Она умоляла их ее покинуть. Канти слышала, что французы намного добрее англичан. Англичане хотели забрать у них землю, а французам нужно было другое – их души для Христа. Католические миссионеры с севера помогали индейцам, давали им еду и кров.

В день своей смерти Канти заставила дочь пообещать, что та уйдет. Канти верила, что в Канаде, которую сама она никогда не видела и не увидит, ее семья будет в безопасности.

Она была рада умереть. И так прожила слишком долго, дольше остальных.

В последние мгновения перед смертью Канти закрыла глаза и мысленно перенеслась на утес, в то время, когда Нуна была еще у нее в животе, а Манедо спускался на берег на встречу с друзьями. Она еще раз увидела его на берегу. Он обнял друзей, и они уже собирались сесть в каноэ, когда

Манедо вдруг решил не плыть. Он пошел обратно и скрылся в лесу. Поднялся на утес, признался, что испугался и вернулся сказать ей об этом. Они потрясенно смотрели, как чужой корабль увозит их друзей. Но они были вместе.

Дочь похоронила Канти на том утесе, укрыв березовой корой. На Канти было свадебное платье и ожерелье из раковин. Ее милая дочь проявила к ней доброту, хотя сама при жизни видела от Канти мало ласки. Нуна без слов поняла, что мать вернулась туда, где больше всего хотела быть. Где жили все ее воспоминания, навек отпечатавшиеся в земле, как прожилки кварца в скальной породе.

Манедо просил дождаться его на утесе. И Канти сдержала обещание.

К последней странице был приклеен еще один розовый листочек, на котором Барбара написала заглавными буквами:

ДУМАЕШЬ, ЭТО ПРАВДА? ЕСЛИ ДА, РЕЧЬ О БОЛЬШОМ ОТКРЫТИИ.

Наоми коснулась кончиком пальца раковин,

лежавших на столе.

Взглянула на карту. Снова уставилась на знакомое слово. *Савадапскви.*

Было ли все описанное правдой? Жестокие кровопролитные войны между индейцами и англичанами имели место, это исторический факт. Похищение четырех коренных жителей? Возможно. В те страшные годы такое случалось сплошь и рядом.

Что до истории женщины, Канти… Что ж. Женские истории никто никогда не записывал; никого не интересовали их чувства. Наоми не знала, существовала ли Канти на самом деле, и никогда не слышала о существовании свадебного утеса. Она не знала о таком обычае. Возможно, знали старейшины; она могла спросить.

Но история показалась Наоми странно знакомой: она испытала дежавю, будто уже видела это во сне.

Она собиралась позвонить Барбаре и все обсудить. У нее было много вопросов. Откуда взялся этот документ? Где Барбара нашла эту семью?

Но Наоми решила, что это может подождать. Внизу Джерри поставил ее любимый альбом Люсинды Уильямс и позвал ее к ужину.

Через несколько часов, уже под утро, Наоми

проснулась в тишине спальни и поняла, что знает ответ. Как будто кто-то нашептал ей его на ухо. *Савадапсквн*. Она узнала это слово, потому что подчеркнула его для Джейн Флэнаган. Она тогда предположила, что так назывался город, где жила Джейн, — город, который сейчас назывался Авадапквит. И кажется, именно Джейн упоминала, что один из первооткрывателей похитил местных жителей.

Джейн открыла в Авадапквите маленький музей. Среди экспонатов были истории народа вабанаки. Иногда Джейн советовалась с Наоми и несколько раз нанимала ее как консультанта по разным проектам.

Жаль, нельзя позвонить Джейн прямо сейчас. Наоми почему-то казалось, что эта история приведет Джейн в восторг. Но было пять утра, и она попыталась уснуть.

Поняв, что это бесполезно, Наоми повернулась к мужу. Представила, что женщина, а потом и ее дух простояли на утесе четыреста лет, дожидаясь возвращения возлюбленного. Наоми не была романтиком. Но в тот миг и в тот час, перед рассветом, почему-то в это поверила.

16
Джейн

Шины заскрипели по гравию. Она остановилась и выглянула в окно. Прибыли первые посетители, а ведь до открытия оставалось еще полчаса. Что ж, Джейн могла впустить их и пораньше. Ей не терпелось показать кому-нибудь новую выставку. Она была посвящена жизни шейкерских женщин в Мэне.

Как обычно, малышка проснулась в пять. А сейчас, в половине девятого, наверно, уже спала дома с няней. Джейн тоже с удовольствием бы прилегла. Еще никогда в жизни она так не уставала.

Через три недели Мэри исполнялся год. И два года как Джейн бросила пить. Так уж совпало. Два этих чуда — отказ от алкоголя и рождение дочери — были связаны. Одно невозможно было представить без другого.

Машина остановилась у дома. Вышла пара; обоим супругам было около шестидесяти. Они зашагали по лужайке. Джейн установила два стола со скамьями в нескольких метрах от края

обрыва. Старики сели рядом за один из них.

Они увидят выставку первыми. Джейн готовила ее несколько недель. Много раз ездила в Общину Субботнего озера и просмотрела подробные архивы общины за двести лет. Сама ферма оказалась очень красивым и странным местом.

Она наткнулась на фотокопии рисунков девятнадцатого века, сделанных ясновидящими девочками. Прекрасные многоцветные картины, которые якобы не могли нарисовать дети в столь юном возрасте. Считалось, что это послания от духов, переданные через этих девочек. Рисунки не должны были увидеть посторонние. Большую часть давно уничтожили. Но оставшиеся продавали по десять тысяч долларов. Их выставляли в музеях, что привело бы в ужас любого шейкера.

В мире осталось всего три шейкера, и все они жили на Субботнем озере. Самой старой жительнице общины было девяносто четыре года. Она попала к шейкерам, став сиротой. Еще двое, мужчины чуть старше пятидесяти, присоединились к общине уже взрослыми. Один из них, брат Майкл, был кем-то вроде самопровозглашенного представителя группы. Он говорил спокойным деловитым тоном.

— Теперь к нам приезжают только туристы, —

сказал он Джейн. — И то случайно, проездом или в дождливый день. Кто-то слышал про шейкерскую мебель, кто-то знает одну из десяти тысяч наших песен. И все в курсе, что шейкеры соблюдают целибат. По пути к машинам туристы шутят, что это была не очень удачная идея, мол, вот теперь их и осталось трое. И каждый считает, что он первый так удачно пошутил.

Джейн улыбнулась.

— Но почти никто глубоко не задумывается о нашей вере. Она была революционной с самого начала и до сих пор такой остается. Пацифизм. Равенство полов и рас. Нашей целью была утопия. Представьте, каким стал бы мир, если бы все к нам прислушались.

Но этого не случилось. Постепенно поселения шейкеров приходили в упадок. И все же этот человек не терял оптимизма. Матушка Анна Ли, основательница шейкеров, предсказывала, что число шейкеров сократится и ребенок сможет пересчитать их на пальцах одной руки. Но потом община возродится.

До выставки Джейн ничего не знала о шейкерах. Даже не догадывалась, что в Мэне до сих пор есть община. Потом ее ассистентка Джесси случайно обнаружила, что Элиза Грин, слу-

жанка Литтлтонов, воспитывалась у шейкеров в Общине Субботнего озера. Тогда-то у Джейн и возникла идея выставки.

А мысль открыть музей появилась через несколько недель после первого собрания анонимных алкоголиков, два года назад, хотя тогда Джейн еще этого не понимала. Лидия взяла ее на работу: помочь разобраться с архивами городского исторического общества и подыскать постоянное помещение для архива и проведения выставок. Зарплата была в несколько раз меньше, чем в библиотеке Шлезингеров, но Джейн все равно была рада. Уверяла себя, что это временно.

Она в последний момент сказала Холли, что не хочет продавать мамин дом. Пообещала со временем выкупить долю сестры. К ее облегчению, Холли обрадовалась.

А Эллисон и вовсе пришла в восторг.

— Ты останешься с нами! — воскликнула она.

— Это временно, — ответила Джейн. Эти слова стали ее мантрой.

Следующей зимой на ежегодной городской ярмарке в последние выходные перед закрытием магазинов и ресторанов на зиму Джейн встретила Присциллу Бингем из совета бывших выпускников при библиотеке Шлезингеров.

— Джейн! — воскликнула Присцилла. — Рада тебя видеть.

Джейн захотелось убежать и сгореть от стыда, но она глубоко вздохнула и совладала с собой.

— Как дела, Присцилла? — спросила она.

— Хорошо. Мы с сестрами приехали на выходные за покупками к Рождеству. Ты тоже?

— Я здесь живу, — ответила Джейн, хотя ей самой пока с трудом в это верилось.

— О, завидую! — воскликнула Присцилла. — А мы только что смотрели дом, который продает подруга подруги. Шикарное место. В Бостоне все только о нем и говорят. Владелица хотела устроить там бассейн, но рядом с домом места не нашлось, и она снесла старое кладбище, представляешь?

— Женевьева, — пробормотала Джейн.

— Да, вы знакомы?

— Да.

— Странная женщина. — Присцилла покачала головой.

Тут Джейн вспомнила: Женевьева рассказывала, что они с Присциллой знакомы. Она хорошо о ней отзывалась.

— Не знала, что дом продается, — заметила Джейн. — А вы хотели его купить?

— Нет-нет. Мы просто смотрели. Моя подруга Лесли Дэвенпорт узнала про кладбище прошлым летом, когда была у Женевьевы в гостях. Ну она всем и рассказала. И понеслось. А теперь хозяева решили продать дом. Насколько я знаю, покупатели не выстраиваются в очередь.

Попрощавшись с Присциллой, Джейн нашла дом в интернете. Лейк-Гроув действительно выставили на продажу за три миллиона долларов.

Женевьева купила особняк чуть больше года назад и почти все это время делала ремонт. Она там даже толком не жила.

Джейн не могла выбросить из головы встречу с Присциллой. Джейн еще не дошла до того этапа «Двенадцати шагов», где бывшие алкоголики заглаживают вину, но почувствовала, что виновата перед Женевьевой и хочет перед ней извиниться. Чем раньше, тем лучше.

Но решилась позвонить только в марте и удивилась, когда Женевьева ответила.

Джейн объяснила, что больше не пьет, и извинилась за причиненное беспокойство.

— Я поступила ужасно, когда ворвалась к тебе в дом и обвинила тебя на глазах друзей, — сказала она. — В трезвом состоянии я никогда бы так не поступила.

Женевьева молчала.

— Надеюсь, ты не поэтому решила продать дом, — добавила Джейн.

Женевьева вздохнула.

— Я просто хочу о нем забыть, — ответила она. — Лучше бы я его вообще никогда не видела. Мне стыдно за свой поступок, Джейн. Но знай, я заплатила сполна. Теперь все считают меня ненормальной. Даже собственный муж. Самые близкие знакомые от меня отвернулись.

Близкие знакомые. Эллисон бы рассмеялась над этим странным выражением. А Джейн вспомнила, как в Лагере Мира Женевьева сказала, что мечтает о такой дружбе, как у них с Эллисон. Вопреки всему ей стало жаль Женевьеву. У неудачников есть одно преимущество: они с пониманием относятся к чужим провалам. Если не прощают их, то, по крайней мере, не судят строго.

— Возможно, от нас отвернулись одни и те же люди, — заметила Джейн. — Можем сверить списки.

Джейн призналась, почему оказалась в Авадапквите прошлым летом, сообщила, что ее брак официально распался и она осталась без работы.

— Ох, жалко как, — сказала Женевьева. Кажет-

ся, она искренне сочувствовала Джейн. — И что будешь делать?

Джейн объяснила, что пытается собрать средства на новое помещение для местного исторического общества.

Они попрощались на хорошей ноте и договорились созваниваться.

Лейк-Гроув пытались продать до конца лета, после чего снизили цену в два раза. Мало кто мог себе позволить дом на курорте, а те, кто могли, наверняка знали, почему Женевьева с Полом решили его продать, и не хотели впутываться в скандал.

Через год после того, как дом выставили на продажу, Женевьева внезапно позвонила Джейн и предложила разместить в Лейк-Гроув новое историческое общество.

Пол согласился продать особняк с огромной скидкой, если город купит его быстро. Кроме того, продав дом городу, Женевьева с Полом получили бы налоговые льготы. И еще они хотели, чтобы историческое общество носило их имена.

Джейн понимала, что они придумали способ спасти лицо. Решали проблему единственным известным им способом — заткнув людям рты деньгами. Джейн пообещала перезвонить.

Лидия пришла в полный восторг. Она обожала старинные дома. В бывшем жилом доме совершенно иная, теплая атмосфера, сказала она. Выставочные экспонаты в подобной обстановке приобретут особую значимость.

Городской совет отверг их предложение и отказался финансировать покупку дома даже со скидкой. Но Джейн одновременно отправила запрос в «Исторические дома Новой Англии» — организацию, где прежде работал ее друг Эван. Эта компания выкупала старые поместья, фермы и дома и открывала в них музеи. Она написала эмоциональное письмо, начав его с цитаты, о которой никогда не забывала. Цитата принадлежала профессору из Бейтского колледжа, где Джейн проучилась совсем недолго: «Большинство имен со временем никто не вспомнит».

Джейн подробно описала свой план: музей будет посвящен реальным женщинам, которые когда-то жили в этом доме; жизнь каждой из них будет представлена в историческом контексте.

«Историческим домам Новой Англии» очень понравилась эта идея. Они назначили Джейн директором нового музея.

Джейн была признательна Лидии и отчасти Женевьеве, ведь благодаря им у нее снова по-

явилась цель. Хотя Женевьева по-прежнему испытывала Джейн на прочность. Однажды она заявилась без приглашения и привела с собой съемочную группу с местного телевидения. Она наняла пиарщика, и тот оплатил ей сюжет в телепрограмме «Хроника», в котором говорилось о ее чрезвычайной щедрости и преданности делу сохранения истории. Потом в «Бостон глоуб» напечатали статью с заголовком «Хозяйка дома исправляет ужасную ошибку рабочих». И наконец, как они и договорились, Женевьева повесила над табличкой с именем Сэмюэля Литтлтона табличку с собственным именем, где говорилось, что «музей появился благодаря щедрости Пола и Женевьевы Ричардс». Джейн морщилась от такого абсурдного самолюбования, но ради музея стоило потерпеть.

Джейн вернула в дом вещи прежних владельцев. На средства города выкупила траурное кольцо Ханны Литтлтон. А в антикварном магазине на Тихоокеанском шоссе обнаружила вывеску «Лейк-Гроув Инн», хотя Женевьева клялась, что ту вывезли на свалку.

Джон Ирвинг, мусорщик, которого Женевьева наняла вывезти старый хлам, вручил Джейн три коробки с вещами, которые ему не удалось

продать. Среди них оказался портрет сестер Трой — тот, что несколько десятилетий провисел над камином. Двадцать стеклянных чаш и винных кубков необычных форм и размеров — теперь Джейн знала, что они служили натурой для картин Мэрилин Мартинсон. Джейн расставила их в кладовой, где они находились изначально. А на среднюю полку поставила хрустальную вазу и следила, чтобы в ней всегда стояли маргаритки[51].

Джейн попыталась узнать, как сложилась жизнь у выживших детей Сэмюэля и Ханны Литтлтон. Джеймс Литтлтон стал директором школы в Нью-Гемпшире. Фрэнсис вышла за меховщика из Монреаля и переехала на север, к канадской границе. Она дожила до ста двух лет. Согласно некрологу, у нее было десять детей, девятнадцать внуков и тридцать пять правнуков. Ее никто никогда не называл полным именем — Фрэнсис. Все знали ее как Фэнни.

Роуз Литтлтон, дальняя родственница Сэмюэля, которая по-прежнему жила в Авадапквите, дала Джейн контакт одной из правнучек Фэнни, врача из Торонто по имени Мэйбл. Та передала музею

---

[51] Примечания: 51
Имя Дэйзи (*daisy*) по-английски означает «маргаритка».

две нефритово-зеленых фарфоровых тарелки и одну суповую миску и приложила записку, где объяснялось, что это остатки сервиза, привезенного Сэмюэлем Литтлтоном из плавания в Европу. Мэйбл также рассказала, что родная сестра Ханны Литтлтон была уникальной женщиной по тем временам: Агнес Кросби вела газетную колонку и возглавляла движение за трезвость. Томас Кросби, коллекционер индейских артефактов, продавший Женевьеве ее корзину, оказался дальним родственником Агнес: ее супруг Леонард приходился ему двоюродным прадедом, и именно от него Томас унаследовал свою злополучную коллекцию и страсть к коллекционированию.

Теперь и у Агнес в музее был свой уголок — в бывшей гостиной, где разместился зал, посвященный Ханне.

Джейн с самого начала решила, что в дополнение к постоянной экспозиции в музее будут временные выставки, так или иначе относящиеся к прежним жительницам Лейк-Гроув. Идеи этих выставок возникали у нее неожиданно. Узнав о существовании музея, пожилые жители Авадапквита и генеалоги-любители стали приносить ей старинные вещи и рассказывать истории. В частности, много любопытных слухов ходило

о сестрах Трой. Одна старая женщина, которая выросла в Авадапквите, а теперь жила в одном из соседних маленьких городков, рассказала, что муж Этель вовсе не бросил ее и не сбежал от призыва, как гласила легенда, а был пьяницей и дебоширом. Этель с Хани убили его, спрятали труп в потайной комнате на втором этаже и однажды ночью в полнолуние сбросили с утеса.

— Вот тебе и еще одно привидение, — заметила Эллисон, когда Джейн ей обо всем рассказала.

— Да уж, дом ими просто кишит, — ответила Джейн.

После отъезда Бенджамина призрак Дэйзи — а Джейн была уверена, что Бенджамину являлась именно она, — больше не появлялся. Однако всякий раз, когда Джейн приводила на работу Уолтера, тот подбегал к краю утеса, останавливался на торчащем мысу и начинал лаять, приплясывать на задних лапках и бегать кругами. Всегда в одном и том же месте. Он будто с кем-то здоровался. И хотя Уолтер лаял на все подряд, Джейн почему-то вспоминала слова Клементины: «Животные чувствуют присутствие духов».

Иногда Джейн задумывалась, появляется ли в доме дух бабушки. Ей казалось, что женщины,

которые жили здесь в разное время, общаются друг с другом. Если поразмыслить, у них было много общего. Ее бабушка и Элиза Грин мыли одни и те же окна и натирали воском одни и те же полы, только с разницей в сто лет.

Однажды на собрании анонимных алкоголиков Джейн встретила женщину лет восьмидесяти, которая знала ее бабушку.

— Мало кто ходил на собрания, когда мы только открылись, — сообщила она. — Мы с Мэри были первыми.

На первых собраниях Джейн боролась с желанием уйти. Она думала, что ей здесь не место. У остальных дела обстояли намного хуже. Одна женщина отсидела большой срок: ехала пьяной за рулем и спровоцировала аварию, в которой погибли трое, включая ее родного брата.

Но когда Джейн рассказала группе свою историю, никто не ответил: «Вы не сделали ничего такого, вам тут делать нечего». Все сочувственно кивали и понимающе морщились, как она сама, когда слушала чужие истории.

Теперь Джейн ходила на собрания четыре раза в неделю. В погожие дни совмещала собрания с пробежкой и прибегала потная, с гулко бьющимся сердцем. Иногда думала о том, что ее мать и

бабушка когда-то сидели в той же комнате и рассказывали истории о своей жизни, которых она никогда не узнает. Джейн по ним скучала. Она бы многое отдала за возможность познакомить их с дочерью.

Без пятнадцати девять к музею подъехала машина Джесси. Помощница вошла через кухню: теперь это был служебный вход.

— Там живые люди, видела? — сказала она. — Готова провести первую официальную экскурсию? Я-то знаю, тебе не терпится задушнить всех историей шейкеров.

Джейн улыбнулась:

— Точно.

Обычно они были в музее одни. Джесси исполнилось двадцать четыре года. Когда они познакомились, она работала в модной кофейне в бухте. Как-то утром протянула Джейн латте через стойку, и та заметила у нее на запястье татуировку, цитату Эмили Дикинсон: «Миг, что исчезнет навсегда, — вот сладость бытия»[52].

Джесси недавно окончила колледж Эмерсон, где изучала гендерные исследования и американскую историю. Она хотела стать писательницей.

---

[52] Примечания: 52
Пер. Михаила Абрамова.

На день рождения в девять, десять и одиннадцать лет родители возили ее в садовый домик Луизы Мэй Олкотт в Конкорде, Массачусетс.

Джейн обрадовалась, что в мире еще остались такие девушки. По крайней мере, одна. Лидия сказала, что бюджет позволяет нанять ассистентку, и Джейн тут же подумала о Джесси. На всех этапах карьеры Джейн помогали женщины, которые разглядели в ней что-то и решили дать шанс. Обычно это были те, кто всего добился самостоятельно. Тоже своего рода протекция, частный закрытый клуб, но женский. Женщин связывало отсутствие связей: поэтому они и помогали друг другу продвигаться по карьерной лестнице.

На первых порах Джейн и Джесси много путешествовали по Новой Англии, ходили по музеям и набирались вдохновения.

Одна выставка тронула Джейн до слез. Она была посвящена коренным американцам и эпигенетике, новой сфере исследований, утверждавшей, что последствия коллективной травмы — геноцида, рабства, колониализма — передаются из поколения в поколение на клеточном уровне. Коренные американцы называли это «раной души». Некоторые верили, что именно коллективная травма объясняет распространение наркома-

нии, психических заболеваний, самоубийств и сексуального насилия в сообществах коренных американцев в наши дни.

Джейн подумала: если травма действительно передается на клеточном уровне от одного организма к другому, можно ли предположить, что она оставляет след и на земле, где произошло травматичное событие? Может, отсюда и берутся сверхъестественные явления и призраки?

В Новой Англии повсюду можно было увидеть таблички и статуи в честь чего-то или кого-то, кто был здесь первым. Первая в Америке обсерватория для наблюдения за погодой, первая шоколадная фабрика, первый паб. Но до того, как на этой земле образовалось новое государство, здесь тоже что-то было. До «первых в Америке» были другие первые, но никто о них уже не помнил. В своем музее Джейн хотела донести до посетителей, что американская история — это прежде всего история коренных американцев. И как бы ее ни занимала судьба женщин, живших в Лейк-Гроув, Джейн отдавала себе отчет, что они были здесь не первыми.

В сотрудничестве с Наоми Миллер она сделала выставку о коренных американках Авадапквита и попыталась представить, как они жили. Джейн

изучала язык абенаки: Наоми сказала, что без знания языка невозможно понять, как в племенах передавалась устная история. «История» на языке абенаки называлась словом *оджмогован*, означавшим не статичное событие из прошлого, а активное и продолжающееся коллективное действие. Непрерывно развивающийся цикл, который постоянно дополнялся.

И тут Джейн нашла параллели. Она узнала, что уже несколько лет в Общине Субботнего озера проводился ежегодный фестиваль ремесел и музыки вабанаков. Шейкеры и вабанаки нашли у себя много общего и ощущали родство.

В своем стремлении рассказать более сложную, всестороннюю и полную историю Америки Джейн была не одинока. В архивной сфере тоже все постепенно менялось. Она подписалась на несколько рассылок с новостями индейской культуры и однажды увидела в почтовом ящике письмо с анонсом конференции по инклюзивному языку и исправлению архивов[53] в библиотеке

[53] Примечания: 53

Инклюзивный язык старается избегать выражений, которые определенные группы людей воспринимают как выражающие предрассудки или оскорбительные. Исправление архивов с учетом инклюзивного языка может включать, например, дисклеймеры, предупреждающие читателей, что в документах прежних лет могут содержаться оскорбительные термины и описания.

Шлезингеров.

Джейн обрадовалась и не удивилась, узнав, что Мелисса ступила на ту же территорию, что и она сама. В библиотеке Шлезингеров собрали комитет с целью оценки и изменения описательных практик, выявления предрассудков, замены неточных и оскорбительных слов и привлечения новых голосов. Если бы конференция проходила в другом месте, Джейн бы поехала. Но она не хотела встречаться с Мелиссой. По крайней мере, пока.

Джейн выглянула в окно и увидела супружескую пару за столом для пикника. Похоже, они знали, что музей открывается в девять, и дожидались открытия. Уважали правила. Они ей уже нравились.

Мужчина взял женщину за руку. Джейн ощутила укол зависти. Отвернулась и подумала о Дэвиде.

Тот навещал ее раз в пару недель. В последнее время чаще. Джейн заметила, но ничего не говорила: не хотела нарушать установившееся между ними хрупкое равновесие.

Вскоре после того, как она окончательно переехала в дом матери, Дэвид привез ее вещи из старой квартиры. Они общались по-дружески. Теперь им было незачем скандалить. Они пода-

ли на развод и рассчитывали, что все пройдет быстро. Ни у Дэвида, ни у Джейн не было никаких претензий. Она даже удивилась, как легко, оказывается, расторгнуть брак. Их ничего не связывало, кроме взаимного желания быть вместе.

Дэвид хотел, чтобы она забрала свои вещи, особенно бабушкино кресло, которое Джейн возила с собой повсюду с тех пор, как начала жить отдельно. Дэвид предложил привезти его на своей машине. Джейн представила, как он бросит все на крыльце и сбежит. Но, к ее удивлению, Дэвид позвонил в дверь. Она пригласила его зайти. Они сели в гостиной и разговорились.

Наконец Дэвид сказал, что ему пора. Но не ушел, а поцеловал ее. Они занялись сексом на диване. Строго говоря, незащищенный секс с будущим бывшим мужем через три месяца после того, как Джейн бросила пить, был довольно опрометчивым поступком. Но она всегда будет считать, что ей несказанно повезло. Ведь в тот день была зачата Мэри.

С тех пор они с Дэвидом ни разу вместе не спали. Он присутствовал при родах, и Эллисон тоже. В первые недели после рождения Мэри иногда спал на диване в детской и кормил дочь по ночам, чтобы Джейн могла отдохнуть. У нее бушевали

гормоны, уход за младенцем казался незнакомым языком, который срочно надо выучить, и, когда Дэвид уезжал, Джейн всякий раз плакала. Ей хотелось, чтобы он остался навсегда или больше не приходил.

Но постепенно она свыклась с новой жизнью. Более или менее. У них с Мэри установился свой распорядок. Представить рядом кого-то третьего было уже сложно. Когда Дэвид их навещал, Джейн уже не испытывала противоречивых эмоций. Они наслаждались компанией дочки, а когда та засыпала, сидели на веранде и делились новостями. Иногда он целовал ее на прощание, иногда нет. Предсказать это было невозможно.

Джейн чувствовала, что Дэвид все еще переваривает случившееся и пытается разобраться, что можно простить и с чем можно примириться. Они любили друг друга и прямо друг другу в этом признавались. У них родилась чудесная дочь. И даже если бы все осталось как есть, это их вполне устраивало. Когда они были женаты, ей не верилось, что у них будет обычная семья. Муж, жена и дети. А вот сценарий расставания казался вполне реальным. Но Джейн никак не могла предположить, что все сложится так, как сложилось. Совершенно непредсказуемо.

Старинные часы в фойе пробили девять. Джейн открыла парадную дверь.

Пара направилась ко входу. Джейн помахала.

На кухне зазвонил ее мобильный. И сразу перестал. Джейн решила, что Джесси его выключила. Но на самом деле та ответила, увидев имя на экране.

— Джейн! — взволнованно позвала она спустя минуту. — Это Наоми. Хочет рассказать кое-что интересное.

Благодарности

Я писала свой шестой роман много лет и в конце этого труда испытываю огромную благодарность.

Спасибо моему агенту Бреттн Блум и редактору Дженни Джексон: подруги, коллеги, я горжусь, что уже пятнадцать лет мы с вами вместе рассказываем истории.

Спасибо Риган Артур, Эмили Ридон, Марии Мэсси, Саре Игл, Лизе Сильверман, Джейсону Гобблу и всем в издательстве *Knopf* и *Vintage*. Спасибо *Book Group*. Дженни Мейер и Хайди Голл из литературного агентства Дженни Мейер. Джози Фридман из *CAA*. Кристи Хинрикс и команде *Authors Unbound*.

Шарлотте Гордон и Кристине Бейкер Клайн, чья доброта и желание помогать до сих пор меня поражают.

Спасибо моим первым читателям, давшим бесценную обратную связь: Мэрис Дайер, Тиаре Шарма, Луизе Скерри, Ди-Джей Ким, Энн Наполитано, Джеми Аттенберг, Кейт Суини Риган, Майклу Джонсону и моему мужу Кевину Джо-

ханнсену.

Спасибо всем, кто щедро делился мудростью, временем и опытом. Донна Лоринг и Джейн Эштон внимательно прочитали мой текст, помогли сформулировать мысли об истории и культуре коренных американцев и облечь их в слова. Фил Делория поделился открытиями и поддержал меня в самый важный момент. Сара Питман, как всегда в моих книгах, выступила медицинским консультантом. Люси Принц — мой главный вдохновитель, я никогда не забуду ее помощь. Спасибо Кену Маколиффу из Исторического общества Старого Йорка и Брайсу Уолдропу из Исторического общества Уэллса и Огункита за помощь, знания и проницательность. Еще одним источником вдохновения стал семинар Шэрон Силиг по первым писательницам в колледже Смит, который я посетила двадцать лет назад, и книга Силиг «Автобиография и гендер в литературе ранней современности». Другим источником вдохновения стала подготовка к моему третьему роману «Обрученные» (*The Engagements*). Тогда я часами просиживала в библиотеке Шлезингеров в 2012 году. Мне захотелось описать это уникальное место в книге. (И я прошу прощения у настоящих сотрудников библиотеки за неподо-

бающее поведение Джейн на рабочем месте, хоть оно и выдуманное.)

В этой книге описаны несколько эпизодов из истории штата Мэн. Первой книгой по этой теме, которую я прочла, была «История деревни Огункит и прочие интересные факты» Эсселин Гилман Перкинс. Это исследование подтолкнуло меня в весьма неожиданном направлении.

Моя подруга Мира Птачин помогла сконструировать главы о Клементине и Лагере Мира. Ее потрясающее документальное исследование «Между мирами» (*The In-Betweens*) переносит читателей в реально существующий Лагерь Этна в Мэне, где собираются спиритуалисты. Как-то летом Мира и ее сын Тео пригласили меня в лагерь, чтобы я все увидела своими глазами. Документальный фильм «В Лили-Дейле никто не умирает» также помог представить, как мог бы выглядеть Лагерь Мира. Я также опиралась на серию фотографий Питера Росса из Лили-Дейла и Кассадаги («Спиритуалисты, ясновидящие, медиумы и целители»).

Мне также помогли следующие книги: «На границе двух миров» Дженет Нохавец — увлекательный взгляд изнутри на работу медиума; «Бостон и золотой век спиритуализма: спири-

тические сеансы, медиумы и бессмертие» Ди Морриса — великолепное краеведческое исследование. «Пережить смерть» Лесли Кина — потрясающий источник, цитирующий множество научных исследований; именно из этой книги я узнала о работе, которая проводится в Центре перцептивных исследований Виргинского университета. (На сайте Центра вы найдете много дополнительной информации.)

В создании мира Элизы мне помогли следующие источники: «Женщины, семья и утопия: общинные эксперименты шейкеров, коммуны „Онайда“ и мормонов» Лоуренса Фостера; «Дневники Сары Джейн и Эммы Энн Фостер: год в Мэне во время Гражданской войны» под редакцией Уэйна Э. Рейли; «Дорогая подруга Анна: письма рядового из Мэна эпохи Гражданской войны» под редакцией Беверли Хэйс Кэллгрин и Джеймса Л. Краутхэмела; «Жемчужина острова Орр» Гарриет Бичер-Стоу; «Гарриет Бичер-Стоу и крушение „Ганновера“: как одно кораблекрушение в Мэне стало романом», статья Сьюзан Ф. Бигел, опубликованная в журнале «Американский литературный реализм» (2018. Зима. № 2. С. 50).

Кроме того, я обнаружила сведения о «Ганновере» на сайте Морского музея Мэна. Дополнитель-

ным источником информации о шейкерах стал документальный фильм Кена Бернса «Шейкеры: рабочие руки, Божьи сердца» и видеоматериалы и цифровые архивы Общины Субботнего озера. Я также побывала в Общине, чтобы реалистично описать это место в книге.

История экспедиции Арчибальда Пемброка и похищения четырех аборигенов с территорий нынешнего штата Мэн отсылает нас к хроникам плавания Джорджа Уэймута 1605 года, описанным в «Истории колониального Мэна 1602–1658» Генри Суитсера Берриджа, «Отчету Розьера об экспедиции Уэймута к побережью Мэна 1605 года» Джеймса Розьера и Генри Суитсера Берриджа и к книге «Гости с того берега Атлантики: американские индейцы в Британии, 1500–1776» Олдена Т. Вона.

«Похищенные черепа и украденные духи» Чипа Колуэлла — книга, которая необходима к прочтению всем, кто интересуется репатриацией и музейной культурой. Она сыграла столь важную роль в моем понимании проблемы, что я включила ее описание в текст, хотя на самом деле она вышла через два года после событий, произошедших в романе. Есть в нем еще одна хронологическая неточность: племя пенобско-

тов даровало гражданство и статус гражданина реке Пенобскот лишь в 2019 году, но я включила этот момент в книгу, потому что он превосходно иллюстрирует уважение коренных американцев к окружающей среде, которую они считают одушевленным и родственным существом.

Мое образование в сфере истории и культуры коренных американцев и борьба за независимость племен в той части света, где я выросла, — процесс длиной в жизнь, предусматривающий узнавание нового и отказ от старых стереотипов. Моими проводниками на этом пути стали великолепные книги. «Голоса Края Зари: антология литературы коренных американцев Новой Англии» под редакцией Шивон Сеньер; «Легенды, грамматика и топонимы индейцев абенаки» Генри Лорна Маста; «В тени орла: представитель племен в Мэне» Донны Лоринг; «Женщины Зари» Банни Макбрайд; «Жизнь и традиции краснокожих» Джозефа Николара; «Индейцы в Эдеме» Банни Макбрайд и Харальда Принса; «Общий котел» и «Наши любимые родственники» Лизы Брукс; «Страна памяти» Кристины Де Лусиа; «Голос зари: история племени абенаки, рассказанная им самим» Фредерика Мэтью Уайзмана; «История потерянной свирели: путеводитель по

культуре вабанаков» Керри Харди; «Игра в индейцев» Филипа Делории; «Ночь в резервации» Морган Толти; «Известные коренные американцы» Адриенн Кин; «Эпоха ремесла: артефакты и истории в создании американского мифа» Лорел Тэтчер Ульрих (спасибо Дженни Готуолс, что порекомендовала мне эту книгу).

Бесценным источником также послужили радиопередача Донны Лоринг «Окна вабанаков» и документальные фильмы: «Вабанаки: племя восходящего солнца» Аланис Обомсавин; «Мой брат река» *Sunlight Media Collective* и «Край Зари» Адама Мазо.

В первый год пандемии коронавируса музеи были закрыты, и я стала завсегдатаем онлайн-ресурсов Исторического общества Мэна и музея Аббе. Наконец месяц назад я смогла побывать в музее Аббе в офлайне, и это было очень интересно и волнительно.

Уже тринадцать лет каждое лето Ларри Рэвелсон и Эрин Кертисс разрешают нам неделю-другую пожить в своем прекрасном доме в Мэне. Эти каникулы вдохновили меня на написание двух романов. Восемь лет назад мы приехали в этот дом на выходные, и именно тогда у меня возникла идея «Утесов». С нами тогда были Майкл и Ме-

лисса Джонсон, Стюарт Нэдлер и Шеймис Бекли. Спасибо, Мелисса, что не побоялась нарушить вместе со мной границы частной собственности. Спасибо, Шеймис, что сказал то, о чем наверняка забыл через минуту. Но я запомнила твои слова, и отчасти они легли в основу этого романа.

Спасибо моей матери, М. Джойс Гэллахер, отцу, Юджину Салливану, и сестре, Кэлли Салливан. Всем Джойсам, Гэллахерам, Салливанам, Троям и Хики. Спасибо Синтии Бирон.

Мой муж Кевин — неиссякаемый источник радости, поддержки, веселых разговоров и крепкого кофе. Я иногда вспоминаю строчку из песни Джейсона Исбелла: «Когда ее муза замолкает, ты помогаешь ей тем, что исчезаешь, чтобы она вновь могла утонуть в своих грезах». Кевин знает, когда нужно исчезнуть, чтобы я вновь утонула в своих грезах, а главное, он забирает с собой наших детей.

Кстати, о детях: самая большая благодарность, конечно же, предназначается им. Лео и Стелла, вы совсем не помогали писать эту книгу, но благодаря вам наши дни полны радости.

Об авторе

Кортни Дж. Салливан — автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс»: *Commencement, Maine, The Engagements, Saints for All Occassions, Friends and Strangers*. Ее книги переведены на семнадцать языков. Сотрудничала с *New York Times Book Review, Washington Post, Chicago Tribune, New York, Real Simple, O: The Oprah Magazine*. В 2017 году написала вступительное слово к двум своим любимым классическим произведениям: «Аня из Зеленых Мезонинов» и «Маленькие женщины». Живет в Массачусетсе с мужем и двумя детьми.